Типографія А. Головачова
(см. на оборотѣ
заглавнаго листа).

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

М. В. АВДѢЕВА

ПЕТЕРБУРГЪ
1869

Вознесенскій проспектъ, д. Китнера, № 23/81.
Типографія А. Головачова

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ іюнѣ 1860 года, въ имѣніи помѣщика, статскаго совѣтника Нобелькнебеля, былъ обѣдъ. Помѣщикъ праздновалъ пріѣздъ своего сына, еще юнаго годами, но тѣмъ не менѣе тоже статскаго совѣтника: обстоятельство, которое я упоминаю потому, что не только отецъ и сынъ, но и все сосѣдство придавало этому чиновному росту большое значеніе. Нобелькнебель, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, не былъ, собственно говоря, ни помѣщикомъ, ни чиновникомъ исключительно, но былъ въ этихъ почтенныхъ званіяхъ чѣмъ-то въ родѣ амфибіи, то есть и тѣмъ, и другимъ. Онъ происходилъ отъ обрусѣвшаго благороднаго остзейскаго дома, съ-молоду служилъ въ гвардіи, имѣлъ тонкій вкусъ, изящныя манеры и рыцарскія понятія о чести. Когда онъ протеръ глаза двумъ стамъ родовыхъ

душъ, пріобрѣтенныхъ родителемъ въ Курской губерніи на память квартированія тамъ полка, которымъ недолго покомандовалъ, и особенно когда женился на изящной дѣвицѣ хорошей фамиліи съ тонкимъ вкусомъ и такимъ же, какъ оказалось, приданымъ, а до вожделѣннаго полковаго командирства было еще далеко, то практическая нѣмецкая натура сказалась. Онъ выглядѣлъ и разузналъ объ открывшейся вакансіи въ одномъ тепломъ мѣстечкѣ, перешелъ въ статскую службу и, посредствомъ протекціи нѣмцевъ, барынь и своего начальства, получилъ мѣсто предсѣдателя въ учрежденномъ по какому-то случаю въ губернскомъ городѣ Велико-Ѳедорскѣ нѣкоемъ „комитетѣ для пересмотра негодныхъ вещей“. По неисповѣдимымъ судьбамъ русскаго хозяйства, эти негодныя вещи приносили пересматривающимъ больше дохода, чѣмъ добрыя тысячи душъ, такъ что Нобелькнебель, несмотря на то, что жилъ бариномъ, пріобрѣлъ дѣйствительно тысячу душъ, воспиталъ на француженкахъ и англичанкахъ свою дочь, выдалъ ее отличнѣйшимъ образомъ замужъ, а сына помѣстилъ въ блистательнѣйшее и вновь устроенное тогда заведеніе, спеціально приготовляющее государственныхъ мужей и выпускающее ихъ на службу тѣми завѣтными ассессорскими чинами, которые во время оно составляли любимѣйшую и недосягаемую мечту пожилыхъ титулярныхъ совѣтниковъ, ѣздившихъ за этимъ сокровищемъ даже въ древнюю Колхиду. Вообще, изящные гвардейцы того времени съ тонкимъ вкусомъ и рыцарскими понятіями о чести, если не были застрахованы родительскимъ благословеніемъ, то оказывались весьма падкими къ теплымъ мѣстечкамъ и имѣли талантъ ихъ отъискивать. Да и то сказать, надо же было и удов-

летворить чѣмъ-нибудь возвышенные вкусы и тонкія требованія: такимъ господамъ преимущественно и предоставлялись въ то время эти мѣстечки.

Въ Нобелькнебелѣ была не даромъ нѣмецкая кровь: онъ счастливо соединялъ въ себѣ если не кротость, то по крайней мѣрѣ прожорливость голубя съ мудростію змія. Почуявъ новыя времена, онъ немедленно началъ поговаривать о тяжести и неблагодарности службы и незадолго до пріѣзда сына благоразумно подалъ въ отставку.

Юный Нобелькнебель не обманулъ ожиданій родителя; онъ отлично кончилъ курсъ, потолкался года два въ какомъ-то министерствѣ и, осмотрѣвшись, хоть и неопытнымъ, но отъ природы смѣтливымъ и въ училищѣ изощреннымъ взглядомъ, смекнулъ дѣла, тотчасъ же перемѣнилъ поприще и вступилъ, какъ и отецъ, тоже въ какой-то необыкновенный „комитетъ особыхъ лицъ для особенныхъ дѣлъ“. Извѣстно, что у насъ много перебывало подобныхъ комитетовъ, задуманныхъ съ одними прекрасными цѣлями, но удовлетворявшихъ другимъ, которыхъ совершенно не имѣлось въ виду при ихъ учрежденіи. Устроить такой комитетъ для себя и возсѣсть въ немъ—было, разумѣется, удѣломъ немногихъ сильныхъ бюрократовъ; но откопать подобный комитетъ, попасть въ него и направить всю его дѣятельность на собственную пользу могъ только неоспоримый бюрократическій талантъ, и Нобелькнебель младшій вполнѣ доказалъ, что владѣетъ имъ. Не безъизвѣстно также, что каждый изъ выше упомянутыхъ комитетовъ имѣлъ свою особенность. Такъ комитетъ Нобелькнебеля senior, невидный и скромный, какъ мы уже замѣтили, давалъ тысячные доходы: „не красна изба углами, красна пи-

рогами“, говорили про него провинціальные доки. Комитетъ же Нобелькнебеля junior, въ противоположность комитету Нобелькнебеля senior, не только не давалъ никакого дохода, но отличался такимъ классическимъ безкорыстіемъ, что чиновники его писали, на дому даже, дѣловыя записки на собственной бумагѣ, собственными перьями, не имѣя и въ помыслѣ взять то и другое у экзекутора. Безкорыстіе это простиралось до того, что бѣднаго экзекутора разъ чуть не выгнали изъ службы за то, что онъ осмѣлился предложить одному юному Аристиду стклянку англійскихъ чернилъ для его употребленія. Отличались они еще и необычайно строгимъ исполненіемъ всѣхъ малѣйшихъ мелочей и формальностей канцелярскихъ установленій и въ этомъ случаѣ съ зоркостью Аргуса слѣдили другъ за другомъ. Вслѣдствіе сего, всякаго просителя или ходатая они донимали своимъ безкорыстіемъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей хуже всякаго взяточника и дѣлали это съ нѣкоторымъ злорадствомъ, какъ будто природа ихъ мстила за свое извращеніе и говорила: „Ну да! мы безкорыстны, такъ на же вотъ тебѣ за наше безкорыстіе! не доставайся же оно даромъ!“ А когда являлся простакъ, который, видя ихъ придирки, предлагалъ имъ въ простотѣ душевной мзду, то если не было возможности за сіе упечь его подъ судъ, бывало творимо столько чернильной пакости, хотя бы его дѣло было бѣлѣе воротничковъ ихъ сорочекъ, что усомниться въ безкорыстіи юныхъ администраторовъ не было никакой человѣческой возможности.

Но зато комитетъ этотъ, — помимо того, что въ немъ столоначальники получали, подъ видомъ столовыхъ и

квартирныхъ, генеральскіе оклады,—имѣлъ еще то достоинство, что счастливцы, въ немъ служащіе, переносились съ чина на чинъ съ поразительною быстротою. Въ силу этого обстоятельства юный Нобелькнебель 28-ми лѣтъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ и смотрѣлъ въ дѣйствительные.

Изъ себя юный Нобелькнебель былъ высокаго роста, худъ, съ продолговатымъ лицомъ, такимъ же высокимъ живописно изогнутымъ и гладко обтянутымъ кожей носомъ, лобъ у него былъ узкій, закинутый назадъ, волосы носилъ съ англійскимъ проборомъ и имѣлъ тѣ отмѣнно вѣжливыя манеры, которыя говорятъ: „ты де, свинья, не забудь, что я тебѣ не чета!“

Пріѣздъ на каникулярное время этого разцвѣтающаго администратора и праздновалъ его родитель въ своемъ имѣніи.

Послѣ обѣда хозяинъ-отецъ, вообще весьма гостепріимный, но по своему изящному вкусу нѣсколько морщившійся отъ общества разнаго залежавшагося по деревнямъ хлама, предоставилъ не очень изящное большинство заботамъ сына, а самъ устроилъ аристократическую партію и сѣлъ ее доигрывать въ гостиной; дамы скучились около хозяйки, а большая часть гостей, любящихъ, особенно послѣ обѣда, просторъ и разстегнутость, отправились въ кабинетъ, раскинулись на мягкой мебели, пили кофе и чай и курили неистово. Гости эти были преимущественно заматерѣлые и недвигавшіеся изъ предѣловъ родной губерніи помѣщики и уѣздные чиновники разной масти и статей, средняго возраста, холерическаго темперамента—съ чернью и въ кучѣ, меланхолическаго—со старшими и въ разсыпную. Былъ

приглашенъ и сельскій священникъ человѣкъ грубоватый, стертый, не вступавшій ни въ какіе разговоры и на вопросы, куритъ ли онъ и пьетъ ли чай съ ромомъ, отвѣчавшій: „дерзаю". Духовный отецъ удивлялся, кажется, всего болѣе тому, что видѣлъ себя въ этомъ обществѣ и вѣрно никогда недогадается, что онъ былъ этимъ обязанъ тому обстоятельству, что предсѣдатель комитета и непосредственный начальникъ юнаго Нобелькнебеля, человѣкъ игриваго свойства, не могущій безъ трепета и улыбки видѣть легкаго пола, вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимымъ выказывать величайшую набожность и крестился, снимая шляпу, передъ каждой церковью.

Юный Нобелькнебель занялся дамами, гости были предоставлены себѣ и вниманіе ихъ сосредоточилось на молодомъ человѣкѣ, рѣзко отличавшемся своей ловко сшитой и красивой одеждой отъ черезчуръ широкихъ или узкихъ, затрапезнаго вида и чистоты, одѣяній уѣздныхъ аборигеновъ.

Молодой человѣкъ былъ хорошаго средняго роста, ладенъ станомъ, хотя худощавъ и нервенъ, съ хорошо развитымъ лбомъ, и пріятнымъ лицомъ, съ сѣрыми умными глазами. Вообще онъ имѣлъ русскій типъ, что у насъ между высшими сословіями встрѣчается не очень часто, и былъ, какъ иногда говорится въ паспортахъ, „изъ себя чистъ", что доказывало здоровую кровь. Лицо его, мягкихъ и добродушныхъ очертаній, какъ и всѣ русскія лица, можно бы было упрекнуть въ недостаткѣ рѣзкаго выраженія, еслибы подвижность мускуловъ около глазъ и оконечностей рта не отражала легко и по изволу самые тонкіе оттѣнки его мысли и не при-

давала ему множества разнообразныхъ выраженій. Такова впрочемъ у насъ вся русская природа: небольшія и мягко очерченныя горы, мелкій листъ на деревьяхъ, блѣдный цвѣтъ неба, а все вмѣстѣ имѣетъ свою особливую выразительность и если не поражаетъ сильно и рѣзко, то тѣмъ не менѣе глубоко дѣйствуетъ на воспріимчивую натуру.

Впрочемъ видно было, что жизнь не проложила еще на лицѣ молодаго человѣка своихъ опредѣленныхъ и рѣзкихъ линій, и только рядъ небольшихъ отвѣсныхъ морщинокъ на лбу, набѣгавшій на него въ серьезныя минуты, выказывалъ привычку вдумываться въ вещи и не принимать ихъ слегка. Молодой человѣкъ, про котораго мы говоримъ, былъ мѣстный помѣщикъ, назывался Дмитріемъ Петровичемъ Камышлинцевымъ, только-что возвратился изъ за-границы и носилъ—что тогда было еще рѣдко—бороду, мягко и курчаво обложившую его свѣжее лицо.

Гости, знавшіе другъ друга до мозга костей, были рады лицу, котораго давно не видали и которое нѣкоторымъ образомъ обновляло ихъ затрапезную жизнь. Они занимались исключительно имъ. Сначала обзоръ производился съ наружности. Люди, еще не сдѣлавшіеся окончательно равнодушными къ своей наружной отдѣлкѣ, спрашивали Камышлинцева: гдѣ онъ заказывалъ платье и что оно стоитъ, причемъ удивлялись доброкачественности матерій и относительной дешевизнѣ, а другіе, люди экономные и уже равнодушные къ безплодной внѣшности, заключили, что это по пустякамъ брошенныя деньги, что можно бы и попроще.

— Вотъ у меня ластиковый сюртукъ,—говорилъ одинъ сбстоятельный господинъ, — по 40 копѣекъ, аршинъ, а отливаетъ точно аглицкое сукно.

— Особенно, какъ замаслится, — замѣтилъ саркастически человѣкъ болѣе современный.

Одинъ добродѣтельный старецъ, знавшій Камышлинцева съ дѣтства, не могъ простить ему, что онъ отпустилъ бороду, и въ третій разъ приставалъ къ нему.

— Нѣтъ, скажи, зачѣмъ ты бороду отпустилъ? Что это мода что-ли такая пошла?

— Мода!—отвѣчалъ Камышлинцевъ усмѣхаясь:— съ нашихъ крестьянъ взята.

— Они же нынче и у насъ въ ходъ пошли, — замѣтилъ другой, намекая на слухи объ освобожденіи.

— Такъ ужь, чтобы было больше сходства, и жителей надо бы туда напустить, присовокупилъ раздражительный, мрачнаго вида господинъ, весь поросшій волосомъ.

Камышлинцевъ не счелъ нужнымъ отвѣчать ему.

— Ну, а лучше ходить съ этакой щетиной, какъ у васъ, — возражалъ за Камышлинцева болѣе современный человѣкъ:—вѣдь на Кавказѣ въ такихъ камышахъ не только насѣкомыя, кабаны водятся!

Большинство расхохоталось тучнымъ и широко-груднымъ смѣхомъ.

— Что, господа, это все вздоръ, — сказалъ одинъ помѣщикъ, считавшійся въ своемъ кругу большимъ политикомъ и имѣвшій даръ угадывать всѣ сокровенные помыслы великихъ дѣятелей по „Московскимъ Вѣдомостямъ“, единственной печатной вещи, имъ читаемой.

— А разскажите-ка намъ, Дмитрій Петровичъ, что за границей подѣлывается? ну что Наполеонъ? — спросилъ онъ.

— Да прибралъ такъ къ рукамъ французовъ, что говорятъ въ нынѣшней Франціи не узнаешь прежней, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Вотъ молодецъ! такъ ихъ и надо, подлецовъ, а то у нихъ умъ за разумъ зашелъ: они чортъ знаетъ чего не затѣвали, — замѣтилъ мрачный и весь поросшій волосомъ господинъ.

— Однако все-таки Наполеонъ — умная бестія! — замѣтилъ политикъ, сложилъ руки на груди, насупилъ брови и, изобразивъ Наполеона 1-го, какъ рисуютъ его на скалѣ Св. Елены, продолжалъ басомъ, не обращая вниманія на то, что изображалъ дядю вмѣсто племянника: — „вы, говоритъ, друзья мои, пойте и веселитесь, а дѣла предоставьте мнѣ и въ нихъ прошу не вмѣшиваться. Можете, говоритъ, скуки ради, языкомъ поболтать въ парламентѣ,“ безъ этого нельзя — замѣтилъ онъ своимъ голосомъ — онъ знаетъ французовъ, что они не могутъ жить безъ болтовни, „можете, говоритъ, поболтать и болтайте себѣ, а въ дѣла ни-ни! Иначе, видите вы, говоритъ, это? — и показываетъ на тотъ берегъ, на Англію. У нея Пальместронъ (Наполеонъ, по мнѣнію политика, почему-то находилъ удобнѣе называть Пальмерстона Пальместрономъ), у нея Пальместронъ на часахъ и она не дремлетъ, а Пальместрона кромѣ меня никто не проведетъ!“

— Ну нѣтъ! французы молодцы! французы не то, что англичане: вотъ тѣ, такъ скоты совершенные! А французъ ничего! Французъ — добрый, веселый малый;

у насъ и солдаты ихъ любятъ и нынче въ Крыму — дрались жестоко, а чуть перемиріе, сейчасъ и бонжуръ мусьё и за панибрата,—возразилъ другой гость, болѣе общительнаго свойства.

— Да, Пальместронъ тоже у-у какая протоканалья!— замѣтили съ единогласнымъ одобреніемъ многіе.

— Ну, говоритъ, а я, говоритъ, и Пальместрона надую и мы ему отплатимъ старые долги! А французамъ, — заключилъ политикъ отъ себя, — стоитъ только показать на англичанъ и дѣлай съ ними что хочешь: ненавидятъ рыжихъ! „Виватъ, Наполеонъ", говорятъ, „дѣлай что хочешь, только бы англичанамъ бока помять!" ну онъ и дѣлаетъ!

— Вы, можетъ-быть, вѣрно изобразили Наполеоновскую политику, — смѣясь замѣтилъ Камышлинцевъ, — только Луи-Наполеонъ ее не высказывалъ, да онъ и вообще говорить не любитъ, а все дѣлаетъ молча.

— Молча?—переспросилъ политикъ.

— Да, онъ большей частью молчитъ, а когда и говоритъ, то какъ древніе оракулы, понимай, какъ хочешь: „молчаливый сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ", какъ мѣтко назвалъ его Герценъ.

— Какъ? какъ?—послышились голоса.

— Молчиливый сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ: онъ усы вотъ такъ носитъ, точно карандашъ во рту,—и Камышлинцевъ показалъ на своихъ усахъ.

— Что такое свинксъ,—спросилъ тихо одинъ гость у другаго, недоучившагося когда-то въ кадетскомъ корпусѣ.

— Статуи, звѣриное туловище съ человѣческой головой, въ Петербургѣ на набережной стоятъ, изъ Египта привезены,—отвѣчалъ въ полголоса тотъ.

— Что такое фидибусы,—спросилъ третій у четвертаго, недоучившагося когда-то въ университетѣ.

— Бумажки такія длинныя, свернутыя трубочкой, трубки закуривать,—покровительственно отвѣтилъ тотъ, сознавая все превосходство собственныхъ познаній.

— Сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ!—повторилъ политикъ.—Мѣтко сказано. А кто этотъ господинъ Герцынъ?

Камышлинцевъ объяснилъ имъ.

— Однакожъ позвольте! — возразилъ политикъ,— какъ же позволить себѣ выражаться такъ хоть бы о Наполеонѣ? Я понимаю, если это было сказано тогда, когда мы были съ нимъ въ войнѣ: тогда со стороны господина Герцына это было бы дѣло похвальнаго патріотизма; но Англія? Англія была съ Наполеономъ за-одно, какъ же она дозволила такъ выражаться о своемъ союзникѣ? Вѣдь это могло навлечь большія непріятности? Вѣдь тутъ порохомъ могло кончиться! А ну какъ Наполеонъ скажетъ,—и тутъ политикъ опять сложилъ руки на груди и началъ басомъ, который всегда употреблялъ для передачи словъ великихъ особъ, полагая, вѣроятно, что они не могутъ говорить обыкновеннымъ голосомъ,—ну какъ онъ скажетъ имъ: „Я вашъ вѣрный союзникъ! Недавно мы вмѣстѣ съ вами сокрушали твердыни неприступнаго Севастополя,—а теперь вы позволяете выражаться обо мнѣ неприличнымъ образомъ—и кому же? добро бы своему же брату, англичанину — а то выходцу той самой Россіи, противъ которой мы вмѣстѣ проливали кровь?“ Что тогда Пальместронъ долженъ отвѣчать ему?

— Да отвѣтитъ, — улыбаясь сказалъ Камышлинцевъ,—что въ Англіи нѣтъ цензуры, а каждый пишетъ что хочетъ и самъ за себя отвѣчаетъ.

— Какъ? всякій можетъ бранить высокія лица или осуждать правительственныя дѣйствія и за это ничего ему не будетъ?

— Нѣтъ! если кто оскорбленъ, тотъ можетъ жаловаться суду, а правительственныя дѣйствія обсуждай какъ хочешь? Да и министры тамъ не обидчивы, не только на нихъ, и на королеву карикатуры безпрестанно являются.

— Это чортъ знаетъ что! но положимъ, Англія это и терпитъ у себя, но Россія можетъ взыскать съ своего подданнаго.

— Англія не выдаетъ политическихъ преступниковъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Такъ господинъ Герцынъ и пишетъ тамъ, что хочетъ?—спросилъ политикъ съ недоумѣніемъ.

— И пишетъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ и разсказалъ имъ нѣсколько анекдотовъ, вычитанныхъ имъ заграницей въ „Колоколѣ“.

Слушатели безмолвствовали, какъ народъ въ „Борисѣ Годуновѣ“.

— Какъ же это позволяютъ? это чортъ знаетъ что!—воскликнули многіе.

— А умная должна быть шельма этотъ Герцынъ!—замѣтилъ наконецъ одинъ.

— Вы съ нимъ незнакомы?—спросилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ, я въ Англіи не былъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

Въ это время вошелъ Нобелькнебель младшій.

— Вы говорите, кажется, о Герценѣ, — спросилъ онъ, услыхавъ конецъ разговора.

— Да, дивныя вотъ вещи разсказываетъ Дмитрій Петровичъ,—сказалъ политикъ, показывая на Камышлинцева и весьма довольный, что можетъ отъ достовѣрнаго человѣка узнать, не морочитъ ли или—какъ выражаются у насъ объ обыкновеніи, весьма любимомъ въ прежнее время—не вышучиваетъ ли домосѣдовъ пріѣзжій господинъ.—Дивныя вещи разсказываетъ Дмитрій Петровичъ! Какой-то русскій господинъ Герцынъ набѣдокурилъ что-то знаете по этой части (политикъ подмигнулъ и кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ предполагалъ Петербургъ), бѣжалъ въ Англію и тамъ завелъ русскую газету, пишетъ въ ней что хочетъ, отзывается непочтительно о высокихъ особахъ,—положимъ хоть и не русскихъ,— и ему ничего сдѣлать не могутъ! Англія не выдаетъ!

— Да-съ! — наставительно отвѣчалъ Григорій Нобелькнебель, консерваторъ и поклонникъ Англіи.—Государственный строй Англіи сложился и выработался такъ своеобразно, что намъ въ немъ многое должно казаться страннымъ и даже предосудительнымъ. Печать, напримѣръ, достигла въ ней полной свободы и конечно представляетъ нѣкоторыя непріятныя стороны. Но тамъ цензуру замѣняетъ высокая общественная нравственность, которая не терпитъ ничего предосудительнаго и выходящаго за предѣлы приличія. Конечно, „Колоколъ“ представляетъ печальное явленіе, но это оттого, что онъ издается на языкѣ англійскому обществу непонятномъ, иначе оно подавило бы его своимъ презрѣніемъ.

—А дѣйствительно хлестко пишетъ этотъ Герцынъ?— спросилъ одинъ изъ гостей.

— Да, у него перо очень острое и, — прибавилъ Нобелькнебель, понизивъ голосъ,—между нами сказать, это былъ бы опасный бичъ для нѣкоторыхъ господъ изъ нашей высшей бюрократіи, еслибы онъ осуждалъ только нѣкоторыя злоупотребленія, а не развивалъ нелѣпыя и въ высшей степени вредныя соціальныя идеи!

— Завирается значитъ: умъ за разумъ зашелъ!—пояснилъ господинъ свирѣпаго вида.

— Однакожъ знаете, Григорій Өедоровичъ,—замѣтилъ политикъ,—что вы тамъ ни говорите о свободѣ печати и силѣ общественнаго мнѣнія, а я твердо убѣжденъ, что Англія этимъ только прикрывается, а держитъ подобныхъ господъ изъ злорадства, чтобы насолить другимъ державамъ, да поселить въ нихъ смуты. Когда захотѣть, такъ какъ не заставить замолчать! Ну положимъ, законно или гласно этого нельзя, такъ на это есть другіе способы! Ну министръ, или начальникъ тайной полиціи, или хоть генералъ-губернаторъ придерется къ чему-нибудь, призоветъ г. Герцына къ себѣ въ кабинетъ, да такую головомойку задастъ, что тотъ и внукамъ своимъ дастъ завѣщаніе пера въ руки не брать.

— Ну нѣтъ-съ! Тамъ этого нельзя,—нѣсколько обидѣвшись за Англію, замѣтилъ Нобелькнебель;—тамъ нѣтъ административныхъ наказаній, тамъ всякій отвѣчаетъ только передъ судомъ и закономъ, а судъ не испорченъ той страшной язвой взяточничества, которая разъѣдаетъ нашу юстицію.

— Э, полноте, почтеннѣйшій Григорій Өедоровичъ!— задобривающимъ голосомъ сказалъ политикъ и ласка-

тельно потрепалъ по бокамъ Нобелькнебеля, какъ-бы выпрашивая его допустить въ Англіи мѣры административной распорядительности и уклоненіе отъ закона.— Полноте! развѣ мы не знаемъ, что такое законъ? Вѣдь законъ-то люди исполняютъ! Припретъ генералъ-губернаторъ дверь, да скажетъ: „Вы, ми-ло-сти-вый гу-су-дарь (политикъ прищурилъ глаза, сжалъ губы и изобразилъ изъ себя разсвирѣпѣвшаго человѣка, который грозитъ пальцемъ чуть не касаясь носа провинившагося), вы у меня на законъ не ссылайтесь! я васъ безъ закона туда пошлю, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ! Вы у меня въ Индіи мѣста не сыщете!“ —энергически крикнулъ политикъ, и ропотъ одобренія пронесся по комнатѣ.

— Разумѣется! ну конечно! такую пудру задастъ, что до седьмыхъ вѣниковъ не забудетъ! А тамъ судись послѣ съ нимъ!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да! дерзнетъ!--замѣтилъ діаконъ своему сосѣду.

Нобелькнебель и Камышлинцевъ разсмѣялись и не сочли нужнымъ возражать, чѣмъ еще болѣе убѣдили всѣхъ въ справедливости заключенія.

— Да вотъ, вы говорите, свобода печати! у насъ, напримѣръ! цензура есть, а пишутъ — замѣтилъ одинъ господинъ — такія вещи, что ну-ну-ну! А еще цензора! Чего они смотрятъ? Недавно одного становаго такъ отдѣлали, что просто я вамъ скажу въ республикѣ этакъ не отдѣлаютъ!

— Да чего ужъ тутъ до смысла, — замѣтилъ другой, — хоть бы грамматикой господа цензора занялись! недавно мнѣ попалась у меня въ прихожей книженка, — мальчишка у меня эдакой есть литераторъ, все книжки читаетъ, — прибавилъ онъ иронически, — заглянулъ

я въ нее, чортъ знаетъ, что за безграмотность! А разсмотрѣна цензоромъ! Нѣтъ, коль ты цензоръ, такъ исправь, какъ слѣдуетъ: — вѣдь они, говорятъ, предсѣдательское жалованье получаютъ. А то экая штука подписать: „печатать дозволяется, представить столько-то экземпляровъ“ — это и я могу подписать!

— А ну ее Англію и печать, — сказалъ одинъ молчавшій доселѣ смышленаго вида господинъ, — разскажите-ка лучше господа, что министры? не слышно ли какихъ перемѣнъ?

— Ну это не по моей части, я съ министрами не знакомъ, — сказалъ Камышлинцевъ.

— Ничего особеннаго, — отвѣчалъ Нобелькнебель. Государь изволилъ выѣхать за границу.

— Да, это есть въ вѣдомостяхъ замѣтилъ политикъ: изволилъ выѣхать по Варшавскому тракту.

— Ну, а какъ это дѣло? — таинственно рѣшился спросить смышленый господинъ. Онъ осмотрѣлся и, удостовѣрившись, что никто изъ прислуги не слышитъ, прибавилъ: — насчетъ освобожденія?

— О какомъ освобожденіи вы изволите говорить? — отмѣнно вѣжливо, но нѣсколько строго спросилъ Нобелькнебель.

У бѣднаго помѣщика мурашки пробѣжали по спинѣ.

— Извините, я можетъ-быть не такъ выразился, — покраснѣвъ продолжалъ онъ, — но общій говоръ и притомъ отзывъ всего дворянства насчетъ этой эманципаціи крестьянъ..., — помѣщикъ не окончивъ остановился.

— Никакой эмансипаціи не будетъ и никакого освобожденія правительство не имѣетъ въ виду, — внушительно и ясно сказалъ Нобелькнебель, — по крайней

мѣрѣ насколько мнѣ это извѣстно: а я полагаю, что имѣю случай довольно близко знать обстоятельства дѣла... — онъ пріостановился, сбираясь чихнуть и ища платка въ карманѣ.

Слушатели всѣ замерли отъ вниманія и проникнулись высокимъ мнѣніемъ о юномъ государственномъ мужѣ.

— Кому же знать, помилуйте! — замѣтили нѣкоторые.

— Дѣйствительно! — высморкавшись продолжалъ ораторъ—есть рѣчь о желаніи правительства у-луч-шить бытъ крестьянъ (Нобелькнебель растягивалъ слова и очевидно желалъ придать имъ вѣскость). Объ этомъ улучшеніи быта собираются свѣдѣнія и обсуживаются мѣры, но улучшеніе быта крестьянъ не есть освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ мечтаютъ и желали бы сдѣлать нѣкоторые юные утописты, не имѣющіе понятія о складѣ русской жизни и потребностяхъ государства. Нарушать учрежденіе, вызванное высокою государственной необходимостью, вслѣдствіе особаго положенія нашего отечества,—учрежденіе, которое легло въ основу всего строя нашей жизни,—ломать и уничтожать такое учрежденіе—это значило бы потрясти все зданіе! этого нельзя-съ! этого могутъ желать наши враги, но никто, любящій свое отечество и понимающій его потребности, этого желать не долженъ и не будетъ-съ!

Нобелькнебель говорилъ съ горячностью и самъ себя заслушивался.

— Конечно! совершенно справедливо,—послышались голоса со всѣхъ сторонъ,—это будетъ такое потрясеніе, что избави Богъ.

— Извините господа,—сказалъ вставая Камышлинцевъ и лицо его нѣсколько зарумянилось,—я съ вами

не совсѣмъ согласенъ. Крестьянскій вопросъ дѣйствительно лежитъ основнымъ камнемъ въ нашей государственной жизни и по этому самому долженъ быть рѣшенъ окончательно и — сколько я понимаю, сколько слышалъ наконецъ — таково въ самомъ дѣлѣ намѣреніе правительства. Я знаю, есть въ Петербургѣ партія, которая противодѣйствуетъ этому намѣренію, но едва ли ей удастся остановить или исказить его: противъ нея сила вещей и самая могучая воля въ Россіи. Вы, Григорій Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, — такъ положительно увѣряете въ противномъ потому, что слѣдуете мнѣнію вашего начальника, который, говорятъ, кричитъ по Петербургу противъ освобожденія и желалъ бы затормозить дѣло, но онъ и его партія кажется напрасно надсаживаютъ грудь! Поэтому, утверждая, что дѣло кончится какимъ-то улучшеніемъ быта, вы рискуете ввести въ заблужденіе людей, которымъ не близко извѣстенъ ходъ дѣла.

Слушатели пришли въ смущеніе и не знали кому вѣрить.

— Если я это утверждаю, значитъ имѣю на это основательныя причины! — наставительно сказалъ Нобельнебель Камышлинцеву. — Да! — подтвердилъ онъ, утвердительно кивнувъ головой. — Повторяю, господа, — продолжалъ молодой хозяинъ, обращаясь къ гостямъ, — что дѣло идетъ объ улучшеніи быта крестьянъ и этимъ оно ограничится. Мнѣ это извѣстно положительно.

— Да? — спросилъ, прищуривъ глаза, Камышлинцевъ.

Нобельнебель еще разъ молча многозначительно кивнулъ ему головой. Камышлинцевъ задумался. — Впро-

чемъ все можетъ статься, — сказалъ онъ, пожавъ плечами, и, нахмурившись, повернулся, отворилъ стеклянную дверь и вышелъ въ садъ.

Получивъ такое положительное подтвержденіе отрадной для себѣ вѣсти, слушатели встрепенулись и вдругъ почувствовали въ себѣ силу и самоувѣренность несокрушимыя. Вставъ съ мѣстъ и скучившись около молодаго хозяина, всѣ увѣряли другъ друга, а въ тоже самое время и самихъ себя, что иначе и быть не можетъ. Доказательства во множествѣ были приводимы необыкновенно сильныя и тѣмъ болѣе казались неопровержимыми, что никто ихъ не думалъ опровергать: хоръ пѣлъ въ унисонъ. Тутъ было говорено и о неприкосновенности собственности, и о священныхъ правахъ дворянства, и о томъ, что крестьянъ, какъ дѣтей, нельзя предоставить самимъ себѣ и что безъ благодѣтельнаго надзора помѣщика они развратятся и пропадутъ. Нѣкоторые пошли далѣе и замѣтили, что и улучшать бытъ крестьянъ нечего, потому что этотъ бытъ ничего не оставляетъ желать лучшаго; а когда Нобелькнебель повѣдалъ обществу о существованіи въ западныхъ государствахъ пролетаріата, положеніе котораго несравненно бѣдственнѣе, то собраніе пришло въ нѣкотораго рода восторгъ и у иныхъ отъ умиленія показались даже слезы на глазахъ. Затѣмъ рѣчь пошла вообще о благоденствіи и раздольѣ нашего отечества. При этомъ особенное удовольствіе доставило сравненіе необъятнаго пространства его съ пространствами другихъ странъ и огромность нашего войска въ сравненіи съ иностранными. Упоминаніе о мелкихъ нѣмецкихъ княжествахъ съ тремя съ половиной солдатами возбудило гомерическій хохотъ. Вообще всѣ пришли къ

*

заключенію, что у насъ, благодареніе Богу, все идетъ прекрасно и не нужно намъ никакихъ иноземныхъ улучшеній: надъ всякой вещью у насъ есть свой начальникъ, и мирный гражданинъ, не обязанный ни о чемъ заботиться, можетъ за нимъ спать спокойно; а еслибы нужно еще поощрить кого, то это классъ помѣщиковъ, который то посвящаетъ себя служенію престолу, то, отслуживъ, непрестанно долженъ пещись о благоденствіи крестьянства и пріобрѣтеніи средствъ къ жизни, для того, чтобы достойно поддержать славу русскаго гостепріимства, для чего вынужденъ часто входить въ долги и даже продавать свои имѣнія.

Разговоръ, коснувшись восхваленія горячо любимаго нами отечества и своего сословія насчетъ другихъ странъ и разныхъ забавныхъ нѣмцевъ, могъ бы продолжаться до безконечности, но одинъ молчаливый, тучнаго и угрюмаго вида господинъ, давно поглядывавшій на лежащія крестикомъ на игорномъ столѣ колоды картъ, не выдержалъ и, подойдя къ столу, замѣтилъ, что чѣмъ говорить о пустякахъ, лучше бы заняться дѣломъ. Предложеніе это было принято утомленными отъ глубокихъ соображеній ораторами съ единогласнымъ одобреніемъ. Молодой хозяинъ, самъ весьма любившій коммерческія игры, поспѣшно исполнилъ желаніе гостей и съ свойственной ему изысканной вѣжливостью поднесъ каждому карту, не обойдя и діакона, который на вопросъ, играетъ ли, скромно отвѣчалъ: „дерзаю.“ Но какъ по справкѣ оказалось, что онъ играетъ не на деньги, а такъ только, на шереметевскій счетъ, то партнеровъ ему не оказалось и онъ остался „посмотрѣть“. И затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, за каждымъ столомъ водрузи-

лось по три или по четыре бойца и всѣ, за исключеніемъ діакона, предались тому мирному занятію, которое у насъ не только —

Юношей питаетъ,
Отраду старцамъ подаетъ,

но, можетъ быть, спасаетъ Россію отъ политическихъ треволненій, ибо поглощаетъ весь избытокъ свободнаго времени такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, который они безъ сего благодѣтельнаго изобрѣтенія рѣшительно не знали бы куда дѣвать.

II.

Камышлинцевъ, выйдя въ садъ, прошелъ задумавшись по длинной, тѣнистой липовой аллеѣ, вплоть до конца, повернулъ въ другую, ей параллельную, которая шла обратно къ дому, и, дойдя по ней до террасы, безотчетно поднялся по отлогимъ ступенямъ и вошелъ въ растворенныя широкія двери. Комната, въ которую онъ вступилъ, была большая, прохладная гостиная. Высокія окна ея, выходящія на террасу, были закрыты синими сторами, направо отъ входа былъ раскинутый карточный столъ и за нимъ сидѣло четверо играющихъ, влѣво другой столъ, который ждалъ игроковъ. Играющіе были: уѣздный предводитель, высокій, толстый и рыжій, вслѣдствіе жиру и важности неговорящій, а только мычащій, онъ и выбранъ былъ преимущественно за эту наружность: „представителенъ де“, — потомъ Мытищевъ старшій, старикъ лѣтъ 70-ти, высокій, худой, со-

гнутый, со всклоноченными бѣлыми какъ лунь волосами и впалыми, но проницательными глазами: несмотря на лѣтнее время онъ былъ въ бархатныхъ полусапожкахъ, — далѣе братъ его, человѣкъ лѣтъ 50-ти, съ темными, съ сильной просѣдью какъ хорошій боберъ, и гладко причесанными волосами, благообразнымъ, правильнымъ лицомъ и исполненнымъ достоинства спокойнымъ обращеніемъ: онъ былъ женатъ на дочери Нобелькнебеля, — наконецъ самъ Нобелькнебель, пожилой, но еще статный человѣкъ, съ нѣсколько отекшимъ лицомъ, манерами избалованнаго барина, въ тончайшемъ бѣльѣ и шармеровскомъ платьѣ; казалось, это былъ милѣйшій и безпечнѣйшій пожилой джентльменъ, еслибы иногда взглядъ его, смышленый и холодный, не выдавалъ энергическую, въ дѣлѣ пріобрѣтенія, натуру обрусѣвшаго нѣмца.

По другую сторону двери у боковой стѣны стоялъ диванъ со столомъ и нѣсколько покойныхъ креселъ, окруженныхъ деревьями и цвѣтами: тутъ размѣстилось дамское общество, именно: сама госпожа Нобелькнебель, дама русская, широкихъ размѣровъ, считавшая въ своемъ родѣ какого-то князя изъ казанскихъ татаръ и имѣвшая, вслѣдствіе этого, притязаніе на аристократизмъ; дочь ея, лѣтъ 22-хъ, что была замужемъ за Мытищевымъ, невысокая, но стройная, прелестная женщина съ нѣжными чертами лица и свѣтло-пепельными волосами, которые вились колечками на лбу и были такъ взбиты сверху, что мягкимъ и пушистымъ оваломъ ложились вокругъ головки. Она была изящно одѣта, какъ умѣютъ одѣваться только хорошенькія женщины съ тонкимъ вкусомъ.

Мытищева совсѣмъ не походила ни на кого изъ своихъ близкихъ, у нея были темные глаза, мягкіе и умѣющіе смѣяться, съ темными же бровями, что при свѣтло-пепельныхъ волосахъ придавало лицу чрезвычайно красивую тѣнь. Лицо это съ небольшимъ прямымъ носикомъ и маленькимъ ртомъ было необыкновенно мило и оживленно и вся она, нѣжная, легкая, граціозная, была полна той особенной прелести, которую мы называемъ женственностью.

Третьей собесѣдницей была дѣвушка лѣтъ 18-ти, высокая, стройная, съ овальнымъ красивымъ лицомъ, умными карими глазами, пушистыми, темными дугой бровями и энергическимъ выгибомъ переносья надъ небольшимъ прямымъ и смѣлымъ носомъ. Она была гладко причесана, одѣта просто, но ловко, въ ея румяномъ лицѣ и свѣжемъ станѣ было видно много здоровой крови, но вся ея наружность, красивая, стройная и простая, теряла нѣсколько отъ сближенія съ Мытищевой: она была какъ-то жестка, не было въ ней того нѣжнаго, затрогивающаго, женственнаго, что было въ Мытищевой. Дѣвушка эта была дочь небогатаго, добродушнаго помѣщика, сосѣда Нобелькнебеля; она была расторопна, свѣдуща въ хозяйствѣ, и Дарья Степановна всегда приглашала ее, когда у нея были гости: она ей помогала принимать и вообще исполняла должность чиновника особыхъ порученій. Она понимала, для чего ее зовутъ, и никогда бы не принимала приглашенія, но отецъ ея считалъ это за большую честь и удовольствіе и всегда настаивалъ, чтобы дочь выѣзжала съ нимъ. Съ Мытищевой онѣ были хороши, но кажется мало симпатизировали другъ другу: между ними не было ни-

чего общаго. Называлась она Анна Ивановна Барсукова.

Камышлинцевъ подошелъ къ играющимъ.

— Ну что, какъ везетъ? — спросилъ онъ старика Мытищева.

— Видите, всѣ съ дышломъ, — отвѣчалъ тотъ сердито.

Камышлинцевъ подошелъ къ женщинамъ.

— Что вы не играете? — спросила г-жа Нобелькнебель, не хотите ли въ мою партію?

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — вы знаете, я съ барынями не люблю играть въ карты, да и вообще сегодня не расположенъ играть.

— Я думала, что вы изъ-заграницы воротились любезнѣе, — сказала хозяйка, нисколько впрочемъ не сердясь за откровенность. — А что тамъ, садятся?

— Нѣтъ еще.

— Пойти однако найти себѣ кого-нибудь, а то пожалуй и безъ партіи останемся!

И затѣмъ она вышла, но вскорѣ возвратилась, ведя за собой двоихъ партнеровъ, и водрузилась съ ними за приготовленнымъ уже столомъ. Въ-четверомъ она не любила играть въ преферансъ, говоря, что сдающій попусту время тратитъ, сидя безъ игры.

— Подсаживайтесь-ка къ намъ, — сказала Камышлинцеву Мытищева. — Вы что-то не въ духѣ? — замѣтила она, глядя ему въ лицо.

Барсукова вслѣдъ за нею, молча, но пристально поглядѣла на Камышлинцева.

— Да! — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — слышалъ скверную вѣсть, но къ этому не привыкать.

Мытищева по чувству приличія промолчала, но самое это молчаніе было косвеннымъ вопросомъ.

— Я увѣренъ, — сказалъ улыбаясь Камышлинцевъ, — что васъ мучитъ любопытство узнать, что это за вѣсть.

— Разумѣется, — отвѣчала Мытищева, — и вы бы должны быть мнѣ благодарны, что я интересуюсь тѣмъ, что близко касается васъ.

— Именно! — сказалъ Камышлинцевъ, слегка кланяясь; — но позвольте думать, — продолжалъ онъ, — что вы точно также сгорали бы любопытствомъ, еслибъ это дѣло и не до меня касалось.

— А вамъ очень бы хотѣлось, чтобы я увѣряла васъ въ противномъ? — въ свою очередь спросила Мытищева.

— Весьма было бы пріятно. Впрочемъ извѣстіе не касается меня непосредственно.

— Такъ отчего же вы огорчились?

— Да ужаспо досадно разочаровываться.

Мытищева опять промолчала.

— Вашъ братъ увѣряетъ, что крестьянское дѣло окончится какимъ-то улучшеніемъ быта, — сказалъ Камышлинцевъ.

— Да? — спросила Мытищева, сдѣлавъ удивленное личико. — Я тутъ впрочемъ мало понимаю, но думаю, что и это не дурно на первый разъ. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего!

— Н-ну, я не того мнѣнія, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, но, не желая вступать съ Мытищевой въ споръ объ этомъ предметѣ, сказалъ, вставая: — пройдемтесь по саду, я не могу сидѣть, когда меня что-нибудь взволнуетъ.

— Пожалуй! пройдемся, Анюта? — спросила Мытищева Барсукову.

Та молча встала. Камышлинцевъ съ Барсуковой вышли на террасу, а Мытищева, прежде нежели выйти, подошла къ мужу, положила ему руку на плечо и спросила:

— Ну что, какъ играешь?

— Ничего, милая, — отвѣчалъ онъ, — такъ себѣ! — Она посмотрѣла ему въ карты, потомъ подошла къ отцу.

— Ну а вы, папа? — сказала она, наклонилась и поцаловала его въ голову.

— Couci-couci! — отвѣчалъ тотъ; онъ любилъ щегольнуть не очень обыкновеннымъ французскимъ словечкомъ.

— Какой чортъ куси-куси, всѣ почти робберы выигралъ, — сказалъ старикъ Мытищевъ, беззлобно сердясь.

— А вы вѣрно по обыкновенію страдаете, Василій Сергѣевичъ, — обратилась къ нему Мытищева.

— Да матушка! я ужъ такъ повитъ, чтобы проигрывать, видно въ бабки какую-нибудь вѣдьму позвали.

Безсловесный предводитель только заколыхался отъ смѣху и что-то злорадостно промычалъ.

— А мы въ садъ, — помолчавъ сказала Мытищева и, милая, изящная, слегка шелестя одеждой, не торопливо вышла.

День еще не вечерѣлъ, но уже полуденная іюльская жара спала и въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада недвижно и освѣжительно стоялъ теплый, весь пропитанный душистыми запахами растительности, деревенскій воздухъ. Камышлинцевъ и Барсукова тихо шли подъ зеленымъ навѣсомъ тѣнистой аллеи, которая прямо съ террасы врѣ-

зывалась въ чащу сада и вскорѣ скрывалась въ немъ, подъ густою листвой вѣтвей.

Камышлинцевъ еще до отъѣзда заграницу былъ нѣсколько знакомъ съ Барсуковой. Онъ нашелъ, что она не только сложилась физически, но и нравственно стала, казалось, серьёзнѣе. По свойственной развитому и наблюдательному человѣку привычкѣ, ему при первой возможности захотѣлось узнать, къ какому сорту дѣвъ принадлежитъ его собесѣдница.

— Ну что же вы подѣлывали въ это время? — спросилъ Камышлинцевъ Барсукову.

— Да то же, что и прежде. Дома хозяйничаю немного, да шью. Дарья Степановна иногда присылаетъ! съ ней что-нибудь работаю.

— Подушки по канвѣ или воротнички гладью?

— Воротнички-то случается, — улыбаясь отвѣчала Барсукова (у нея была пріятная, откровенная улыбка), а по канвѣ не шью, и не люблю: эта работа для богатыхъ да праздныхъ.

— А вы всегда заняты? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Почти! я привыкла всегда что-нибудь да дѣлать, — сказала она.

— Счастливая вы женщина! — замѣтилъ какъ-бы про себя Камышлинцевъ.

Барсукова сбоку взглянула на Камышлинцева.

— Я не жалуюсь, — замѣтила она, — но чему же вы нашли завидовать?

— Какъ не завидовать! — отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Дѣло у васъ есть, а главное — вы имъ удовлетворяетесь.

Барсукова слегка покраснѣла, ей показалось, что въ словахъ Камышлинцева былъ оттѣнокъ сожалѣнія.

— Вы находите, можетъ быть, что я довольствуюсь слишкомъ малымъ? — сказала она; — рада бы и большему, да гдѣ же и въ чемъ оно? назовите!

— Да, бездѣлицу вы спрашиваете: женская дѣятельность! У насъ и мужскую-то не знаешь куда дѣть! — угрюмо отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Вотъ видите ли! вы и читали много, и много видѣли, а не даете отвѣта. Гдѣ же мнѣ-то, деревенской дѣвушкѣ, найти его? — какъ-то просто, но съ достоинствомъ отвѣчала Барсукова.

Эге! Да дѣвочка-то не глупа! — подумалъ Камышлинцевъ.

— Есть вопросы, — медленно говорилъ, какъ-бы раздумывая, Камышлинцевъ, — которые трудно разрѣшать по двумъ причинамъ: во первыхъ, они сами по себѣ затруднительны, во вторыхъ, не могутъ быть разрѣшены нѣсколькими словами. У насъ вообще жизнь не представляетъ удобства къ широкой дѣятельности, а самая дѣятельность можетъ быть направлена такъ разнообразно, что назвать ей одну задачу значитъ исключить тысячи. Впрочемъ, мнѣ кажется, всякая дѣятельность почтенна, если она производительна, а брать надо ту, которая сподручнѣе, разумѣется, если нѣтъ такой, къ которой васъ влечетъ, къ которой чувствуется призваніе.

— Призваніе! — въ раздумьи прибавила Барсукова. — Да какъ узнаешь его? тянетъ къ чему-то, отдалась бы вся чему-нибудь, а не знаешь.

Камышлинцевъ посмотрѣлъ на Барсукову: ея пріятное лицо было пасмурно.

— А еще хуже, если и знаешь да не можешь, — тихо прибавилъ Камышлинцевъ. Оба замолчали и задумчиво шли рядомъ.

— Ау! гдѣ вы? — послышался тоненькій, невѣрный голосъ, какимъ обыкновенно кричатъ женщины, не привыкшія къ крику.

— Здѣсь! — остановясь отвѣчалъ Камышлинцевъ.

Вскорѣ въ просвѣтѣ аллеи показалась стройная фигура Мытищевой.

— Какъ это мило! вы звали пройтись и сами убѣжали! — сказала она.

— Вольно-жъ вамъ было оставаться любезничать съ мужемъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Съ кѣмъ же и любезничать, какъ не съ мужемъ? — сказала Мытищева, смѣясь веселыми глазами.

— А зачѣмъ съ мужемъ-то любезничать? — спросилъ Камышлинцевъ. Вѣдь онъ мужъ! съ нимъ дѣло покончено! Развѣ чтобы не потерять привычки?

— Да, это не мѣшаетъ иногда, — отвѣчала Мытищева. — Я нахожу, что вы заграницей отвыкли быть любезнымъ.

— Вы находите? подождите! дымъ отечества прокоптитъ меня и я снова взгляну на все увлаженными отъ умиленія глазами.

— Ну за вами этого грѣха не было, и я никакъ не хочу сказать, чтобы вы прежде умилялись, — возразила Мытищева; — по крайней мѣрѣ я не видала предмета вашего умиленія. А пора бы!

— То есть пора бы влюбиться? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Не только влюбиться, а жениться.

— Жениться теперь, когда есть надежда, что дѣло будетъ! нѣтъ, слуга покорный; я и прежде не намѣренъ былъ связывать себя, а теперь и подавно! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Вотъ это мило! связывать себя, какъ будто жена мѣшаетъ дѣятельности?

— Еще бы! и весьма часто: согласитесь, что холостой человѣкъ гораздо независимѣе.

— Остаться старымъ холостякомъ, куда какъ пріятно! — возразила Мытищева, пожавъ плечами.

— Что жъ, до поры до времени! Мы видимъ примѣры, что люди весьма достойные оставались холостыми въ то время, когда имъ нужна была независимость, а подъ старость, когда чувствовали потребность въ спокойствіи и семьѣ, находили себѣ прелестную подругу.

Камышлинцевъ проговорилъ это серьёзно; но около глазъ его сложилась невольно какая-то маленькая складочка, которая проглядывала насмѣшливо. Они проходили въ это время передъ клумбой цвѣтущихъ розъ.

Мытищева нагнулась къ нимъ и, припавъ лицомъ къ пышнымъ цвѣтамъ, съ наслажденіемъ ихъ стала нюхать.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву, — сказала Барсукова, — у васъ нѣтъ такихъ розъ.

— Пожалуйста, дружокъ: спасибо скажу, — отвѣчала Мытищева, идя за Камышлинцевымъ, который поджидалъ ее.

Они шли нѣсколько минутъ молча.

— Такъ вы не женились потому, что жена мѣшала бы вамъ дѣло дѣлать? Что жъ, до сей поры вы много надѣлали? — спросила Мытищева въ отмѣстку и посмотрѣла насмѣшливо на Камышлинцева; но ея прелестное

и добродушное личико рѣшительно лишено было желчнаго выраженія и насмѣшка выразилась на немъ только тѣмъ, что глаза ея весело и игриво засмѣялись. Камышлинцевъ взглянулъ на нее, и ему стало совѣстно вымѣщать на ней свое дурное расположеніе духа.

— Что-жъ дѣлать! — отвѣчалъ онъ, — не моя вина, если дѣла нѣтъ: то, что съ молоду кажется такъ легко осуществить, со временемъ оказывается несбывающейся мечтой.

— А ваша мечта? — спросила она.

— Моя любимая мечта, — сказалъ Камышлинцевъ, подсмѣиваясь надъ собою, — была такая: дѣло по душѣ, такое дѣло, которому бы могъ весь свободно отдаться, да... да женщина по душѣ, которая бы мнѣ свободно отдалась!

— Это вы недурно придумали! — замѣтила Мытищева. — За чѣмъ же остановка?

— Да за тѣмъ, что нѣтъ ни такого дѣла, ни такой женщины! отвѣчалъ Камышлинцевъ, вздохнувъ полушутливо, полусерьёзно.

— Будто-бы? — насмѣшливо спросила Мытищева. — Я думаю ни то, ни другое вамъ съ неба не свалится! Ужь не слишкомъ ли вы разборчивы, не слишкомъ ли высокаго о себѣ мнѣнія?

Камышлинцевъ невольно и едва замѣтно усмѣхнулся. Онъ зналъ, куда и за что была пущена эта стрѣлка.

— О нѣтъ! — добродушно отвѣчалъ онъ. — Были дѣла, да маленькія, не захватывали они всего меня и я легко ихъ бросалъ; были и женщины...

— Да также маленькія? — улыбаясь лицомъ и глазами, подсказала Мытищева.

— Да! тоже не захватывали всего,— смѣясь подтвердилъ Камышлинцевъ.

Въ это время подошла Барсукова съ двумя великолѣпными пучками розъ.

— Спасибо, дружокъ! — сказала Мытищева, взявъ одинъ и припадая къ нему лицомъ.—А знаете, какое несчастіе съ Дмитріемъ Петровичемъ? Для него нѣтъ ни одного дѣла по душѣ и ни одной женщины по сердцу.

— Нѣтъ, не такъ: вы не измѣняйте моихъ словъ!— возразилъ Камышлинцевъ.—Я сказалъ, что считалъ бы счастіемъ, еслибы нашелъ дѣло по душѣ, которому бы весь могъ предаться, и женщину по душѣ, которая бы мнѣ свободно отдалась. У всякого свои понятія о счастіи.

— Да, но результатъ все тотъ же! ему попадались—продолжала передавать Мытищева Барсуковой— все и дѣла маленькія, и женщины маленькія.

— И любовь была маленькая? — спросила Барсукова.

— Разумѣется, и любовь была маленькая, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.—Да впрочемъ это бы не бѣда; по моему, чѣмъ меньше любви, тѣмъ лучше: вѣдь любовь какъ влеченіе — это естественное чувство, но любовь какъ страсть—это болѣзнь, затемнѣніе разсудка чувственностью,— ненормальное состояніе человѣка. Для прочнаго счастія не она нужна: нужна глубокая привязанность, которая родится отъ многихъ причинъ — отъ уваженія, сочувствія и наконецъ отъ склонности, т. е. немножко того, что мы называемъ любовью,— вотъ этого-то и не было.

— Тутъ, я думаю, не виноваты ни дѣла, ни женщины, что вы не находили ихъ по себѣ. Мы все-таки

пришли къ тому, что или вы слишкомъ разборчивы, или въ васъ самихъ нѣтъ достаточно—какъ бы это сказать—способности отдаться чему-нибудь, отдаться совсѣмъ: нѣтъ смѣлости броситься головой внизъ, потому что смѣлость, говорятъ, города беретъ... вы, я думаю, слишкомъ разсудительны для этого, — замѣтила Мытищева.

— Я не спорю, можетъ быть во мнѣ и нѣтъ достаточно самоотверженности, — возразилъ Камышлинцевъ,—но я этого не испытывалъ все-таки потому, что не встрѣчалъ ни такого дѣла, ни такой женщины, для которыхъ стоило и нужно бы броситься очертя голову. Впрочемъ для женщинъ и не нужно, я полагаю, самоотверженности,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Ну такъ и погодите винить другихъ,—сказала Мытищева.

— Да я въ этомъ никого и не виню. Большія дѣла встрѣчаются только въ большія эпохи, въ эпохи большихъ дѣлъ: тогда и большіе люди являются. А то нѣтъ ни на что запроса, нѣтъ дѣятельности, такъ хоть будь семи пядей во лбу, все или просидишь сложа руки, или лобъ разобьешь. Конечно, это не мѣшаетъ лбы разбивать, все-таки въ стѣнѣ хоть ямку простучимъ; но это значитъ работать на внуковъ, что очень скучно. Отъ этого-то мнѣ и было особенно непріятно услыхать, что разстроивается дѣло освобожденія: я думалъ, что начинается наконецъ время большихъ дѣлъ.

— И большихъ женщинъ?—игриво замѣтила Мытищева.

— Да, явились бы и женщины,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— А пока вы скучаете? — съ маленькой небрежностью замѣтила Мытищева.

— Нѣтъ не скучаю, потому что знаю, что мнѣ нужно, и за неимѣніемъ большаго, кое-какъ перебиваюсь маленькимъ.

— Маленькими дѣлами и маленькой любовью! Какъ пріятна и весела должна быть особенно послѣдняя,— смѣясь говорила Мытищева.

— Долженъ вамъ признаться, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — что любви совсѣмъ нѣтъ, никакой нѣтъ, ни даже маленькой. Но чувствую, что скоро будетъ любовь и большая.

— Это почему?--живо спросила Мытищева,

— А потому, что когда нѣтъ дѣла, такъ хочется очень любить... знаете, какъ у Фета гдѣ-то сказано, что не знаетъ еще, что будетъ пѣть, но пѣсня зрѣетъ.

— Любопытно видѣть вашъ выборъ; пожалуйста скажите, когда начнется,—отвѣчала Мытищева.

— Сами увидите, если что будетъ: женщины это сейчасъ замѣчаютъ,—сказалъ Камышлинцевъ.

Они прошлись еще немного и вскорѣ ихъ позвали чай пить. Играющіе окончили свои партіи, вечерѣло, тучи начали надвигаться. Многимъ гостямъ въ томъ числѣ и Мытищевымъ, было далеко до дома. И всѣ, какъ водится у насъ, разомъ какъ гуси на отлетъ, поднялись къ домамъ. На прощаньѣ Мытищевы, мужъ и жена, звали Камышлинцева къ себѣ; онъ обѣщался, и всѣ разъѣхались.

Мы не будемъ слѣдить за тѣми лицами нашего романа, съ которыми встрѣтимся, но посмотримъ, какое впечатлѣніе всѣ слышанныя новости произвели на тѣхъ

многихъ, которыхъ мы не назвали и по фамиліямъ, потому что каждый изъ нихъ отдѣльно почти ничего не значитъ, не только въ нашемъ романѣ, но и въ жизни,—но которые всѣ вмѣстѣ имѣютъ значеніе, какъ масса, животное низшей степени развитія, одаренное грубыми орудіями чувствъ и плохо развитыми инстинктами, неповоротливое и нелѣпое, но сильное, иногда весьма ярое и всегда вѣрующее только тому, кто хоть вретъ, да по немъ.

Впечатлѣнія, произведенныя на этихъ господъ молодымъ Нобелькнебелемъ и Камышлинцевымъ, были совершенно различны. О первомъ всѣ отзывались очень почтительно и съ уваженіемъ: „прекрасный молодой человѣкъ“, говорили они тѣмъ гортаннымъ басомъ, которымъ обыкновенно отдается дань справедливой хвалы только людя..ъ степеннымъ, отнюдь не задѣвающимъ противъ шерсти никакихъ общепринятыхъ условій и обѣщающимъ подняться въ гору, храня преданія предковъ и совершенствуя ихъ по мѣрѣ развитія вѣка.

О Камышлинцевѣ мнѣнія были не столь одобрительны, но снисходительнаго свойства. Конечно онъ подозрѣвался въ разныхъ вольнодумствахъ и нѣкоторые, прищуривъ одинъ глазъ, таинственно и многозначительно замѣчали, что онъ „тово“; но какъ это неопредѣленное „тово“ никого не задѣвало, а самъ онъ носа не задиралъ и своего превосходства не выказывалъ, то въ заключеніе всѣ согласились, что „впрочемъ онъ славный и простой малый“.

Еслибы поглубже взглянуть въ мысли разговаривавшихъ, то мы бы увидѣли, можетъ-быть, что, несмотря на преимущество, отдаваемое достоинствамъ Нобелькне-

*

беля, сердца младшихъ и простодушныхъ дѣтей природы болѣе лежали къ Камышлинцеву, потому что онъ былъ весьма простъ въ обращеніи, тогда какъ Нобелькнебель самой своей отмѣнной вѣжливостью высказывалъ свое превосходство. Одинъ добродушный засѣдатель даже отчасти высказалъ это, замѣтивъ про Нобелькнебеля-сына, „что хорошо-де ему о честности-то кричать, когда родитель такое состояніе пріобрѣлъ“.

При этомъ, по старинному свойству человѣческой природы, людямъ, которые считали дерзостью или вольнодумствомъ многія — справедливо или нѣтъ — предполагаемыя ими въ Камышлинцевѣ мысли, именно и нравилось то, что вотъ такой человѣкъ живетъ среди ихъ и находится съ ними въ пріязни. Они смотрѣли на него такъ, какъ толпа, спокойно стоящая на берегу, смотритъ на смѣльчака, пустившагося изъ удали по тронувшемуся льду на другой берегъ. Перейдетъ, скажутъ — молодецъ; не перейдетъ, ну — дуракъ, по дѣломъ ему! Чтобы опредѣлить основаніе, по которому сложилось такое мнѣніе о Камышлинцевѣ, тогда какъ онъ его ничѣмъ не выказывалъ, надо знать хорошо жизнь провинціальной глуши и глушь провинціальной жизни. Они имѣютъ акустическое свойство нѣкоторыхъ мѣстностей, обладающихъ необыкновеннымъ отголоскомъ, въ родѣ пизанскаго баптистерія: — всякое сказанное въ нихъ слово повторяется нѣсколько разъ въ совершенно различныхъ тонахъ. Отъ этого, вслѣдствіе новости, сообщенной Нобелькнебелемъ, объ улучшеніи быта крестьянъ, онъ получилъ значеніе чуть не друга и повѣреннаго всѣхъ министровъ, посвященнаго во всѣ государственныя тайны. Въ свою очередь слухъ о существо-

ваніи нѣкоего Герцына, въ связи съ именемъ привезшаго это извѣстіе Камышлинцева, заслужилъ послѣднему репутацію человѣка, посвященнаго во всѣ замыслы революціи, друга и агента агитатора. Послѣднее мнѣніе, съ помощью необыкновенно быстрой, изустной провинціальной гласности, вскорѣ такъ утвердилось, что одинъ изъ гостей, имѣвшій кровную вражду съ исправникомъ нарочно пріѣзжалъ къ Камышлинцеву, прося его обличить въ „Колоколѣ“ козни своего врага, и весьма оскорбился и не повѣрилъ увѣреніямъ Камышлинцева, что онъ съ „Колоколомъ“ никакихъ сношеній не имѣетъ.

III.

Дмитрій Петровичъ Камышлинцевъ значился по формуляру отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ 29-ти лѣтъ, а былъ въ настоящее время ремесломъ — помѣщикъ не у дѣлъ, т. е. помѣщикъ, не занимающійся ни хозяйствомъ, ни собаками и не знающій что изъ себя дѣлать. Пожалуй можно бы еще помѣстить его въ разрядъ помѣщиковъ, ѣздившихъ за границу, но за границей онъ былъ только одинъ разъ: такихъ помѣщиковъ много на святой Руси. Дворянство его было не изъ древнихъ: по фамильнымъ преданіямъ предокъ его по отцѣ былъ стрѣлецъ, сосланный Петромъ за бунтъ съ отрубленными ушами и носомъ въ какую-то приволжскую трущобу; прадѣдъ по матери былъ въ пугачевскія времена управляющимъ канцеляріей губернатора, вертѣлъ всей губерніей и навертѣлъ себѣ значительное состояніе. Часть этого-то состоянія, раздроб-

леннаго между наслѣдниками, и доставляла возможность молодому Камышлинцеву заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у этихъ предковъ были тоже свои предки, но о нихъ ни письменные, ни изустные источники ничего не говорятъ, и мы имѣемъ полное право считать, что непосредственно за ними для рода Камышлинцевыхъ начинался тотъ доисторическій мракъ, который, по мнѣнію знатоковъ, чѣмъ старѣе, тѣмъ болѣе сообщаетъ особый букетъ крѣпкимъ винамъ и дворянскимъ фамиліямъ. Отецъ Камышлинцева былъ военнымъ, но, женившись и взявъ за женою порядочное приданое, немедленно опочилъ на своихъ лаврахъ и женином имѣніи. Мать Камышлинцева воспитывалась и жила до замужства въ другой губерніи, гдѣ отецъ ея былъ на службѣ и имѣлъ отъ другой жены много дѣтей. Такимъ образомъ, родители Камышлинцева, поселясь въ имѣніи, не принадлежали ни къ одному мѣстному дворянскому гнѣзду, т. е. группѣ сосѣдей, до такой степени перепутавшейся между собой посредствомъ женитьбы, что разобрать взаимное родство могли только мѣстныя барыни. Они не были старыми родовитыми помѣщиками и потому были свободны отъ многихъ присущихъ этому званію добродѣтелей и недостатковъ; но они были люди смирные, хорошіе, незлобивые—и ихъ любили. Мы входимъ въ эти подробности и думали-было войти въ еще большія, имѣя въ виду выяснить себѣ среду и условія, развивающія классъ людей, къ которому принадлежалъ молодой Камышлинцевъ: но, разбирая настоящія и другія извѣстныя намъ данныя, мы находимъ, что среда и обстоятельства, окружавшія дѣтство Камышлинцева, имѣли въ этомъ

случаѣ счастливое вліяніе только отрицательными сторонами, т. е. не привили молодому Камышлинцеву своихъ взглядовъ и предразсудковъ. Такъ напримѣръ, родъ его не былъ достаточно древенъ, чтобы потомокъ могъ причислять себя къ лику тевтонскихъ рыцарей, ни такъ молодъ, чтобы начинаться отъ вчерашняго Митюшки-цѣловальника,—хотя въ сущности между барономъ, грабившимъ на большой дорогѣ, чиновникомъ, грабившимъ въ канцеляріи, и цѣловальникомъ—въ кабакѣ трудно рѣшить, кто грабилъ приличнѣе и законнѣе! По состоянію, Камышлинцевъ тоже не былъ достаточно богатъ, чтобы мѣтить въ россійскіе ланд-лорды, ни достаточно бѣденъ, чтобы искать мѣста по акцизу. Итакъ, судьба благодатно уберегла его и отъ величія, и отъ огорченій крайности.

Когда Камышлинцевъ достачно подросъ, родители его начали разсуждать съ знакомыми и между собою, куда помѣстить сына въ ученье. Такъ какъ между дворянствомъ и понынѣ еще никто почти не дерзаетъ думать, что есть возможность быть полезнымъ родинѣ, не поступая на службу, и безъ того переполненную искателями мѣстъ и мѣстечекъ, а въ ту пору подобныхъ вольнодумцевъ и не существовало, — то вопросъ приводился къ тому, гдѣ начать службу Митинькѣ. У болѣе или менѣе истыхъ и коренныхъ дворянъ военная служба всегда считалась благороднѣе статской: часто ихъ отцы и дѣды сами проливали если не кровь, то потъ, на поляхъ брани и ученій, а потому Камышлинцевы и не встрѣтили иного совѣта, какъ отдать сына въ военную службу, т. е. въ кадетскій корпусъ. Но практическій смыслъ людей средняго состоянія, не зараженныхъ осо-

бенно рыцарскими наклонностями, подсказалъ имъ мысль примирительную, а именно; сдѣлать Митиньку военнымъ, но спеціалистомъ. Для очищенія совѣсти, спросили о желаніи самого 12-ти лѣтняго Митиньку. Митинька, справившись какой мундиръ носятъ офицеры его будущей службы, остался имъ доволенъ и. узнавъ вдобавокъ, что лучшіе изъ учениковъ попадаютъ въ гвардію, немедленно возчувствовалъ величайшую склонность къ названной спеціальности. И вотъ, при первомъ случаѣ, отправили Митиньку въ Петербургъ, гдѣ опредѣлили, какъ водится, въ приготовительный пансіонъ, а затѣмъ и въ самое заведеніе. Въ заведеніи этомъ учили кажется всѣмъ существующимъ наукамъ и еще нѣкоторымъ вещамъ, нигдѣ не существующимъ; несмотря на то, у кончившихъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ наукъ встрѣчались странные пробѣлы въ знаніяхъ. Такъ напримѣръ, прослушавъ въ пансіонѣ довольно подробно всеобщую древнюю исторію съ ея анекдотами про Ассуровъ, Ксерксовъ и хвостъ Алкивіадовой собаки, Камышлинцевъ попалъ въ самомъ заведеніи на повѣствованіе о величіи Римской Имперіи, а за тѣмъ прямо перескочилъ на Крестовые походы. Учитель исторіи былъ изъ своихъ же, офицеровъ, и въ преподованіи держался одной послѣдовательности—поскорѣе отбыть лекцію, а потому сообщалъ только нѣкоторыя особенныя событія, безъ связи и объясненія причинъ и собственно только для сдачи экзамена. Затѣмъ, узнавъ о нѣкоторыхъ подвигахъ различныхъ, болѣе или менѣе великихъ Карловъ, Генриховъ и Фридриховъ, Камышлинцевъ другихъ свѣдѣній по части всемірной исторіи не получилъ и о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ въ послѣднее столѣтіе, не имѣлъ

никакого понятія. Съ русской исторіей тоже случился довольно странный казусъ: въ пансіонѣ слышалъ онъ какія-то легенды про основаніе Руси, а въ военно-учебномъ заведеніи онъ въ одномъ курсѣ все слушалъ объ удѣльныхъ междоусобіяхъ, въ другомъ — объ Іоаннѣ Грозномъ, въ третьемъ—о дѣяніяхъ великаго преобразователя, Петра I-го. Петромъ все и заключилось; промежуточныя и дальнѣйшія свѣдѣнія, какъ объ отечественной, такъ и объ иностранной исторіи, предоставлялись его собственной любознательности. Свѣдѣнія по части законовъ и устройства своего отечества онъ, вмѣстѣ съ товарищами, пріобрѣлъ отъ аудитора, который два раза въ недѣлю читалъ изъ артикула Петра Великаго, что „надлежитъ“ то-то и то-то, а дѣло кончалось обыкновенно фразою: „весьма живота лишить“.

Съ запасомъ подобныхъ свѣдѣній вышелъ Камышлинцевъ изъ заведенія. Несмотря на полнѣйшее разнодушіе къ своей спеціальности, которую излагали до такой степени сухо и казенно, что пристраститься къ ней не было никакой возможности, Камышлинцевъ, мальчикъ съ счастливыми способностями, оказался изъ лучшихъ учениковъ и остался на службѣ въ Петербургѣ. Должно замѣтить, что двѣ случайности много благопріятствовали образованію Камышлинцева. Мальчикъ ходилъ въ отпускъ изъ заведенія къ своему дальнему родственнику. Еще молодой человѣкъ, этотъ родственникъ былъ однимъ изъ дѣйствительно образованныхъ людей и принадлежалъ къ кружку Станкевича и Грановскаго. Подъ вліяніемъ этого человѣка, отчасти эстетика и гуманиста, слагались первыя понятія Камышлинцева. Затѣмъ, по выходѣ изъ заведенія, Камышлинцевъ, искавшій

уже общества людей мыслящихъ, попалъ въ другой, тогда только-что начинавшій образовываться кружокъ молодежи, болѣе реально смотрѣвшій на жизнь и увлекавшійся (всякое время имѣетъ свои увлеченія) другими крайностями. Но въ этотъ кружокъ Камышлинцевъ вступилъ уже нѣсколько подготовленный предъидущимъ вліяніемъ и потому не принялъ на вѣру всѣ его идеи. Какъ молодой человѣкъ, онъ во многомъ сочувствовалъ членамъ этого кружка, но видѣлъ и ихъ увлеченія. Лично онъ любилъ этотъ кружокъ, но идеи кружка составляли для Камышлинцева предметъ горячихъ споровъ: онъ отстаивалъ свой взглядъ и пробовалъ идти своей дорогой. Однакожъ въ томъ и другомъ обществѣ Камышлинцевъ прежде всего узналъ, какъ древній философъ, что онъ ничего не знаетъ и что истинное образованіе долженъ начать самъ и снова. Онъ былъ человѣкъ самолюбивый, и, понявъ свое невѣжество, принялся читать и учиться. Чтобы пополнить—не скажу пробѣлъ, а — совершенное отсутствіе образованія, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на предметахъ, совершенно чуждыхъ его спеціальности, и затѣмъ испыталъ участь большей части нашихъ спеціалистовъ, которые не желаютъ остаться круглыми невѣждами по другимъ отраслямъ знаній: равнодушный къ своему предмету, онъ увлекся другими, болѣе жизненными, болѣе симпатичными ему, совершенно охладѣлъ къ своей спеціальности, а новой не пріобрѣлъ.

Года два-три провелъ онъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, когда старикъ Камышлинцевъ, опасно заболѣвъ, вызвалъ сына къ себѣ въ деревню и умеръ на его рукахъ. Похоронивъ отца и поживя съ матерью въ деревнѣ, молодой Камышлинцевъ подумалъ, надумалъ и

вышелъ въ отставку. Вышелъ онъ не отъ лѣни и не по той потребности насладиться независимостью и свободой, которую доставляетъ смерть главы семейства, хотя можетъ-быть и лѣнь и новое чувство имѣли въ этомъ рѣшеніи тоже свою долю участія, нѣтъ: — его петербургскій кружокъ пробудилъ въ немъ мысли и потребности, которыя сознательно привели его къ этому рѣшенію. Рѣдкія и лишь совсѣмъ пустыя натуры остаются съ дѣтства до старости одинаковыми; большая же часть людей развивается и мѣняется постоянно; и чѣмъ счастливѣе и сильнѣе природа человѣка, тѣмъ это развитіе замѣтнѣе и плодотворнѣе. Поэтому намъ нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ вышелъ Камышлинцевъ на первыхъ порахъ жизни.

Въ то время онъ былъ впечатлителенъ и нѣсколько вспыльчивъ, мало способенъ къ усидчивому постоянному труду, но дрожжи и тотъ живчикъ, который подталкиваетъ людей (у всякаго человѣка есть свои дрожжи и свой живчикъ) были у него хорошіе. Дрожжи въ немъ были хорошія съ дѣтства: поматери онъ былъ добръ и впечатлителенъ, можетъ попрадѣду имѣлъ здравый умъ, и въ нехитрой, но добродушной семьѣ пріобрѣлъ драгоцѣнное русское свойство—совѣстливость. Да не улыбается читатель! Да, это именно—русское качество! это не строгая честность, не безукоризненная прямота и безпристрастіе; нѣтъ, это — маленькій, но дорогой противовѣсъ многимъ русскимъ недостаткамъ, противовѣсъ, который не мѣшаетъ купцу плутовать, вору воровать и чиновнику брать взятки, но который мѣшаетъ русскому вору, плуту и взяточнику совсѣмъ погрузиться въ свою грязь и оставляетъ въ нихъ живое мѣстечко. Благодаря этому

свойству, каждый русскій человѣкъ если и мошенничаетъ, то какъ-то однимъ только бокомъ. Камышлинцева ни нужда, ни обстоятельства не подвергали искушеніямъ, и нравственную стойкость свою онъ не могъ еще испробоватъ, но совѣстливость не позволяла ему браться за то, чего онъ не зналъ или къ чему не чувствовалъ призванія: а живчикъ въ немъ бился. Тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ живчикъ не подбивалъ его уди, влять народъ рысаками, плѣнять барышень красивымъ мундиромъ или добиваться въ канцеляріи милостей начальства во образѣ чиновъ и крестовъ, а заставлялъ искать дѣла,—онъ былъ обязанъ своему петербургскому кружку. Несмотря на то, въ кружкѣ этомъ Камышлинцевъ чувствовалъ себя ни при чемъ: всякій работалъ въ немъ, кто для науки, кто для куска хлѣба, у Камышлинцева же не было собственнаго дѣла, не было у него той земли подъ ногами, которая ему какъ Антею давала бы силы. Онъ учился, но наукѣ себя посвятить не желалъ, въ искусствахъ не имѣлъ таланта, служить,—но петербургская служба, съ ея канцеляріями и парадами, казалась ему какой-то отвлеченностью, которой можно предаваться только изъ любви къ самой службѣ, какъ иные любятъ искусство для искусства.

Когда Камышлинцевъ схоронилъ отца, онъ оглядѣлся въ провинціи и отправилъ въ Петербургъ одновременно просьбу объ отставкѣ и письмо къ одному изъ пріятелей, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: „Долго думалъ я, на что рѣшиться и что изъ себя дѣлать, и рѣшаюсь остаться здѣсь вопреки вашимъ совѣтамъ. Ужь если я, благодаря прадѣдушкѣ-взяточнику,—помѣщикъ (чѣмъ ни мало не огорченъ), слѣдовательно

человѣкъ по преимуществу земскій и если мы, помѣщики, ни на что болѣе не приготовлены, какъ на службу, такъ ужь я буду служить здѣсь своей землѣ и для этого долженъ прежде всего познакомиться съ ней и узнать ея нужды. Поэтому остаюсь здѣсь, а у васъ мнѣ дѣлать нечего.“ И онъ остался.

Къ сожалѣнію, весьма часто случается, что вещи, съ перваго взгляда весьма простыя, оказываются при иныхъ условіяхъ чрезвычайно трудными и мудреными. Напримѣръ, молодой человѣкъ, полный силъ, довольно образованный и съ хорошими способностями, желаетъ скромно служить своей землѣ: чего бы казалось лучше? Мало ли чѣмъ можно приносить ей пользу? Но приносить пользу при всемъ добромъ желаніи иногда оказывается трудно, какъ извѣдалъ Камышлинцевъ. Заняться усовершенствованіемъ сельскаго хозяйства—на это у него не было ни денегъ, ни знанія, ни надобности: крестьяне у него были на оброкѣ. Онъ и присматривался къ хозяйству и учился ему, но помогать этому дѣлу, а тѣмъ болѣе начинать его, былъ не въ состояніи; играть роль благодѣтельнаго помѣщика, сдѣлаться отцомъ своихъ крестьянъ и благодушествовать съ ними—ему и въ голову не приходило: у него было настолько здраваго смысла, чтобы понять, что не благодушествомъ можно пособлять имъ. Служить по выборамъ дворянства?—но это значитъ служить „одному сословію, а не всей землѣ, да и для этого надобно быть выбраннымъ, а онъ, и окружающіе его помѣщики, при всѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, чуяли, что они дворянскіе интересы врядъ-ли понимаютъ одинаково. Затѣмъ что же оставалось? Все-таки служить? Камышлинцевъ подумалъ: у насъ есть и хорошіе за-

коны, и благодѣтельныя административныя мѣропріятія, но, эти прекрасно задуманные въ высшихъ сферахъ законы и мѣропріятія, въ приложеніи къ народу, такъ-сказать претворяясь въ дѣло, получаютъ иногда—благодаря претворителямъ—совсѣмъ иной характеръ: надо идти въ претворители или смотрѣть за претворителями; а такъ какъ въ губернаторы онъ попасть не могъ, а въ становые не хотѣлъ, то и избралъ среднее—пошолъ въ чиновники особыхъ порученій къ губернатору, въ чиновники работающіе, а не въ играющіе въ благородныхъ спектакляхъ.

Излишне было бы исчислять испытанія, вынесенныя имъ, и допытываться, въ какой степени принесла пользу и удовлетворила эта служба какъ Камышлинцева, такъ и общество и начальство. Но мы знаемъ достовѣрно только два факта: во первыхъ, что Камышлинцевъ оказался до такой степени лишеннымъ всякаго сценическаго таланта (начальница губерніи была страстная охотница до театра и устроивала еженедѣльно любительскіе спектакли), что, несмотря на вообще плохую игру провинціальныхъ любителей, совершенно провалился на своемъ первомъ дебютѣ; а во вторыхъ, — что ровно черезъ годъ количество просьбъ, поданныхъ губернатору, увеличилось одной, именно: просьбой Камышлинцева объ отставкѣ. Возвратясь снова къ своимъ пенатамъ, Камышлинцевъ началъ-было уже предаваться тяжелымъ размышленіямъ: что лучше, жениться ли на барышнѣ, начать ли пить, или повѣситься на самомъ высокомъ деревѣ своего сада,—но въ это время случилась Крымская война, потребовалось ополченіе, и Камышлинцевъ былъ выбранъ въ него.

Дружинѣ, въ которой пришлось служить Камышлинцеву, какъ и большей части ополченцевъ не довелось быть въ дѣлѣ. Камышлинцевъ прошелъ только добрый конецъ Россіи, сдѣлалъ походъ, познакомился—не изъ книгъ, а въявь—съ бытомъ народа и воротился съ ранней сѣдиной въ волосахъ. Ополченіе его губерніи потеряло, отъ болѣзни и лишеній, болѣе половины ратниковъ.

Между тѣмъ, по окончаніи войны, на Россію пахнуло свѣжимъ воздухомъ, все заговорило о перемѣнахъ, кровь потекла въ жилахъ быстрѣе, чувствовалась потребность въ дѣятельности, въ движеніи. Можетъ-быть ужь въ это время въ фалоппіевыхъ трубахъ министерскихъ канцелярій уже шевелились зародыши будущихъ реформъ но въ дѣйствительность они пока не только не переходили, но и не проглядывали, простора для дѣятельности все-еще не было, и Инсаровы этого кануна должны были набираться еще изъ болгаръ и дѣйствовать въ Болгаріи. Нѣтъ, подумалъ Камышлинцевъ, такъ оставаться нельзя; нужно хоть посмотрѣть, какъ другіе живутъ, нужно дознаться, что это за штука, которая становится у насъ поперекъ всякому развитію, подставляетъ доселѣ ногу всякой, казалось бы, здраво-задуманной вещи: надо поучиться у другихъ! Какъ знать, можетъ-быть скоро насъ спросятъ о нашихъ нуждахъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенію: а что мы знаемъ? И вотъ, скопивъ сколько было возможно деньжонокъ, Камышлинцевъ отправился за границу.

Какъ провелъ онъ время заграницей и что онъ тамъ узналъ—это не входитъ въ планъ нашего разсказа; замѣтимъ только, что онъ читалъ, присматривался, сравнивалъ. Между тѣмъ изъ Россіи доносились отрадныя

вѣсти, коммерческая дѣятельность встрепенулась, компаніи росли какъ грибы, каждая статья газеты начиналась памятной фразой: „въ настоящее время, когда“ и пр., развивавшаяся гласность досягала даже до полиціймейстеровъ. Камышлинцева подмывало домой, но онъ былъ еще недовѣрчивъ. Вдругъ, тысячеустная печать разнесла по Европѣ радостную вѣсть предпринимаемаго освобожденія. Камышлинцевъ снова сильнѣе почувствалъ на себѣ чудно возбуждающее вліяніе завѣтныхъ надеждъ. Онъ читалъ, какъ дворянство, ревнуя одно передъ другимъ, спѣшило радостно отозваться на мысль Государя. Новая, давно ожидаемая жизнь, казалось, закипала на просыпающейся родинѣ; точно весеннимъ воздухомъ пахнуло изъ встающей изъ-подъ снѣга страны. Теперь домой, домой! —сказалъ Камышлинцевъ,— теперь тамъ есть дѣло, нужны наши труды,тамъ можно и должно работать.—И съ запасомъ свѣжихъ силъ, свѣдѣній и жажды дѣятельности онъ поспѣшилъ въ Россію.

При въѣздѣ въ Россію, Камышлинцеву бросилась въ глаза только одна перемѣна: всѣ такъ-называемые образованные классы поросли волосомъ и обиліе этой, долго сдерживаемой растительности, было по истинѣ изумительно. Справедливо или нѣтъ, но у насъ ращеніе волосъ сверхъ извѣстной мѣры и на недозволенныхъ по штату мѣстахъ всегда считалось признакомъ и своего рода мундиромъ вольнодумства и наравнѣ съ нимъ подвергалось преслѣдованію. Преданіе о волосахъ Самсона, бывшихъ источникомъ его силы, не пропадало даромъ и оффиціальныя Далилы пользовались открытымъ сей древней женой средствомъ, только съ большей увѣренностью, и не прибѣгали ни къ какимъ особеннымъ

хитростямъ. На этомъ основаніи, феноменъ, поразившій Камышлинцева, имѣлъ свое значеніе: терпимость къ нему была признакомъ своего времени, но, вопреки ожиданіямъ, другихъ разительныхъ перемѣнъ Камышлинцевъ не нашелъ. Видно было что духъ жизни вѣялъ надъ страной, все въ ней суетилось и металось, все искало дѣятельности, иногда и находило ее, но урывками, не мѣтко, поверхностно. Кинулась, какъ мы говорили, зашевелившаяся кровь въ коммерческую дѣятельность, но новыя предпріятія, если и могли идти, то по старымъ только дорогамъ — компаніи оказывались несостоятельными, акціи падали и на дѣвственныхъ попыткахъ гласнаго разбирательства въ Пассажѣ дознано было, что „мы еще не дозрѣли!“. Журналистика была въ прежнихъ рамкахъ и мучительно старалась выйти изъ нихъ: два журнала, посвятившіе себя спеціально крестьянскому дѣлу, падали и пали; по крестьянскому дѣлу была учреждена коммиссія, призванные изъ провинцій депутаты попарно приглашались въ нее, но что тамъ дѣлалось — было попрежнему покрыто молчаніемъ: всюду носились слухи о проектахъ и въ канцеляріяхъ удвоилось число исходящихъ, — вообще, броженіе молодаго вина начиналось, но для него были открыты только тѣ же старые мѣха.

Повидался Камышлинцевъ съ своими петербургскими пріятелями и знакомыми, потолковалъ и нашолъ всѣхъ неудовлетворенными: молодежь была полуудовлетворена и ждала большаго, старики были неудовлетворены и ждали возращенія къ старому. „Это все верхи, — подумалъ Камышлинцевъ, — надо посмотрѣть, что глубь думаетъ, что земля?“ —и онъ поспѣшилъ домой.

IV.

И вотъ разъ, часу въ 9-мъ свѣтлаго іюльскаго вечера, по весьма широкой и кочковатой улицѣ деревни Камышлиновки, проѣхалъ шибкой рысью перекладной тарантасъ и остановился у запертыхъ воротъ семи-оконнаго, съ закрытыми ставнями, барскаго дома. Ямщикъ соскочилъ съ козелъ, вошелъ въ калитку, и сильно отпахнулъ ворота, стуча, какъ власть имѣющій. Тарантасъ подъѣхалъ къ крыльцу; на стукъ вышелъ изъ каретника кучеръ, а изъ людской избы дворовая женщина и, заслоня глаза отъ бьющихъ почти въ уровень съ землей лучей заходящаго солнца, смотрѣла: „кого Богъ даетъ". Только лежавшая у крыльца старая лягавая собака приподнялась и медленно подошла поближе посмотрѣть на пріѣзжаго. Изъ тарантаса вылѣзъ молодой человѣкъ, въ дорожномъ платьѣ съ сумкой черезъ плечо и не успѣлъ сказать еще слова, какъ вдругъ сцена перемѣнилась: собака, визжа и виляя, бросилась на грудь молодаго человѣка, баба ахнула, хлопнула себя руками по бедрамъ и убѣжала на заднее крыльцо дома, а кучеръ, тяжело влача ноги, въ широчайшихъ сапогахъ, въ перевалку бѣжалъ навстрѣчу: помѣщикъ Дмитрій Петровичъ Камышлинцевъ пріѣхалъ изъ-за границы въ свою вотчину.

Въ домѣ началась бѣготня и суматоха; отперли двери, отворили ставни; нѣсколько женщинъ, занимающихся преимущественно распложеніемъ клоповъ и таракановъ, высыпала поздороваться съ бариномъ, при чемъ нѣкоторыя нараспѣвъ, какъ въ причитаньяхъ, запѣли: „а-а-хъ,

батюшка! да какъ вы по-ста-рѣ-ли!“ а другія, побойчѣе и находчивѣе, какъ въ барабанъ затрещали, въ перебивку и скороговоркой: „а мы васъ ждали, ждали, думаемъ: скоро ли, скоро ли“...

Камышлинцевъ, какъ по обряду, наскоро перецаловался съ женщинами, но былъ тронутъ только ласками своей устарѣвшей сучки Минервы. Потускнѣвшими и слезящимися глазами, она такъ нѣжно и печально глядѣла на него, такъ радостно и грустно визжала, приподнимаясь отяжелѣвшими ногами и виляя опущеннымъ хвостомъ, что Камышлинцевъ былъ глубоко тронутъ лаской этой вѣрной и въ его отсутствіе совсѣмъ состарѣвшейся и какъ-бы сознающей уже свою негодность подруги: онъ обнялъ ея посѣдѣвшую голову и нѣжно поцаловалъ.

Прислуга тотчасъ разсыпалась хлопотать о благоденствіи барина, каждый по своей части, и усердіе при этомъ высказывалось тѣмъ, что всякій считалъ нужнымъ кричать на другаго. На кухнѣ стали растапливать плиту и ставить самоваръ, и поваръ, принявъ озабоченный и мрачный видъ, началъ съ того, что принялся бранить бабу за то, что она воруетъ у него угли,—а баба, раздувающая самоваръ, вмѣсто мѣховъ, собственными легкими, разкраснѣвшаяся и плачущая отъ дыма, пожелала ему: „чтобъ тѣ раскаленными-то подавиться!“ Высокій и здоровый парень, камердинеръ Камышлинцева, гроза мужей и сокрушитель дѣвичьихъ сердецъ, занимавшійся во все время барскаго отсутствія усовершенствованіемъ своей игры на гитарѣ, радостно трижды облобызалъ барина своими толстыми губами (ему уже до смерти надоѣло ничего-недѣланье). Камышлинцевъ съ удовольствіемъ

сдалъ въ его завѣдываніе чемоданы и дорожные мѣшки и затѣмъ, сбросивъ какъ тяжелую ношу фуражку и дорожную сумку, вздохнулъ свободно и вошелъ въ прохладныя и пахнущія пустотой комнаты.

Комнаты были въ томъ же видѣ какъ онъ ихъ оставилъ: то же зальце, уставленное стульями, съ раздвижнымъ круглымъ столомъ посрединѣ, тѣ же старинныя угловатыя и жесткія краснаго дерева кресла и диванъ въ гостиной. Въ своемъ довольно большомъ кабинетѣ, и вмѣстѣ спальной, нашелъ Камышлинцевъ тѣ же покойныя кресла, желѣзную кровать, столъ, установленный письменными принадлежностями и бездѣлками, ружья и фотографіи по стѣнамъ; но и деревня, и домъ, и мебель, все это, послѣ большихъ городовъ, высокихъ домовъ, щеголеватыхъ комнатъ отелей—все показалось ему точно придавленнымъ и обветшалымъ: убогимъ и жалкимъ показалось ему все это и, несмотря на то, чѣмъ-то роднымъ и милымъ.

Черезъ полчаса по пріѣздѣ, Камышлинцевъ сидѣлъ съ сигаркой за стаканомъ чая, глядѣлъ въ окно и воспоминанія нахлынули на него. Длинной вереницей проходили передъ нимъ картины его дѣтства и деревенской жизни, образы иныхъ отжившихъ, иныхъ давно невиданныхъ лицъ. Иногда какой-нибудь стукъ или предметъ на улицѣ возвращалъ его къ дѣйствительности и передъ нимъ вновь являлись незатѣйливыя сцены родной жизни и, несмотря на всю свою невзрачную будничную обстановку, несмотря на космополитизмъ, Камышлинцева, задѣвали иногда какую-то глубоко-глубоко скрытую въ немъ струну, и эта струна неопредѣленно-тоскливо и вмѣстѣ отрадно дрожала въ его груди. Смот-

рѣлъ тогда Камышлинцевъ на тянувшійся передъ окнами рядъ темныхъ избъ, медленно шевелившійся по улицѣ людъ, на гумна, на зеленѣющіе поля и луга, виднѣвшіеся за деревней, и думалъ: „вотъ она настоящая, коренная Русь! вотъ она, широко-раскинувшаяся громада, надъ которой, какъ толпа насѣкомыхъ, кишитъ и суетится, покусывая, и посасывая, и шумя о ней, разнообразный рой, а она лежитъ себѣ и не шелохнется, и не знаемъ мы, что творится въ ея глубинѣ и какъ отражаются въ ней весь шумъ и возня и заботы о ея благѣ — на поверхности“.

— Староста пришелъ, — доложилъ вошедшій и вступившій въ свои обязанности слуга и спросилъ, не прикажетъ ли еще чаю.

Камышлинцевъ попросилъ перемѣнить остывшій стаканъ и позвать старосту. Вошелъ крестьянинъ большаго роста, полный, съ черной окладистой бородой и умнымъ лицомъ. Онъ поклонился и подошелъ къ барину поздороваться. Камышлинцевъ трижды поцаловался съ нимъ, затѣмъ староста нѣсколько отступилъ и спросилъ.

— Какъ изволили съѣздить?

— Слава Богу!

— А мы ужъ очень соскучились, васъ ждавши! Этто, Илья Игнатьичъ повстрѣчались, „что, говорятъ, Бахтинъ, когда твой баринъ изъ бѣговъ явится?“ Не знаю, молъ, батюшка, онъ у насъ какъ птица вольная порхаетъ, а мы его ждемъ не дождемся.

— А что Илья Игнатьичъ дома? — спросилъ Камыщлинцевъ про своего сосѣда и пріятеля, которому онъ поручилъ приглядывать за имѣніемъ въ свое отсутствіе.

— Нѣтъ теперь, сказываютъ, въ Быхачевъ уѣхалъ на ярманку, съ недѣлю поди тамъ пробудетъ.

— Ну, что у васъ новаго? спросилъ Камышлинцевъ.

— Да что, батюшка, какія у насъ новости? живемъ, пока мыши головы не отъѣли. Яровые слава Богу, пока изрядные, а озими плохи: мѣстами совсѣмъ ничего нѣтъ — подопрѣли.

— А про волю что говорятъ? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Это про волю-то? — переспросилъ староста, казалось, нѣсколько озадаченный, что такой вопросъ и такъ гласно ему дѣлаютъ. Да ничего, батюшка! про эти глупости у насъ и говорить не велѣно. И ни-ни! — кротко и невинно, смотря въ глаза Камышлинцева, отвѣчалъ староста.

— Ну вздоръ! какъ не говорить! — возразилъ Камышлинцевъ; — это дѣло слишкомъ близко васъ касается, чтобы не говорить о немъ.

— Это дѣйствительно — началъ староста, потупясь и видя неудовольствіе барина, какъ-бы сознаваясь въ винѣ своей, — эта дѣйствительно: сначала-было прошелъ слухъ насчетъ эвтаго, въ Подгорномъ. Изъ Питера къ нимъ одинъ мужичокъ, что по паспорту ходилъ, вернулся и началъ-было толковать. Да дошло это до начальства, мужика эвтаго засадили, а исправникъ, Онуфрій Петровичъ, сами пріѣжали въ Подгорное и строго-на-строго наказали молчать. „И чтобы у меня, говоритъ, ни гугу!“ ну и смолкли. Да и лучше, прибавилъ староста разсудительно, — а то мало ли чего нашъ братъ не вретъ!

— Напрасно, отчего же не говорить! — замѣтилъ Камышлинцевъ — это дѣло въ ходу, — и онъ началъ разсказывать въ общихъ чертахъ, что зналъ.

Староста посматривалъ на барина изъ-подъ бровей умными глазами, проговаривая отъ времени до времени „т-эксъ!“ — и когда Камышлинцевъ кончилъ, онъ только замѣтилъ, „во всемъ власть Божія и Царская“, и, немного помолчавъ, спросилъ: „недоимочка маленькая есть за міромъ, такъ какъ съ ней поступить?“ и разговоръ перешелъ на хозяйство.

— Ну, вотъ и придворный, а молчитъ! посмотримъ и попытаемъ громаду,—подумалъ Камышлинцевъ. Онъ отпустилъ и старосту и слугу и пораньше легъ спать.

Спокойное и отрадное чувство охватило Камышлинцева, когда онъ, загасивъ свѣчу, улегся и послѣ долгаго бездомничанья и скитанья, послѣ длиннаго пути, почувствовалъ себя наконецъ въ собственной прохладной постелѣ. Картины видѣннаго, дорожныя встрѣчи и сцены припоминались ему, но какъ-то слегка и мимолетно; онѣ производили на него впечатлѣніе пріятныхъ трелей и фіоритуръ, тогда какъ главная тема, которая постоянно чудилась и слышалась подъ ними, было сознаніе, что я дома, у себя, на своей землѣ.

Въ этомъ пріятномъ сознаніи онъ хотѣлъ бы заснуть; но — отъ крѣпкаго-ли чая, которымъ его угостила ключница, или отъ дороги — нервы его были возбуждены, ему не спалось: и картины путешествія, и другія, болѣе широкія и тревожныя мысли являлись на умъ. „Ну вотъ — думалъ онъ — опять поворотная точка! и что же была моя прошлая жизнь? жизнь русскаго барченка средней руки, не заѣденнаго лѣнью, но зато

и незнающаго, къ чему пристроить свою особу!“ —подумалось ему. „Весьма общая и часто встрѣчаемая у насъ жизнь.“

Эта мысль мелькнула ему, онъ хотѣлъ прослѣдить ее въ прошломъ, но не могъ. Съ какой-то особенной яркостью и выпуклостью рисовались ему картины прошлаго — но пестро и отрывочно, и мысли, ими возбуждаемыя, какъ-то странно относились къ предмету, хотя въ нихъ была своего рода логика и послѣдовательность, нѣчто въ родѣ послѣдовательности и логики съумасшедшаго. „Что за чепуха!“ думалъ Камышлинцевъ въ перерывы этого кошемара. „А можетъ это чепуха твоей жизни и, можетъ, она въ самомъ дѣлѣ была такая?“ думалось ему вслѣдъ затѣмъ, и опять начиналось прежнее. У Камышлинцева, какъ часто бываетъ послѣ дороги, былъ, вѣротно, маленькій жаръ.

На другой день Камышлинцевъ всталъ и принялся устраиваться. Первые дни по пріѣздѣ прошли незамѣтно. Онъ разбирался, раскладывалъ книги и вещи, осмотрѣлъ хозяйство.

Водворился онъ въ давно знакомыхъ комнатахъ, и дремлющая, давно оставленная имъ деревенская жизнь разступалась и тихо принимала его въ себя. Такъ иногда, сидя съ удочкой на обрывѣ надъ глубокимъ заливомъ рѣки, бросишь въ воду ненужнаго червяка: вода не всплеснетъ, а только едва дрогнетъ на поверхности, и видишь, какъ начнетъ червячекъ медленно опускаться въ темно-зеленую глубь и незамѣтно пропадаетъ въ ней; и снова также безмолвно и таинственно стоитъ непрозрачная вода, какъ будто и не было въ нее ничего брошено, и только развѣ какая-нибудь мел-

кая рыбенка, увидавъ поживу, блеснетъ серебряной спинкой, и скроется!

Разъ, дня черезъ три по пріѣздѣ, въ воскресенье утромъ, Камышлинцевъ увидѣлъ небольшую кучку крестьянъ, которые подвигались къ его дому, той медленной, влачащей ноги походкой, которой обыкновенно ходятъ крестьяне, когда идутъ міромъ: одинъ изъ нихъ несъ въ рукахъ кадушечку, накрытую полотенцемъ. Вошелъ староста и доложилъ, что крестьяне пришли съ хлѣбомъ-солью.

Камышлинцеву это извѣстіе доставило удовольствіе. Его сторона была сторона не промышленная и крестьяне-хлѣбопашцы не были натерты и пріучены къ различнымъ заявленіямъ своихъ нѣжныхъ чувствъ, заявленіямъ, которыя — замѣтимъ кстати — совсѣмъ не въ духѣ русскаго человѣка. И потому въ поступкѣ крестьянъ Камышлинцевъ думалъ видѣть искреннее чувство.

Вошли старики, поздравили съ пріѣздомъ и поклонились барину пудомъ меду. Камышлинцевъ велѣлъ поднести имъ вина, а между тѣмъ пошли вопросы: „какъ изволили съѣздить? и много чай разныхъ земель видѣли!“ и отвѣты: „слава Богу, помаленьку, живемъ милостью Божіей, да вашей!“

Камышлинцевъ самъ завелъ рѣчь о волѣ и получилъ отвѣтъ, „что мы-де люди темные, гдѣ намъ это знать! а что болтаютъ иногда разную зрятину, такъ мы ее и слушать не хотимъ.“ Но когда Камышлинцевъ началъ объяснять имъ, что дѣло освобожденія въ ходу, маленькіе въ складочкахъ глаза слушателей какъ-то прищурились и морщинки, какъ мелкая зыбь, еще болѣе собрались около нихъ. Но только Камышлинцевъ закончилъ, какъ опять

глаза стали смотрѣть добродушнѣйшимъ образомъ, и передовые ораторы замѣтили, что „намъ-де за милостью вашей, дай вамъ Господи много лѣтъ здравствовать, житье — слава Богу! и никакой намъ воли не надо и мы ваши, а вы наши!“ Камашлинцевъ возразилъ, улыбаясь, что ораторы говорятъ вздоръ и воля все лучше, чѣмъ крѣпостная работа; но они опять смиренно замѣтили, что еще неизвѣстно, какая будетъ воля, а что конечно во всемъ власть царская да барская. Наступило нѣкоторое молчаніе, которымъ Камышлинцевъ думалъ дать отпускъ депутаціи, когда одинъ изъ стариковъ замѣтилъ, что „какъ же будетъ насчетъ недоимочки и не будетъ ли милости разсрочить ее?“ Недоимка была незначительна, но Камышлинцевъ, любившій точность, разспросилъ о ея причинахъ, и, удостовѣрясь, что дѣйствительно нѣкоторые крестьяне подшиблись, разсрочилъ ее.

Старики поклонились, поблагодарили, пожелали ему много лѣтъ здравствовать, но вмѣсто того, чтобы выйти, опять что-то затоптались на мѣстѣ.

Камышлинцевъ, зная ихъ манеру, ужь прямо спросилъ, не имѣютъ ли еще что спросить, и тогда главный вожакъ, прокашлявшись, замѣтилъ, что какъ думаетъ, Дмитрій Петровичъ, насчетъ забережной полянки: „она-де такъ стоитъ у милости вашей, а мы очень лугами нуждаемся,—такъ міръ велитъ просить, не сдѣлаетъ ли Дмитрій Петровичъ, такъ какъ мы оченно вами довольны,—прибавилъ ораторъ, причемъ всѣ поклонились,—божескую милость уступить эту гулящую полянку.“

По справкѣ оказалось однакожъ, что гулящая полянка дѣйствительно какъ-то одинъ годъ такъ простояла, потому что ее вытоптала крестьянская же скотина, но что она отдается одному гуртовщику рублей за сто, а иногда и болѣе, и Камышлинцевъ нашелся вынужденымъ имъ это объяснить. Тогда другой ораторъ замѣтилъ, что ужъ если это дѣйствительно такъ (хотя всѣмъ старикамъ было въ точности извѣстно, и гораздо лучше нежели самому помѣщику, почемъ и въ какой годъ ходила полянка), то не будетъ ли милости уступить ее за семьдесятъ рубликовъ? А когда Камышлинцевъ вновь замѣтилъ, что ради какой же причины отдавать имъ полянку за семьдесятъ, когда гуртовщикъ даетъ болѣе, то они возразили съ поклономъ, что вѣдь мы ваши, а вы наши, и что они съ своей стороны всегда готовы служить, а на милость образца нѣтъ. Камышлинцевъ, однакоже, рѣшилъ, что если они хотятъ, то онъ готовъ отдать полянку предпочтительно имъ предъ гуртовщикомъ за ту цѣну, которую тотъ будетъ давать; но они опять съ поклонами заявили, что ужъ сто такъ сто, только нельзя ли порѣшить дѣло сейчасъ, и вмигъ изъ-за пазухи одного оратора явилась завернутая въ платокъ десятирублевая бумажка и онъ ее почтительно подалъ въ задатокъ. Камышлинцевъ хотѣлъ-было возразить, что дѣло не къ спѣху, но они изъявили было намѣреніе кланяться въ ноги и тогда онъ поторопился согласиться, и ораторъ, подавая бумажку одной рукой, другую спѣшилъ растопырить, чтобы ударить по рукамъ. Когда обрядъ былъ исполненъ, воспослѣдовало еще нѣсколько поклоновъ, увѣреній въ любви и преданности, и депутація и баринъ разстались въ самомъ

пріятномъ настроеніи, какъ это бываетъ послѣ всѣхъ встрѣчъ, гдѣ сходятся для того, чтобы говорить съ одной стороны: „какъ мы васъ любимъ и какой вы прекрасный человѣкъ“; а съ другой: „очень радъ и впредь быть прекраснымъ.“

Слова крестьянъ о реформѣ нисколько не удивили Камышлинцева: онъ и не ожидалъ отъ нихъ большей откровенности. „Это—думалъ онъ—рѣченька глубокая, со дна песку не выкинетъ, надо исподволь самому добраться до этого дна, а пока посмотрю-ка я въ менѣе глубокую и болѣе откровенную среду.“

Онъ справился, кто изъ сосѣдей въ деревнѣ, и, узнавъ, что Нобелькнебель переѣхалъ изъ города въ свое имѣніе, и что къ нему пріѣхалъ сынъ изъ Петербурга, велѣлъ заложить лошадей, переодѣлся и отправился туда.

V.

Что видѣлъ и слышалъ Камышлинцевъ у сосѣда — мы уже знаемъ. Воротился домой Камышлинцевъ и сильно призадумался; мечты о дѣятельности и новой жизни, полной смысла, прямо идущей къ одной цѣли, подламывались съ каждымъ часомъ; идея, которую составилъ онъ себѣ о закипающей повсюду дѣятельности и всеобщемъ-пробужденіи, оказывалась сомообольщеніемъ. Правда, вверху, въ высшихъ сферахъ администраціи, по слухамъ, кипѣла дѣятельность; правда, тамъ вырабатывалось великое дѣло, которое должно было стать однимъ изъ первыхъ, краеугульныхъ камней дальнѣйшихъ преобразованій, но... все это тамъ вверху: а

здѣсь все то же безмолвіе, все та же глубоко ушедшая внутрь жизнь, если есть еще сознательная жизнь въ этомъ полуснѣ, въ этой дремѣ громады, у которой нѣтъ-нѣтъ да и вырвется какой-то звукъ—не то довольство, не то жалоба, не то стонъ, — нѣтъ-нѣтъ да и вздрогнетъ какой-нибудь нервъ, проявится какое-нибудь странное движеніе... Да еще и будетъ ли освобожденіе? вонъ что говоритъ Нобелькнебель!... Надо ждать, — и Камышлинцевъ принялся выдумывать для себя занятія. Онъ былъ знакомъ съ естественными науками; вздумалъ онъ заняться изслѣдованіемъ травъ и насѣкомыхъ своей страны; сталъ гербаризировать, дѣлать опыты и наблюденія. Любилъ онъ охоту съ ружьемъ, которая не только не мѣшала первому дѣлу, а служила еще подспорьемъ. Въ промежуткахъ онъ читалъ журналы и книги — и день уходилъ: но придуманныя зянятія шли не споро — они пособляли только коротать время. Оно уходило, но могла-ли удовлетворить молодаго, развитаго человѣка подобная жизнь! да и жизнь ли это? Не поддѣлка-ли это?...

И вотъ часто вечеромъ выходилъ Камышлинцевъ одинъ на широкій балконъ своего дома; солнце садилось, оживала опустѣлая въ рабочій день деревня, возвращались крестьяне съ пашни, рядами какъ артиллерія, сидя бокомъ на невзрачныхъ, усталыхъ рабочихъ лошадяхъ и гремя перевернутыми вверхъ лемехомъ сохами; поднималось облако пыли; прогонялись стада, встрѣчаемыя у околицы бабами и дѣвками, и съ ревомъ и блеяньемъ разбродилась скотина по домамъ. Еще нѣкоторое время виднѣлось движеніе около воротъ и избъ; но солнце совсѣмъ закатывалось, мало

по малу все стихало и послѣ тяжелаго труда, вмѣстѣ съ замирающимъ днемъ, тяжелая притомленная жизнь засыпала.

Долго еще догарала долгая лѣтняя заря, медленно мѣнялась прозрачная ночь своимъ свѣтомъ съ темнѣющимъ днемъ; на небѣ всходилъ мѣсяцъ, густой паръ поднимался отъ остывающей земли — не хотѣлось уйти въ душную комнату съ холодѣющаго, пахучаго и влажнаго воздуха: долго сиживалъ Камышлинцевъ съ дымящейся сигарой среди этого успокоенія, тишины и замиранія, и сильнѣе поднимавшихся тумановъ вставали въ немъ какія-то щемящія сердце стремленія и порывы, шевелились горькія безотрадныя мысли. Тяжело и безвыходно горько переживается сознаніе по мелочамъ теряемыхъ силъ, безплодно погибающей жизни, и много въ нашей грустной родинѣ этой томящейся бездѣйствіемъ молодежи и тяжело отзывается на ея развитіи эта безъ пользы вянущая и пропадающая часть самыхъ осмысленныхъ, самыхъ честныхъ силъ! „Нѣтъ, нельзя такъ жить!—сказалъ наконецъ себѣ Камышлинцевъ,— если не дѣло, то хоть развлеченіе“—и на другой же день отправился къ сосѣдямъ.

VI.

Старый деревянный домъ, въ которомъ жили Мытищевы, былъ построенъ дѣдомъ настоящаго владѣльца съ разными затѣями, изобличавшими притязанія на архитектурное искусство. Объ архитектурномъ искусствѣ дѣдушка Мытищевъ, полагать надобно, имѣлъ такое же

понятіе, какъ его лягавая сучка Діанка — объ Аполлонѣ, подразумѣвая подъ нимъ не Юпитерова сына, а рябаго и мрачнаго лакея, носившаго это имя, дававшаго ей овсянку, а еще чаще пинки. Тѣмъ не менѣе дѣдушка Мытищевъ не затруднился и налѣпилъ къ дому различныхъ колоннадъ, балконовъ и повершилъ все это воздвигнутымъ на крышѣ фонаремъ, предназначеннымъ, кажется, исключительно для голубей, которыхъ въ немъ было цѣлое стадо. Все это вмѣстѣ имѣло оригинальный и невольно возбуждающій улыбку видъ, напоминающій неуклюжаго и почтенныхъ лѣтъ человѣка, котораго заставятъ плясать на свадьбѣ и который въ первый разъ въ жизни пускается степеннѣйшимъ образомъ выдѣлывать ногами какія-то хитрыя штуки.

Съ настоящимъ владѣльцемъ дома, Иваномъ Сергѣичемъ Мытищевымъ, Камышлинцевъ не былъ прежде знакомъ, а былъ ему представленъ у Нобелькнебеля. Въ ранней молодости Мытищевъ былъ замѣшанъ въ декабрьской исторіи и тридцать лучшихъ лѣтъ жизни провелъ въ ссылкѣ. Прощенный вмѣстѣ съ другими при возшествіи на престолъ нынѣшняго Государя, онъ возвратился въ свое родовое имѣніе, которое сохранилъ для него его старшій братъ Василій Сергѣевичъ. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ родовомъ домѣ, Иванъ Мытищевъ захотѣлъ на старости лѣтъ „ухитить“, какъ онъ выражался, „свое гнѣздо“ — онъ вздумалъ жениться! Ему очень понравилась сосѣдка, Ольга Ѳедоровна Нобелькнебель, и онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Мытищевъ годился въ отцы молодой дѣвушкѣ: онъ этого не скрывалъ, не прикидывался влюбленнымъ и держалъ себя съ большимъ умѣньемъ. Съ другой стороны, дѣвицѣ Нобель-

кнебель было 22 года; воспитана она была въ богатомъ домѣ широко живущаго чиновника, помѣшаннаго на аристократизмѣ. Провинціи вообще страдаютъ недостаткомъ молодежи, а женихами съ именемъ и положеніемъ — и подавно. Молодая Нобелькнебель, какъ дѣвушка свѣтская и слѣдовательно практичная, подумала, дала свое согласіе и повидимому была счастлива. И мудреннаго нѣтъ: если смотрѣть на бракъ съ такъ-называемой прозаической точки зрѣнія, то Мытищевъ, за исключеніемъ неравенства лѣтъ, представлялъ всѣ условія отличнаго мужа.

Это былъ добрый и еще весьма красивый старикъ; видно было, что съ-молоду онъ былъ замѣчательно хорошъ. Черты блѣднаго лица его были тонки и правильны, большіе темные глаза, впалые и окруженные темной полосой, казались отъ этого выразительнѣе, это были умные глаза, и въ нихъ — слѣдъ долгихъ страданій — осталось постоянное выраженіе тихой снисходительной грусти; небольшая борода, почти бѣлая, красиво обложила худощавое лицо; черные волосы съ сильной просѣдью были гладко острижены; характеръ Мытищева былъ ровный, спокойный, въ обращеніи съ сосѣдями-помѣщиками старикъ былъ привѣтливъ, но нѣсколько покровительственно-снисходителенъ; видно было, что онъ выработалъ себѣ извѣстныя убѣжденія и вполнѣ вѣрилъ въ ихъ непогрѣшимость.

Мытищевы, мужъ и жена, сидѣли въ гостиной, онъ читалъ газеты, она что-то шила, когда вошелъ Камышлинцевъ.

— А! очень радъ, очень радъ васъ видѣть! — сказалъ Мытищевъ, вставая навстрѣчу и привѣтливо пожимая руку Камышлинцеву.

Ольга Өедоровна тоже радушно пожала ему руку.

— Что это вы пропали? — сказала она — мы давно поджидали васъ; это нехорошо такъ раздражать любопытство.

— Занялся хозяйствомъ, устроивался и осматривался, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Знаете, — сказала хозяйка, — что это своего рода преступленіе пріѣхать изъ-за границы и засѣсть дома. Вы обязаны выѣзжать, да! вы обязаны выѣзжать именно теперь, пока еще не простыли. Пока отъ васъ еще вѣетъ новой жизнью, вы должны обновлять нашу!

— Значитъ, я хорошо дѣлалъ, что не показывался, — отвѣчалъ Камышлинцевъ: — я хочу, чтобы меня принимали за то, что я есть, а не за то новое, которое черезъ мѣсяцъ будетъ старое.

— То само по себѣ, то еще будетъ, когда обживетесь, когда наша жизнь паложитъ на васъ свою руку, а теперь вы должны вносить новое въ нашу. Вотъ, напримѣръ, у насъ если пріѣдетъ гость, такъ ему прежде закуски подаютъ кофе: а у васъ какъ?

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — я кофе пью только послѣ обѣда.

— Да вы не церемоньтесь: вѣдь проѣхавши пять верстъ, все-же надо хоть закусить.

— Если такъ, то я не откажусь, только пожалуйста не хлопочите много.

— А на что же я и хозяйка, — отвѣчала Мытищева, весело вставая; она улыбнулась и вышла, милая, привѣтливая и прелестная. Камышлинцевъ полюбовался ею и, провожая ее глазами, замѣтилъ ея необыкновенно легко и изящно обрисованный станъ.

Камышлинцевъ и Мытищевъ остались одни.

— Да! — началъ Мытищевъ, — вы вовремя возвратились: замѣчательная пора наступаетъ, и каждый долженъ ее встрѣтить въ отечествѣ какъ солдатъ на своемъ посту!

— Правда! — замѣтилъ Камышлинцевъ; — да дѣйствительно ли наступаетъ это время? вы слышали, что говоритъ Григорій Ѳедоровичъ?

— Слышалъ, но, признаюсь, плохо вѣрю, — отвѣчалъ Мытищевъ: — еслибы не думали дѣлать большія перемѣны, не допустили бы такой огласки. Но какъ-бы то ни было, одна постановка вопроса, одна гласно-заявленная мысль объ освобожденіи, ужь и это великая вещь! Молодыхъ людей это, кажется, мало удивляетъ, и нынѣшніе передовые люди сознавали уже эту необходимость; но когда я вспомню, что тридцать лѣтъ назадъ объ ней не мечтали самыя смѣлыя головы, — а тогда было ихъ не мало, замѣтилъ Мытищевъ знаменательно, — что вопросъ не освобожденія, а улучшенія отношеній смутно представлялся только немногимъ самымъ свѣтлымъ умамъ, то невольно удивляюсь силѣ времени!

— Да, — задумчиво отвѣчалъ Камышлинцевъ, — идеи, какъ растенія, имѣютъ свой органическій ростъ и развитіе: что было брошено едва замѣтнымъ зерномъ, вдругъ выходитъ на свѣтъ когда и не ожидаешь. Кажется въ предъидущее тридцатилѣтіе все было чисто и гладко, а чуть пахнуло свѣжимъ воздухомъ и выходитъ! только боюсь я, какъ бы опять не потоптали!

— Богъ милостивъ! онъ укрѣпитъ сердце того, кто даетъ жизнь великой реформѣ! А молитва этихъ милліоновъ, жаждущихъ освобожденія, неужели она ничего

не значитъ? Молитва — великая сила! — тихо и съ чувствомъ, какъ бы про себя, замѣтилъ Мытищевъ;— великая сила!—повторилъ онъ задумчиво.

Камышлинцевъ молча потупился и ничего не отвѣчалъ, но кто-то сзади его спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Что же эта сила-то въ четыреста лѣтъ ничего не сдвинула?

Камышлинцевъ обернулся и увидѣлъ странную фигуру Василія Сергѣевича Мытищева, который въ своихъ бархатныхъ туфляхъ вошелъ неслышно во время разговора. Это былъ высокій, сухой старикъ съ измятымъ, весьма умнымъ, но чрезвычайно некрасивымъ лицомъ: одни только черные какъ уголь, но уже нѣсколько старчески воспаленные, глаза блистали выразительно изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей.

Своеобразный человѣкъ былъ Василій Сергѣевичъ. Отлично воспитанный и кончившій курсъ въ училищѣ колонновожатыхъ, съ блестящими способностями, онъ поступилъ въ военную службу, дѣлалъ кампаніи 1805—1812 годовъ, и въ послѣдней былъ адъютантомъ Воронцова въ то время, когда корпусъ его стоялъ въ Парижѣ. Тамъ онъ поссорился съ нимъ, былъ отчисленъ въ штабъ и сталъ на досугѣ жадно читать энциклопедистовъ; но его больше занимали ихъ отвлеченныя воззрѣнія на человѣчество, нежели осуществленіе теорій 90-хъ годовъ. Любимыми авторами его были Руссо и Вольтеръ, послѣдняго онъ особенно любилъ за его ядовитую и безпощадную насмѣшку. Изъ похода Мытищевъ вывезъ вмѣстѣ съ сочиненіями любимыхъ авторовъ, какую-то идеальную нѣмку, отлично умѣвшую варить кофе и печь крендели, вышелъ въ отставку и поселился

въ деревнѣ. Въ свое время его приглашали въ свое общество масоны, но онъ, называя ихъ мистиками и фантазерами, на-отрѣзъ отказался имѣть съ ними дѣло. Въ декабристы онъ не попалъ, благодаря своему пребыванію въ деревнѣ; онъ ихъ тоже бранилъ за непрактичность, хотя въ свое время, кажется, сочувствовалъ имъ. Его идеальная нѣмка оказалась нестерпимо скучною, и Мытищевъ не обинуясь говорилъ, что она „дура набитая, а впрочемъ самка хорошая“. Но когда эта самка родила ему сына, онъ на ней поспѣшилъ жениться, и съ большимъ трудомъ добился узаконенія ребенка. Сына своего Василій Мытищевъ принялся воспитывать по теоріи Руссо, и дѣйствительно изъ него вышелъ здоровый, красивый и замѣчательно сильный мальчикъ; но когда его принялись развивать умственно, онъ оказался тупъ какъ рѣпа, и отецъ, побившись съ нимъ нѣкоторое время, т. е. перемѣнивъ нѣсколько наставниковъ и заведеній, махнулъ наконецъ рукой и, уступая его желанію, отдалъ его юнкеромъ въ уланскій полкъ.

Такимъ образомъ, не смотря на блестящіе задатки, жизнь ничего не дала Мытищеву, и онъ, со всѣмъ своимъ умомъ и знаніями, увидѣлъ себя какимъ-то паразитомъ! Все это озлобило старика. Идеальная нѣмка, проживъ съ нимъ лѣтъ 15, умерла отъ ожирѣнія сердца. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался еще пасмурнѣе и ядовитѣе; лѣтомъ онъ жилъ въ деревнѣ, то у себя, то съ братомъ, а зиму въ городѣ; хозяйничалъ весьма плохо, но съ крестьянами былъ очень снисходителенъ, хотя разсуждать съ ними не любилъ и мнѣнія о нихъ былъ весьма не высокаго. Не большимъ расположеніемъ пользовались у него и другіе классы общества, но такъ какъ въ

дѣла онъ не вмѣшивался, готовъ былъ помочь всякому и страстно любилъ карты, то его даже любили, какъ своеобычнаго и озлобленнаго, но честнаго брюзгу. Въ отношеніи брата, Василій Сергѣевичъ, во все время его ссылки, держалъ себя безукоризненно и больше хлопоталъ о его части имѣнія, нежели о собственной; вообще братья, несмотря на разницу воззрѣній и характеровъ, жили очень дружно. Иванъ Сергѣевичъ весьма уважалъ брата; Ольга Ѳедоровна за нимъ ухаживала болѣе чѣмъ за мужемъ, и хотя побаивалась его, но имѣла на него нѣкоторое вліяніе: старикъ по-своему любилъ ее. Одно только раздѣляло братьевъ: Иванъ былъ глубоко религіозенъ, а старикъ Василій, напротивъ, пошелъ въ этомъ случаѣ дальше своихъ учителей: эти идеи брата составляли предметъ глубокаго огорченія для Ивана.

На приведенное замѣчаніе брата, Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— Пришло время и двигаетъ; впрочемъ мы съ тобою условились не говорить объ этомъ, — прибавилъ онъ и можетъ-быть для того, чтобы прекратить разговоръ, вступившій на непріятную колею, пошаривъ около себя табакерку и не найдя ея, пошелъ за ней въ кабинетъ.

— Идеалистъ неисправимый! — сказалъ старикъ Мытищевъ, кивнувъ головой на брата, когда тотъ вышелъ. — Всѣ они таковы! тридцать лѣтъ ссылки, не отучили ихъ вѣрить въ свои идеалы и уповать на нихъ.

— Зато, можетъ, эта вѣра и дала имъ силы пережить эти тридцать лѣтъ!—замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Пожалуй, если хотите тѣшить себя фантазіями! — проворчалъ старикъ въ то время, когда братъ его возвратился. — Ну, а вы, что же теперь думаете

подѣлывать въ нашихъ палестинахъ? — спросилъ онъ Камышлинцева.

— Да самъ не знаю, — отвѣчалъ тотъ: хочется работать, да дѣла не могу придумать. Думалъ, что при реформахъ, о которыхъ говорятъ, найдется дѣло и мнѣ; да вотъ не находится.

— Чего захотѣли! — насмѣшливо замѣтилъ старикъ. — Да неужели вы не знаете, что у насъ, при настоящихъ порядкахъ, нѣтъ и не будетъ дѣятельности внѣ службы!

— Судя по началу, я думалъ, что къ дѣятельности будетъ призвано неслужащее дворянство, — возразилъ Камышлинцевъ.

— Да, я думаю, такъ и будетъ, — подтвердилъ Иванъ Мытищевъ.

— О юноши! — воскликнулъ старикъ, — русскіе, вѣчно мечтающіе, неисправимо-розовые юноши! ничему-то васъ не научило прошлое! Да кто же допуститъ дѣятельность не контролируемую? а если и допустятъ въ извѣстной мѣрѣ, такъ развѣ мы сами, дворяне, не сдѣлаемся немедленно чиновниками самыми рьяными и не попросимъ немедленно же мундира и ранга? вѣдь это у насъ въ крови! Развѣ Павелъ Петровичъ не говорилъ про насъ, что у него столько полицiймейстеровъ, сколько помѣщиковъ: такъ куда же дѣнутся наши выработанныя столѣтіями полицейскія привычки!.. Вотъ на дняхъ мой крестьянинъ пришелъ мнѣ жаловаться, что его племянникъ кнутомъ огрѣлъ. „За что?“ спрашиваю я. „Да на прошлой недѣлѣ онъ-де въ ямщики поступилъ, такъ зачѣмъ, встрѣтившись съ нимъ съ возомъ, я ему съ дороги не своротилъ! Развѣ — гово-

ритъ — не видишь, мужланъ, что у меня бляха на шляпѣ!“ Вотъ вамъ, батюшка, дѣти природы! а ужь вкусившихъ-то съ измальства сладость бляхи и Богъ проститъ!

— Теперь на этотъ счетъ мысли измѣняются, и я по крайней мѣрѣ за бляхой не погонюсь, — улыбаясь замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Ну такъ и занимайтесь гончими, да Матрешками, или по иноземнымъ гостинницамъ шляйтесь, а въ дѣятели не сбирайтесь, — сказалъ старикъ.

Камышлинцевъ хотѣлъ разсмѣяться, но не могъ; ему стало жутко отъ мысли: „а что, если это правда?“

Въ это время вошла Ольга Ѳедоровна, и разговоръ по этой дорогѣ, разумѣется, идти не могъ, а пошло, какъ говорится, обыкновенное переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Молодая хозяйка обладала талантомъ придавать разговору о самыхъ пустыхъ предметахъ весело-игривую и острую форму, но за то разговоръ и о предметахъ болѣе серьезныхъ непремѣнно сводила на ту же ступень.

Подали закуску съ разными пирожками и ватрушками, а вскорѣ и обѣдъ. Когда кончился кофе, старикъ Мытищевъ всталъ и, шаркая туфлями, отправился спать. Камышлинцевъ попросилъ и Ивана Мытищева не церемониться, если онъ имѣетъ эту привычку. Тотъ было сталъ отговариваться.

— Напрасно стѣсняешься! повѣрь, братъ, молодые безъ стариковъ не соскучатся, — замѣтилъ, уходя старикъ Василій, и Камышлинцеву показалось, что онъ насмѣшливо улыбнулся.

Когда Камышлинцевъ и Мытищева остались вмѣстѣ, они почувствовали то особенное, пріятное и нѣсколько

смущающее ощущеніе, которое всегда является само собою, если молодой мужчина и молодая женщина, непристроившіе еще никуда свое такъ-называемое сердце, остаются съ глазу на глазъ. Тотчасъ, какъ будто подумается: „ну вотъ мы и одни! что же выйдетъ изъ этого?“ и при этомъ мужчина иначе поглядитъ на женщину, а женщина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и сама иначе подумаетъ о своемъ собесѣдникѣ. Къ этому, всѣмъ общему и общеизвѣстному состоянію, у нашихъ молодыхъ людей присоединялось еще другое—слѣдствіе ихъ прошлыхъ отношеній. До замужества Ольга Ѳедоровна Нобелькнебель была хорошо знакома и почти дружна съ Камышлинцевымъ — насколько могутъ быть дружны молодые люди. Эта дружба, со стороны Ольги, была не прочь обратиться въ болѣе нѣжное чувство, еслибы Камышлинцевъ изъявилъ хоть малѣйшее поползновеніе возбудить его съ законными видами. Но Камышлинцевъ не думалъ жениться и не скрывалъ этого, а барышня, несмотря на свою молодость и нѣжное сердце, была столь благоразумна, — а правильнѣе сказать: была на столько дочь своего отца, что не отдавала своего чувства молодому человѣку, неимѣющему „благородныхъ“ намѣреній. Такого молодаго человѣка, т. е. по крайней мѣрѣ изъ числа „приличныхъ партій“, какъ намъ извѣстно, не явилось, а явилась приличная партія въ лицѣ старика Мытищева, и благоразумная дѣвица отдала ему свою руку. Любопытно было бы знать, что думала Ольга при этомъ и что вообще думаютъ въ этихъ случаяхъ наши барышни о своемъ сердцѣ и его будущихъ потребностяхъ? А думаютъ же онѣ вѣдь непремѣнно что-нибудь! Родительницы ихъ

думаютъ прежде всего пристроить дочь, а пристальнѣе въ будущее стараются не всматриваться, предоставляя послѣдствія покровительству провидѣнія. „А тамъ, что Господь пошлетъ!“ говорятъ онѣ. Есть основаніе полагать, что дѣвицы входятъ на этотъ счетъ въ болѣе подробное разбирательство, но обманываютъ ли онѣ себя, или прямо смотрятъ въ глаза будущему, заранѣе выбравъ путь, которымъ пойдутъ при встрѣчѣ съ невольнымъ чувствомъ? Наблюдая натуру русскихъ барышень мы склоннѣе думать, что онѣ предпочитаютъ до поры поморочить себя и вступаютъ въ нѣкоторыя сдѣлки съ собой, т. е. допускаютъ возможность полюбить и до извѣстной степени выказывать любовь, но въ рѣшительную минуту сказать, какъ пушкинская Татьяна:

«Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна»!

Вообще сдѣлки съ собою и полумѣры — въ привычкахъ русскаго человѣка.

Къ какому разряду принадлежала Ольга Мытищева, мы не знаемъ и, не забѣгая впередъ, обращаемся къ настоящему.

По уходѣ мужа и деверя, Ольга Ѳедоровна, казалось, пристально углубилась въ работу и, принявъ видъ дѣтски-невиннѣйшаго созданія — видъ, который весьма легко принимаютъ благовоспитанныя барышни, хотя еще не родился на свѣтъ тотъ дуракъ, котораго могли бы имъ обмануть, — принявъ этотъ видъ и зная, что ничего нѣтъ опаснѣе молчанія (тутъ-то и приходятъ разныя мысли), Мытищева поспѣшила заговорить о чемъ-нибудь.

— Ну разсказывайте, какъ вы поживали за границей,—заговорила она.

Камышлинцевъ усмѣхнулся.

— Я ужъ это разсказывалъ, а лучше скажите вы мнѣ,—спросилъ онъ,—отчего вы спѣшите завести разговоръ и дѣлаете первый вопросъ, который вамъ пришелъ въ голову?

— Боже мой! да вѣдь надо же говорить о чемъ-нибудь, не сидѣть же намъ молча, — возразила Мытищева, продолжая работать.

— Извините меня, но я не вижу никакой необходимости говорить, когда не хочется или когда не о чемъ говорить. Да и дѣло не въ томъ! У насъ найдется о чемъ поговорить, но вы спѣшите завести рѣчь о самыхъ незначительныхъ вещахъ, какъ будто для того, чтобы избѣжать этого разговора.

Мытищева почувствовала какія-то маленькія пріятныя мурашки, пробѣжавшія по тѣлу. „Это что-то начинается“, мгновенно промелькнуло у ней въ головѣ — именно то „что-то“, начало того иногда ничтожнаго, иногда серьёзнаго, которое женщины такъ любятъ и ждутъ, но считаютъ обязанностью, какъ бы для очищенія совѣсти, избѣгать.

— Вовсе нѣтъ!— сказала она;—если вы находите что-нибудь интересное, говорите: я очень рада.

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значило: „ну начинай, а я посмотрю, дать ли тебѣ щелчокъ по-носу или позволить идти дальше“. Но или Мытищева ошиблась и Камышлинцевъ вовсе не думалъ выставлять своего носа, или онъ сдѣлалъ это такъ искусно, что предохранилъ себя отъ всякихъ щелчковъ.

— Какъ же не найти! — сказалъ Камышлинцевъ; — кажется, мы съ вами были довольно дружны! Но, несмотря на это, мы никогда не говорили откровенно: вы были для этого слишкомъ благовоспитанны, а первое правило благовоспитанныхъ дѣвицъ — говорить не то, что думается, а что принято говорить. Теперь дѣвичья опека снята, и я думаю что можно бы быть и пооткровеннѣе?

— Это смотря по вопросу и по человѣку, — улыбаясь отвѣчала Мытищева. — Впрочемъ, у меня нѣтъ тайны, такъ не можетъ быть и скрытности.

— Хорошо, посмотримъ! — сказалъ Камышлинцевъ. — Въ прошедшій разъ вы замѣтили, что у меня нѣтъ смѣлости броситься головой внизъ: можетъ это и правда! Мы всѣ выросли въ ужасно тѣсныхъ пеленкахъ, а пеленки не даютъ смѣлости и самонадѣянности. Но я не знаю, смѣлъ ли я: случая не было испытать; а скажите вы мнѣ про себя. Вотъ я никакъ не могу понять, какимъ образомъ молодыя, красивыя дѣвушки рѣшаются выходить замужъ безъ любви, дѣлаютъ однимъ словомъ приличныя партіи! Вѣдь это тоже бросаться головой внизъ? а между тѣмъ это дѣлается сплошь и рядомъ! Что это — дерзость ли, или отчаяніе, или безпечность?

Мытищева слегка зарумянилась.

— А я думаю ни то, ни другое, ни третье! Просто надо сдѣлать себѣ положеніе: не оставаться же старой дѣвой! Это еще хуже чѣмъ старый холостякъ, которымъ вы останетесь съ вашимъ взглядомъ на женитьбу! — прибавила Мытищева, стараясь свести разговоръ на другую дорожку.

— Сдѣлать себѣ положеніе слѣдуетъ, и я совершенно понимаю экономическую сторону замужества!—отвѣчалъ Камышлинцевъ; — но что вы сдѣлаете съ такъ-называемой сердечной стороной, если экономическая-то съ ней не сходится. Я вотъ не знаю, что дѣлать съ собой, потому что не нахожу по себѣ работы, хотя совершенно свободенъ въ помѣщеніи чувствъ и могу ими заниматься сколько угодно; а для женщины, женщины обезпеченной, наша жизнь только и выработала пока одну отраду— любовь! Это очень дурно, но это такъ! Заботы, трудъ, самопожертвованіе — все это для женщины отрадно только тогда, когда дѣлается ради любимаго существа, и вся болѣе широкая дѣятельность доступна ей только чрезъ любящаго ее мужчину! Что же, когда этого существа нѣтъ? когда не только нѣтъ его, но когда еще замужествомъ по экономическимъ соображеніямъ воздвигается между ними препятствіе? что же это: самоубійство или самообманываніе?

Мытищева затруднилась отвѣтомъ.

— Развѣ замужество не можетъ быть счастливо безъ особенной любви,—сказала она, сдѣлавъ удареніе на словѣ особенной. —Если есть привязанность, уваженіе, сходство характеровъ и при этомъ приличное положеніе, то этого, я нахожу, совершенно достаточно, чтобы считать бракъ очень счастливымъ, и не нужно особенной смѣлости, чтобы рѣшиться на него.

— Я съ вами совершенно согласенъ, что со стороны удобства жизни, съ экономической стороны, этого вполнѣ достаточно! Даже скажу вамъ болѣе: сколько мнѣ ни случалось встрѣчать счастливыхъ браковъ и вообще наблюдать это... (Камышлинцевъ остановился, пріискивая

слово)—это общепринятое заведеніе, я находилъ, что только тѣ изъ браковъ и счастливы, гдѣ нѣтъ особенной, какъ вы говорите, любви, гдѣ ее замѣняетъ склонность или гдѣ она перегорѣла до тихой привязанности. Любовь—чувство слишкомъ тревожное, слишкомъ горячее и возбуждающее для такого обыденнаго удобства, которое мы называемъ въ настоящемъ случаѣ счастіемъ! Любовь—роскошь брака, и если бракъ основанъ только на этомъ хрупкомъ чувствѣ, то онъ весьма рискованъ. Но, съ другой стороны, что же за жизнь безъ любви? вѣдь это произрастаніе! Да еще и произрастанье-то безъ цвѣта, безъ аромата! Какъ же можно отказывать себѣ въ этомъ чувствѣ, которымъ однимъ только и красна жизнь! Вѣдь это... половина самоубійства, эта самоискалеченье! — сказалъ онъ.

Мытищева молчала; наклонивъ голову къ шитью, она, казалось, пристально занималась имъ, и тоненькая игла, быстро и легко захватывая батистъ, сверкала въ ея проворно поднимавшихся пальцахъ. Одно только шуршанье натягиваемой нитки, мѣрно отсчитывающее каждый стежокъ, нарушало тишину. Румянецъ сильнѣе заигралъ на нѣжной и прозрачной кожѣ щекъ Ольги, и синенькія жилы ясно отдѣлились около висковъ на лицѣ ея. Камышлинцевъ смотрѣлъ на эту прелестную, наклоненную головку, на вьющіеся свѣтлые волосы, колечками спускающіеся на лобъ, на весь нѣжный и мягко склоненный станъ, и любовался.

— Я не могу отвѣчать за другихъ, — сказала наконецъ Мытищева, — но мнѣ кажется, для счастья совершенно достаточно тихаго чувства, которое даетъ прос-

тая привязанность; да и лучше, — прибавила она: — не обожжешься.

Камышлинцевъ нѣсколько мгновеній молча и нѣжно глядѣлъ на Мытищеву. Какое-то сострадательное и доброжелательно-покровительственное чувство, чувство любящаго отца или брата ощущалъ онъ къ ней.

— И это говорите вы! — тихо и съ упрекомъ сказалъ онъ. — Вы такъ созданы, что вамъ не знать любви — двойной грѣхъ передъ собою и непростительный грѣхъ передъ природой, васъ такъ создавшей! Нѣтъ, вы не искренны! Вы должны иногда переживать тяжелыя минуты! — сказалъ Камышлинцевъ.

Онъ говорилъ это такъ искренно и просто, такое неподдѣльное участіе слышалось въ его голосѣ что спрятаться за шуткой или прибѣгнуть къ какой-нибудь увερткѣ, на которыя женщины такія великія мастерицы, когда не хотятъ отвѣчать прямо, — было бы недобросовѣстно, и Мытищева чувствовала это.

— Н-ну, не тяжелыя, — отвѣчала она, не поднимая глазъ, — это много: но иногда тоска и скука бываютъ порядочныя.

— Бѣдная вы! — сказалъ Камышлинцевъ, сострадательно глядя на Мытищеву, — и бѣдные мы!.. — тихо прибавилъ онъ.

Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ разговоръ, еслибы его неожиданно не прервала мать-попадья, зашедшая къ Мытищевой, попросить у нея, какъ оказалось впослѣдствіи, бурнуса для фасона. Попадья была женщина молодая, сложенія — какъ и всякая хорошо выбранная попадья — прочнаго, въ своемъ кругу большая тараторка и модница, но въ высшемъ обществѣ, по своимъ осо-

бенным правилам приличія, она считала нужным опускать бойкіе каріе глаза и сжимать губы. При входѣ этой неожиданной гостьи, у Мытищевой и Камышлинцева явилась одна и та же мысль: „зачѣмъ принесла тебя нелегкая!“ а затѣмъ явилось какое-то неопредѣленное чувство неловкости, точно ихъ застали на чемъ-то тайномъ и запретномъ, хотя запретнаго, какъ мы видѣли, ничего не происходило.

Разумѣется и Мытищева и Камышлинцевъ, какъ люди благовоспитанные и умѣвшіе всегда владѣть собою, не выдали никакихъ впечатлѣній своихъ и Мытищева встрѣтила попадью весьма привѣтливо и мило. Но попадья, не обладавшая этими дарами, какъ натура болѣе первичная, довольно ясно высказала свои помыслы. Видя представившихся ей съ глазу на глазъ молодыхъ людей, она крайне смутилась и начала извиняться, что „можетъ-быть, помѣшала“, на что Мытищева, смѣясь, замѣтила ей, что у нея съ Камышлинцевымъ не было никакихъ тайнъ и потому извиняться ей не въ чемъ. Разговоръ зашелъ ничтожный. Вскорѣ пришелъ самъ Мытищевъ, подали чай и Камышлинцевъ, напившись чаю, уѣхалъ.

На прощанье Мытищевъ очень радушно и искренно просилъ Камышлинцева навѣщать ихъ, но хозяйка не была многорѣчива: подавая руку Камышлинцеву, она только подняла на него глаза и, кивнувъ головой, сказала: „пожалуста пріѣзжайте“! При этомъ ея прелестное подвижное личико сжалось такъ просительно-мило, голосъ ея былъ такъ вкрадчиво мягокъ и убѣдителенъ, что какая-то теплая пріятная волна прошла отъ ея словъ въ груди Камышлинцева. „Непремѣнно“, — отвѣтилъ онъ ей, улыбаясь, и это „непремѣнно“ было такъ сказано, что у

Мытищевой тоже что-то пріятное шевельнулось въ груди, и она не сомнѣвалась что Камышлинцевъ дѣйствительно намѣренъ часто посѣщать ихъ. Нѣсколько дней сряду при воспоминаніи этихъ незначительныхъ и громко высказанныхъ словъ, неизвѣстно почему и у Мытищевой, и у Камышлинцева лицо принимало пріятное и веселое выраженіе. Одна мать-попадья, по своей первозданной натурѣ, ни надъ чѣмъ не задумывалась и ни въ чемъ не сомнѣвалась; для нея дѣло было ясное, задача, рѣшенная опытомъ предковъ и завѣщанная дѣтямъ: съ одной стороны молодой человѣкъ и молодая женщина, съ другой— старый мужъ, слѣдовательно...

— Что это, Господи, ужь ныньче за вѣкъ такой, отецъ Иванъ, — озабоченно начала-было она разсказывать, ложась спать. Но отецъ Иванъ, не любившій въ домашнемъ быту назидательныхъ разговоровъ, прервалъ ее вопросомъ:

— А что Воробьевская свадьба пиво-то не кислое привезла?

VII.

На другой день послѣ визита къ Мытищеву, передъ вечеромъ, небольшой открытый тарантасъ, въ какихъ помѣщики ѣздятъ неподалеку другъ къ другу, подъѣхалъ къ пяти-оконному, съ вышкой, деревянному дому помѣщика Еремѣева и остановился у подъѣзда. На лай дворовой собаки, исполнявшей обязанность докладчика, изъ окна высунулась красивая, повязанная платкомъ голова молодой женщины. Заслонясь рукой отъ солнца, бившаго ей прямо въ лицо, женщина посмотрѣла нѣ-

сколько мгновеній на пріѣзжаго, потомъ вдругъ вскрикнула: „Ахъ, Митрій Петровичъ!“—и скрылась. Черезъ минуту сѣни отворились, и та же высокая статная, одѣтая по-мѣщански женщина встрѣтила Камышлинцева.

— Здравствуйте Марья Семеновна! здравствуйте!—говорилъ Камышлинцевъ, выходя изъ тарантаса и дружески пожимая руку молодой женщины. — Какъ поживаете?

— Слава Богу, Митрій Петровичъ! давно ли васъ Богъ принесъ? Вотъ Илья-то Игнатьичъ обрадуется! милости просимъ,—говорила женщина, приглашая Камышлинцева войти въ домъ.

— А гдѣ онъ? — спросилъ Камышлинцевъ.

На этотъ вопросъ послышался изъ смежной комнаты сильный, но хриплый съ просонья голосъ:

— Здѣсь! здѣсь онъ!—и вслѣдъ затѣмъ зашлепали туфли и растрепанная, заспанная, высокая, могучая фигура въ халатѣ появилась оттуда.

— А! землепроходецъ! Агасферъ! опять явился. Здравствуйте! Здравствуйте, — говорилъ, весело и радушно улыбаясь, Еремѣевъ и, трижды облобызавшись, потрясалъ тонкую руку Камышлинцева такъ, что та хрустѣла. — Откуда принесло?

— Да трудно сказать! теперь изъ дому, а въ домъ—изъ Швейцаріи, изъ Рима, изъ Неаполя, пожалуй,—словомъ изъ Европы.

— Ну такъ! Агасферъ! вѣчный жидъ, какъ есть! А что васъ къ намъ-то загнало? Дыму отечества понюхать захотѣлось? Оброкъ, вѣдь, Бахтинъ высылалъ аккуратно, кажется.

— Аккуратно, спасибо вамъ! Дыму захотѣлось понюхать,—отвѣчалъ Камышлинцевъ: — прослышалъ за границей, что онъ нынче иначе запахъ, я и пріѣхалъ.

— Ха, ха ха! Иначе! Это „Лорды“ или „Іендепандансы“ ваши что-ли пронюхали? Ну, а вы какъ съ свѣжаго-то воздуха нашли? что амброй или хоть лакрицею чай не дохнешь?—а?

— Сверху-то, слухи носятся, иначе вѣетъ, а внизу...—Камышлинцевъ махнулъ только рукой.

— А вы повѣрили, что внизу-то весь тысячу лѣтъ копленный навозъ и черноземъ такъ вдругъ и превратится въ амбру!... Ну-те-ка, ну-те-ка, разскажите, что же вы про насъ прослышали? какіе мы стали? Маша! дай-ка намъ вишневаго медку сюда, да холодненькаго,— говорилъ Еремѣевъ, выходя съ гостемъ на терраску, выдающуюся въ цвѣтничекъ, и усаживаясь на деревянную скамейку, передъ которой стоялъ такой же некрашеный столъ. —Ну, батенька, разсказывайте, разсказывайте!

Пошли разговоры въ перебой, какъ обыкновенно случается послѣ долгой разлуки; потомъ Еремѣевъ опять спросилъ:

— Ну-те же, какъ вы ѣздили? —Между тѣмъ красивая Марья Семеновна принесла холоднаго, какъ ледъ, меду и, поклонившись, подала Камышлинцеву, который, съ улыбкой отвѣтивъ на поклонъ, взялъ стаканъ и сталъ попивать. Еремѣевъ выпилъ свой стаканъ залпомъ, крякнулъ, налилъ еще и сказалъ: „ну а теперь самоварчикъ поставь!“

— Да что же разсказывать! все вещи извѣстныя,— отвѣчалъ Камышлинцевъ, прихлебывая медъ. Онъ ра-

довался свиданью съ пріятелемъ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа и на него нашла охота говорить.

— Путешествовалъ я... вы не испытали, какая это отличная штука путешествовать? Домъ, семью, службу, обязанности—все это свалишь на кого-нибудь или просто бросишь, возьмешь, сколько сможешь, презрѣннаго металла, мимо всѣ дрязги, болячки, недуги—общественные разумѣется недуги, а своихъ скопишь, напротивъ, сколько можно, чтобы развезти по знаменитымъ врачамъ и водамъ,—и порхъ за границу. Выѣдешь и сейчасъ чувствуешь отраду: такъ легко! Только и заботы объ услажденіи собственной особы. Ну, а тамъ все и принаровлено къ этому. Дороги отличныя, переносишься съ быстротой птицы; вездѣ, куда ни пріѣдешь, васъ какъ-будто только и ждали: возможный по вашему карману комфортъ уже приготовленъ; захочешь развлечься — развернешь гидъ и афиши: театры, картинныя галлереи, прекрасныя прогулки, замѣчательнѣйшіе виды, для поученья — музеи, однимъ словомъ прелесть! ни сучка, ни задоринки! все казовымъ концомъ повернуто и розами усыпано! Только и огорченья развѣ, что подадутъ жесткую котлету или цѣны ужъ больно безсовѣстно выставятъ. Хоть бы клопъ укусилъ, — такъ и того нѣтъ!

— Быть не можетъ?—возразилъ Еремѣевъ.— Ахъ шельмы! и клоповъ нѣтъ!

— Ну, зато ужь мы и взыскательны на счетъ комфорта!—продолжалъ Камышлинцевъ.—Придираться-то знаете не къ чему, всѣ эти променады и галлереи — все въ лучшемъ видѣ, все розы да розы; а потребность сердце-то сорвать на комъ-нибудь есть, особенно какъ дома-то къ этому привыкнешь,—такъ прислуга и отелье

держись! Вымуштровали ихъ дѣйствительно до замѣчательнаго совершенства. Ну, кругомъ проходятъ новые народы, развивающіеся въ совершенно иныхъ условіяхъ, съ иными устройствами, требованіями, страданьями, нравами,—это мы все мимо! гдѣ, чортъ, узнаешь ихъ внутреннюю жизнь и ихъ устройства! Въ гидахъ на это ничего не указано — добирайся-ка самъ, да и притомъ же для этого надо заняться чѣмъ-нибудь исключительно: на все не хватитъ. Ну, а наши дворянскія спеціальности вамъ извѣстны! и то думается: къ чему же и изучать, коль примѣнить-то я не могу? Вѣдь это значитъ только еще больше увидѣть прорѣхъ, которыхъ не можешь заштопать: только свою желчь раздражать! такъ ужь лучше и не видѣть! Да и за границей мѣстные-то аргусы не любятъ, какъ къ нимъ въ душу-то поглубже залѣзаешь.

— А, не нравится! не лю-бя-тъ,—протянулъ Еремѣевъ.

— Да! а особенно тамъ, гдѣ прорѣхи-то любятъ закрывать, хоть напримѣръ въ благословенной нынѣшней Франціи. Впрочемъ и резонно: людямъ весь путь розами усыпанъ, а они на задніе дворы хотятъ заглянуть! И не будь у меня процесса съ хозяйкой, которая за стеариновое пятно на коврѣ хотѣла съ меня 200 франковъ слупить, да не прими меня какой-то французскій шпіонъ за итальянскаго агента, такъ я бы и не узналъ о существованіи этихъ дворовъ.

— Однако же на засѣданіяхъ ассизовъ, да исправительной полиціи бываютъ же пріѣзжіе? спросилъ Еремѣевъ.

— Бываютъ, да вѣдь бываютъ какъ на спектакляхъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ:—это все входитъ въ

программу удовольствій, а какъ идетъ слѣдствіе, адвокатство и подготовка процесса, — какова полицейская дѣятельность и вообще административное давленіе, каково сельское управленіе—это все прикрыто!

— Ну такъ вотъ, порхалъ я такъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, — продолжалъ Камышлинцевъ: — все розы да розы; сначала-то и хорошо, но вдолгѣ, признаюсь вамъ, даже одурь взяла! ужь я по рынкамъ сталъ бродить: по крайней мѣрѣ сырой народъ и сырые продукты видишь.

— Понимаю — сказалъ Еремѣевъ: сегодня суфлей завтра суфлей—наконецъ и чернаго хлѣба захочется.

— То-то и есть! Вамъ извѣстно, что мы изъ Россіи-то бѣжимъ, потому что не знаемъ, что дѣлать изъ себя, — потому, что насъ мучитъ бездѣлье и безцѣльная трата времени: все тотъ же вѣчный суфлей, да еще на постномъ маслѣ. Ну тамъ, правда, на миндальномъ молокѣ, а все надоѣстъ! Разъ, когда Женевское озеро мнѣ начало претить хуже Камышлинскаго пруда, я и началъ помышлять, что на прудѣ хоть утокъ можно стрѣлять, а тутъ и ихъ нѣтъ,—читаю въ „Nord“ депешу, что освобожденіе крестьянъ у насъ рѣшено. Я такъ и привскочилъ! Тамбовскій помѣщикъ одинъ въ нашемъ пансіонѣ жилъ, я ему кричу: „Петръ Петровичъ, говорите: слава Богу! у насъ крестьянъ хотятъ освободить!“ Онъ сначала не понялъ; „какъ, говоритъ, освободить! отъ чего ихъ освободить?“ — „Отъ нашей, говорю, власти, отъ крѣпостной зависимости!“ Онъ на меня во всѣ глаза глядитъ и молчитъ: столбнякъ на него нашелъ. А замѣтьте,—добрѣйшій человѣкъ и крестьяне у него, говорятъ, презажиточные.

Что, спрашиваю, съ вами?—„Да какъ, говоритъ, освобождать крестьянъ, когда это такъ ужь у насъ испоконъ вѣку ведется, да и самимъ Господомъ Богомъ предназначено! И зачѣмъ, говоритъ, ихъ освобождать? Ну освободи его, вѣдь онъ все-таки рабочимъ же крестьяниномъ останется! Не въ дворяне же его произведутъ?“ — просто въ голову взять не можетъ. Представьте себѣ, что ему на мысль не приходилъ не только вопросъ объ освобожденіи, но онъ и не подозрѣвалъ возможности его существованія!

— Ну это извѣстно! какъ варомъ ошпарило: это мы видали достаточно,—замѣтилъ Еремѣевъ. — Ну-съ, батинька, что же дальше?

— Я было призадумался и, видя примѣръ Петра Петровича съ одной стороны и разныя журнальныя утки съ другой, усумнился. Но потомъ читаю подробности, слышу — адресы наперерывъ начали подавать и даже хвалиться, что мы-де раньше другихъ заявляли! Ну, думаю, оживаетъ наша Русь, закипаетъ дѣятельность! можетъ быть и нашему брату, хоть ни къ чему спеціально не приготовленному, да все-таки кой-что читавшему и видавшему, найдется наконецъ дѣло! Подождалъ я до весны, да и въ путь, домой.

— Ну и что же? ну-те, ну-те! какія перемѣны нашли?—улыбаясь и потирая руки, спрашивалъ Еремѣевъ.

— Да какія перемѣны? начать съ того, что пріѣхалъ я въ Ковно. По Нѣману ледъ идетъ, нѣтъ, говорятъ, перевоза; но выросшій какъ изъ земли жидокъ-факторъ таинственно объявилъ, что его дѣйствительно нѣтъ, но что сейчасъ генерала будутъ перевозить, большаго генерала,—такъ онъ пристроитъ меня тутъ, если

панъ обѣщаетъ что-нибудь перевозчикамъ. Я обѣщалъ, и жидокъ уладилъ дѣло. Подвели паромъ, выѣхалъ въ коляскѣ генералъ, народъ было къ парому: „батюшки, другія сутки ждемъ!“—„Нельзя! только для генерала; прочь! Начали, паромъ бичевой тянутъ съ крикомъ, живо. Какіе-то жидки возились по берегу около лодокъ, кого изъ нихъ бичевой придавило, кого съ ногъ сшибло — визгъ только поднялся: „жми ихъ, чортово племя“! „Народъ глупъ—все лезетъ--ну того въ шею, другаго въ зубы—отчалили. Развѣ не видятъ—генерала везутъ“. И во имя генерала — такъ всѣхъ и лупятъ. Ну, думаю, это—по старому.

— Гм! а вы какъ полагали? Ну-те, что же далѣе?—поддакивалъ Еремѣевъ. — Да не хотите ли съ прибавленіемъ?—спросилъ онъ, показывая на ромъ, и подлилъ его себѣ въ чай, который подала Маша:—заграницей-то не выучились?

Камышлинцевъ отказался и продолжалъ:

— Потомъ взялъ я мѣсто въ мальпостѣ. Пасха пришлась, и кондукторъ запилъ и распоряжался нами, какъ крѣпостными: гдѣ два часа безъ нужды просидишь, гдѣ пообѣдать не даетъ — благо весна, на нее все можно свалить. Мы возмутились; одинъ пассажиръ жалобу написалъ отъ имени всѣхъ, и я имѣлъ глупость подписать: „мы—говоритъ—въ газетахъ напечатаемъ; теперь вѣдь благодѣтельная гласность!“ Ну, думаю, пропалъ бѣдный кондукторъ! Дѣло обошлось однако: я узналъ, что нашъ протестъ почтовая цензура не пропустила.

— Ну, этотъ опытъ еще вамъ не дорого стоилъ, а вотъ у насъ, — прервалъ Еремѣевъ, — одинъ купецъ

не могъ съ другаго долга по сохранной роспискѣ получить: полиція все за носъ водила. Прослышалъ онъ про гласность, пришелъ въ полицейское управленіе, да тамъ всѣхъ и распушилъ. „Воры, говоритъ, вы и взяточники!“ Городничій даже обмеръ отъ такой неожиданности! „Да что, говоритъ, вы съума что ли сошли? вѣдь здѣсь зерцало!“ А купецъ только ухмыляется: „нѣтъ, говоритъ, теперь не прежнія времена: теперь гласность! мошенниковъ вездѣ можно обличать!“ Ну и обличилъ: рублей тысячу стоило дѣло замять! Теперь ему только скажи: что Степанъ Петровичъ, какова нынче гласность?—такъ онъ индо зеленый становится.

— Ну, и дальше въ томъ же родѣ, — продолжалъ Камышлинцевъ. Въ Петербургѣ, говорятъ, работаютъ, но что дѣлается — неизвѣстно, а здѣсь я вчера слышалъ отъ Нобелькнебеля вотъ какія вѣсти.

Камышлинцевъ передалъ свой разговоръ. Еремѣевъ задумался.

Скажемъ, однако, нѣсколько словъ объ Еремѣевѣ.

Онъ былъ сынъ офицера, выслужившагося изъ фельдфебелей, и мелкопомѣстной барыни, на которой отецъ его женился по выслугѣ, слѣдовательно довольно поздно. У помѣщицы было душъ 10 крестьянъ и десятинъ 200 земли. Дѣтей у нихъ было двѣ дочери да сынъ; дочерей они при себѣ еще выдали замужъ, а сына помѣстили въ уѣздное училище, а потомъ въ гимназію. Гимназіей его ученіе окончилось, да и тамъ нужда выгнала его изъ предпослѣдняго класса, потому что отецъ у него умеръ, а мать совершенно запустила маленькое хозяйство, и все, что она получала, шло въ женскій монастырь. Сынъ увидѣлъ, что дѣло плохо, бросилъ

ученье, пріѣхалъ въ деревню и по семнадцатому году принялся самъ хозяйничать. Мальчикъ былъ бойкій и смышленый, совѣтовался часто съ однимъ своимъ же зажиточнымъ крестьяниномъ, который его любилъ и баловалъ еще ребенкомъ. Юноша прибралъ къ рукамъ имѣніе, а потомъ, по желанію матери, пристроилъ ее въ монастырь, гдѣ она и умерла.

Зажилъ онъ не дурно. Въ описываемое нами время ему было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ въ отца, 11-ти вершковъ росту, въ плечахъ — какъ говорится — косая сажень; на нихъ стояла большая голова съ круглымъ, полнощекимъ, русскаго типа, лицомъ и умными глазами. Крестьянамъ своимъ онъ предоставилъ почти полную свободу: не стоитъ, говорилъ, возиться съ такой малостью, и большей частью переторговывалъ то тѣмъ, то другимъ; онъ имѣлъ талантъ ладить и вести дѣла съ простымъ русскимъ человѣкомъ. Купцы и крестьяне имѣли къ нему полное довѣріе, говорили ему всѣ „ты" и уважали его. А происходило это, кромѣ его ума и умѣнія, отъ того еще, что складъ этого ума былъ совершенно русскій: простой людъ чуялъ въ немъ своего. „Умный мужикъ!" говорили про него крестьяне, несмотря на то, что нѣкоторыми понятіями онъ казалось шелъ съ ними въ-разрѣзъ. Такъ, напримѣръ, помня обращеніе монахинь съ его матерью, Еремѣевъ ненавидѣлъ ихъ, не любилъ даже и образовъ: „бѣдовый онъ на нихъ", говорили мужики, посмѣиваясь, и любили въ веселый часъ навести его на разговоръ о монастыряхъ. Читалъ Еремѣевъ въ свободное время охотно, но дѣла для книги, какъ бы она занимательна ни была, не оставлялъ. Чтеніе онъ любилъ дѣльное и преиму-

щественно читалъ или книги хозяйственныя, или историческія, да „объ естествѣ“ — какъ онъ выражался о естественныхъ наукахъ; а изъ легкихъ развѣ историческіе романы: „Нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона“ или „Петра Великаго“. Р. Зотова онъ предпочиталъ Гоголю. Онъ мороковалъ по-французски и по-нѣмецки, хотя произносилъ варварски. Не прочь былъ выпить съ пріятелемъ, и могъ, не пьянѣя, выпить пропасть; но одинъ выпивалъ только рюмку горькой передъ обѣдомъ и ужиномъ. Лѣтъ 10 назадъ сошелся онъ съ одной мѣщанкой, Машей, и съ тѣхъ поръ жилъ съ ней очень дружно, имѣлъ двоихъ дѣтей, предоставилъ ей въ полное распоряженіе домашнее хозяйство, но въ свои дѣла вмѣшиваться ей не позволялъ: „и хорошая, да все баба!“ — говорилъ онъ. Съ Камышлинцевымъ познакомился онъ вскорѣ послѣ его переѣзда въ деревню и очень полюбилъ его, зато, что онъ „парень умный, ученый и простой“. Камышлинцевъ тоже любилъ Еремѣева за ясный и смѣтливый русскій умъ и снабжалъ его книгами.

— Скажите, неужели въ самомъ дѣлѣ Нобелькнебель правъ, и дѣло кончится ничѣмъ? — спросилъ Камышлинцевъ. Что же скажетъ народъ?

— А народъ — ничего не скажетъ! хладнокровно отвѣтилъ Еремѣевъ. Нашъ народъ выносливъ и на подъемъ тяжелъ — замуравился себѣ и молчитъ! А все таки дѣло сдѣлается, коли сверху хотятъ, — отвѣчалъ Еремѣевъ.

— И вы думаете безъ всякой оппозиціи? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Ну вотъ и безъ оппозиціи! нѣтъ, оппозиція будетъ, и очень сильная, только не такая, какъ вы ду-

маете, — вставъ со скамейки и похаживая по балкону, продолжалъ Еремѣевъ.

— Какая же это оппозиція? — слѣдя глазами за Еремѣевымъ, спрашивалъ Камышлинцевъ.

— А наша русская оппозиція, батинька! оппозиція ничего-недѣланія: только руки сложить и ноги протянуть — вотъ и вся штука.

— Да будто противъ нея ничего не подѣлаешь? — горячо возразилъ Камышлинцевъ, — будто нѣтъ людей!

— Какъ не быть людямъ, — улыбаясь и посматривая на Камышлинцева, отвѣчалъ Еремѣевъ. — А ваша-то братья, Акулины-старицы на весь міръ печальницы! развѣ васъ мало?

— Ну такъ видите! чего же еще? я знаю, извѣстное возраженіе: мы не умѣемъ дѣлать! или только беремся горячо, да не надолго!

— Это дѣйствительно: со стойки лошадь горячо принимается и не долго выноситъ, — да суть-то не въ томъ.

— Ну такъ въ чемъ же? разрѣшитесь! — теряя терпѣнье, спрашивалъ Камышлинцевъ.

— Да дѣло въ томъ, что либо вы не захотите, либо васъ не захотятъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ! Вѣдь дѣятельность есть? отчего вы не служите?

— Помилуйте, я три службы перемѣнилъ: былъ въ военной, былъ въ статской, былъ въ ополченіи!

— Да отчего же нигдѣ не ужились?

— Отчего? оттого что дѣло было не по мнѣ. А когда дѣло будетъ по мнѣ...

— Тогда васъ не захотятъ, или сдѣлаютъ его не по васъ,—перебилъ Еремѣевъ и, какъ будто довольный этимъ, подлилъ себѣ рому въ чай.

— Что за странное положеніе!—возразилъ Камышлинцевъ,—все говорили: людей мало, а люди дѣла себѣ сыскать не могутъ! Вѣдь должны же мы выйти когда-нибудь изъ этого заколдованнаго круга?

— Какъ не выйти!.. Есть воспитатель, ужасно сильный, батинька, — это нужда. Вотъ какъ бы вы всѣ знали ее, вы бы дѣло себѣ нашли!—сказалъ Еремѣевъ рѣшительно.

— Да развѣ я ее не знаю! Развѣ нужда дѣятельности не та же нужда? не та же бѣдность, только нравственная и очень тѣсно связанная съ матеріальной?—возразилъ Камышлинцевъ.

— То-то вотъ, что это еще не для всѣхъ уяснилось! А вотъ когда ее на деньги переведутъ, такъ она для всѣхъ яснѣе будетъ: это языкъ всѣмъ понятный, батинька! Это не отвлеченности! — Еремѣевъ потеръ руки въ знакъ удовольствія, отпилъ чай и долилъ его ромомъ.

— Глупо, совсѣмъ глупо! Мы не спеціалисты, мы всѣ воспитываемся для общественной дѣятельности — а ее то внѣ службы и нѣтъ!—сказалъ Камышлинцевъ.— Аферами что-ль заняться? Заводъ завести бы какой? Научите, практическій мудрецъ!

— Ха! ха! ха! это бы хорошо! А капиталъ есть?— спросилъ Еремѣевъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— А умѣнье есть? — спросилъ Еремѣевъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— А склонность есть? — спросилъ Еремѣевъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

Еремѣевъ только разразился гомерическимъ смѣхомъ. Камышлинцевъ тоже разсмѣялся, но на душѣ у него было не до смѣху.

— Прощайте! — сказалъ онъ, вставая и подавая руку Еремѣеву, который посмотрѣлъ ему въ глаза и, хотя Камышлинцевъ старался казаться спокойнымъ, подмѣтилъ въ его лицѣ тяжелое выраженіе.

— Чудакъ вы! — сердито сказалъ Еремѣевъ, съ бранящимся участіемъ русскаго человѣка, — вѣдь о насущномъ хлѣбѣ, слава Богу, заботиться нечего? Книгъ, чай, привезли съ собою много, журналы тоже есть?

— Привезъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — прислать вамъ чего?

— Нѣтъ, я заѣду, и не въ томъ дѣло; я только хотѣлъ спросить: вѣдь васъ удача или неудача либеральнаго министерства въ Англіи интересуетъ еще? Коли озонъ какой откроютъ—тоже довольны бываете? Охота здѣсь не дурная; ружье новое привезли?

— Привезъ, доброе!

— Ну видите! А кругомъ еще сосѣдки есть хорошенькія. Да скажите намилость, чего же вамъ еще? Нѣтъ, ему все мало, хочется всѣми порами жить! Жирно будетъ, батенька! Вдругъ-то желудокъ не переваритъ! Чѣмъ разбирать, да считаться съ жизнью, берите-ка то, что она даетъ, и живите, чѣмъ можете, а тамъ, при счастьѣ, и дѣлишко, пожалуй, подвернется. Тогда и его за бока; а коль нѣтъ, такъ что пользы хандрить, да противъ рожна прать!

Камышлинцевъ не отвѣчалъ; пожалъ руку Еремѣева и поѣхалъ. Дорогой и пріѣхавъ къ себѣ, онъ серьезно думалъ о послѣднихъ словахъ Еремѣева и понялъ всю ихъ практичность, тѣмъ болѣе, что другаго-то и дѣлать было нечего. И сталъ онъ почитывать, охотиться и чаще бывать у Мытищевыхъ.

VIII.

Съ мѣсяцъ спустя послѣ описаннаго разговора, Камышлинцевъ, по обыкновенію, обѣдалъ у Мытищевыхъ; говоримъ, по обыкновенію, потому что его посѣщенія были такъ часты, взаимныя отношенія такъ, казалось, искренно-дружественны, что если случалось ему день-два не бывать, къ нему ѣдетъ который-нибудь изъ Мытищевыхъ справляться о здоровьи и увозитъ къ себѣ. Камышлинцевъ, какъ говорится, пришелся по семьѣ Мытищевыхъ и семья пришлась по немъ. Семья эта была счастливая. Несмотря на разность лѣтъ, Ольга Мытищева любила мужа той тихой и вмѣстѣ нѣжной привязанностью, какая устанавливается въ счастливыхъ бракахъ послѣ перваго пыла любви, или—когда этого пыла не было вовсе—по мѣрѣ оцѣнки взаимныхъ качествъ и увеличивающагося въ той же степени уваженія и сочувствія. Съ другой стороны, мужъ обожалъ жену. Тѣ, кто полагаютъ, что старость, молодая старость или даже старая старость, когда она не занята вся неудачами, неспособна любить, дѣлаютъ весьма грубую ошибку. Любовь есть не только одно изъ самыхъ великихъ, но и самыхъ живучихъ чувствъ. Она пронизываетъ все животное царство, и есть первый двигатель

и источникъ жизни. Она переживаетъ въ человѣкѣ и его молодость и силы. Старческая любовь можетъ быть не менѣе сильна и глубока, чѣмъ всякая иная: опытъ, даже опасеніе и боязнь смѣшнаго—и тѣ не всегда мѣшаютъ ей выказываться! Спросите женщину, на какія пожертвованія, на какое безуміе способенъ остающійся съ ней на единѣ старикъ — и вы убѣдитесь, что, по мѣрѣ утраты правъ на это великое и сладчайшее чувство, человѣкъ, кажется, болѣе и болѣе дорожитъ его послѣднимъ проблескомъ, послѣдними крупицами самой роскошной трапезы, и надо имѣть болѣе чѣмъ когда-либо самообладанія, силы воли и глубоко трезваго взгляда, чтобы, сознавъ пору увяданія, съ грустью, но твердо сказать себѣ: „эту прелестнѣйшую сторону жизни я отжилъ навсегда!“

Свѣжая и только начинающаяся старость Мытищева еще не торопила его отказываться отъ любви; онъ былъ достаточно хорошо воспитанъ, чтобы не выказать сколько-нибудь черезчуръ сладкой нѣжности къ женѣ при постороннихъ, — можетъ быть, былъ настолько благоразуменъ и силенъ, чтобы и наединѣ съ нею держать чувства въ соотвѣтственныхъ своему положенію границахъ; но несмотря на это, его нѣжность и любовь невольно просвѣчивали въ каждомъ взглядѣ на жену, давали особенную теплоту и мягкость обращенію его съ ней. Отъ этихъ взаимныхъ отношеній, въ ихъ семьѣ постоянно чувствовалось какое-то стройное, теплое и невозмутимо мирное теченіе жизни. Даже старикъ Василій Сергѣевичъ Мытищевъ, съ его желчью, цинизмомъ и насмѣшкой, былъ не лишній: онъ придавалъ тѣнь и соль слишкомъ ровной картинѣ.

Не менѣе къ дому пришелся и Камышлинцевъ: ему пріятно было пригрѣться у этого мирнаго домашняго очага, такъ счастливо составленнаго, и гдѣ, вдобавокъ, подъ тихой поверхностью чувствовалось еще теченіе живой и молодой жизни. Самъ онъ вносилъ въ нее свою долю свѣжести, новыхъ взглядовъ и стремленій, и оживлялъ однообразіе сельской жизни. Ему всегда были рады и онъ мало по малу сталъ свой въ семьѣ.

Итакъ, Камышлинцевъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ обѣду. Дружески поздоровался онъ со всѣми, сообщилъ нѣсколько новостей, полученныхъ съ почтой, заспорилъ о какой-то статьѣ съ старшимъ Мытищевымъ, но за обѣдомъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы задѣть хозяйку и посмѣяться надъ ней. Ольга Ѳедоровна была красивой наружности, имѣла весьма острый и живой умъ, не затрудняющійся отвѣтомъ, и не оставалась въ долгу у Камышлинцева. Эти перестрѣлки, мягкія и игривыя, вошли какъ будто въ програму знакомства, такъ что въ спорахъ Камышлинцевъ становился почти всегда на сторонѣ противной Мытищевой, хотя большей частью выходило какъ-то, что самыя возраженія его помогали ей, давая другой оборотъ спору или кончая его какой-нибудь шуткой.

Но съ нѣкоторыхъ поръ онъ въ своихъ спорахъ и разговорахъ съ Ольгой Мытищевой, становился неровенъ: то раздражительнѣе и ядовитѣе, то мягче обыкновеннаго. Онъ какъ то невольно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, терялъ съ ней тотъ ровный дружественно-мягкій и спокойный тонъ, на которомъ стоятъ обыкновенно прочныя добрыя отношенія.

Въ этотъ разъ Камышлинцевъ былъ злѣе и желчнѣе обыкновеннаго; онъ какъ будто сердился за что-то на

Мытищеву и мстилъ ей. Нападки его были до такой степени замѣтны, что мужъ Ольги Ѳедоровны, увидавъ, какъ послѣ одной замѣтки Камышлинцева пріятное личико его жены зарумянилось болѣе обыкновеннаго, сказалъ шутя:

— Смотрите, вы не поссорьтесь!

— Его сегодня какая-то муха укусила, — отвѣчала жена.

— Ну помирятся еще! — проворчалъ, не поднимая глазъ отъ жаренаго рябчика, старикъ Мытищевъ. Но Камышлинцевъ, улыбнувшись въ отвѣтъ, почему-то готовъ былъ покраснѣть.

Черезъ полчаса послѣ обѣда, братья по обыкновенію ушли, молодые люди остались другъ съ другомъ. Послѣ перваго, описаннаго нами и такъ не-кстати прерваннаго попадьей разговора, принявшаго подъ-конецъ весьма нѣжный оттѣнокъ, ихъ отношенія въ минуты глазъ-на-глазныхъ бесѣдъ, бесѣдъ, впрочемъ, не часто удававшихся, — оставались нѣжно дружественны. Камышлинцевъ совѣстился вызывать болѣе теплое чувство, пока оно не было оправдываемо своимъ, подобнымъ же. Вообще онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что ловеласовскихъ замашекъ и искусства для искусства въ дѣлѣ любви себѣ не позволялъ. Нечего и говорить, что при такомъ положеніи стороны нападающей, нельзя было ожидать вызова со стороны женщины, и въ добавокъ женщины, слишкомъ хорошо владѣющей собою, слишкомъ благовоспитанной, чтобы рѣзко выйти изъ колеи. Очень можетъ быть, что Мытищева ничего и не чувствовала къ Камышлинцеву; по крайней мѣрѣ при всемъ желаніи, столь свойственномъ каждому, не утратившему надеждъ

человѣку, Камышлинцевъ не могъ ничего подмѣтить съ ея стороны, что можно бы было растолковать въ пользу зарождающагося чувства. Но время шло, люди жили, и ихъ чувства жили и развивались, а извѣстно, какое направленіе принимаютъ они, когда молодые мужчина и женщина, ничѣмъ особенно не занятые, часто видятся да еще иногда и наединѣ! И вотъ Камышлнцевъ сталъ замѣчать, что Ольга Мытищева какъ-то безпокоитъ его: не видитъ онъ ее—ему хочется ее видѣть; увидитъ— и становится недоволенъ и ею, и собой: все ему чего-то не достаетъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, все ему чего-то мало, чего-то хочется! Камышлинцеву было 28 лѣтъ и онъ не былъ настолько наивенъ, чтобы не догадываться о причинахъ недовольства: онъ замѣчалъ, что начинаетъ любить Мытищеву, что дружественныхъ бесѣдъ ему мало, что тепленькое мѣстечко у чужаго очага недостаточно грѣетъ его! Нѣкоторое время онъ боролся съ этимъ чувствомъ, пробовалъ-было рѣже ѣздить къ Мытищевымъ, но тѣ сердились на него и сами вызывали изъ затворничества. „Сказать что-ли имъ прямо, отчего рѣже бываю у нихъ!“ подумывалъ онъ. „Да что же я съ собою-то буду дѣлать? зачѣмъ, можетъ, лишу полноты жизни и самую Ольгу? Буду терпѣть, пока могу, а тамъ пусть защищаются!“ — рѣшилъ онъ, и сталъ ѣздить, по прежнему тревожиться, скрывать, неудовлетворяться и любить болѣе и болѣе, пока не потерялъ терпѣнья и не рѣшилъ: „нѣтъ, надо этому положить конецъ!“

Мытищева и Камышлинцевъ обыкновенно сидѣли послѣ обѣда въ кабинетѣ хозяйки. Это была небольшая комната съ однимъ окномъ на востокъ, прохладная и тѣ-

нистая лѣтомъ. Они усѣлись у стѣны, обставленной зеленью: она на кушеткѣ, онъ возлѣ на креслѣ. Мытищева взяла работу; на столѣ лежалъ небольшой томикъ „Nouvelles genevoises“ Тепфера.

— Ахъ, большое спасибо вамъ за книгу, — сказала Мытищева: — она мнѣ очень нравится. Я ее не кончила еще: не почитаете ли вы?

— Нѣтъ не хочется! — отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Приторны мнѣ эти книги стали.

— Вы что-то сегодня, кажется, „не въ расположеніи — духѣ“, какъ говоритъ наша попадья? — спросила Мытищева, пытливо вскинувъ глаза на Камышлинцева, — да и вообще стали нынче неровны и раздражительны.

— Правда! — сказалъ онъ, потупясь, — и есть на это причины. Онъ взялъ конецъ ленточки, которой обшивала что-то Мытищева, и началъ крутить ее.

Они замолчали. Мытищева, по совершенно женскому, тонкому чувству мѣры, какъ-бы угадывала, что въ этомъ именно случаѣ вызывать ей Камышлинцева на откровенность не слѣдуетъ; но поддаваясь другому чувству, которое уже шевелилось въ ея крови, она не прерывала и молчанія. Камышлинцевъ, потупясь, молчалъ. Лицо его было пасмурно и сурово; говорить онъ не рѣшался, его что-то мучило и сердило; онъ не могъ съ чѣмъ-то сладить и въ тоже время боялся, что прервется молчаніе, что зайдетъ совсѣмъ не тотъ разговоръ, котораго хотѣлось бы ему.

— Несносная и жалкая вещь — слово! — сердито сказалъ онъ наконецъ, не поднимая глазъ. — Отчего въ извѣстныхъ случаяхъ нѣтъ какого-нибудь условнаго знака, по которому бы можно было догадываться (онъ

замялся нѣсколько)... о томъ, что дѣлается въ душѣ другаго? Надо все выговорить, спросить опредѣленнымъ словомъ, которое трудно высказывается, а высказанное кладетъ грань, за которую назадъ не перейдешь.

Онъ пріостановился; Мытищева тоже молчала. Ея вѣчно живой, игривый строй ума оставилъ ее, онъ какъ будто смирялся и затихалъ передъ приближеніемъ чего-то другаго, глубокаго и не шутливаго: такъ затихаютъ ласточки, овсянки и всѣ маленькія, веселыя и щебечущія птички, когда тучи начнутъ сурово надвигаться на небѣ.

— И потомъ, эти дружескія отношенія, — продолжалъ Камышлинцевъ, — Богъ вѣетъ, что подъ ними таится, и рискуешь быть дважды дуракомъ, истолковавъ въ свою пользу то, чего не было, или—что еще хуже— не понявъ того, что есть!

— Дружбу-то оставьте! чѣмъ она тутъ виновата,— сказала Мытищева, не отнимая глазъ отъ работы и съ какимъ-то несвойственнымъ ей тихимъ и кроткимъ выраженіемъ.

— Виновата она,—сердито продолжалъ Камышлинцевъ,—потому что она всегда лжетъ, потому что подъ ней только прячутся другія побужденія: эгоизмъ, корысть, любовь! Неужели вы не замѣчаете, что я люблю васъ, что я не могу оторваться отъ васъ, день провести, васъ не видавши? А между тѣмъ, все это сваливается на дружбу и идетъ за нее.

Онъ примолкъ и взглянулъ на Мытищеву: она, опустивъ глаза, работала съ нервической поспѣшностью, но ея нѣжное и прозрачное личико было все взволновано смущеніемъ.

— И вы,—продолжалъ Камышлинцевъ,—вы со мной добры и любезны, я вижу ваше расположеніе—да глубоко ли оно? до которыхъ поръ оно дошло? Вы мнѣ не скажете?—тихо и нѣжно-просяще добавилъ онъ.

У Мытищевой задрожали руки и иголка дѣлала невѣрные стежки.

— Вы видите, что я очень дорожу нашими настоящими отношеніями,—отвѣчала Мытищева,—и потому не хочу мѣнять ихъ. Къ чему опредѣлять ихъ и разбирать? Надо довольствоваться тѣмъ, что есть и что возможно. — Она проговорила это какъ-то сухо, какъ заученный урокъ, точно одни уста ея говорили, а что внутри творилось, того не выдавалось.

— Развѣ не все отъ насъ зависитъ? не все возможно? — спросилъ Камышлинцевъ, самъ весь смущенный, и, протянувъ руку, положилъ ее передъ Мытищевой.

Мытищева нагнулась низко къ работѣ и покачала отрицательно головою.

Нѣсколько мгновеній Камышлинцевъ не отнималъ руки, смущенно глядя на Мытищеву: она какъ будто не замѣчала его просьбы. Онъ чувствовалъ свое положеніе неловкимъ.

— Такъ нѣтъ? — спросилъ Камышлинцевъ, и въ голосѣ его была слышна суровость.

— Останемся друзьями!—нѣжно и просяще сказала Мытищева, кладя свою руку въ его и взглянувъ на него умоляющимъ взглядомъ.

— Не могу я, милая, прелестная Ольга Ѳедоровна! не могу я лгать! вѣдь я тоже боролся съ собой. Что же мнѣ дѣлать, коль я люблю васъ?

Онъ припалъ къ ея рукѣ, нѣжно поцаловалъ ее и потомъ, нѣсколько мгновеній сжимая въ обѣихъ своихъ рукахъ, тихо повлекъ къ себѣ.

— Такъ нѣтъ? — снова спросилъ онъ, но уже съ примирительной улыбкой.

Мытищева быстро вырвала руку, отбросилась на спинку дивана и закрыла лицо руками.

Камышлинцевъ съ любовью глядѣлъ на нее, на мелкіе завитки ея пепельныхъ волосъ, которые падали на лобъ, на ея нѣжныя руки, на горящія какъ уголь малиновыя уши. Онъ глядѣлъ на нее, смущенную и безмолвно признающуюся, и сознательно переживалъ сладчайшую минуту предвкушенія счастія: онъ не выдержалъ долѣе, наклонился къ Мытищевой, тихо взялъ ея руки и отвелъ ихъ. Мытищева не знала, куда спрятать все застыдившееся, смущенное лицо, она боялась и стыдилась взглянуть на Камышлинцева: она, чувствовала, что это лицо выдастъ ее, выдастъ безжалостно самыя сокровенныя движенія страсти; она опустила голову къ себѣ на грудь и въ этомъ движеніи коснулась головой до груди Камышлинцева, который обнялъ ея голову и сталъ горячо цаловать ее. И подъ этими горячими поцалуями, какъ цвѣтокъ на встрѣчу восходящему солнцу, склоненная головка приподнималась мало по малу и поднялась вровень съ его лицомъ....

Когда они очнулись и Мытищева, оправляя волосы, отодвинулась отъ Камышлинцева и рѣшилась взглянуть на него, ея разгорѣвшееся лицо дышало такой нѣжной, стыдливой и полной любовью,—ея каріе глаза глядѣли такъ ласково, что Камышлинцеву было видно до самаго дна все ея нѣжное, горячее чувство, и, исполненный

глубокой любви и благодарности, онъ снова припалъ къ ея рукѣ.

Вскорѣ пришли мужъ и деверь, пріѣхала Барсукова за которой еще утромъ посылала Мытищева, подали самоваръ на террасу и хозяйка попрежнему милая, но еще болѣе веселая и одушевленная, какъ ни въ чемъ не бывало разливала чай. Только нѣжный румянецъ ея лица былъ живѣе и глаза стали темнѣе и вмѣстѣ блестящее. Но Камышлинцевъ былъ разсѣянъ, точно передъ нимъ все рисовалась какая-то другая картина и онъ не могъ оторваться отъ нея. Никто впрочемъ не замѣтилъ какой-либо перемѣны въ отношеніяхъ молодой пары. Только старикъ Василій Сергѣевичъ, всклокоченный и заспанный, принимая отъ золовки стаканъ, поглядѣлъ на нее и сказалъ: „что это, Ольга, ты сегодня нестерпимо хороша?“

Вниманіе всѣхъ обратилось на Мытищеву.

Мужъ съ улыбкой и любовью поглядѣлъ на жену, Барсукова взглянула какъ-бы спроста, но внимательно, а Камышлинцевъ уткнулся въ стаканъ. Ольга вспыхнула нѣсколько и сказала:

— Смотрите, старый, я Агафьѣ пожалуюсь!

Агафья была шестидесяти-лѣтняя ключница, которая завѣдывала его хозяйствомъ.

— Агафьѣ! а на тебя кому жаловаться?—спросилъ старикъ, насмѣшливо поглядывая на нее изъ подъ густыхъ бровей своими еще быстрыми, но старческими съ красноватыми жилками глазами.

Вмѣсто отвѣта, Мытищева жестомъ Рашели подняла указательный палецъ къ небу.

— Ну, это слишкомъ высоко!—проворчалъ старикъ.

IX.

Камышлинцевъ по прежнему бывалъ у Мытищевыхъ и, казалось, ихъ отношенія нисколько не измѣнились, но опытный глазъ замѣтилъ бы нѣкоторые знаменательные оттѣнки и мелочи въ отношеніяхъ между Ольгой и Камышлинцевымъ. Мужчины оставались неизмѣнными: также степененъ, добродушенъ и привѣтливъ былъ мужъ Ольги; также ворчливо-желченъ и насмѣшливъ былъ старикъ, — только больше жаловался на ревматизмъ и подагру и, вслѣдствіе того, злобнѣе относился ко всему заисключеніемъ впрочемъ нашихъ молодыхъ людей. Ольга разцвѣла и стала еще прелестнѣе, но была игрива и весела по прежнему, только больше огня, доброты и ласки было у нея ко всѣмъ и больше заботливой нѣжности къ мужу. Камышлинцевъ сталъ какъ-то самостоятельнѣе, самодовольнѣе. На сколько бы человѣкъ ни былъ развитъ, какъ бы ясно и вѣрно не умѣлъ онъ разбирать и опредѣлять свои чувства и отношенія, скрывать недостатки и смѣшныя стороны того или другаго положенія, но во всемъ есть общіе законы и силы, отъ которыхъ трудно отклониться. Такъ входя въ домъ Мытищевыхъ, Камышлинцевъ чувствовалъ какую-то гордость и самодовольство; хотя онъ всегда хорошо одѣвался, но тутъ какъ-то тщательнѣе сталъ заниматься мелочами наряда; въ обществѣ женщинъ былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ лѣни, сытости. Видно, обстановка могущественно дѣйствуетъ на человѣка и всякій, ничѣмъ серьезнымъ не занятый, человѣкъ, отдаваясь любви, невольно воспринимаетъ обще-

ловеласовскіе черты и пріемы. Но порой иной человѣкъ пробуждался въ Камышлинцевѣ: ему было совѣстно передъ Мытищевымъ—мужемъ. Какъ онъ ни убѣждалъ себя въ правѣ женщинъ на свободу выбора въ любви, какъ ни вѣрилъ въ непреоборимую и все оправдывающую силу чувства, но сознавалъ онъ что-то неладное въ своемъ положеніи: тайна, которая если не составляетъ половину прелести, то придаетъ особенную остроту и соль любви, тяготила его; ему казалось иногда, что онъ словно что-то укралъ у довѣрявшаго ему и любившаго его человѣка.

Отношенія Камышлинцева къ Ольгѣ были неровныя, несмотря на то, что онъ любилъ ее съ каждымъ днемъ все больше и больше. Это прелестное и чисто женственное — какъ оно выработалось въ нашей тепличной жизни—созданіе находило при всякомъ свиданіи средства разнообразить отношенія, придать имъ новый оттѣнокъ, открыть новую сторону любви,—а между тѣмъ она была скупа на ласку, заставляла завоевывать каждый новый знакъ ея: умѣла во время ускользнуть, какъ угорь, и, оставляя многое еще желать впереди, этимъ самымъ раздражала и, можетъ быть, усиливала чувство Камышлинцева. Онъ сердился иногда, ссорился съ ней, но не могъ не сознаться, что эта женщина очаровывала, втягивала и до такой степени поглощала всего его, что ему было некогда и не хотѣлось ни о чемъ думать. Когда онъ ей выговаривалъ и роппалъ, что она мало платитъ ему за его чувства, она, припоминая разговоръ первой встрѣчи, лукаво говорила:

— Да вѣдь я маленькая женщина, и любовь твоя ко мнѣ можетъ быть только маленькая?—и заставляла

Камышлинцева десятки разъ каяться въ своей откровенности.

Бывалъ Камышлинцевъ иногда и у своего пріятеля Еремѣева, по споровъ о „матерьяхъ важныхъ“ у нихъ стало какъ-то меньше, а разговоръ часто вертѣлся насчетъ женщинъ,—хотя Еремѣевъ былъ далеко не спеціалистъ по этой части и сужденія его о нихъ почерпались большей частью изъ практики въ низменныхъ и болѣе близкихъ къ природѣ слояхъ общества.

— Удивительно извращены у нашихъ женщинъ понятія о вѣрности и скромности!—говорилъ Камышлинцевъ.—Онѣ готовы дать всѣ знаки любви, позволяютъ все, кромѣ того что само отдается, и воображаютъ себѣ, что остаются вѣрны мужу или тамъ... клятвѣ! Онѣ никакъ не понимаютъ, что мысль, слово, поцалуй есть уже измѣна: онѣ и не думаютъ, что въ этомъ случаѣ онѣ просто развратны!

— Ха! ха! ха! Ну это тонкости, батинька!—отвѣчалъ Еремѣевъ,—онѣ на это смотрятъ проще и естественнѣе: отъ мысли и поцалуя наслѣдника изъ чужой линіи не принесешь и объемъ таліи не измѣнится!

— А есть своя прелесть и особенность у русскихъ женщинъ,—замѣчалъ Камышлинцевъ:—онѣ хитры и изворотливы, какъ кошки, но въ нихъ есть неоцѣненная ласковость и кроткая нѣжность голубки.

— Коровы еще подбавьте,—замѣтилъ Еремѣевъ:—коровью косность подбавьте, тогда будетъ совсѣмъ вѣрно!

Камышлинцевъ засмѣялся, но потомъ сказалъ:

— Вы говорите не про женщинъ, а про бабъ; да и объ нихъ нельзя этого сказать. Посмотрите, сколько бываетъ со стороны женщинъ случаевъ отравы и убійствъ

измѣнившаго любовника или чаще всего нелюбимаго мужа!· Вѣдь и между ними тысячи драмъ свершаются.

— Никакой драмы не бываетъ у нихъ!—возражалъ спокойно Еремѣевъ:—онѣ и убиваютъ то какъ то просто, тоже по-коровьему: возьметъ да и боднетъ! возьметъ да и всыплетъ мышьяку или хватитъ топоромъ! безъ борьбы, безъ терзаній, а такъ просто, какъ тараканов бьютъ.

— Ну, ужъ это опять русская особенность дѣлать все просто безъ французской ходульности и гаерства и безъ нѣмецкой чувствительности; а въ душѣ-то у нея все-таки драма, страшная драма ворочается.

— Да нѣтъ же, говорю я вамъ,—не бываетъ той драмы, что вотъ на театрахъ расписываютъ: у ней вся драма безъ борьбы и въ одномъ явленіи.... Да развѣ у насъ есть театральныя драмы-то съ русской бабой?—спросилъ Еремѣевъ.—Вы знаете, я вѣдь по этой части не знатокъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ, ухмыляясь, Камышлинцевъ.

— Ну вотъ, то-то же!—замѣтилъ Еремѣевъ.—Однако жъ мы нынче что-то большей частью занимаемся женскимъ поломъ: женскій вопросъ поднимаемъ, какъ нынче говорятъ. Ну, а что вопросъ освобожденія и иныхъ преобразованій?—подсмѣиваясь, спрашивалъ Еремѣевъ,—какъ вы на счетъ оныхъ?

Камышлинцевъ пожалъ плечами:

Частно мнѣ ничего неизвѣстно, а печать вы знаете нынче замолчала. Да и лучше: напрасно желчь не поднимается и скорѣе тупѣешь! добавилъ Камышлинцевъ. Онъ отъ одного напоминанія объ этихъ предметахъ дѣлался не въ духѣ и раздражителенъ.

X.

Мытищевы на зиму переѣзжали въ губернскій городъ, но Камышлинцевъ капризничалъ и, не смотря на всѣ убѣжденія, рѣшилъ, что останется въ деревнѣ и вздумалъ, по окончаніи полевыхъ работъ, передѣлывать свой домъ. Такъ какъ домъ передѣлывался весь и Камышлинцеву приходилось перейти въ какую-нибудь избу, то Мытищевы уговаривали его переѣхать на это время къ себѣ. Перестройка продолжалась болѣе мѣсяца и пребываніе Камышлинцева у Мытищевыхъ вскорѣ оказало на него успокоивающее вліяніе: онъ сдѣлался веселѣе, ровнѣе характеромъ, не жаловался болѣе на непослѣдовательность женщинъ и даже согласился переѣхать въ городъ. А Ольга Мытищева стала какъ-то томнѣе, нѣжнѣе и еще прелестнѣе.

Неизвѣстно, какъ и отъ кого это разнеслось, но немедленно по появленіи нашихъ знакомыхъ въ Велико-Ѳедорскѣ, весь городъ зналъ положительно, что Камышлинцевъ любовникъ Мытищевой, и сомнѣваться въ этомъ было бы опаснымъ признакомъ невѣрія и нигилизма. И мужчины, и дамы говорили объ этомъ, не стѣсняясь; при всякомъ упоминаніи того или другаго имени дѣлались болѣе или менѣе толстые намеки: дамы иронически улыбались, а дѣвицы начинали смотрѣть въ сторону, или принимали видъ невиннѣйшихъ горлицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нескромности со стороны Камышлинцева и еще менѣе Мытищевой тутъ не было. Но городъ Велико-Ѳедорскъ разсуждалъ въ этомъ случаѣ, какъ и вообще разсуждаетъ масса, на основаніи житей-

ской опытности. Люди молодые живутъ въ сосѣдствѣ: такъ должно случиться, такъ, слѣдовательно, и случилось. И мы видѣли, что городъ Велико-Ѳедорскъ не ошибался.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ городъ, Камышлинцевъ позаботился о провизіи для чтенія: ему хотѣлось достать журналы за время своего отсутствія, которые за границей онъ читалъ урывками. Онъ справился, нѣтъ ли въ городѣ библіотеки; оказалось, что библіотека для чтенія есть и держитъ ее учитель словесности Крестопоклонскій.

Камышлинцевъ отправился къ Крестопоклонскому. Библіотека открывалась только послѣ двухъ часовъ, когда учитель возвращался изъ гимназіи. Извощикъ подвезъ Камышлинцева къ каменному, купеческому дому, ворота котораго были по обыкновенію заперты. Войдя въ калитку, Камышлинцевъ направился къ небольшому деревянному флигелю, стоящему у правой стѣны двора. Наканунѣ былъ дождь и переходъ черезъ дворъ сопряженъ былъ съ нѣкоторою опасностью, потому что былъ возможенъ только по узенькимъ драницамъ, предусмотрительно положеннымъ до флигелька. На двери была дощечка съ надписью „библіотека для чтенія“, но надпись можно было прочесть, только подойдя къ ней вплоть. Камышлинцевъ поискалъ-было звонка, но его не оказалось, да онъ былъ и не нуженъ: дверь была не заперта. Растворивъ ее, Камышлинцевъ очутился въ маленькой прихожей, исправлявшей какъ видно и другія должности, потому что въ углу была доска, на которой гладилась юбка; въ комнатѣ пахло щами и утюгомъ. Въ дверяхъ стоялъ трехлѣтній мальчикъ и ревѣлъ. Молоденькая женщина

высунулась-было на приходъ Камышлинцева, но, увидавъ его, быстро исчезла и только какая-то невидимая рука немедленно схватила сзади плачущаго ребенка и мгновенно утащила его за дверь, гдѣ какимъ-то способомъ ребенокъ былъ тотчасъ приведенъ къ молчанію. Вышла другая, пожилая, растрепанная женщина, но не кухарка, а должно полагать мать или теща учителя, занимающаяся стряпней.

— Вамъ Василія Ивановича?—спросила она.

— Я въ библіотеку, на чтеніе желалъ бы подписаться,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Пожалуйте вотъ сюда; — она указала на противоположную дверь.

Камышлинцевъ вошелъ въ небольшую комнату, уставленную шкапами и книгами. Два гимназиста читали: одинъ „Современникъ", другой „Искру" и курили. Вскорѣ въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ и, надѣвая форменный сюртукъ, вошелъ учитель.

Это былъ небольшаго роста, черноволосый человѣкъ съ некрасивымъ, но добродушнымъ лицомъ и растрепанными волосами; лицо его поросло густой бородой, на которой, изъ уваженія къ форменности, была выбрита проталинка на подбородкѣ и тѣмъ превращала бороду въ бакенбарды; а такъ какъ усы не могли появиться даже подъ чужимъ именемъ, то имъ было сдѣлано одно облегченіе: они были не выбриты, но подстригались.

— Я бы желалъ пересмотрѣть и прочесть журналы за два послѣдніе года, — сказалъ Камышлинцевъ. — Могу ли я брать ихъ по нѣскольку книгъ разомъ.

— Можно-съ, отчего же! Только не послѣдніе нумера. Вамъ по-мѣсячно или на годъ угодно абонироваться?—Крестопоклонскій сказалъ условія.

Камышлинцевъ просилъ записать себя и назвалъ свою фамилію.

— Ахъ, слышалъ-съ! очень радъ познакомиться,— сказалъ Крестопоклонскій радостно, какъ будто узнавъ въ немъ „своего". Онъ протянулъ ему руку и сталъ развязнѣе.—Вы за границей изволили быть?

— Да, и поэтому хотѣлъ бы просмотрѣть то, что появлялось безъ меня, преимущественно по крестьянскому вопросу.

Крестопоклонскій выложилъ груду журналовъ, просилъ садиться, самъ сѣлъ и пока Камышлинцевъ выбиралъ книги, они разговорились:

— Хорошія статейки появлялись! Слава Богу! особенно вотъ здѣсь.—онъ щелкнулъ пальцевъ по одному журналу и сталъ шершавить себѣ волосы.—Ныньче перестали,—продолжалъ онъ:—говорятъ, ихъ тово!—онъ ковырнулъ по столу ногтемъ, какъ будто убивалъ блоху.— Но все-таки оживаетъ литература, оживаетъ!—говорилъ онъ снова и въ знакъ удовольствія опять началъ ерошить волосы. Камышлинцевъ понялъ тогда, отчего они у него такъ торчали.

— А въ обществѣ здѣшнемъ чувствуется ли оживленіе?—спросилъ Камышлинцевъ.

Крестопоклонскій нѣсколько замялся.

— Признаться вамъ сказать, я въ обществѣ мало бываю! — отвѣчалъ онъ. — Въ аристократическіе дома не вхожъ, да и Богъ съ ними, куда къ нимъ соваться: я какъ женился и перчатки пересталъ носить — не по

карману. Въ клубѣ тоже не бываю. Слышалъ однако, что открыли здѣсь воскресную школу и бойко пошло, говорятъ.

— Ну, а читателей прибываетъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Изъ публики маловато-съ! Вотъ господа гимназисты начали больше почитывать, да изъ семинаристовъ много желающихъ. Я имъ и цѣну сбавилъ, а здѣсь даромъ позволяю читать. Народъ бѣдный-съ! складываются, да абонируются. Пробужденіе! пробужденіе! Только тутъ другая бѣда: начальство воспрещаетъ имъ свѣтскія книги читать, особенно послѣ несчастнаго случая!

— Какого это?—спросилъ Камышлинцевъ; — я не слыхалъ.

— Философъ тутъ былъ одинъ — въ семинаріи то-есть,—началъ Крестопоклонскій,—совсѣмъ на выпускѣ, отлично занимался и ко мнѣ часто ходилъ: придетъ, такъ не оторвешь отъ книгъ. Вздумалъ онъ выйти въ свѣтскіе: не могу, говоритъ, я духоты этой выносить! Попробовалъ отцу сказать, тотъ говоритъ: прокляну! Начальство тоже не выпускаетъ: не дадимъ, говорятъ, ни бумагъ, ни аттестата, дѣлай какъ знаешь! Малый задумался. Думалъ, думалъ, бился, бился—видитъ ничего не подѣлаешь; взялъ да и удавился.

У Камышлинцева мурашки пробѣжали по тѣлу.

Крестопоклонскій сильно взъерошилъ волоса.

— Такъ мнѣ жалко его! вѣрите ли, какъ брата,— продолжалъ онъ. — Слѣдствіе пошло и меня-было притянули: вредныя, говорятъ, книги держишь. Осмотрѣли. Разумѣется, ничего не нашли. Какія онѣ вредныя, коль все за симъ благословеніемъ (онъ щелкнулъ по цензорскому

одобренію). Несмотря на то, все-таки были бы непріятности, еслибы добрые люди не защитили. Асклепендіатовъ,— тихо прибавилъ онъ,—можетъ быть вы знаете: правитель канцеляріи—свой мнѣ; мы съ нимъ на родныхъ сестрахъ женаты. Но семинарское-то начальство все-таки уязвило меня: запретило семинаристамъ ходить ко мнѣ и стало у нихъ свѣтскія книги отбирать. У меня Бѣлинскаго и нѣсколько журналовъ разрознили, чтобъ имъ пусто было!— сказалъ-было сердито Крестопоклонскій, но потомъ вдругъ улыбка разлилась у него на все лицо:—однакожъ все-таки ходятъ и берутъ!

Въ это время вошелъ еще гимназистъ. Онъ былъ довольно высокаго роста, видимо выросъ изъ потертаго форменнаго сюртука, у котораго нѣсколько петель было почти прорвано пуговицами. Увидавъ Камышлинцева, онъ немного сконфузился и подошелъ къ другимъ гимназистамъ.

— Что вы, Семеновъ?—спросилъ учитель.

— Да книжечки бы какой, Василій Ивановичъ!— говорилъ гимназистъ неустановившимся голосомъ, вертя фуражку.

— Да вы бы здѣсь почитали, поновѣе бы что можно.

— Некогда, Василій Ивановичъ, черезъ часъ на кондицію надо.

— Ну хорошо, хорошо! выберите да и запишите сами.

Ученикъ, какъ видно хорошо уже знакомый съ библіотекой, сталъ выбирать.

Почти въ это же время растворилась дверь и, шурша платьемъ, быстро вошла дѣвушка въ шляпкѣ, просто, но хорошо одѣтая.

— Я вамъ привезла ваши книги,—сказала она, подавая связку,—можно слѣдующихъ?

— Какъ же-съ! съ удовольствіемъ!—говорилъ Василій Ивановичъ съ любезной улыбкой и ероша волосы.—Я сейчасъ соберу-съ.

— Мнѣ теперь некогда, меня ждутъ,—сказала дѣвушка,—а вы потрудитесь приготовить, я зайду часа черезъ два.

— Очень хорошо-съ! приготовлю, приготовлю-съ!—любезно и неловко суетясь, говорилъ Крестопоклонскій.

— Пожалуйста!—дѣвушка поклонилась ему и хотѣла выйти, но увидала стоящаго сзади Камышлинцева.

— А! Дмитрій Петровичъ!—сказала она, нѣсколько покраснѣвъ.—Это была Барсукова.

— Я давно васъ узналъ, да не хотѣлъ вамъ мѣшать,—улыбаясь, сказалъ Камышлинцевъ, здороваясь съ ней.—Давно ли вы здѣсь?

— Нѣтъ, сегодня только, съ отцомъ кой-за-чѣмъ пріѣхала, и завтра же ѣдемъ!

— Что такъ не надолго? А у Ольги Ѳедоровны будете?

— Не знаю,—нерѣшительно отвѣчала Барсукова,—успѣю ли. Когда пріѣдешь на одинъ день, надо и туда и сюда. Вотъ и къ Василью Ивановичу едва успѣла, а ужь къ нему необходимѣе всего,—сказала она, обращаясь къ Крестопоклонскому съ улыбкой:—у него мои самые лучшіе знакомые.

— Ха! ха! ха! Дѣйствительно лучшіе-съ!—весело отвѣчалъ очень довольный Крестопоклонскій.

— Однако до свиданія. Меня ждутъ,—сказала Барсукова и наскоро простясь вышла.

— Барышня-то почитываетъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— И! какже-съ! Да еще не одни романы! Просила меня выбирать, нѣтъ ли чего дѣльнаго: въ деревню беретъ; такъ я ей „Отечественныя Записки“ сороковыхъ годовъ—знаете, для начала это хорошо.

— Гм! это дѣло!—замѣтилъ Камышлинцевъ. — Я вотъ это возьму, если позволите,—прибавилъ онъ, указавъ отобранные журналы.—Однакожъ у васъ и дѣвицы абонируются.

— Семеновъ, запишите-ка эти книги господину Камышлинцеву,—сказалъ Крестопоклонскій гимназисту и, обратясь къ Камышлинцеву, прибавилъ:—да-съ и дѣвицы есть,—немного, признаться, однако есть. Вообще пробужденіе начинается, пробужденіе! Наступаетъ хорошее время; у насъ начались педагогическія собранія въ гимназіи, высказываемъ свои взгляды, толкуемъ. Только инспекторъ подлецъ, говорятъ, наушничаетъ и доноситъ попечителю, такъ что я было началъ этто развивать свои взгляды на воспитаніе, такъ мнѣ замѣтили, что „вы— говорятъ — того, не очень!“ Да это вздоръ, не такое теперь время!

Камышлинцевъ хотѣлъ взять книги, но ихъ было довольно много и онъ затруднился.

— Позвольте, я вамъ ихъ завяжу,—сказалъ Крестопоклонскій и началъ ихъ завертывать.

— Ну, а высшіе-то классы?—спросилъ Камышлинцевъ, чтобы говорить что нибудь—абонируются много!

— Аристократія-то! — поправилъ Крестопоклонскій (надо замѣтить, что въ провинціи маленькіе чиновники очень любятъ называть высшій кругъ чиновниковъ этимъ именемъ),—аристократія-то? мало-съ! Развѣ задѣнутъ кого въ журналѣ или въ повѣсти опишутъ, такъ всно-

лошатся. Этто въ „Искрѣ“ скандалъ въ клубѣ описали, отличнѣйшимъ образомъ! — воскликнулъ Крестопоклонскій; — всѣмъ досталось и не въ бровь, а въ глазъ. Аргамакова Лешаковымъ назвали! право! Аристократы заметались какъ угорѣлые — просто смѣхъ! (Крестопоклонскій отъ души хохоталъ.) Тамъ у меня и номеръ этотъ зачитали, — прибавилъ онъ.

— Что же, развѣ оскорбили ихъ демократической выходкой что-ли? да и кто здѣсь аристократія? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Помилуйте-съ! мало ли-съ! а предсѣдатели палатъ, да управляющіе разные. Видите ли, старшину одного, изъ ихъ партіи, хотѣли исключить, за дерзость въ клубѣ съ своимъ чиновникомъ, а они говорятъ: „подчиненнаго можно вездѣ распечь,“ — ну и вышла каша, хотя, разумѣется, они своего отстояли. Въ Искрѣ все это и отпечатали, только фамиліи немного перековеркали. Отлично! Гласность! — говорилъ Крестопоклонскій, подавая книги и опять ероша себѣ волосы.

— Ну, я надѣюсь, — сказалъ, прощаясь Камышлинцевъ, что и ваша библіотека хорошо пойдетъ, а то предшественники ваши, помнится, были въ убыткѣ.

— Н-ну, на счетъ библіотеки, — смутясь, отвѣчалъ Крестопоклонскій, — еще плоховато-съ! Я, знаете, хотѣлъ поразвить дѣло, нѣсколько книгъ новенькихъ выписалъ — конечно немного: жалованье наше, знаете, плохое. Однакожъ сжался, удѣлилъ рублей сто, да за женой въ приданное тесть обѣщалъ, выплачивать по сту рублей пять лѣтъ, такъ ея сто рублей употребилъ, а какъ-то на это все вниманія мало обращаютъ, такъ что, признаться, убытокъ несу. — Крестопоклонскій какъ будто совѣстился

въ этомъ сознаться и опечалился.—А впрочемъ, говорятъ, штаты новые скоро выйдутъ!—прибавилъ онъ и повеселѣлъ.

Камышлинцеву жаль было этого добраго тридцатилѣтняго юношу, и онъ его не разочаровывалъ на счетъ увеличенія жалованья, хотя ему и хотѣлось сказать, что этихъ новыхъ штатовъ учителя ждали еще въ то время, когда онъ, Камышлинцевъ, былъ въ гимназіи.

Онъ посовѣтовалъ ему больше дѣлать объявленій и отъ души пожелалъ успѣха.

X:

Въ исходѣ декабря 60-года, губернаторъ города Велико-Ѳедорска былъ весьма затрудненъ одной полученной имъ бумагой. Министерство конфиденціально увѣдомляло его о предстоящемъ вскорѣ преобразованіи въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагало указать тѣхъ изъ помѣщиковъ, которымъ правительство могло бы предложить первое приведеніе въ дѣйствіе реформы и занятіе членовъ въ учреждаемой временной коммиссіи. Въ бумагѣ неоднократно обращалось вниманіе на всю важность этого выбора, отъ котораго зависитъ самый успѣхъ реформы и дѣлались самыя подробныя указанія на свойство лицъ, изъ которыхъ слѣдовало дѣлать выборъ. Не размѣръ имущества, говорилось въ ней, а единственно личный характеръ, твердость убѣжденій и знаніе сельскаго быта могутъ дать право на занятіе означенной должности. Правительство вправѣ ожидать отъ этихъ лицъ самаго живаго и искренняго сочувствія къ предпринятому дѣлу. Такое сочувствіе, говорилось далѣе,

проявилось въ послѣдніе три года со стороны многихъ дворянъ, какъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ, такъ и въ другихъ сферахъ общественной дѣятельности,—и ихъ-то предлагалось указать правительству.

Губернаторъ въ городѣ Велико-Ѳедорскѣ былъ тогда любитель садоводства. Извѣстно, что большею частью правители провинцій, по полученіи этой должности, становятся мономанами. Это какой-то общій законъ природы, и ошибочно было бы думать, чтобы онъ ограничивался только нашимъ отечествомъ. Префекты Франціи, губернаторы Индіи, муширы Турціи—всѣ въ одинакой степени подвержены этому административному недугу. Предметъ подобной маніи узнается съ перваго слова.

— Въ какомъ положеніи у васъ городскія больницы?— дѣлаетъ правитель первый вопросъ вглядывающемуся въ его глаза полиціймейстеру —и будьте увѣрены, что этотъ губернаторъ, несмотря на сотни разнообразнѣйшихъ дѣлъ, будетъ ежедневно посѣщать больницу и смотрѣть за ея вентиляціей, а мѣстныя вѣдомости въ первыхъ же нумерахъ опишутъ его заботы по этой части.

Другой губернаторъ спрашиваетъ:—А каковы у васъ тротуары!—и будьте увѣрены, что каждая дыра на деревянномъ тротуарѣ города будетъ больше сосредоточивать на себѣ вниманіе административныхъ лицъ, чѣмъ всѣ дыры и прорѣхи губернской администраціи, а мѣстная газета въ первыхъ же нумерахъ своихъ напишетъ: „Городъ нашъ, обильный тѣмъ-то и тѣмъ-то, страдалъ только отъ одного: въ немъ не было порядочныхъ тротуаровъ“, и, описавъ подробно гибельныя послѣдствія и неудобства, отъ сего проистекающія, лѣтописецъ воскликнетъ: „но

нынѣ, благодаря просвѣщенному вниманію новаго начальника, и проч. и проч.“

Губернаторъ города Велико-Өедорска, добрый и мирный старичекъ, былъ вообще идилликъ и имѣлъ пристрастіе къ садамъ. Любимой мечтой его было сдѣлать изъ ввѣренной ему губерніи одинъ цвѣтущій садъ. Вслѣдствіе этого, въ его управленіе, губернскій городъ и нѣкоторые уѣздные украсились по всѣмъ направленіямъ садиками и засаженными липою бульварами; всѣ исправники и становые явились аркадскими пастушками и великими цвѣтоводами: если же они по старой памяти и стригли свою паству, то дѣлали это самымъ ласковымъ образомъ, а губернскій мониторъ весьма часто украшался статьями такого рода:

„Извѣстно, что ничто такъ не способствуетъ улучшенію санитарнаго состоянія города и его украшенію, какъ разведеніе скверовъ, садовъ и бульваровъ, очищающихъ воздухъ и доставляющихъ пріятное мѣсто для прогулокъ и отдохновеній утомленныхъ дневными трудами жителей. Мысль эта какъ нельзя вѣрнѣе понята нынѣшнимъ начальникомъ губерніи и съ пріѣздомъ его превосходительства Петра Алексѣевича городъ нашъ украсился устройствомъ общественнаго сада и двухъ бульваровъ. Нынѣ, благодаря неусыпнымъ заботамъ той же благодѣтельной руки, и стараніями подрядчика по постройкѣ моста, почтеннаго купца Салотопкина, устроенъ вдоль Пентюхина оврага прекрасный бульваръ, и въ прошлое воскресенье, при стеченіи огромной массы публики и музыкѣ баталіоннаго оркестра, послѣдовало открытіе этого бульвара. Яркое солнце, озлащая своими лучами пеструю картину“ и проч.

Замѣчательно, что при всѣхъ подобнаго рода торжествахъ наше русское, вообще ужасно скупое солнце, какъбы получая нарядъ отъ полиціи, считаетъ обязанностью выглянуть на полчаса и хоть самыми жиденькими и, такъ сказать, назначенными для казеннаго употребленія лучами, а ужь посвѣтитъ непремѣнно. Видно и на природѣ столько же отражается настроеніе жителей, насколько жители подчиняются вліянію природы

Губернаторъ-садоводъ, получивъ бумагу столь необычнаго содержанія, весьма смутился.

— Прочтите-ка, какую я загвоздку получилъ! — сказалъ онъ, подавая бумагу своему правителю дѣлъ, Асклепендіатову.

Асклепендіатовъ, понявъ слово „загвоздка“ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, тоже нѣсколько смущенно принялъ бумагу, но, прочитавъ ее, успокоился.

— Что же, ваше превосходительство, это, я полагаю, не затруднитъ васъ, — замѣтилъ правитель дѣлъ, а самъ уже смекаетъ, какіе люди требуются и кто въ губерніи подходитъ подъ эти требованія.

— Гм! — замѣтилъ губернаторъ, — конечно! Въ члены по выбору дворянства затрудненія не будетъ. Мы назначимъ тѣхъ, что были въ комитетѣ, — но отъ правительства? „Не размѣръ имущества, — снова началъ губернаторъ, — а единственно личный характеръ, твердость убѣжденій“ и вотъ тутъ опять: „люди вполнѣ самостоятельные“, да гдѣ ихъ съищешь, людей вполнѣ самостоятельныхъ, съ искреннимъ сочувствіемъ къ дѣлу! Вѣдь это значитъ съ дворянствомъ на ножи лѣзть! Кому охота впутываться въ подобное дѣло?

— Правительство указываетъ,—почтительно сказалъ Асклепендіатовъ, — что тутъ должны быть назначены люди, вполнѣ сочувствующіе эман-ци-паціи (слово это было тогда новое и еще не легко произносилось).

— Ну да, мой милый, сочувствующіе! Въ этомъ-то и штука! Многіе ли изъ помѣщиковъ сочувствуютъ этому дѣлу?—сказалъ губернаторъ,—кто же себѣ врагъ! Какіе-нибудь либералы развѣ, неопытная молодежь!

— Могутъ найтись и люди серьезные. Вотъ напримѣръ, Мытищевы, — замѣтилъ Асклепендіатовъ.

— Мытищевы! Одинъ старъ уже, а другой бы и хорошъ былъ, но вы знаете его исторію?—серьезно возразилъ генералъ.

— Чтожъ, ваше превосходительство! онъ возстановленъ во всѣхъ правахъ и прошлое ему вмѣняться въ вину уже не можетъ!—сказалъ правитель, давно получившій привычку ставить на своемъ.

— Юридически такъ, милѣйшій, юридически такъ,— но нравственно? Ну, да, положимъ! А еще кто?

У жителей города Велико-Ѳедорска, вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній, образовалась уже привычка при имени Мытищева сейчасъ же припоминать Камышлинцева, но Асклепендіатовъ, по своему плебейскому происхожденію, питалъ нѣкоторый зубъ противъ аристократіи, — какъ онъ называлъ всѣхъ зажиточныхъ дворянъ, — и сочувствовалъ тѣмъ изъ нихъ, которые не были пропитаны сословными предразсудками,—хотя, какъ чиновникъ, онъ былъ весьма любезенъ со всѣми. Очень естественно, что онъ прежде всего подумалъ теперь о Камышлинцевѣ и назвалъ его.

Губернаторъ привскочилъ.

— Помилуйте, милѣйшій! да Камышлинцевъ, говорятъ, другъ и пріятель Герцена,—онъ красный, красный! Какъ же это можно? онъ вчера еще былъ подозрительнымъ человѣкомъ, а сегодня будетъ представителемъ правительства! Что скажутъ въ Петербургѣ!

— Ваше превосходительство,—сказалъ скромно Асклепендіатовъ,—когда правительство приступаетъ къ такимъ либеральнымъ реформамъ, какъ эманципація, то оно будетъ и опираться на людей либеральныхъ и, мнѣ кажется, самая бумага на нихъ указываетъ. „Такое сочувствіе проявилось въ послѣдніе три года со стороны многихъ дворянъ, какъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ, такъ *и въ другихъ сферахъ* общественной дѣятельности“ — прочелъ онъ, и губернаторъ совсѣмъ растерялся.

— Ну, хорошо! хорошо! я объ этомъ подумаю, — рѣшилъ онъ и въ раздумьѣ пошелъ къ Матренѣ Гавриловнѣ.

Матрена Гавриловна была его такъ-называемая законная половина, хотя по всей справедливости слѣдовало бы наоборотъ мужу считаться ея половиной. Это была тучная, разбитная барыня, когда-то красивая собой и не очень строгихъ правилъ въ дѣлѣ супружеской вѣрности. Матрена Гавриловна вообще мало вмѣшивалась въ дѣла управленія, но если хотѣла чего, то заявляла это рѣшительно и мужъ ей по большей части уступалъ. Когда Петръ Алексѣичъ сообщилъ ей свои затрудненія и сомнѣнія, ей очень понравилась возможность привязать къ губернскому городу Мытищевыхъ и Камышлинцева. Мытищеву она очень любила, любила въ ней и ея склонность къ Камышлинцеву; нравился ей и красивый и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный моло-

дой человѣкъ — Камышлинцевъ; но больше всего она была довольна тѣмъ, что пріобрѣтетъ очень хорошую пару для живыхъ картинъ и благородныхъ спектаклей, къ которымъ особенной склонности не чувствовала, но вынуждена была ими заниматься для доставленія средствъ лежавшимъ на ея попеченіи пріютамъ, къ которымъ чувствовала склонности еще менѣе. Притомъ и самъ губернаторъ, Петръ Алексѣичъ, по склонности къ хорошенькимъ женщинамъ, свойственной всѣмъ смертнымъ вообще, былъ очень радъ удержать въ городѣ Мытищеву, хотя за Камышлинцева вовсе не стоялъ. Матрена Гавриловна, какъ опытная женщина, замѣтила ему, что безъ Камышлинцева Мытищева не останется, и что лучше Камышлинцева ему для этого дѣла никого не съискать.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представленіе Мытищева и Камышлинцева было рѣшено, хотя не безъ колебанія. Передъ самымъ подписомъ бумаги, у Петра Алексѣича, какъ говорится, рука дрогнула: онъ въ нерѣшимости положилъ перо и началъ въ смущеніи потирать лысину, обратившись къ Асклепендіатову:

— Однако, какъ же это? одинъ декабристъ, другой герценистъ? Что же скажутъ въ Петербургѣ? Милашкинъ непремѣнно донесетъ! Вѣдь, за это можетъ достаться.

Но Асклепендіатовъ успокоилъ его предложеніемъ изложить въ самой бумагѣ положеніе представленныхъ лицъ и свое о нихъ мнѣніе.

На томъ и порѣшили.

Къ удивленію Петра Алексѣича въ отвѣтъ на эту бумагу, Митищевъ и Камышлинцевъ, получили приглашеніе въ члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и оба съ удовольствіемъ приняли его.

XI.

Жизнь начала улыбаться Камышлинцеву и завѣтная мечта его объ общественной дѣятельности, участіи въ дѣлѣ по душѣ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, но обѣщала осуществиться. Строже взглянулъ онъ на свое настоящее положеніе и остался не совсѣмъ доволенъ собой. Послѣднее время онъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ хорошенькой женщинѣ и отсутствію всякихъ надеждъ на будущее, мало читалъ дѣльнаго. Онъ чувствовалъ, что становился свѣтскимъ пустокормомъ, но теперь вдругъ оживился: принялся за чтеніе, сталъ знакомиться со всѣмъ, что было писано по крестьянскому вопросу. Отношенія его къ самому Мытищеву, какъ будущему товарищу по занятіямъ, тоже стали измѣняться; бывая по обыкновенію каждый день у Мытищевыхъ онъ уже не искалъ случая отдѣлаться какъ-нибудь отъ мужа, чтобы поговорить съ женой: теперь онъ чаще и одушевленнѣе говорилъ и спорилъ съ мужемъ о дѣлѣ, имъ общемъ и обоихъ живо интересующемъ. Они не всегда сходились въ частностяхъ, Камышлинцевъ ближе и горячѣе принималъ все къ сердцу, былъ рѣшительнѣе въ своихъ мнѣніяхъ, но онъ не могъ не отдать справедливости здравому и высоко честному взгляду Мытищева, онъ сталъ болѣе уважать его, и тайна его отношеній къ женѣ, мелкій и ежечасный обманъ, на который онъ былъ вынужденъ,— начинали сильно тяготить Камышлинцева. Долго онъ думалъ о томъ, какъ бы выйти изъ этого положенія, и рѣшился говорить съ Ольгой.

Однажды вечеромъ, когда Камышлинцевъ сидѣлъ у Мытищевыхъ, мужъ уѣхалъ къ кому-то на карточный вечеръ, и Ольга осталась наединѣ съ нимъ. Подобные случаи были не часты и влюбленные ими очень дорожили. Ольга, съ переѣздомъ въ городъ, казалось еще болѣе любила Камышлинцева. Къ чувству, которое она имѣла къ нему, примѣшивалось удовлетворенное самолюбіе. По уму, образованію и умѣнью держать себя, Камышлинцевъ былъ рѣшительно самымъ выдававшимся молодымъ человѣкомъ въ городѣ. Новая обязанность, которая довѣрялась ему въ дѣлѣ такой важности, какъ крестьянское, придавало ему особенное значеніе въ обществѣ, и хотя Ольга гораздо серьезнѣе относилась къ свѣтскимъ мелочамъ, нежели къ общественнымъ переворотамъ, но новое положеніе Камышлинцева не могло не льстить ей. Она была очень нѣжна къ Камышлинцеву. Они сидѣли на низенькой оттоманкѣ: обвивъ рукою голову Камышлинцева, Ольга играла его волосами и полудовольная, полунедовольная его занятіями и степенностью за послѣднее время, смѣясь, говорила, что у него непремѣнно должны были появиться сѣдые волосы.

Вдругъ около самой двери въ полуосвѣщенную гостиную послышался легкій скрипъ сапоговъ по ковру и, распахнувъ портьеру, вошелъ Мытищевъ.

Ольга едва успѣла отнять руку и отшатнуться отъ Камышлинцева, она вся поблѣднѣла и сердце замерло у нея.

Камышлинцевъ сидѣлъ смущенный.

— Я зашелъ сказать тебѣ, чтобы ты съ вечера приготовила письмо къ брату, а то завтра проспишь до обѣда и опоздаешь на почту. Я ему посылаю деньги, такъ надо отправить до 12 часовъ,—говорилъ мужъ.

— Ахъ, какъ ты напугалъ меня!—сказала Ольга, и по ея блѣдности и неровному дыханію видно было, что она дѣйствительно была сильно испугана. —Развѣ ты не уѣхалъ на вечеръ? Я думала, что-нибудь случилось необыкновенное.

— Нѣтъ, дружокъ! Я въ прихожей получилъ письмо, по которому долженъ былъ сейчасъ отвѣчать, и писалъ въ кабинетѣ. Да я въ самомъ дѣлѣ перепугалъ тебя бѣдную?—говорилъ онъ, взявъ ея похолодѣлую руку.—Ну прости, дружокъ.

— Отчего же было не предупредить! И что мнѣ за экстренность писать? я могла бы отправить и отдѣльно,—отвѣчала Ольга, не успѣвъ еще совладать съ собою и невольно высказывая свою досаду.

— Я не зналъ, другъ мой, что ты такая нервная и что мужьямъ не слѣдъ входить нечаянно. — шутя, сказалъ Мытищевъ. — Впередъ не буду! Ну до свиданья, другъ мой, успокойся. — Онъ нагнулся къ ней и поцаловалъ ея голову.

Ольгѣ стало совѣстно, а вмѣстѣ съ тѣмъ она испугалась, не замѣтилъ ли чего мужъ и не даетъ ли это понять ей. Она взяла его руку и, потрепавъ другой, сказала ласково:

— Ну, смотри же, не засиживайся! Ты знаешь, это вредно тебѣ.

— Хорошо!—отвѣчалъ мужъ и подалъ руку Камышлинцеву, который тоже всталъ и взялся за шляпу.

— А вы куда?—спросилъ Мытищевъ.

За минуту передъ тѣмъ у Камышлинцева не было и мысли объ отъѣздѣ, но ему показалось почему-то неловкимъ оставаться; кромѣ того онъ тоже боялся, не

заподозрилъ ли ихъ отношеній Мытищевъ, и чтобы разъ убѣдить его, ему вдругъ пришла мысль уѣхать.

— Нужно домой,—отвѣчалъ онъ.—Дѣло есть.

— Ну полно-те! дѣло не медвѣдь, не уйдетъ. Посидите: Ольгѣ будетъ скучно!—сказалъ Мытищевъ.

— Да нужно бы, — сказалъ въ нерѣшительности Камышлинцевъ.

— Оставайтесь!—сказала Ольга,—успѣете еще дѣлами вашими заняться.

Камышлинцевъ положилъ шляпу, Мытищевъ кивнулъ имъ головой и вышелъ. Молча, прислушивались влюбленные къ его удалявшимся шагамъ, и только тогда, когда дверь въ прихожей захлопнулась и послышался скрипъ уѣзжающихъ саней, они переглянулись съ отдыхающей улыбкой отъ пронесшагося мимо удара.

— А что, еслибы?—подумали они оба.

Камышлинцевъ взялъ руку Ольги и, какъ бы благодаря и вмѣстѣ прося прощенья, жалъ и успокоительно гладилъ ее.

— Я еще не могу прійти въ себя,—говорила Ольга,—посмотри, какъ бьется сердце!

Она взяла руку Камышлинцева и приложила къ груди. Дѣйствительно, сердце билось у нея, какъ у пойманной голубки.

— Дорогая моя! — сказалъ Камышлинцевъ, цалуя ея руку.

Вскорѣ подъ его ласкающимъ взлядомъ Ольга успокоилась, румянецъ заигралъ въ лицѣ, и она точно цвѣтокъ, пригрѣтый солнцемъ, приподняла улыбающуюся головку.

Но по мѣрѣ того, какъ она успокоивалась, Камышлинцевъ сталъ разсѣяннѣе и смущеннѣе. Онъ что-то думалъ и не рѣшался сказать.

— Ты очень испугалась?—спросилъ онъ.

— Еще бы! — отвѣчала она. — Вѣдь вамъ мужчинамъ это шутки, а для насъ вопросъ счастья всей жизни!

Камышлинцевъ посмотрѣлъ нерѣшительно ей въ глаза.

— Послушай, Ольга,—началъ онъ вдругъ,—я глубоко счастливъ твоей любовью, но вѣдь наше положеніе не совсѣмъ завидное! Съ одной стороны, вѣчная боязнь быть открытымъ, съ другой... (онъ замялся), съ другой,—необходимость обманывать твоего мужа!.. Знаешь, онъ вѣдь честный старикъ, и мнѣ бываетъ совѣстно передъ нимъ!

— А мнѣ-то?—сказала Ольга.—Это мучитъ меня, и ты не знаешь, чего мнѣ это стоитъ!—Она вздохнула и затуманилась.

Они помолчали.

— Я часто думаю,—началъ опять Камышлинцевъ,—какъ-бы выйдти изъ этого положенія, еслибъ это было возможно...

— Ты, можетъ быть, хочешь бросить меня,—сказала Мытищева, спокойно улыбаясь, и взглянула на Камышлинцева. Но взглянувъ самоувѣренно и сама смѣясь своему предположенію, она замѣтила смущеніе въ глазахъ Камышлинцева, и въ ея глазахъ тотчасъ засвѣтился безпокойный огонекъ.

Камышлинцевъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, но только укоризненно покачалъ головою.

— Такъ что же? — спросила Ольга ужь болѣе серьезно.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ничто не мѣшало нашей любви, чтобы мы могли отдаваться ей, не боясь и не смущаясь,—замѣтилъ Камышлинцевъ:—разорвать бы все разомъ... Переѣзжай ко мнѣ!..

Ольга вопросительно посмотрѣла на Камышлинцева и печально покачала головой.

— Ты шутишь разрывомъ съ домомъ, семьей, знакомыми, свѣтомъ!.. Объ этомъ нечего и думать!—сказала она равнодушно, какъ говорятъ о предположеніяхъ, дѣлаемыхъ только для того, чтобы говорить о чемъ-нибудь.

— Да!—подумавъ, сказалъ Камышлинцевъ.—Это дѣйствительно тяжело!.. но что, еслибы, не разрывая со всѣмъ и со всѣми, признаться только мужу?—тихо и нерѣшительно выговорилъ онъ, боясь впечатлѣнія, которое произведутъ его слова, и пытливо взглянулъ на Ольгу.

Но впечатлѣнія никакого произведено не было: Мытищева приняла его слова за шутку. Она усмѣхнулась только и отвѣчала:

— Хорошо бы!

Камышлинцева это нѣсколько огорчило.

— Я говорю не шутя,—сказалъ онъ.—Вѣдь ты сама сознаешь непріятности нашего положенія и тебѣ тоже хотѣлось бы выйти изъ него?

— Такъ для этого все сказать мужу?—спросила она и такими недоумѣвающими глазами взглянула на Камышлинцева, какъ будто у ней зародилось сомнѣніе, не сошелъ ли онъ съ ума. Она не могла думать, чтобы Камышлинцевъ могъ говорить серьезно. Весь строй ея понятій, все, что ей случалось слышать и видѣть — все

возстало противъ безумія подобной мысли. Увлечься, измѣнить мужу, обманывать его — да, это возможно: это грустно, но бываетъ необходимо. Мы видимъ сотни примѣровъ, свѣтъ это знаетъ и терпитъ, но, обманувъ, сказать объ этомъ самой, сказать именно тому, отъ кого это всего болѣе скрывается, и выслушать этотъ совѣтъ отъ любовника... да это безуміе!

— Другъ мой! — сказалъ Камышлинцевъ, — пойми, что наше положеніе ложно, и ложно не потому, что мы любимъ другъ друга: чувствами не всегда можно владѣть, — а потому, что должны ежедневно скрытничать, унижаться до лжи и обмана, и еще передъ человѣкомъ, которому не можемъ отказать въ уваженіи. Ты сама говорила, что это тяготитъ тебя.

— Значитъ, ты хочешь разрыва? — сказала Мытищева вспыхнувъ. — Или ты хочешь огласки?

— Совсѣмъ нѣтъ, — попробовалъ-было возразить Камышлинцевъ.

— Такъ какими же глазами я взгляну на мужа? — спросила, недоумѣвая, Мытищева. — И развѣ послѣ признанія возможно намъ оставаться такъ, какъ теперь?... Нѣтъ! Ты меня не любишь! — рѣшила она. — Я пожертвовала ему всѣмъ, я обманула мужа, а онъ мнѣ предлагаетъ признаніе! Развѣ это не разрывъ! Развѣ это любовь!

И Ольга, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Камышлинцевъ увидѣлъ, что сдѣлалъ глупость; онъ высказалъ свою мысль женщинѣ, которая, по своему воспитанію и понятіямъ, никакъ не могла усвоить ее. Ему стало жаль Ольги: виновата ли она, что все ея настоящее и прошлое развило въ ней совсѣмъ другой взглядъ, —

что она могла остановиться или легко обойти камни, которые жизнь кладетъ намъ поперегъ дороги, но смѣло перейти черезъ нихъ или сбросить ихъ съ пути и очистить его было ей не подъ силу? Камышлинцевъ сталъ успокоивать Ольгу, увѣрялъ ее, что это было только пустое предположенiе; но когда женщина расплачется, она какъ будто плачетъ для собственнаго удовольствiя, плачетъ для плаканiя, и доводы, которыми ее успокоиваютъ, заставляютъ ее только еще болѣе плакать. Предложенiе Камышлинцева и испугъ который ему предшествовалъ, все это сильно потрясло нѣжные нервы Ольги. Она разрыдалась и съ ней сдѣлалась истерика. Камышлинцевъ перепугался не на шутку. Позвать людей онъ боялся, онъ самъ сходилъ за водой и насилу-насилу успокоилъ Ольгу. Онъ просилъ у нея прощенiя. Она кротко сказала ему, что не сердится, но что хочетъ отдохнуть и боится, чтобы мужъ не увидѣлъ ее столь разстроенной. Камышлинцевъ еще разъ попросилъ ее выбросить этотъ разговоръ изъ головы, не сердиться на него, и нѣжно простясь съ нею, уѣхалъ.

Уѣхалъ онъ самъ разстроенный и недовольный собою. Это была первая размолвка его съ Ольгой. И потомъ онъ чувствовалъ что-то нехорошее: ему было совѣстно и Мытищева и себя; онъ сознавалъ, что ложныя положенiя, какими бы розами ни были прикрыты, всегда ложны и скверны. На Ольгу онъ не сердился. Онъ зналъ ее, зналъ, что она свѣтское, слабое, но милое и прелестное существо; ему было жаль ее, но обвинять ее онъ не могъ: нельзя требовать отъ женщины, выросшей какъ Ольга, болѣе того, что она можетъ дать. Да притомъ онъ дѣйствительно любилъ ее.

XIII.

Февраль былъ въ исходѣ. Однажды, въ сумерки, къ Камышлинцеву явился мелкій полицейскій чиновникъ и, оглянувшись, не подслушиваетъ ли его кто, таинственно передалъ ему приглашеніе губернатора немедленно пожаловать къ нему. Несмотря на то, что наши полицейскіе чиновники испоконъ вѣка усвоили себѣ таинственно-пугающій видъ, такъ что при одномъ ихъ появленіи въ квартиру ожидаешь услышать что-нибудь весьма непріятное,—чиновникъ на сей разъ былъ еще таинственнѣе—точно онъ обладалъ государственной тайной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что ему смерть хотѣлось что-то такое разсказать,

— Что случилось?—спросилъ Камышлинцевъ.

Чиновникъ еще оглянулся и сказалъ тѣмъ невнятнымъ и беззвучнымъ голосомъ, которымъ говорили прежде съ писарями и канцелярскими чиновниками, когда имъ въ самой же канцеляріи давали взятку:

— Флигель-адъютантъ изъ Петербурга пріѣхалъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ задѣтый за живое Камышлинцевъ.

Чиновникъ оглядѣлся.

— Не могу знать-съ; но кажется насчетъ крестьянскаго дѣла.

— Давно?

— Нѣтъ-съ; съ полчаса-съ! Его превосходительство послали меня тотчасъ просить къ нему губернскаго предводителя и еще нѣкоторыхъ лицъ по запискѣ. Былъ у

Ивана Сергѣича Мытищева, къ вамъ, а потомъ, — и онъ назвалъ нѣсколько лицъ, будущихъ членовъ губернскаго присутствія.

— Сейчасъ буду,—сказалъ Камышлинцевъ.

— Счастливо оставаться-съ! — Чиновникъ развязно шаркнулъ ногой и, выйдя на крыльцо, водрузился верхомъ на привязанную къ столбу пожарную лошадь и поскакалъ той необыкновенной припрыжкой, которую изобрѣли разбитыя на всѣ ноги лошади полицейскихъ вѣстовыхъ, министерскихъ курьеровъ и придворныхъ лакеевъ.

Камышлинцевъ нашелъ губернатора въ кабинетѣ. Наклонясь надъ чемоданомъ, онъ собственноручно вынималъ брошированныя тетради „Положенія 19 Февраля“ и передавалъ ихъ Асклепендіатову, хотя, кромѣ правителя дѣлъ, тутъ было еще нѣсколько чиновниковъ, готовыхъ по первому знаку, въ одинъ мигъ опростать и выворотить весь чемоданъ. Кромѣ чиновниковъ, на эту операцію смотрѣли предсѣдатели палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, нѣсколько членовъ будущаго губернскаго присутствія и губернскій предводитель, господинъ высокій, представительный и не терявшій собственнаго достоинства даже тогда, когда просилъ денегъ взаймы. Въ сторонѣ за столомъ сидѣлъ флигель-адъютантъ, молодой и красивый человѣкъ. Несмотря на то, что онъ пріѣхалъ къ губернатору прямо съ дороги, послѣ необыкновенно скораго переѣзда въ нѣсколько тысячъ верстъ, онъ какими-то судьбами ухитрился явиться въ просторномъ, но свѣжемъ и непомятомъ сюртукѣ, чистыхъ аксельбантахъ, причесанный, приличный, какъ-бы сейчасъ вышедшій изъ дому. Только по разгорѣвшемуся, краси-

вому лицу и покраснѣвшимъ глазамъ видны были слѣды дороги; онъ сидѣлъ какъ-то свободно-почтительно и вѣжливо, курилъ папиросу и прихлебывалъ чай, которымъ поспѣшила угостить его Матрена Гавриловна. При входѣ Камышлинцева идеалистъ-губернаторъ, разогнувъ спину и подавая одну руку Камышлинцеву, другой вручилъ ему (именно вручилъ, а не подалъ) экземпляръ Положенія. Потомъ обратился къ флигель-адъютанту и сказалъ:

— Членъ по приглашенію правительства, Дмитрій Петровичъ Камышлинцевъ.—Обращаясь за тѣмъ къ Камышлинцеву назвалъ ему графа Гогенфельда.

Камышлинцевъ и флигель-адъютантъ раскланялись.

Вскорѣ, когда собрались и остальные приглашенные, а губернаторъ собственноручно вынулъ изъ чемодана всѣ экземпляры Положенія, начались разсужденія о мѣрахъ къ его обнародованію. При этомъ нѣкоторыми членами было высказано мнѣніе, что благоразумнѣе было бы объявлять новую мѣру постепенно, дабы одновременное и повсемѣстное провозглашеніе не произвело всеобщаго волненія, которое трудно будетъ прекратить. Однакоже это предусмотрительное предложеніе не было принято, и рѣшено было опубликовать манифестъ черезъ земскую полицію и нѣсколькихъ чиновниковъ, нарочно для сего назначенныхъ. Но кромѣ этого рѣшенія, на которое впрочемъ даны были инструкціи изъ Петербурга, толковали долго и хлопотали много о разныхъ мелочахъ — такъ долго, что усталый флигиль-адъютантъ, попросилъ позволенія удалиться. Главныя замѣчанія присутствующихъ состояли въ восклицаніяхъ въ родѣ: „Мм-Да! Надо держать ухо востро!“ А хлопоты заключались въ приложеніи

печатей къ конвертамъ и связываніи веревочками экземпляровъ, назначаемыхъ къ отсылкѣ, что гораздо лучше и проворнѣе могло бы быть сдѣлано и не столь значительными лицами. Но самая горячая работа шла въ канцеляріи, гдѣ подъ надзоромъ Асклепендіатова писались десятки предписаній, заготовлялись подорожныя и проч. Присутствующіе разошлись около полуночи съ тѣми же восклицаніями: „Мм-Да! Надо держать ухо востро!“ и съ убѣжденіемъ, что всѣ много поработали для успѣха дѣла и общественнаго спокойствія.

Несмотря на тайну, которую старались хранить всѣ власти, разсказывая каждый полученную новость не иначе какъ по секрету и скрывая ее въ особенности отъ прислуги, хотя очень хорошо знали, что завтра эту вѣсть огласятъ при звонѣ колоколовъ,—не смотря на всѣ эти мѣры благоразумія и предосторожности, вѣсть о томъ, что привезена „воля“, разлилась какъ вода и многіе мнительные люди уснули—если только спали въ эту ночь они—весьма тревожно, ожидая на-завтра чего-то въ родѣ преставленія свѣта.

Наступило и это завтра и, къ общему удивленію, оказалось такъ, какъ будто бы ничего въ немъ особаго и не предстояло. День былъ пасмурный, теплый, шла изморозь и разъѣдала начинающій уже темнѣть снѣгъ. Весной еще не пахло, но она видимо была близка. Люди, имѣющіе крѣпостную прислугу, умываясь вглядывались ей въ лицо и мнили видѣть на немъ нѣчто коварное. Прислуга, напротивъ, старалась не глядѣть господамъ въ глаза. Она тоже думала, но съ гораздо большею чѣмъ господа основательностью, что, во избѣжаніе знакомства съ услужливѣйшимъ и милѣйшимъ человѣкомъ и душою

общества, мѣстнымъ полиціймейстеромъ, „надо держать ухо востро“, — и только развѣ какая-нибудь нервная горничная, не выдержавъ распечки встревоженной барыни, фыркнетъ, хлопнетъ дверью и уйдетъ въ сѣни или кухню излить свои чувства передъ собратьями.

Камышлинцевъ отправился въ соборъ, но не вынесъ оттуда никакого особеннаго впечатлѣнія: манифестъ слышали только чиновники и немногіе помѣщики, стоявшіе впереди. Масса, которой онъ особенно близко касался, стояла назади, понимала урывками и смутно, такъ что казалась только озадаченной. Камышлинцевъ вернулся домой, надѣлъ старое пальто и пошелъ на базарную площадь. День былъ торговый, но за распутьемъ народу было немного. Нѣсколько возовъ сѣна и дровъ, привезенные подгородными крестьянами, стояли въ сторонѣ и около нихъ собрались кучки. Камышлинцевъ подошелъ къ нимъ, спросилъ о цѣнѣ, поторговался и затѣмъ, какъ бы мимоходомъ, заговорилъ:

— Ну что, ребята, слышали про волю?

— Читали, баютъ, въ соборѣ,—отвѣчали нѣкоторые вяло.

— Ну что же?

— Да что! мы и не знаемъ хорошенько: разно говорятъ!—отвѣчали они.

Ясно было, что недоумѣніе крестьянъ происходило отъ непониманія. Камышлинцевъ какъ ни старался сдерживать себя, но былъ въ возбужденномъ и радостномъ состояніи: ему страшно хотѣлось разъяснить всю благодѣтельность и громадность настоящаго событія; онъ едва удержался, чтобы при этомъ, изъ ряда выходящемъ, случаѣ не поддаться свойственной добрымъ помѣщикамъ

и начальникамъ слабости поблагодушествовать, т. е. разсказать этимъ добрымъ невѣждамъ, какъ нѣкоторыя вещи хорошо идутъ на свѣтѣ и какъ все совершенствуется; но одинъ растрепанный и плюгавый мужичишка въ рваномъ кафтанѣ перевернулъ всѣ его стремленія.

— Теперича, говорятъ, все по старому на два года! — сказалъ онъ горячо: — да въ эти два-то года онъ у меня кровь выпьетъ!

Камышлинцевъ былъ нѣсколько озадаченъ.

— Не бойся! сдѣлать этого нельзя будетъ: теперь этого не позволятъ, — успокоительно замѣтилъ онъ.

— Да кто не позволитъ? ты что ли? — запальчиво сказалъ мужикъ и шапка на немъ съѣхала какъ-то назадъ, а изъ-подъ нея прямыми клочьями высунулись и заторчали, казалось отъ роду не чесанные, волосы.

— Много васъ этакихъ!.. Держи шире карманъ-то! — добавилъ онъ и повернулся къ своимъ дровнямъ.

— Ну! ну! полно! чего врешь! — заговорили другіе мужики, и потомъ, обратясь къ Камышлинцеву, прибавили:

— Это онъ такъ!.. онъ всегда такой зряшный! Языкъ-то вѣдь безъ костей! — заговорили они въ нѣсколько голосовъ, окруживъ Камышлинцева и видимо стараясь его задобрить.

Пока они говорили, мужикъ сѣлъ на свои дровни, задергалъ заморенную и лохматую клячонку и, влѣпивъ ей концами возжей нѣсколько ударовъ, поскакалъ, ныряя по ухабамъ площади.

— А вамъ, ваше благородье, сѣнца-то потребно будетъ? — спросили крестьяне.

— Да, нужно. А видно у него баринъ-то не изъ ласковыхъ, — замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Какой у него баринъ!.. и бариномъ-то назвать нельзя, — говорили крестьяне, какъ бы успокоивая его благородіе. —Въ одной избѣ съ ними живетъ и ѣстъ у нихъ.

У Камышлинцева пропала охота благодушествовать, онъ велѣлъ свезти къ себѣ воза два сѣна, зашелъ домой, переодѣлся и поѣхалъ посмотрѣть на знакомыхъ.

Знакомые всѣ, сочувствующіе и не сочувствующіе дѣлу, были какъ будто ошеломлены и чего-то ждали, хотя ничего не было. Сужденія, особенно между мужчинами, были сдержанныя, но слабый и прекрасный полъ, съ котораго, какъ извѣстно, „взять нечего", оказался откровеннѣе и выражалъ свое сочувствіе угнетеннымъ (угнетенными въ его глазахъ были помѣщики) гораздо явственнѣе. Одна изъ нихъ, жена небогатаго помѣщика, съ пробором на боку и въ какомъ-то залихватски сидящемъ на головѣ чепцѣ, по прозванью m-me Пентюхина, разъѣзжала по всѣмъ знакомымъ и задыхаясь разсказывала: „имажинэву, Палашка не ве па ме салюэ!"

И дамы, встрѣчая знакомыхъ, таинственно говорили: „слышали вы, что съ Маргаритой Васильевной? Палашка не ве па ля салюэ!"

Камышлинцевъ и еще два-три молодые человѣка обѣдали у Мытищевыхъ. Въ концѣ обѣда подали шампанское и Мытищевъ, высокій, съ серебристой сѣдиной, всталъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ провозгласилъ тостъ за виновника дарованной реформы и ея счастливое выполненіе, — на глазахъ у него навертывались слезы, все его правильное и благородное лицо дышало воодушевленіемъ. Камышлинцевъ и всѣ остальные восторженно при-

няли тостъ и съ дружнымъ ура сдвинули бокалы. Хозяинъ обратился къ Камышлинцеву:

— Дмитрій Петровичъ! Будемъ содѣйствовать великому дѣлу! Будемъ защищать слабаго, дружно и нераздѣльно! Вы молоды, вы сильнѣе и энергичнѣе меня, но я отъ васъ не отстану. — Онъ ему протянулъ руку и крѣпко пожалъ ее. Камышлинцевъ отвѣчалъ ему тѣмъ же искреннимъ пожатіемъ, но весь вспыхнулъ и смутился. Мытищевъ приписалъ это тому одушевленію и настроенію, въ которомъ самъ находился. Послѣ обѣда Камышлинцевъ, противъ обыкновенія, не остался и тотчасъ уѣхалъ.

Наступили сумерки, экипажи сновали по улицамъ, народъ бродилъ, но толковалъ тихо и сдержанно. Извѣстно, что въ этотъ день выпито было въ кабакахъ вина вдвое менѣе обыкновеннаго. Видно ужъ Руси на роду написано, чтобы самыя великія событія входили въ ея жизнь безъ шума и фразы, какъ-то за-просто.

XIV.

Началось приведеніе въ исполненіе громаднаго преобразованія; необходимо начались и недоразумѣнія, споры и жалобы. Объявлено было, что желающіе получать какое-либо разъясненіе, могутъ обращаться въ уѣздахъ — къ предводителямъ дворянства, а въ губернскомъ городѣ — къ членамъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. И вотъ несмѣлые, недовѣрчивые крестьяне стали кучками или черезъ ходоковъ, а болѣе бойкіе, дворовые, въ-одиночку похаживать къ членамъ присутствія.

Открылись два раза въ недѣлю засѣданія для разъясненія Положенія. Многіе члены, боясь безпорядковъ, направляли всѣ свои соображенія и предлагали мѣры лишь къ тому, чтобы освобождаемые не слишкомъ возчувствовали перемѣну. Камышлинцевъ, какъ человѣкъ молодой и живѣе все принимающій къ сердцу, подавалъ нѣсколько заявленій, входилъ съ отдѣльными мнѣніями, находилъ справедливымъ настаивать, напротивъ, па томъ, чтобы освобождаемые тотчасъ же почувствовали облегченіе. Мытищевъ всегда поддерживалъ его, и всякое слово, при томъ напряженіи, въ которомъ находилось общество, при томъ глубокомъ слѣдѣ, которымъ врѣзывалась реформа въ земскую жизнь,—толковалось, перетолковывалось и часто преувеличенное и искаженное расходилось повсюду. Вслѣдствіе этого Камышлинцевъ былъ вскорѣ объявленъ въ помѣщичьемъ кругу демагогомъ и главнымъ зачинщикомъ всѣхъ стѣснительныхъ для помѣщиковъ мѣръ. Можетъ быть вслѣдствіе этого слуха, но вѣроятнѣе вслѣдствіе всегда одинаково внимательнаго, терпѣливаго обращенія и снисходительности къ тугому пониманію приходящихъ,— на квартиру Камышлинцева все чаще и больше тянулось разныхъ зипуновъ, армяковъ и засаленныхъ сюртуковъ; между низшими слоями утвердилось убѣжденіе, что „Камышлинцевъ, Митрій Петровичъ, за насъ!“

Всѣ великія преобразованія, помимо своего прямаго дѣйствія на жизнь общества, имѣютъ громадное вліяніе на общественную нравственность. Они какъ-бы несутъ вмѣстѣ съ собою особенную, имъ свойственную, атмосферу, которая мгновенно разливается повсюду и точно также мгновенно, смотря по направленію реформы, повышаетъ или понижаетъ весь строй общественнаго мнѣнія,

общественной мысли. И потому дважды плодотворны всѣ мѣры, освобождающія жизнь отъ разныхъ путъ и стѣсненій, раздвигающія, такъ сказать, область жизни, дающія ей просторъ и всѣмъ отъ мала до велика большую возможность вкусить крупицу ея благодати! Словно подъ живительнымъ лучомъ солнца поднимаются всѣ понурыя, придавленныя къ землѣ, еле-дышащія головы, съ радостью глядятъ они на открывшуюся и для нихъ частичку неба, дышатъ долетѣвшей и до ихъ изнуренной и впалой груди струей живительнаго, благотворнаго воздуха. Встаютъ и являются люди, дотолѣ тайкомъ и въ тиши работавшіе и мощно готовые приняться, съ свѣтлой головой и свободными мышцами, за трудъ на общее благо.

За то дважды же гибельны всѣ гнетущія, стѣсняющія жизнь и принижающія человѣка мѣры! Поникаетъ подъ ними голова, придавляются силы и нѣмѣютъ въ бездѣйствіи мышцы. И встаютъ подъ ихъ тлетворнымъ дыханіемъ всѣ гады, отравляющіе жизнь и питающіеся чужой кровью, и замираетъ въ стѣсненной груди всякая честная мысль, всякое прямое и откровенное слово!

— А признайтесь, Берендѣевъ, берете вы взятки?— спрашивалъ въ то время одинъ нецеремонный помѣщикъ Самокатовъ, встрѣтясь съ молодымъ и еще не закалившимся въ чернилахъ чиновникомъ.

— Что же? бралъ, дѣйствительно бралъ, потому что это и зазоромъ не считали, а теперь не возьму: несовременно! — отвѣчаетъ онъ. И дѣйствивельно Берендѣевъ пересталъ брать, хотя освобожденіе крестьянъ до чиновниковъ повидимому ни сколько не относилось. И не одинъ на Руси такой Берендѣевъ чуялъ еще не засореннымъ чутьемъ своимъ иное время и отрезвлялся.

Значитъ, была въ благодатной реформѣ, помимо ея прямаго дѣйствія, иная благодатная, очищающая и освѣжающая струя!

По мѣрѣ того, какъ Камышлинцевъ входилъ въ дѣло, ближе вглядывался въ жизнь и строже относился къ ея требованіямъ, онъ сталъ строже вглядываться и въ себя. По мѣрѣ того какъ осужденіе, недоброжелательство и негодованіе росло противъ него, онъ чувствовалъ потребность выше и неуязвимѣе держать себя: онъ росъ и зрѣлъ вмѣстѣ съ дѣятельностью, и таково вліяніе всякаго честнаго и благаго дѣла на тѣхъ, кто его дѣлаетъ. Отношенія Камышлинцева къ Мытищеву не только безпокоили но стали уже мучить его, и любовь, въ которой онъ думалъ черпать наслажденіе и силы была отравлена; сто разъ думалъ онъ выйти изъ своего двусмысленнаго положенія откровеннымъ объясненіемъ съ мужемъ, и сдѣлалъ бы это непремѣнно, еслибъ могъ обвинить только самого себя. Но какъ могъ онъ предать слабую и любящую его женщину, отдавшую ему свои чувства, но не имѣющую силы отдать общественной огласкѣ свое имя—пожертвовать своимъ положеніемъ. Не значило ли это брать—пользуясь своими правами—болѣе, нежели могла и желала отдать эта милая, но слабая женщина? Отказаться отъ нея? Но почему? за что жертвовать счастьемъ двухъ молодыхъ, полныхъ силъ существъ въ пользу одного уже отживающаго? чѣмъ я и Ольга хуже и менѣе достойны счастья нежели онъ? — спрашивалъ себя Камышлинцевъ. „Долгъ?“ Но развѣ жизнь должна подчиняться долгу, а не наоборотъ?“ думалъ онъ. „Нѣтъ! правильно понятый, не выдуманный долгъ долженъ служить жизни, а не жизнь ему! да я и долгомъ не обя-

занъ! Одно дурно и мучитъ меня: лжи не должно быть, не должно быть скрытности и обмана:—но какъ выйти изъ нихъ, разъ имъ поддавшись?“

И изъ всѣхъ этихъ перекрещивающихся и сталкивающихся вопросовъ Камышлинцевъ не находилъ выхода. Онъ испытывалъ вполнѣ логичную послѣдовательность ложнаго положенія и чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ труднѣе становился выходъ.

Между тѣмъ говоръ про Камышлинцева росъ, и по мѣрѣ того какъ съ одной стороны увеличивалась брань, съ другой усиливалось довѣріе. Помимо утвердившагося въ освобождаемомъ классѣ мнѣнія, что „Митрій Петровичъ за насъ“, кретьяне особенно полюбили его за его умѣнье говорить съ ними. Умѣнье это далось какъ-то само собою Камышлинцеву, онъ не поддѣлывался подъ крестьянскій языкъ и понятія, не заигрывалъ и не благодушествовалъ съ крестьянами, но имѣлъ терпѣніе выслушивать ихъ до конца, да выспросить и узнать корень и суть дѣла — что, при запутанности понятій, тугомъ пониманіи и привычкѣ къ скрытности и окольнымъ путямъ, составляетъ вещь, какъ извѣстно, весьма не легкую. „Онъ тебя, братецъ ты мой, до самаго нутра выспроситъ“, говорили крестьяне; „ино напутаешь, либо не домекнешь, — такъ доберется до всего, и хоть бы тѣ дурака или какое сердитое слово—и ни-ни!“

И многіе крестьяне, не привыкшіе къ такому обращенію и обрадованные успокоительнымъ совѣтомъ, не разъ крестились, выходя отъ него, что не мѣшало нѣкоторымъ изъ ихъ ходоковъ, возвратясь къ себѣ, передавать міру полученный совѣтъ совсѣмъ навыворотъ и такимъ какъ имъ хотѣлось, а не такимъ какъ имъ

было сказано,—вещь, которой пользовались враги Камышлинцева и доказывали, что онъ нарочно даетъ крестьянамъ возмущающіе совѣты.

XV.

Разъ поздно вечеромъ Камышлинцеву доложилъ слуга, что его спрашиваетъ просительница. Камышлинцевъ велѣлъ позвать ее, и вскорѣ вошла хорошенькая, свѣжая, съ вздернутымъ носикомъ дѣвушка, въ платкѣ, накинутомъ на голову, и въ истертомъ ваточномъ салопѣ.

— Что вамъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Такъ и такъ, Митрій Петровичъ, наслышавшись о васъ, пришла къ вамъ съ просьбой: не оставьте,— и дѣвушка проворно хлопнулась въ ноги.

— Пожалуйста не кланяйтесь,—нетерпѣливо сказалъ Камышлинцевъ, поднимая ее. — Разскажите, въ чѣмъ дѣло.

— Отъ барыни, Митрій Петровичъ, житья нѣтъ!— начала дѣвушка и немедленно стала всхлипывать.—Жила я у нихъ съ-измальства, и были они строги и даже на руку дерзки, да все втерпежъ; а ныньче, послѣ этой слободы, житья нѣтъ: поѣдомъ ѣдятъ! Что ты ни сдѣлаешь, все имъ кажется не такъ, все мнительность у нихъ: „А — говоритъ — ты думаешь, что ты вольная, такъ и дѣлать не хочешь! Вотъ я — говоритъ — тебя въ полицію!“ А чего вольняя: теперича, вотъ, какъ передъ Богомъ, такъ себя строго соблюдаешь, что даже пуще прежняго.

— Чьи вы?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Маргариты Васильевны Пентюхиной,—отвѣчала она.

— Васъ не Палагеей ли зовутъ?— улыбаясь сказалъ Камышлинцевъ.

— Точно такъ-съ! —отвѣчала горничная, удивленно посмотрѣвъ на Камышлинцева. —Развѣ вамъ извѣстно про меня?—спросила она смущенно.

— Барыня жалуется, что вы ей не кланяетесь,— сказалъ Камышлинцевъ, узнавъ, что это та самая Палашка, которая „не ве па салюэ“;—но я долженъ вамъ сказать, продолжалъ онъ, что до меня разборъ вашихъ дѣлъ не относится. Я могу только сказать вамъ, что если вы будете подвергаться какимъ-либо несправедливостямъ, притѣсненіямъ или обидамъ, то можете обратиться съ жалобой къ предводителю.

Дѣвушка опечалилась.

— Какой же мнѣ теперича, Митрій Петровичъ, найти у производителя на нихъ судъ, когда они не только-что знакомы, а родня имѣ приходятся? А что до того, что я имъ не кланялась, да могу ли я, Митрій Петровичъ, госпожѣ своей почтенье не отдать? — Это напраслина! Долго ли напраслину на нашего брата взвести! —и горничная снова начала всхлипывать и утирать глаза.

— Если будете недовольны рѣшеніемъ предводителя, можете жаловаться въ губернское присутствіе,—сказалъ Камышлинцевъ. А лучше бы вамъ, если можно, разойтись съ барыней: попросились бы на оброкъ или выкупъ предложите, если можете.

— Какой у насъ выкупъ, Митрій Петровичъ, да и барыня не возьметъ его, а на оброкъ просилась я, да не отпускаетъ. Да и точно что отпускать имъ меня

нельзя, такъ какъ я у нихъ на все одна и опять же мастерству обучена. „Ты — говоритъ—мнѣ полтораста рублей стоишь, такъ мнѣ тебя за двадцать отпустить не приходится.“

— Что же я могу вамъ сдѣлать,—сказалъ Камышлинцевъ. — Я могу только разъяснять Положеніе, а остальное не въ моей власти.

Сдѣлайте божескую милость, Митрій Петровичъ, на васъ только и надежда: защитите,—сказала горничная, снова заплакавъ (при разъясненіяхъ она тотчасъ переставала плакать, а какъ только начинала просить, такъ и слезы немедленно появлялись), и хотѣла снова поклониться въ ноги Камышлинцеву, но онъ успѣлъ остановить ее.

— Поймите, что я радъ бы помочь вамъ, да не могу: не въ моей это власти, — говорилъ Камышлинцевъ.— Если не можете разойтись, то постарайтесь угодить и ладить: что дѣлать! долго жили, а два года потерпите!

Камышлинцевъ самъ чувствовалъ всю пустоту своего утѣшенія, но ничего лучшаго сдѣлать не могъ.

Горничная плакала и молчала.

— Такъ ничего нельзя?—тихо сказала она.

— Ничего больше; я вамъ все сказалъ! Она потупилась, помолчала, повертѣла коймы платка и потомъ, вздохнувъ, поклонилась и хотѣла выйти.

— Постойте, — сказалъ Камышлинцевъ, припомня что-то.—Нѣтъ ли у васъ жениха?

Дѣвушка смутилась.

— Это, можетъ быть, вы изволили слышать отъ барыни что-нибудь на счетъ нашего лакея Финогена, такъ это все напраслина Митрій Петровичъ! И самъ онъ по

насердкамъ это на меня выдумываетъ! Я вамъ, Митрій Петровичъ, всю правду скажу, такъ какъ дѣйствительно есть: точно, одинъ мѣщанинъ, въ приказчикахъ въ лавкѣ служитъ.... Но онъ имѣетъ благородныя намѣренія. Когда, говоритъ, ты освободишься, я жениться на тебѣ готовъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! не хочетъ ли онъ теперь жениться на васъ? Если вы захотите за него выйти, то вамъ барыня препятствовать не можетъ.

Горничная вся вспыхнула.

— Какъ же, а выкупъ?—спросила она.

— И выкупу не имѣетъ права требовать!

Дѣвушка какъ будто не вѣрила.

— Такъ какъ же-съ? отъ кого же дозволенье должна я получить?—спросила она.

— Да ни отъ кого, — вы вѣдь совершеннолѣтняя?

— Совершеннолѣтняя-съ.

— А родители есть?

— Есть, мать старушка въ деревнѣ, да она что! она съ радостью.

— Ну, такъ ничьего разрѣшенія больше не нужно. Новое Положеніе даетъ право выходить замужъ безъ разрѣшенія помѣщиковъ.

Дѣвушка вся разгорѣлась, и глаза у нея весело заблистали.

— Вы, Митрій Петровичъ, мнѣ жизнь даете!—тихо сказала она, и на этотъ разъ не заплакала, а замигала глазами.

— Я ничего не дѣлаю, я только разъяснилъ вамъ данное Царемъ Положеніе,—сказалъ онъ,—и благодарить вамъ слѣдуетъ того, кто далъ его... Очень радъ, если все устроится!

*

— А если, теперича, препятствіе отъ кого-нибудь встрѣтится?—сказала она.

— Тогда придите — посовѣтую. Но препятствія не будетъ... если только женихъ согласенъ, — замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Онъ-то?—вздернувъ носикъ и самоувѣренно улыбнувшись, спросила горничная: — помилуйте! Да онъ теперича долженъ себѣ за счастье почитать, если я соглашаюсь!—нѣсколько обидѣвшись рѣшила она.

— Ну, такъ и съ Богомъ! — сказалъ Камышлинцевъ.—Желаю счастья!

Она улыбнулась, поклонилась и вышла.

А Камышлинцевъ остался весьма доволенъ, что успѣлъ приложить къ дѣлу мѣру, которую только наканунѣ онъ и Мытищевъ успѣли въ губернскомъ присутствіи отстоять отъ разныхъ ложныхъ толкованій и пониманій.

XVI.

Дня черезъ три или четыре послѣ этого, Камышлинцевъ сидѣлъ съ Мытищевымъ и толковалъ о дѣлахъ; Ольги Ѳедоровны не было дома. Они увидали сани, въ которыхъ подъѣхала какая-то дама, потомъ услыхали толки въ передней, вошелъ слуга и доложилъ, что Маргарита Васильевна Пентюхина проситъ принять ее.

— Да ты знаешь, что барыни нѣтъ дома?—отвѣчалъ Мытищевъ.

— Сказывалъ-съ! они желаютъ васъ видѣть, доложи, говоритъ, Ивану Сергѣичу.

— Проси!—сказалъ Мытищевъ.

Слуга вышелъ, и тотчасъ же низенькая, полная и круглолицая барыня, съ чепцомъ на затылкѣ и косымъ проборомъ, не вошла, а влетѣла въ гостиную.

Камышлинцевъ, боясь быть лишнимъ, хотѣлъ-было выйти, но она остановила его.

— Я очень рада, что васъ здѣсь встрѣтила,—сказала она ему:—дѣло васъ касается, и я васъ попрошу выслушать его!

Камышлинцевъ молча поклонился и остался.

— Я, Иванъ Сергѣичъ, обращаюсь собственно къ вамъ,—сказала она Мытищеву,—такъ какъ вы человѣкъ почтенный, семейный, а къ молодымъ людямъ—она указала на Камышлинцева—мнѣ ѣздить не приходится!

„Ну, это совершенно безопасно“, подумали слушатели.

— Чѣмъ могу вамъ быть полезнымъ?—спросилъ Мытищевъ, прося ее сѣсть.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, скажите мнѣ, давно ли вышло еще *новое* Положеніе?—спросила она нѣсколько дрожащимъ голосомъ, стараясь казаться весьма мягкой и вѣжливой; видно было, что она заранѣе обдумывала такую форму разговора.

— Новаго Положенія, кромѣ одного, Высочайше утвержденнаго, сколько мнѣ извѣстно, никакого нѣтъ!—отвѣчалъ Мытищевъ.

— Какъ же теперь, по положенію намъ предоставлено пользоваться два года услугами нашихъ дворовыхъ—говорила Пентюхина какъ-бы съ недоумѣніемъ, и видимо сдерживаясь, хотя ея голосъ задрожалъ еще сильнѣе, — а вотъ Дмитрій Петровичъ сказалъ моей

горничной... моя горничная къ Дмитрію Петровичу должно быть вхожа, — замѣтила она какъ-бы мимоходомъ... сказалъ моей горничной, что она, не спрося моего дозволенія, можетъ выйти за кого угодно замужъ и отойти отъ меня!

— Совершенно справедливо,—отвѣтилъ Мытищевъ.

— Однакожъ, въ Положеніи нигдѣ этого не сказано: я по крайней мѣрѣ ничего подобнаго не нашла,—сказала она сдерживая накипавшую злобу.

— Вы вѣрно дурно просмотрѣли эту статью,—замѣтилъ Мытищевъ и вышелъ.

Камышлинцевъ и Пентюхина остались вдвоемъ и молчали; Пентюхина потупила глаза, чтобы и не глядѣть на Камышлинцева.

Мытищевъ вскорѣ вошелъ съ книгой Положенія и, перелистовавъ ее, подалъ Пентюхиной, указавъ на одно мѣсто.

— Не угодно ли прочесть вотъ четвертую статью положенія о дворовыхъ? — сказалъ онъ ей.

— Я очень хорошо знаю эту статью!—сказала она, кинувъ на книгу глазами и не принимая ее. — Я не хуже другихъ умѣю читать, и вы напрасно трудитесь мнѣ ее указывать! Тутъ дѣйствительно сказано, что дворовые могутъ вступать въ бракъ и прибавлено даже, что владѣлецъ не обязанъ давать помѣщеніе и содержаніе женѣ и дѣтямъ такого двороваго,—но чтобъ они освобождались отъ услугъ, этого нигдѣ не сказано.

— Мужчины и не освобождаются, — отвѣчалъ Мытищевъ,—а женщина, если выходитъ за свободнаго человѣка, раздѣляетъ его права и обязана жить съ нимъ; а это право никакъ не совмѣстно съ обязательной услугой.

— Почему же это не совмѣстно, позвольте у васъ спросить?—съ прорвавшимся азартомъ возразила Пентюхина.—Ну, выходи безъ моего позволенія, коль это Положеніемъ разрѣшено — выходи, хоть за графа, а года свои отбыть должна! Въ 9-й статьѣ кажется ясно сказано, что дворовые остаются два года въ услуженіи и въ полномъ повиновеніи владѣльцевъ. А примѣнясь къ 4-й статьѣ, я только не обязана давать ея мужу и дѣтямъ содержаніе и помѣщеніе, если она вздумаетъ привести ихъ ко мнѣ. И кто же это такой можетъ раньше срока лишить меня моей услуги, если самъ законъ мнѣ ее предоставляетъ!

— Вы не такъ понимаете 4-ю статью,—возразилъ хладнокровно Мытищевъ. — Впрочемъ я вамъ долженъ сказать, что я вамъ передаю не мое личное мнѣніе, а постановленіе губернскаго присутствія: тамъ вопросъ этотъ обсуждался подробно и присутствіе такъ постановило рѣшеніе.

— Да мало ли что присутствіе придумаетъ!—воскликнула Пентюхина, уже не сдерживая себя и дрожащимъ отъ злобы голосомъ, — этакъ всѣ дѣвки завтра же замужъ повыйдутъ: вотъ тебѣ и двухъ-годичная служба! Положеніе говоритъ одно, а присутствіе—другое! Подлинно, царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ! Мы знаемъ, кто въ присутствіи все дѣлаетъ!—сказала она вставая. Голова у нея дрожала.

— Если вы находите распоряженіе присутствія неправильнымъ, можете на него жаловаться,—тоже вставая и по прежнему хладнокровно, отвѣчалъ Мытищевъ, — а дѣла дѣлаютъ въ присутствіи всѣ и между прочимъ

представители дворянства. Обращались ли вы къ нимъ и что они вамъ сказали?

— Да что сказали! Сказали, что они ничего сдѣлать не могли, когда вы съ г-номъ Камышлинцевымъ дѣлаете, что хотите съ нашимъ-то мудрымъ начальникомъ.

— Вы бы имъ могли возразить, что мы никакихъ особенныхъ правъ на вниманіе начальника не имѣемъ и что наши голоса отнюдь не сильнѣе и не громче ихъ голосовъ; а если правда на нашей сторонѣ, такъ въ этомъ не мы виноваты.

— Такъ позвольте же узнать: что жъ это такъ и будетъ, что моя дѣвка можетъ уйти отъ меня замужъ, ничего не заплативши, какъ г-нъ Камышлинцевъ ее получилъ?

— Такъ и будетъ!—отвѣчалъ Мытищевъ.

— И на это, вы полагаете, нѣтъ ни суда, ни расправы?—спросила она.

— Напротивъ! я полагаю, что ихъ есть очень много, и совѣтовалъ вамъ уже жаловаться, — отвѣчалъ Мытищевъ.

— И будемъ-съ! будемъ! будьте увѣрены, что будемъ! и не позволимъ кому бы то ни было мудрить надъ нами и своевольничать!—сказала Пентюхина, готовясь выйти; чепецъ ея дрожалъ и совсѣмъ съѣхалъ на затылокъ. — А вамъ, Иванъ Сергѣичъ, позвольте доложить,—продолжала она,—что въ ваши года не слѣдъ бы вамъ пускаться въ такіе пассажи! Пусть бы г-нъ Камышлинцевъ чужихъ дѣвокъ освобождалъ: онъ человѣкъ молодой и холостой, онъ, можетъ, и повыше чужихъ горничныхъ кѣмъ-нибудь занимается! А вамъ,

Иванъ Сергѣичъ, — говорила она, вывертывая головой, —это бы не шло-съ! Нѣтъ, ужъ не шло бы-съ!— продолжала она, раскланиваясь и разводя руками, вся разсвирѣпѣвшая.—Лучше бы, чѣмъ вмѣстѣ съ вашимъ другомъ чужими-то горничными заниматься, вы бы посмотрѣли около себя: можетъ, друзья-то не одними горничными занимаются. Да-съ! Угодно ли вамъ....

— Вонъ!—поблѣднѣвъ и показывая рукою на дверь, сказалъ Мытищевъ,—и если вы не замолчите, такъ я вырву вашъ скверный языкъ!...

— Руки коротки! руки коротки! — улепетывая по залѣ, кричала Пентюхина.—Да и много языковъ вырывать-то вамъ придется, у всего города не вырвете.— Она продолжала еще что-то и на крыльцѣ, продолжала что-то и въ экипажѣ, но словъ ея уже не было слышно, потому что Мытищевъ, выпроводивъ ее изъ зала, захлопнулъ за нею дверь.

Онъ возвратился блѣдный и весь взволнованный и, ходя по комнатѣ, говорилъ только:

— Мерзкая, подлая женщина!

Камышлинцевъ стоялъ смущенный и не зналъ, что дѣлать. Немного погодя онъ взялся за шляпу и, подходя къ Мытищеву, сказалъ:

— Чтобы прекратить подобные разговоры, — онъ удержался назвать ихъ сплетнями и клеветами,—я думаю, лучше будетъ, если я перестану или, по крайней мѣрѣ, рѣже буду бывать у васъ, уважаемый Иванъ Сергѣичъ. Нечего говорить, что это не измѣнитъ моихъ чувствъ къ вамъ.

— Вздоръ!—сказалъ Мытищевъ, подавая руку Камышлинцеву и крѣпко пожимая ее, — напротивъ: вы

должны бывать по прежнему... чаще прежняго, чтобы доказать этимъ подлымъ сплетницамъ, что мы презираемъ ихъ клеветы, что онѣ не измѣнятъ нашихъ отношеній! Не нужно давать мерзавцамъ возможность радоваться и думать, что они помѣшали нашей дружбѣ и что грязь ихъ можетъ приставать къ чистымъ именамъ.

Камышлинцеву хотѣлось бы въ эту минуту, чтобы полъ разступился подъ нимъ и чтобы онъ могъ провалиться.

— Однакоже,—началъ онъ было....

— Тутъ и говорить нечего!—прервалъ его Мытищевъ, не выпуская его руку и въ волненіи и негодованіи крѣпко потрясая ее,—честные люди должны держаться другъ за друга и стоять выше гнусныхъ сплетней этихъ негодяевъ, которые судятъ по себѣ и не могутъ вѣрить въ истинно дружескія и близкія отношенія, не предполагая обмана и гадостей. Вы меня оскорбите, Дмитрій Петровичъ, если измѣните сколько-нибудь наши отношенія, которыя для меня дороги! Это бы значило допустить мысль, что я могу сомнѣваться въ васъ и въ моей женѣ.

И впечатлительный Мытищевъ въ порывѣ чувствъ горячо обнялъ и поцаловалъ Камышлинцева.

Камышлинцевъ сдѣлался блѣднѣе Мытищева, глаза у него сверкнули, онъ отстранилъ рукой старика и хотѣлъ что-то сказать, но въ это время въ залѣ послышалось шуршанье женскаго платья и Мытищевъ самъ отскочилъ отъ Камышлинцева и приложилъ палецъ къ губамъ. Въ дверяхъ показалась Ольга Ѳедоровна.

— Ахъ, какъ я устала! — сказала она, кивнувъ головой Камышлинцеву и мужу и скидая передъ зерка-

ломъ шляпу. Но, увидѣвъ въ немъ выраженіе лицъ мужа и любовника, она сама вся смутилась. — Что съ вами?—спросила она.

— Съ нами? Ничего, мой другъ, — сказалъ мужъ, стараясь сдѣлать равнодушнѣйшее лицо, онъ взялъ обѣими руками женину руку и ласково поцѣловалъ ее.

— Какъ ничего? у васъ что-то лица такія странныя!—безпокойно глядя на того и другаго, спрашивала Ольга.

— Да, право, ничего!—увѣрялъ Мытищевъ и улыбнулся:—была тутъ какая-то взбалмошная баба, Пентюхина, и разбранила насъ съ Дмитріемъ Петровичемъ, такъ что мы еще очнуться не успѣли: вотъ и все!

Мытищева недовѣрчиво покачала головой.

— Однако-жъ, до свиданія! мнѣ надо ѣхать,—сказалъ Камышлинцевъ, который не могъ выносить долѣе своего положенія и подалъ руку женѣ и мужу.

— Куда же вы? — спросилъ Мытищевъ. — По крайней мѣрѣ, къ обѣду пріѣдете?—спросилъ онъ вслѣдъ почти убѣгавшаго Камышлинцева.

— Постараюсь! — отвѣтилъ тотъ изъ передней и ушелъ.

Мытищева еще разъ вопросительно и безпокойно взглянула на мужа; но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого и, взглянувъ на стоящіе на окнѣ цвѣты сказалъ:

— Опять забыли полить! Эй, Дементій — онъ вышелъ какъ будто за тѣмъ, чтобы передать слугѣ приказаніе, и потомъ ушелъ въ кабинетъ.

Смущенная и все еще безпокойная Мытищева пошла переодѣться и, за этимъ занятіемъ, спросила какъ-бы мимоходомъ горничную:

— Что тутъ былъ кто нибудь безъ меня? Баринъ какъ будто разстроенъ?—но получила отвѣтъ, что пріѣзжала г-жа Пентюхина и что ничего, кажется, не случилось.

— Развѣ она что-нибудь?—разсуждая говорила горничная,—она, вѣдь, Богъ съ ней, говорятъ, преехидная-съ! А впрочемъ, я ничего не знаю!—добавила горничная, давая себѣ въ то же время слово разузнать все до ниточки.

Горничная ушла, и бѣдная женщина, виновная и чуявшая что-то не доброе, осталась одна, въ тревогѣ и опасеніяхъ.

XVII.

Камышлинцевъ, возвратясь домой, долго ходилъ взволнованный по комнатѣ. Наконецъ онъ сѣлъ къ столу, написалъ письмо, разорвалъ его, опять написалъ, перечелъ и, свернувъ въ нѣсколько разъ, положилъ въ карманъ. Наступила обѣденная пора и онъ поѣхалъ къ Мытищевымъ.

Въ этотъ день, на счастье всѣхъ, у Мытищевыхъ обѣдалъ пріѣзжій флигель-адъютантъ, который оставленъ былъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ, для наблюденія за ходомъ крестьянскаго дѣла. Графъ Гогенфельдъ познакомился съ Мытищевыми и бывалъ у нихъ довольно часто. Это былъ очень пріятный и, въ свѣтскомъ смыслѣ, въ высшей степени порядочный молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ талантъ какъ-то все примирять, сглаживать и смягчать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ веселъ и милъ. Казалось, гдѣ онъ появлялся, тамъ атмосфера дышала

пріятностью и безобидной веселостью, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего оригинальнаго, ничего страннаго или свѣжаго, не выдавалось: все было мило и гладко. Благодаря этому таланту графа и его присутствію, нѣкоторое стѣсненіе, которое чувствовалось въ семьѣ, скоро сгладилось и обѣдъ прошелъ очень хорошо. Послѣ обѣда, когда графъ сталъ уходить, Камышлинцевъ сказалъ ему:

— Пойдемте вмѣстѣ, графъ, намъ по дорогѣ, — и тоже вышелъ.

Они были уже въ прихожей, когда Камышлинцевъ, надѣвая перчатку, замѣтилъ, что другой нѣтъ.

— Извините, — сказалъ онъ, — я забылъ перчатку.

Онъ воротился въ гостиную и черезъ минуту вышелъ натягивая и другую перчатку. Они отправились вмѣстѣ.

По уходѣ ихъ, Мытищева прошла къ себѣ въ кабинетъ, осмотрѣлась и разжавъ руку взглянула на письмо сжатое въ ней. Съ сильно бьющимся сердцемъ развернула она его и стала читать. Письмо было отъ Камышлинцева, но какъ переписка, особенно въ послѣднее время, не была въ ихъ привычкахъ и только въ деревнѣ изрѣдка они мѣнялись записочками, то довольно длинное посланіе съ перваго взгляда смутило Ольгу.

„Ольга! другъ мой! намъ нельзя такъ оставаться долѣе. Сегодня при мнѣ, эта подлая Пентюхина весьма недвусмысленно дала понять твоему мужу о нашихъ отношеніяхъ и добавила, что объ нихъ знаетъ весь городъ. Благородный старикъ выгналъ ее и когда я сказалъ ему, что для прекращенія подобныхъ слуховъ считаю нужнымъ перестать бывать у васъ или, по крайней мѣрѣ, бывать какъ можно рѣже; онъ же упрашивалъ меня,

напротивъ, нисколько не измѣнять нашихъ отношеній (еслибы онъ зналъ ихъ!) и, бросясь мнѣ на шею, говорилъ, что грязь не можетъ приставать къ чистымъ именамъ, что я его оскорблю, если измѣнюсь относительно вашей семьи, и что это значило бы—прибавилъ онъ—допускать въ немъ возможность сомнѣнія во мнѣ и въ тебѣ. Благородный человѣкъ не позволилъ себѣ даже сказать, что онъ не вѣритъ слухамъ!

„Можешь себѣ представить, дорогой другъ, что я чувствовалъ! Было одно мгновеніе, когда я хотѣлъ сказать ему все; я отвелъ его отъ груди, къ которой онъ хотѣлъ прижаться, и слова признанія и повинной были уже у меня на языкѣ, но къ счастью ты вошла, и онъ не подозрѣвая моей борьбы, самъ далъ мнѣ знакъ молчанія. Остальное ты знаешь.

„Послѣ этого скажи, возможно ли намъ оставаться по прежнему? Я вновь обращаюсь къ тебѣ, моя дорогая, моя любимая, съ вопросомъ, что дѣлать намъ? Клянусь тебѣ, у меня нѣтъ мысли, укоряющей меня въ нашей любви; я благословляю тебя за нее, благословляю за счастіе, которое ты мнѣ дала: наша любовь явилась свободно и освящена взаимностью,—но скрытность и обманъ особенно съ такимъ юношески-довѣрчивымъ и честнымъ человѣкомъ, какъ твой мужъ, такъ же тяжелы мнѣ какъ и тебѣ. Во что бы то ни стало, но намъ надо выйти изъ этого положенія. Я бы давно сказалъ все твоему мужу и готовъ бы былъ встрѣтить и негодованіе, и укоры его; но съ моими признаніями сопряжена и твоя участь:—на тебѣ болѣе чѣмъ на мнѣ обрушилась бы вся тяжесть признанія. Я не имѣю права объявить громко то, что ты мнѣ дала подъ условіемъ

тайны. Я не имѣю права отдавать злорѣчію твое имя, ставить на карту твое семейное положеніе. Ты — одна; ты теряешь тутъ все, поэтому все отъ тебя зависитъ и ты сама должна рѣшить вопросъ. Достанетъ ли у тебя бодрости, чтобы прямо смотрѣть въ глаза настоящему, достаточна ли твоя нѣжная и робкая любовь, настолько ли дорога тебѣ моя, — чтобы ты пожертвовала своимъ положеніемъ? Подумай и рѣши, но рѣшить надобно.

„Что касается до меня, я бы полагалъ сказать все твоему мужу. Конечно, между мной и имъ послѣдуетъ разрывъ, но развѣ мы съ тобой не можемъ быть счастливы? Ты переѣдешь ко мнѣ и я приму на себя всѣ объясненія и не допущу, чтобы они коснулись тебя съ какой бы то ни было стороны. Да и бояться ихъ нечего: твой мужъ слишкомъ благороденъ, чтобы оскорбить тебя.

„Если же ты не хочешь такого исхода, то неужели мы разстанемся? Неужели мнѣ придется потерять все счастье твоей нѣжной и благотворной любви? Неужели тебѣ не жаль меня, не жаль нашего счастья? а выхода нѣтъ: или разорвать, или сказать все! Послѣ всего случившагося, ты сама не захочешь тайны и обмана. Мы вышли на слишкомъ серьезную дорогу, чтобы съ прежней легкостью смотрѣть на наши отношенія, и дальше идти по этому пути нельзя!

„Итакъ, рѣшай, моя добрая, безцѣнная! Нарочно пишу тебѣ, а не говорю, обо всемъ этомъ, чтобы ты могла по возможности покойно и глубоко обдумать все. Съ трепетомъ и нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта!“

Вся блѣдная, опустивъ руки, сидѣла Ольга, прочитавъ письмо; сердце билось у нея, какъ у пойманной

голубки, она вся была смущена и взволнована, чувствовала себя на грани, на рѣшительномъ роковомъ поворотѣ, и вопросъ, что дѣлать, неизбѣжная необходимость рѣшиться на что-нибудь—стояли грозно передъ ней, всегда веселой и безпечной. „Что если все открыть ему?“ думала она. И вотъ представились ей страшныя сцены, сцены съ мужемъ, съ отцемъ, матерью, братомъ, потомъ говоръ, скандалъ, невозможность никуда выѣхать, ни къ кому показаться! Надо отказаться отъ всего свѣта; останется только одинъ, во всемъ свѣтѣ человѣкъ, милый, дорогой человѣкъ, но одинъ за всѣхъ и за все, — одинъ, на котораго можетъ она опереться противъ всего свѣта, а свѣтъ возстанетъ на нее, изгонитъ ее и она не посмѣетъ взглянуть на него!

Но эта мысль мелькнула на мгновенье. Ольга вздрогнула только отъ перваго ея появленія и если еще останавливалась на ней, то останавливалась какъ на представленіи разныхъ страшныхъ вещей, отъ которыхъ спѣшатъ отскочить и потомъ уже издали, на безопасномъ разстояніи, съ замираніемъ сердца рѣшаются взглянуть на нихъ. Такъ взглянула Ольга на возможность признанія, но въ ея любящей, дѣтски-слабой и изнѣженной душѣ не было ни минуты борьбы и колебанья. Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ вырабатывается сознаніе, все было рѣшено уже съ перваго раза; размышленіе же, представленіе послѣдствій дѣлалось уже по привычкѣ. Затѣмъ Ольга взглянула на другой неизбѣжный выходъ — на разлуку... „Итакъ надо проститься со всѣмъ, что составляло отраду, свѣтъ и тѣнь ея жизни! — думала она. Проститься съ этимъ умнымъ, красивымъ человѣкомъ. любовь котораго была ея гордостью, — проститься со

всѣмъ тѣмъ, чѣмъ было красно и свѣтло ея уединеніе... И весь этотъ страхъ ожиданій, эти тайныя встрѣчи, перелетныя минуты счастья... все, все прости! А что же впереди?.. мертвенная тишина, безчувственность и холодъ,—точно голая снѣжная степь въ ясную морозную ночь! Ночь и путь безъ надежды на отрадное, согрѣвающее пристанище, вѣчная мертвенная степь и однообразный, холодный путь вплоть до старости и могилы!...."

Прямо и безъ колебанія смотрѣла Ольга на эту грустную картину, смотрѣла съ покорной опущенной головой, какъ на неизбѣжную единственную дорогу, и глубокая грусть, грусть обо всемъ навѣки убѣгающемъ, счастливомъ прошломъ, желѣзными, холодными тисками сжала ея сердце. Но она еще не поддалась этой грусти и собрала силы, чтобы поскорѣе покончить. Борьбы и выбора нѣтъ, такъ что же думать! Она спѣшила покончить уже и потому, что вмѣстѣ съ этимъ она кончала навсегда со страшной мыслью открыть все мужу. Она схватилась за перо; но когда пришлось высказать свои мысли, проститься со всѣмъ и навѣки,—она поблѣднѣла, рука ея задрожала и слезы покатились по ея лицу. Ей казалось, что она берется за холодный ножъ, чтобы навѣки отрѣзать нить, на которой держалось все ея счастіе. Но она отерла слезы и на свободной страницѣ, оставшейся въ письмѣ Камышлинцева, торопливо написала:

„Прости меня, мой милый, мой ненаглядный! у меня нѣтъ силы на признаніе, нѣтъ ея на разрывъ, на борьбу со свѣтомъ! я—ничтожная, слабая женщина: я это сама вижу. Ты правъ,—я маленькая женщина и не стою тебя, я умѣю только любить. Да, надо разстаться: я мала,—но мала я сама и моя воля, а не любовь; нѣтъ, не лю-

бовь. О, какъ нѣжно и глубоко я люблю тебя, моя радость!.. И этой любовью и этимъ счастьемъ я должна жертвовать! Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело! Другъ мой, умоляю—не сердись на меня! будь великодушенъ и снисходителенъ ко мнѣ до конца. Пожалѣй твою бѣдную, твою слабую, но любящую тебя женщину! не прибавляй твоего гнѣва и укора къ моему горькому сознанію:—я и безъ того слишкомъ, слишкомъ несчастна! Прости, ненаглядный, милый, радость, счастье! въ послѣдній разъ мысленно обнимаю тебя, послѣдній разъ цалую тебя, цалую руки твои, и пусть умираетъ все мое счастье!“

Она писала быстро, нервно, и слезы падали на письмо. Не перечитывая, свернула она его, взяла первую попавшуюся книгу, вложила его туда и стала завертывать книгу въ бумагу. Маленькія тонкія руки ея дрожали, она торопилась, какъ-будто боялась, что у ней не достанетъ силъ и рѣшимости. „Скорѣй, скорѣй бы покончить это!“ думала она, наскоро отерла глаза, позвонила и, когда вошла горничная, то, не глядя на нее, подала ей книгу и сказала: „отослать къ Камышлинцеву“.

Какъ только дѣвушка вышла, она стала прислушиваться, какъ-бы что-то припоминала, потомъ вдругъ закрыла лицо руками, упала ничкомъ на подушку дивана и горько-горько зарыдала.

Долго лежала она такъ, беззвучно рыдая, и только ея нѣжныя круглыя плечи нервически вздрагивали. Подали свѣчи, доложили, что самоваръ готовъ. Она сказала, что голова болитъ, ушла въ спальню и легла. Мужъ узналъ о ея болѣзни, пришелъ и тихо, боясь стукнуть, началъ ее разспрашивать, услуживать ей и предлагать

доктора. Но онъ только сердилъ ее. Она долго выносила его заботы, но наконецъ не выдержала.

— Ахъ, дайте мнѣ только отдохнуть и успокоиться!— сказала она.

И бѣдный мужъ, молча, посѣменивъ на мѣстѣ, вышелъ, смущенный и неловкій, какъ выходитъ провинившійся и выгнанный хозяиномъ песъ, стыдливо понуривъ голову и тихо виляя опущеннымъ хвостомъ. Бѣдный старикъ догадывался, что Ольга вѣроятно узнала объ утренней сценѣ и считалъ себя почему-то виновнымъ въ разстройствѣ, которое отъ этого должна испытывать жена.

А между тѣмъ, Камышлинцевъ, возвратясь домой, съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта: онъ не могъ ни за что приняться—то бралъ газету и бросалъ ее, то ходилъ въ волненіи по комнатѣ. Когда ему подали книгу, присланную отъ Мытищевой, онъ нетерпѣливо сорвалъ обертку съ пакета и, едва вышелъ слуга, отыскалъ и развернулъ письмо, но прежде нежели прочитать его, онъ сразу окинулъ его взглядомъ и изъ двухъ-трехъ на-лету схваченныхъ словъ понялъ уже, въ чемъ рѣшеніе. Потомъ онъ прочелъ письмо, перечелъ его еще разъ медленнѣе, взвѣшивая каждое слово, свернулъ и положилъ въ столъ. На лицѣ у него явилась какая-то горькая усмѣшка, но отвѣтъ Ольги мало удивилъ его: онъ его угадывалъ, онъ зналъ, что Ольга не рѣшится на крутой переломъ въ жизни, на большія пожертвованія. Можетъ быть, послѣ чтенія у него мелькнула про Ольгу желчная мысль: „да, это маленькая женщина!“ но онъ не позволилъ себѣ ее высказать. Дѣйствительно, это была женщина безъ сильной воли и яснаго сознанія пути, но въ нѣжности, ласковости и любви она никому не уступала, и за нихъ-

то Камышлинцевъ горячо любилъ ее. Она не любила дѣла и всякій трудъ считала скучнымъ. Она была чрезвычайно добра, но не сочувствовала горячности и энергіи Камышлинцева и мужа, которыя накликали на нихъ непріятности и возбуждали противъ нихъ общественное мнѣніе. Она хотѣла бы все это какъ-нибудь поскорѣе устроить для того, чтобы съ спокойнымъ сердцемъ заняться... заняться свѣтомъ и маленькими, пріятными общественными затѣями въ родѣ спектаклей, живыхъ картинъ, пикниковъ съ благотворительной цѣлью,—гдѣ всѣ труды и хлопоты такъ забавны, а между тѣмъ все суетится вмѣстѣ, дружно, весело, а вдобавокъ утираются еще слезы какой-нибудь вдовицы изъ бѣдныхъ дворянокъ или приживалки, которая ходитъ по разнымъ домамъ разсказывать о своей бѣдности, да кстати польстить и сообщить собранныя вѣсти. А между тѣмъ Камышлинцевъ любилъ Ольгу; ея нѣжность и ласковость заставляли его забывать всѣ тяжелыя столкновенія испытываемыя въ дѣлахъ. Ея доброе и любящее сердце заставляло его все прощать, примиряло его съ возбужденнымъ обществомъ. Веселостью, остротою и милымъ щебатаньемъ своимъ, она отвлекала утомленный умъ его отъ трудныхъ, заботливыхъ и тяжелыхъ думъ: теряя ее, онъ терялъ всю эту отраду!

— Теперь осталось дѣло... одно трудное и сухое дѣло! — сказалъ себѣ Камышлинцевъ и глубоко и грустно вздохнулъ.

Да! онъ могъ еще быть, если не счастливъ то занятъ: у него было большое, сочувственное ему дѣло; но что оставалось этой, ни къ чему дѣльному не приготовленной, искусственно взрощенной молоденькой женщинѣ, умѣю-

щей только нравиться и любить и остающейся одиноко, съ опостылымъ уже навѣки степеннымъ и старымъ мужемъ?

XVIII.

А мелкія непріятности, дрязги и огорченія росли около дѣятелей, и этотъ рядъ маленькихъ уколовъ и гадостей стоилъ одного большаго.

Камышлинцевъ жилъ въ домѣ одной вдовы, мелкопомѣстной дворянки. Вскорѣ по объявленіи новаго Положенія, барыня жаловалась, что дворовый человѣкъ ея, ремесломъ портной, не платитъ оброка. Такъ какъ мировой институтъ не былъ еще устроенъ, то просьбу барыни передали уѣздному предводителю. Предводитель, добрый и честный человѣкъ, большой хлѣбосолъ и страстный псовый охотникъ, отъ роду не занимавшійся никакими дѣлами и считавшій священной обязанностью дворянина поддерживать права сословія, къ которому имѣлъ честь принадлежать, призвалъ портнаго, ругнулъ его весьма прилично и, несмотря на его отговорки, что оброкъ съ него не слѣдуетъ, велѣлъ ему непремѣнно его заплатить. Но оброкъ заплаченъ не былъ, барыня опять жалуется, что Ѳомка не только оброка не платитъ, но еще похваляется, что-де „барынѣ моихъ денегъ, какъ хвоста своего, не видать.“ Предводитель вскипѣлъ и на сей разъ велѣлъ Ѳомку высѣчь. Ѳомку отечески посѣкли въ полиціи, но онъ не пронялся и подалъ жалобу начальнику губерніи, что оброкъ съ него взыскиваютъ неправильно, что онъ его отъ-роду не платилъ и слѣдова-

тельно платить его не долженъ, а что барыня, прочитавъ, что дворовые, состоящіе на оброкѣ, должны платить его въ прежнемъ размѣрѣ, не болѣе однакожъ тридцати рублей, потребовала съ него, чтобы онъ платилъ ей эти тридцать рублей. Затянулось дѣло, потребовали справокъ, одна сторона говоритъ одно, другая—другое, дѣло нужно было разслѣдовать, и такъ какъ Камышлинцевъ жилъ въ этомъ домѣ, то ему поручено было попытаться примирить тяжущихся, а если это не удастся, то разъяснить дѣло. Камышлинцевъ попробовалъ примиреніе, но объ немъ не могло быть и рѣчи: хозяйка говорила, что она раззорена, что времена тяжелыя и что она ни за что не проститъ человѣку, который не только не платитъ, но и похваляется, что „барынѣ моихъ денегъ, какъ своего хвоста не видать!“ Портной говорилъ, что ему платить не только не слѣдъ, да и не изъ чего.

Пришлось приступить къ разбирательству. Началъ Камышлинцевъ съ портнаго, который объяснилъ, что жилъ онъ долго у барыни, но когда женился и народилъ четырехъ человѣкъ дѣтей, то барыня прогнала его съ тѣмъ только, чтобы онъ прокармливалъ семью, платилъ за нее подушныя и обшивалъ ея дѣтей и домашнихъ даромъ. Письменнаго обязательства, разумѣется, никакого не было, но портной сослался на дворовыхъ, и тѣ всѣ, кромѣ ключницы, подтвердили, что дѣйствительно онъ оброка не платилъ.

Камышлинцевъ обратился къ хозяйкѣ и спросилъ ее, не можетъ ли она представить какихъ-либо доказательствъ съ своей стороны, напримѣръ: не видѣлъ ли кто, когда портной отдавалъ ей оброкъ, или не слыхалъ ли

объ ихъ условіи, не записано ли полученіе въ какую-нибудь книгу и проч. Но хозяйка. высокая, сухая и черствая женщина, говорила, что Ѳомка вретъ, что какія же нужны еще доказательства, когда заявляетъ она, дворянка, что Ѳомка—извѣстный пьяница и не только пьяница, но и воръ, и вѣрить пьяницѣ и вору, а не вѣрить благородной женщинѣ—это ужь и не знаю что такое! И она, дѣйствительно, не знала, какимъ именемъ назвать подобную неслыханную вещь. Напрасно Камышлинцевъ говорилъ ей, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что Ѳомка пьяница, что можетъ быть Ѳомка и воръ, но что это къ дѣлу не идетъ, что вотъ Ѳомка представляетъ доказательства, а она нѣтъ. Но хозяйка твердила одно: „да повѣрьте вы, что онъ—пьяница, и лѣнтяй, и грубіянъ, и что въ прошедшую зиму укралъ у меня курушку, это и ключница подтвердитъ“, и ключница дѣйствительно подтверждала, что „платилъ ли онъ, Ѳомка, оброкъ, доподлинно эфтого не знаетъ, а что онъ пьяница великій и что кромѣ него курушки украсть было не кому“; она приводила на то и другія неопровержимыя доказательства. Попробовалъ-было Камышлинцевъ заикнуться, что не позволитъ ли она спросить Ѳомку при ней и не уличитъ ли она его. Но хозяйка страшно розгорячилась и расплакалась и понять не могла, какъ Камышлинцевъ, самъ дворянинъ, предлагаетъ ее, дворянку, ставить на одну доску съ лакеемъ и вѣритъ пьяницѣ и вору, а не вѣритъ благородной женщинѣ, и еще требуетъ отъ нея доказательствъ!

Камышлинцевъ представилъ дѣло въ губернское присутствіе, которое постановило: обязать портнаго исполнить повинность въ прежнемъ, подтверждаемомъ обсто-

ятельствами дѣла, размѣрѣ. Хозяйка возопила, предводитель обидѣлся и говорилъ, что не повѣрить дворянкѣ значитъ оскорблять все сословіе, недовольные подхватили — и пошелъ трезвонъ по всему городу съ прибавленіемъ, что всему дѣлу корень—Камышлинцевъ. Хозяйка Камышлинцева, бывшая и безъ того знакома съ г-жею Пентюхиной, соединилась съ ней по этому случаю узами неразрывной дружбы. Имѣя возможность близко знать домашнюю жизнь Камышлинцева, она разсказывала подругѣ всѣ извѣстныя ей подробности, сообщала и о посѣщеніи Палашки и о томъ, что къ Камышлинцеву валомъ валятъ всѣ дворовые и окрестные крестьяне, и что ей доподлинно извѣстно, что онъ одинъ наущаетъ ихъ супротивъ ихъ господъ, что онъ, нетокма-что въ церковь, но и въ баню не ходитъ, а садится въ ванну и пр. и пр. Г-жа Пентюхина, особа болѣе высокаго полета, развозила всѣ эти свѣдѣнія по всему городу.

Были дѣла и посерьезнѣе: то изъ одного мѣста, то изъ другаго доносили о волненіяхъ и возмущеніяхъ. Бунтовщики по большей части, при первой угрозѣ слѣдователя, становились на колѣни и подавали просьбу; но мѣстная полиція и помѣщики, при нашей непривычкѣ ко всякаго рода заявленіямъ, видѣли бунтъ во всякой просьбѣ или неудовольствіи, хотя бы противъ писаря и становаго. Одно дѣло, между прочимъ, начинало принимать серьезный оборотъ: у весьма богатаго помѣщика Темрюкова, имѣвшаго нѣсколько фабрикъ и заводовъ, вышло несогласіе съ крестьянами, и они отказывались отъ работы. Напрасно жандармскій офицеръ, получающій, какъ извѣстно, двойные прогоны и потому охотно вызывающійся на поѣздки, раза три ѣздилъ туда; напрасно кроткій

начальникъ губерніи, чувствовавшій себя какъ-то спокойнѣе въ его отсутствіи, а поэтому охотно дававшій ему порученія, посылалъ его туда, — недоразумѣнія не кончались. Между тѣмъ владѣлецъ, жившій въ Петербургѣ и имѣвшій большія связи, роптадъ и жаловался, а самъ не пріѣзжалъ и, руководясь мнѣніемъ управляющаго, никакихъ попытокъ къ примиренію не дѣлалъ. Не правы были, какъ водится, обѣ стороны, но никто не хотѣлъ сдѣлать уступокъ и чѣмъ дольше длилось недоразумѣніе, тѣмъ болѣе обѣ стороны расходились и становились требовательнѣе и враждебнѣе. А общественный голосъ винилъ Камышлинцева и Мытищева, потворствовавшихъ будто-бы крестьянамъ, и добродѣтельнаго начальника губерніи, не прибѣгающаго къ такъ-называемымъ энергическимъ мѣрамъ, мѣрамъ, какъ извѣстно, еще ни кого не убѣждавшимъ, а только ломающимъ.

Общія заботы, полное согласіе взглядовъ и послѣднее рѣшеніе Камышлинцева относительно Ольги — все это установило еще болѣе прочныя и откровенныя отношенія между Мытищевымъ и Камышлинцевымъ. Отношенія же его къ Ольгѣ были неестественны и натянуты. Камышлинцевъ, какъ пьяница или курильщикъ, твердо рѣшившійся покончить съ своей привычкой, держался того мнѣнія, что при малѣйшей уступкѣ, которую онъ сдѣлаетъ прежнему чувству, разрывъ состояться не можетъ. Поэтому когда въ первый разъ онъ встрѣтился наединѣ съ Ольгой, онъ не позволилъ себѣ ни малѣйшей короткости и не говорилъ ни слова ни о разрывѣ, ни о прошломъ, — какъ будто ихъ и не существовало. Ольга, можетъ быть, не раздѣляла этихъ мыслей, но по женской стыдливости, по привычкѣ, выработанной воспитаніемъ —

всегда воздерживаться и ждать во всѣхъ случаяхъ начинанія отъ мужчины, ничего не дѣлала, чтобы измѣнить строгость отношеній, въ которыхъ держался Камышлинцевъ. Все это дѣлало встрѣчи между ними тяжелыми, непріятными и заставляло ихъ избѣгать встрѣчъ съ глазу на глазъ, точно они должны были играть другъ передъ другомъ какія-то навязанныя имъ роли и не могли остаться ни на минуту самими собой. Камышлинцевъ сносилъ это положеніе терпѣливо, онъ призналъ его необходимость и подчинялся ему; но не то было съ Ольгой. Сначала она покорно приняла новыя отношенія, но вскорѣ тягость и принужденность ихъ стали ей невыносимы. Она сознавала честность рѣшенія, но дошла до него не собственнымъ убѣжденіемъ: оно ей было предложено. Въ первомъ порывѣ она его признала безъ повѣрки и разбора,—еще бы не признать: „это было такъ благородно“!—но потомъ скука уединенія, пустота и тягость новой жизни стали нашептывать ей другія мысли.

„Отчего Дмитрій, — она еще называла его такъ въ своимъ мысляхъ,—отчего Дмитрій такъ сурово вошелъ въ новую роль; отчего бы ему не оставить тѣхъ изъ прежнихъ отношеній, невинность которыхъ не тяготила самую щепетильную совѣстливость? Отчего не остаться друзьями, отчего даже не проститься, не сказать ни слова благодарности за все прошлое, разстаться безмолвно, сухо, разстаться безъ разставанья?“ —думала Ольга. Взросшая и воспитанная въ болѣе легкихъ и мягкихъ взглядахъ, она не понимала этой пуританской строгости дѣйствій, которая оскорбляла ее. Ольга подумывала даже: любилъ ли ее Камышлинцевъ?

За этими первыми размышленіями, Ольга, какъ всѣ женщины, оставаясь послѣдовательною не логикѣ, а своему чувству, пришла незамѣтно къ другимъ. Она была недовольна Камышлинцевымъ, она сердилась на него и слѣдовательно сердилась на его рѣшеніе; отсюда до вопроса: правъ ли еще былъ Камышлинцевъ и нуженъ ли былъ разрывъ?—оставался одинъ шагъ, и шагъ этотъ Ольга сдѣлала весьма скоро. Въ самомъ дѣлѣ, не излишняя ли щепетильность заставила Дмитрія требовать признанія или разрыва? Отчего было не оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ? Кому мѣшали они? Развѣ мужъ ея былъ несчастливъ? Развѣ она не доставляла ему, отживающему и старѣющему, все то, на что онъ имѣлъ право—дружбу, нѣжную заботливость, всѣ удовольствія семейной жизни и пріятнаго, высоко поставленнаго и поддерживаемаго въ обществѣ дома? А затѣмъ—она молода, ей жить хочется, ей нужно любить и она имѣла право искать въ другомъ того, что не могъ дать ей мужъ: чѣмъ они мѣшали другъ другу? Кто же имѣетъ право роптать?—Свѣтъ? Но свѣтъ требуетъ только соблюденія формъ и условныхъ приличій, а развѣ она чѣмъ-нибудь нарушила ихъ? Нѣтъ! Она ихъ блюла строго и свѣтъ былъ удовлетворенъ: онъ принималъ ее радушно, онъ ею дорожилъ, они понимали другъ друга и исполняли каждый свои нѣмыя условія.

Но кромѣ мужа, любовника и свѣта было еще нѣчто, смущавшее ее, нѣчто смутно понимаемое ею, полунравственное, полурелигіозное, полусвѣтское—это долгъ. Но что такое долгъ въ этомъ случаѣ?

Ошибаются тѣ, которые, увидавъ вполнѣ нравственныхъ, приличныхъ и часто наивныхъ дѣвицъ, думаютъ,

что имъ не извѣстно многое изъ того, что такъ тщательно отъ нихъ скрываютъ, что считается безнравственностью, заблужденіемъ, развратомъ. Отчасти слышанное, отчасти видѣнное, вычитанное гдѣ-нибудь урывкомъ, задуманное какой-нибудь смѣлой головкой — все это, особенно въ общественныхъ заведеніяхъ, передается отъ одного выпуска другому, какъ преданіе; все обсуживается, оспаривается, многое принимается,. или отвергается на вѣру, но все полуизвѣстно, не разъяснено и не опровергнуто наставницами, потому что никто изъ питомицъ не осмѣливается не только высказаться прямо объ этихъ вещахъ, но даже назвать ихъ полуименемъ. А между тѣмъ онѣ знаютъ, что знаютъ и между голубыми, кофейными или бѣлыми не обходится безъ своей вольнодумной головы, которая, еслибы высказалась громко передъ наставницами и наблюдательницами, навѣрное повергла бы ихъ въ столбнякъ сильнѣе, чѣмъ пріемъ стрихина.

И припомнилась Ольгѣ одна высокая, красивая брюнетка, съ блѣднымъ, безъ кровинки и холоднымъ лицомъ, всегда спокойная и владѣющая собой, а между тѣмъ глубоко страстная. Она принадлежала къ обѣднѣвшей старинной княжеской фамиліи, росла одиноко съ матерью, любившею таскаться къ богатымъ родственникамъ, и до поступленія въ институтъ перечитала всю библіотеку стараго дѣдушки, вольнодумца девяностыхъ годовъ, у котораго гостила по мѣсяцамъ. Ольга помнила, какъ княжна говорила, что выйдетъ не иначе какъ за богатаго хотябы старика, и потомъ будетъ любить кого захочетъ. Она помнила, съ какимъ презрительнымъ сожалѣніемъ княжна взглядывала на тѣхъ, кто ее робко спрашивалъ: „а вѣрность? долгъ?“ „Дѣти! — говорила княжна съ любо-

пытствомъ и боязливымъ удивленіемъ глядѣвшимъ на нее молоденькимъ подругамъ,—вы бы потаскались по прихожимъ богатыхъ родственниковъ; да почитали у нихъ книги! Я молода, хороша и имѣю право на жизнь не менѣе другихъ; я хочу жить и буду жить. Долгъ и вѣрность—это громкія слова, выдуманныя отжившими и безсильными, чтобы мѣшать жить молодымъ. И что такое вѣрность? Отчего арабъ предлагаетъ гостю свою жену, и она этимъ не измѣняетъ ему? отчего негры считаютъ за честь имѣть бѣлаго ребенка?“ — спрашивала юная вольнодумка удивляющихся ея учености дѣвицъ.

— Да вѣдь это все дикіе, душенька, — рѣшалась робко замѣтить которая-нибудь изъ нихъ.

— Гм! А рыцари и ихъ dames chatelaines? а времена регентства и французской революціи? а флорентинскіе чичисбеи-любовники, право имѣть которыхъ выговаривалось лѣтъ сорокъ назадъ даже въ брачныхъ контрактахъ? Вы ничего не знаете и не читали,—замѣчала она съ легкимъ сожалѣніемъ, и продолжала; видите,— все это условно, смотря по времени и мѣсту! Свѣтъ не даромъ смотритъ на это практичнѣе: онъ требуетъ только, чтобы не спорили съ нимъ явно, не противорѣчили ему на зло. Онъ знаетъ, что все это вздоръ; но передѣлывать было бы много хлопотъ и неурядицы. Онъ желаетъ только, чтобъ его не дразнили, а затѣмъ—дѣлай, что хочешь, но дѣлай прилично. Я не имѣю никакого желанія переучивать и передѣлывать его, и онъ мнѣ не будетъ мѣшать жить, и буду я жить, и вамъ тоже совѣтую.

Изумленныя дѣвочки съ трепетнымъ любопытствомъ слушали свою подругу, глубоко дивились ея знанію и

парактической мудрости и не къ кому им было обратиться, чтобы хоть повѣрить факты, которыми поражала ихъ 17-ти лѣтняя проповѣдница, какъ видно, особенно интересовавшаяся вопросомъ брака и вѣрности.

Тогда Ольга слушала все это, какъ новую и страшную сказку, не давала себѣ труда и боялась вдумываться въ слова подруги. „Можетъ, тутъ есть и правда, — подумывала она, — да Богъ съ ней“, но теперь ей, взволнованной и огорченной, въ первый разъ столкнувшейся съ тѣми противорѣчіями, которыя жизнь и принятыя условія часто подставляютъ человѣку, — все это снова пришло въ голову: ей приходилось вдуматься въ эти вещи. Но и теперь, какъ и тогда! она не видѣла ясно своего пути. Когда она полюбила Камышлинцева и отдалась ему, она смотрѣла на все это какъ на проступокъ, хотя извиняла себя до нѣкоторой степени молодостью, страстью и неровностью брака. Теперь, когда ей любовникъ сказалъ: „мы не правы“, и поставилъ преграду этому сладкому грѣху, она возмущалась, и то, что считала преступленіемъ или проступкомъ, стала считать своимъ правомъ. И бѣдная женщина роптала, сердилась и винила не тѣхъ, кого слѣдовало, и не въ томъ, въ чемъ слѣдовало!

Это состояніе мыслей Ольги отразилось и на ея отношеніяхъ къ Камышлинцеву. Любящая и кроткая прежде она стала съ нимъ очень неровна, то подсмѣивалась надъ нимъ, то была апатична и разочарована. Камышлинцевъ страдалъ молча и съ своей стороны обращался снисходительнѣе и мягче. Мытищевъ замѣтилъ перемѣну между ними и думалъ, что она „сердится на него за слухи,

къ которымъ онъ подалъ поводъ“, онъ заступался за Камышлинцева и еще болѣе его полюбилъ.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда разъ, передъ вечеромъ, Ольга Ѳедоровна уѣхала прокатиться, заѣхала къ женѣ губернатора и осталась у нея. Эта веселая и добродушная барыня любила Мытищеву, а въ послѣднее время, когда слухи про ея связь и выходку Пентюхиной начали ходить по всѣмъ домамъ отъ гостиныхъ до прихожихъ, губернаторша особенно часто навѣщала ее, дѣлала все, чтобы выказать презрѣніе къ сплетнѣ и участіе къ ея жертвѣ. Хотя Мытищева, разумѣется, не сознавалась Матренѣ Гавриловнѣ насколько въ этой сплетнѣ правды; но послѣдняя подозрѣвала истину и не считала нужнымъ взвѣшивать степень справедливости слуховъ. „Все это вздоръ, моя милая,—говорила она,—гнусность и мелкая гадость: надо это презирать! Свѣтъ не имѣетъ никакого права винить васъ и поэтому вы должны смѣло смотрѣть ему въ глаза: тогда, повѣрьте, онъ первый склонится передъ вашей прелестной головкой!“—И она поцѣловала эту головку.

Поддержанная и ободренная ею, Ольга свысока смотрѣла на тѣхъ, которые шипѣли про нее, и слова опытной женщины оправдывались: тѣ, которые больше всѣхъ кричали за глаза, встрѣчали ее милѣе, ласковѣе и унизительнѣе другихъ и заискивали передъ ней.

Мытищевъ всталъ отъ послѣ-обѣденнаго сна, и узнавъ, что жена его уѣхала, усѣлся курить передъ каминомъ и дочитывать полученныя утромъ газеты. Становилось уже темно и онъ зажегъ свѣчи, когда вошедшій слуга подалъ ему письмо.

— Отъ кого?—спросилъ Мытищевъ.

— Не могу знать. Мальчикъ какой-то позвонилъ и подалъ: я спросилъ, отъ кого? Тутъ, говоритъ, написано и ушелъ.

— Хорошо.

Слуга вышелъ.

Мытищевъ, не торопясь, осмотрѣлъ конвертъ: онъ былъ изъ грубой желтой бумаги, сдѣланъ очень неискусно и запечатанъ грошемъ. Адресъ былъ безграмотно написанъ какой-то ребяческой или поддѣланной рукой. Мытищевъ прочелъ:

„Єво Высокоблагородію
Милосливому Государю
Ивану Сергеичу
Мытищеву.
сопственныи Руки."

Просьба какая-нибудь! —подумалъ Мытищевъ... Онъ распечаталъ конвертъ и очень удивился, когда вмѣсто грубой бумаги вынулъ оттуда тонкій, весь исписанный почтовый листъ. Онъ разверулъ письмо, поднесъ къ свѣчѣ, увидалъ чей-то знакомый почеркъ, хотя сразу не узналъ его, и сталъ читать.

Сначала какое-то недоумѣніе выразилось на лицѣ Мытищева: онъ какъ будто не понималъ, что такое, кто и къ кому пишетъ — перевернулъ, поискалъ подписи, опять сталъ читать, —и вдругъ лицо его стало блѣднѣть и блѣднѣть, кровь болѣе и болѣе приливала къ сердцу, руки дрожали, но онъ читалъ до конца, и когда кончилъ, силы измѣнили ему, руки опустились, онъ упалъ на спинку кресла: ему сдѣлалось дурно. Письмо, которое выпало у него изъ рукъ, было извѣстное намъ письмо Камышлинцева къ Ольгѣ и отвѣтъ ея, написанный на томъ же листѣ.

IX.

Нѣсколько минутъ Мытищевъ оставался неподвиженъ; въ головѣ у него звенѣло и все было что-то темно и безпорядочно, сердце едва билось, но кровь начала отливать отъ него и онъ вздохнулъ свободнѣе. Прійдя въ себя, онъ сталъ припоминать, что съ нимъ случилось, добрался до письма и поднялъ его. Давъ себѣ нѣсколько минутъ оправиться, онъ снова принялся за чтеніе, перечиталъ письмо съ болѣзненной внимательностью; снова, но не такъ уже сильно замерло у него сердце, и когда онъ дочиталъ письмо, первая мысль его была:

— Ну, теперь все кончено!

Да! для него было дѣйствительно все кончено; какъ будто какая-то нѣжная, дорогая струна, которая уже была надорвана при первомъ чтеніи, порвалась совсѣмъ. Дѣйствительно, въ немъ оборвалась самая живучая и самая сладостно звучащая струна въ жизни — любовь, право и надежда на любовь!

Мытищевъ слишкомъ рано былъ оторванъ отъ свѣта и не видѣлъ въ немъ никакой глубокой привязанности. Года ссылки прошли для него безъ этого отраднаго чувства: кого изъ тамошнихъ женщинъ могъ онъ любить? — Правда, были тамъ двѣ-три оставившія все и поселившіяся съ мужьями или любимыми въ ихъ холодныхъ и тѣсныхъ конурахъ, но любить тѣхъ женщинъ иначе какъ сестеръ или матерей было бы святотатствомъ: ихъ и не любили, а боготворили. И вотъ, выпущенный на свободу, Мытищевъ подъ старость лѣтъ рискнулъ и бояз-

ливо отдался сладкому и такъ долго сдерживаемому чувству. Сознавалъ онъ, что мало уже имѣетъ правъ на него, но нѣсколько лѣтъ мирной и укрѣпляющейся привязанности жены успокоивали его; и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе отдавался онъ сладкой потребности, и вдругъ эта струна лопнула! И онъ зналъ, что ужь новую не натянуть ему,—поздно! Это была первая и, конечно, послѣдняя.

Отъ этого-то, прежде нежели онъ сколько-нибудь опредѣлилъ себѣ свое положеніе, прежде нежели прояснился хаосъ, который стоялъ въ его головѣ, какъ-то инстинктивно, животно сказалась въ немъ эта потеря, какъ-будто она дѣйствительно составляла какой-то нервъ въ немъ, который онъ почувствовалъ оборвавшимся.

Мытищевъ сталъ ходить по кабинету и несвязно, зря приходило ему на умъ то то, то другое.

— Гм! Измѣнила!—сказалъ онъ самъ себѣ и потомъ подумалъ:—да и онъ хорошъ! Другъ! А впрочемъ онъ раскаявается, его совѣсть мучитъ, онъ хотѣлъ бы благородно поступать. Да что мнѣ въ его благородствѣ? И какой негодяй перехватилъ письмо? Вѣдь, значитъ, знаетъ кто-нибудь четвертый про эти отношенія, а можетъ и многіе? — При этомъ его такъ и передернуло.

— Не могъ онъ этого скрыть?—сказалъ онъ себѣ. И странная вещь: Мытищеву было досаднѣе на Камышлинцева за эту оплошность, нежели за самый обманъ.— Теперь, можетъ, весь городъ все знаетъ!—и его опять всего покоробило.

— Однакожъ, какіе же это подлецы прислали письмо и какъ достали его? Неужто этотъ дур-ра-къ (онъ, стиснувъ зубы, злобно произнесъ это слово) не могъ со-

хранить письмо, какъ слѣдуетъ, и выронилъ его? Развѣ у него украли? подкупили лакея? О, мерзавцы! И какъ они рады этому, какъ они теперь ждутъ катастрофы! Дуэли, можетъ быть! А что же, развѣ стрѣляться мнѣ съ нимъ? Что мнѣ съ нимъ дѣлать?

Онъ никакъ не могъ остановиться на одной мысли: другія зря продолжали лѣзть ему въ голову.—Что же дѣлать, однако? застрѣлить его? А потомъ? Сибирь!— и передъ Мытищевымъ встали знакомыя ему картины тюрьмы, ссылки, и онъ, забывъ настоящее, нѣсколько времени думалъ, какъ онъ опять будетъ переживать ихъ, снова очутится въ тѣхъ холодныхъ, безотрадныхъ странахъ. Очнувшись, онъ вспомнилъ объ Ольгѣ.—А она любитъ его!—подумалъ онъ. И гдѣ и когда измѣнила она ему? — Ему начинаютъ рисоваться сцены другаго рода: ревность и злость такъ и сжимаютъ сердце, а онъ съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ продолжаетъ представлять ихъ себѣ.

— Просто голова кругомъ идетъ! — подумалъ онъ, очнувшись,—этакъ съ ума сойдешь!

Онъ взялъ стклянку съ одеколономъ, намочилъ себѣ голову и виски. Онъ не могъ болѣе оставаться съ самимъ собою, ему хотѣлось воздуха, хотѣлось переговорить съ кѣмъ - нибудь. На его счастье, не задолго до этого пріѣхалъ въ городъ братъ его Василій Сергѣичъ; Мытищевъ вспомнилъ о немъ, позвонилъ и велѣлъ заложить лошадь. Пока онъ собирался и ѣхалъ къ брату, отрывки мыслей въ словахъ и восклицаніяхъ, картины встрѣчи съ женой или съ Камышлинцевымъ, картины ихъ встрѣчи между собою—словомъ хаосъ мыслей и картинъ проходилъ у него въ головѣ и то занималъ его до такой

степени, что онъ ничего не видалъ и не слыхалъ, то прерывался и обыденная обстановка жизни выступала съ своей силой — онъ замѣчалъ, что его носовой платокъ дурно промытъ и пахнетъ мыломъ, или что попавшійся навстрѣчу Семенъ Иванычъ, съ которымъ онъ раскланялся, идетъ въ клубъ, гдѣ будетъ замѣчать, кто что пьетъ или ѣстъ, и выспрашивать, каково то или другое кушанье, а самъ не возьметъ и бутерброда. Вдругъ опять явится на память слово: „измѣнила", и снова ошеломитъ его и пойдутъ, какъ во снѣ, несвязныя отрывочныя мысли; но думать о своемъ положеніи, думать послѣдовательно. логично онъ еще не могъ.

Такъ какъ домъ, занимаемый Иваномъ Мытищевымъ и принадлежавшій его тестю, былъ недостаточно просторенъ, то Василій Сергѣичъ, пріѣзжавшій всегда съ своей свитой, т. е. съ экономкой, камердинеромъ и проч., не могъ остановиться у брата и занималъ отдѣльную квартиру. У Василія Сергѣича былъ припадокъ подагры и онъ никуда не выѣзжалъ. Иванъ засталъ его въ креслѣ съ положенными на подушку ногами, по обыкновенію растрепаннаго, съ большими очками въ видѣ pince-nez на носу и газетами въ рукахъ. Онъ пилъ чай.

— А, эмансипаторъ, здорово!—сказалъ онъ, взглянувъ поверхъ очковъ и увидавъ брата; онъ бросилъ газету и снялъ очки.—Ну, что новаго? Хочешь чаю?

— Нѣтъ!... А впрочемъ, пожалуй.

Василій велѣлъ подать чаю.

Между тѣмъ, Иванъ прошолся по комнатамъ.

— Есть и новое,—сказалъ онъ.—Вотъ, прочти!— Онъ подалъ брату письмо.

— Что это, отъ кого?—спросилъ тотъ и тутъ только, взглянувъ на брата, замѣтилъ, что все лицо его осунулось и было сѣроватой блѣдности.

Василій Сергѣичъ поднялъ очки и, не читая письма, вопросительно глядѣлъ на брата.

— Увидишь,—отвѣчалъ Иванъ, усмѣхнувшись, и началъ снова ходить. Люди, попавшіе въ безвыходное положеніе, разсказывая о немъ другимъ, часто улыбаются.

Василій Сергѣичъ принялся читать и все время, пока онъ читалъ, Иванъ ходилъ по комнатѣ. Окончивъ письмо, Василій медленно, какъ-бы раздумывая, сложилъ его и подалъ брату.

— Какъ оно попало къ тебѣ?—спросилъ онъ.

— Прислано съ какимъ-то мальчишкой. Вотъ и конвертъ.

Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ, захваченный имъ съ собою, и подалъ брату.

— Мерзавцы! — сказалъ Василій, бросая конвертъ и растрепалъ еще болѣе свои волосы.

— Кто мерзавцы?—спросилъ Иванъ, остановясь и съ усмѣшкой посматривая на брата.

— Разумѣется, тѣ, кто перехватилъ и прислалъ къ тебѣ письмо!—отвѣчалъ Василій своимъ хриплымъ голосомъ.

— Ну, а наши-то? хороши по твоему?—опять съ усмѣшкой допытывался Иванъ.

Василій промолчалъ нѣсколько мгновеній.

— Ты знаешь объ этомъ мое мнѣніе,—хмуро сказалъ онъ наконецъ:—ты сталъ съ своимъ правомъ поперекъ молодой жизни и думалъ, что не обойдутъ тебя! Ну, и обошли.

— А, такъ ты находишь, что они правы?—съ несвойственной ему язвительной ироніей замѣтилъ Иванъ.

— Не совсѣмъ! — сухо возразилъ Василій.—Тутъ безнравствененъ обманъ, надо было начать съ того, что прямо сказать все тебѣ: но ты видишь, что они это и хотѣли сдѣлать.

— Да! обманувъ уже! Очень утѣшительно!—замѣтилъ Иванъ, продолжая ходить.

Нѣсколько минутъ было молчаніе.

— И эти-то милые голуби,—сказалъ онъ злобно,—которые съумѣли обманывать меня, не могли скрыть своихъ объясненій отъ всѣхъ негодяевъ и копіи съ ихъ нѣжностей, вѣроятно, ходятъ теперь по городу!—почти вскрикнулъ Иванъ. Всегда спокойный и приличный, онъ не выдержалъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— Можетъ, это и не отъ ихъ оплошности. Во всякомъ случаѣ, тутъ есть какіе-то мерзавцы,—Василій не выговорилъ, а какъ-то злобно прохрипѣлъ это слово,—которые этимъ воспользовались гнуснѣйшимъ образомъ. Но огласки быть не можетъ. Кто же, сдѣлавшій низость, пойдетъ разсказывать, что онъ ее сдѣлалъ? Впрочемъ, надо это разузнать хорошенько,—говорилъ Василій.

— Пошли за Камышлинцевымъ,—сказалъ Иванъ.—Или, нѣтъ, я самъ къ нему поѣду.—Онъ протянулъ руку за лежавшей на столѣ фуражкой, но Василій остановилъ его:

— Постой, на что же ты рѣшился?—спросилъ онъ.

— Ни на что еще! Но мнѣ хочется бросить Камышлинцеву въ глаза это письмо.

— Успѣешь!—сурово замѣтилъ братъ и отодвинулъ его шапку.—Да и бросать-то не слѣдъ: назадъ могутъ

кинуть. Тебѣ, вѣдь, не семнадцать лѣтъ и ты, кажется, довольно видѣлъ всего на своемъ вѣку, чтобы не горячиться, какъ мальчишка.

Иванъ сталъ мрачнѣе, но сдержаннѣе: ему стало совѣстно своихъ порывовъ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать? — снова спросилъ Василій Сергѣичъ.

— Я тебѣ сказалъ: отдать это письмо, — отвѣчалъ Иванъ.

— Да, отдать! — замѣтилъ Василій, сдѣлавъ удареніе на послѣднее слово. — Ну, а далѣе?

— Далѣе?..... Иванъ выпрямился и поднялъ голову. — Далѣе, я думаю, онъ долженъ своей кровью смыть свой позоръ, — сказалъ онъ.

Василій пристально посмотрѣлъ на брата своими мутными глазами.

— Вздоръ! — сказалъ онъ рѣзко. — Все это старыя фразы. Надо прямо смотрѣть на вещи и называть ихъ своими именами, а не тѣмъ, чѣмъ бабушки называли. Никакого позора тутъ нѣтъ и кровь ничего не смываетъ, а только пачкаетъ. Да и стрѣляться Камышлинцевъ съ тобой не станетъ.

— Такъ я заставлю! — сказалъ горячо Иванъ. — Я его убью, какъ кусающуюся собаку! Ты думаешь, — продолжалъ онъ, — что можно безнаказанно допускать всякаго разстроивать семейное счастіе и что обманутый мужъ не опозоренъ? Что же, въ уѣздный судъ на него жалобу что ли подать? — спросилъ Иванъ.

Василій опять молча нѣсколько мгновеній посмотрѣлъ на него, изъ-подъ нависшихъ бровей, своими мутными глазами. Иванъ всегда чувствовалъ что-то подавляющее

въ этомъ взглядѣ: онъ сознавалъ огромное умственное превосходство брата и это сознаніе смущало его.

— Странные вы люди!—сказалъ Василій, — и религіозны вы, и какія-то у васъ французскія фразистыя и ходульныя понятія о чести! Ужь что-бы нибудь одно: коль ударятъ по ланитѣ, такъ подставляй другую, либо крови требуй, коль на мозоль наступятъ. А то гнусной памяти рыцарство сбило васъ совсѣмъ. Развѣ кулакомъ защищаютъ свое семейное счастіе? Ты вотъ въ мистическія бредни погружался и находилъ въ нихъ удовольствіе, а чѣмъ же было заняться молодой женщинѣ, у которой нѣтъ никакого дѣла, да и охоты-то къ нему нѣтъ. Ты пріучилъ ли ее къ чему нибудь? далъ ли занятіе, которое бы мѣшало воображенію-то въ кривую сторону работать? Да ты и не могъ ей дать этого, потому что не такъ она воспитана! А она добрая, милая и любитъ тебя, до сихъ поръ любитъ, — да не такъ какъ любятъ любовника! А въ любовники то, сказать по правдѣ, мы съ тобой уже и не годимся. Что же ты сердишься на Камышлинцева за то, что его больше любятъ? А тебѣ развѣ не случалось рога-то наставлять?

Иванъ Мытищевъ покраснѣлъ при послѣднемъ вопросѣ: во дни его короткой молодости у него была въ Петербургѣ блестящая интрига.

— Что же?—сказалъ онъ,—зато мы и готовы были подставить лобъ подъ пулю!

— Ну, а теперь на это иначе смотрятъ и больше дорожатъ своимъ лбомъ. Вы вѣдь не считали безчестнымъ водить мужа за носъ, лишь бы онъ этого не зналъ, а нынче, видишь, изъ-за того расходятся, что не хотятъ водить!

— А обманутый-то мужъ, все по прежнему смѣшонъ!—замѣтилъ Иванъ.

— Ты имъ не будешь,—отвѣтилъ Василій.

— Теперь, конечно нѣтъ! — насмѣшливо возразилъ Иванъ, особенно когда разойдусь съ женой.

Василій ничего не сказалъ, а только проворчалъ что-то; у него какъ будто въ горлѣ что засѣло. Иванъ зналъ это ворчанье: оно значило, что братъ сердится и не согласенъ, но возражать не будетъ.

— Я не хочу дѣлать ей сценъ, — началъ Иванъ болѣе спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. — Я не виню ее много, и мнѣ ее жаль, но не оставаться же мнѣ съ нею? Да и притомъ,—сказалъ онъ съ достоинствомъ, — я не хочу быть ей помѣхой и стѣснять ее: пусть живетъ гдѣ и съ кѣмъ хочетъ.

Они помолчали.

— Запутанная это вещь,—сказалъ Василій, ероша волосы и, по мѣрѣ успокоенія и подчиненія брата, мягче относясь къ нему. — Конечно, Ольга и Камышлинцевъ не правы, да все-таки они люди порядочные: рѣшиться на разрывъ, чтобы не продолжать обманъ, сдѣлавъ его въ увлеченіи, это не бездѣлица. Будь это другое время, такъ ну ихъ! пусть бы дѣлали что хотѣли. А тутъ— ваши отношенія съ Камышлинцевымъ по работѣ? Вѣдь теперь разойтись съ нимъ и сдѣлать какую-нибудь огласку, это значитъ тѣшить мерзавцевъ на счетъ порядочныхъ людей. Вѣдь вся каналья возликуетъ! Да и письмо-то подослано съ этой цѣлью.

— Гм! Еще бы!—злобно сказалъ Иванъ.

Они опять помолчали. Иванъ продолжалъ ходить.

— Впрочемъ, что ты тамъ ни думай,—началъ опять Василій,—а любовь и очагъ—все, братъ, двѣ разныя вещи! Ну, первая, конечно, потеряна для тебя; но вторая не тронута. Ольга тебя уважаетъ, привязана къ тебѣ. Она такъ дорожитъ своимъ положеніемъ, что не соглашается на разрывъ, а теперь будетъ цѣнить его еще болѣе; характеръ у нея отличный, хозяйка дома она прелестная, слѣдовательно — очагъ, и добрый очагъ, остается тебѣ, и я бы тебѣ совѣтовалъ сохранить его. Да оно и прочнѣе, а въ наши года и нужнѣе любви.

— Но согласись,—сказалъ Иванъ,—что мнѣ, пользуясь своимъ правомъ и положеніемъ, разлучать ихъ, послѣ всего этого, не приходится. Теперь ужь, останутся или не останутся они въ тѣсныхъ отношеніяхъ, для меня совершенно все равно: ледъ ужь разбитъ. Я даже не хочу ихъ разрыва, не хочу ихъ жертвъ и великодушій: ну не любитъ, такъ не любитъ! а причиной ихъ разлуки да вздоховъ я быть не желаю.

Онъ замолчалъ.

— Это чортъ знаетъ что за переплетъ,—проворчалъ Василій,—а тутъ еще свѣтскія приличія! ухитрились же люди опутать такъ себя!

Они еще помолчали.

— Прощай,—сказалъ Иванъ, подойдя къ столу и взявшись за шляпу. Онъ подалъ брату руку.

— Такъ куда же ты?—спросилъ Василій подозрительно.

— Домой!—отвѣчалъ Иванъ. — Не безпокойся. Я хочу все это обдумать... и потомъ мнѣ нужно успокоиться... Усталъ я! — прибавилъ онъ болѣзненно, и

глубоко-грустное, надломленное несчастьемъ старчество послышалось въ его словахъ.

Василій Сергѣичъ былъ не изъ чувствительныхъ, но онъ любилъ брата и послѣднія слова схватили его за сердце: ему стало глубоко жаль брата и желчь заговорила въ немъ сильнѣе.

— Видно у судьбы-то много пакостей было тебѣ заготовлено! сказалъ онъ.—Дѣлать нечего, крѣпись! Онъ крѣпко пожалъ брату руку.—Въ лицо ей смотри! смотри прямо въ ея подлую рожу!—злобно закричалъ онъ ему въ слѣдъ и закашлялся.

Иванъ кивнулъ брату головой и вышелъ, разбитый и разслабленный. По мѣрѣ того какъ пылъ негодованія утихалъ въ немъ, горе, точно ворогъ, сильнѣе и сильнѣе насѣдало на него и, какъ матеріальная тяга, пригибало его. И кромѣ всѣхъ утратъ, Мытищевъ впервые почувствовалъ тутъ наступающее старческое слабосиліе. Нагнулъ онъ голову, какъ-то весь опустившись, и поѣхалъ въ свой опостылый домъ.

XX.

Какъ только братъ вышелъ и стукъ его экипажа удалился, Василій далъ себѣ полную волю.

— О, подлецы! крикнулъ онъ, ударивъ рукой по столу и думая про доносчиковъ, и потомъ вновь крикнулъ, но уже отъ боли въ ногѣ. — Иванъ! — позвалъ онъ.

Явился его старый слуга.

— Пододвинь мнѣ бумагу и чернильницу.

Слуга исполнилъ приказаніе и Мытищевъ кудреватыми старинными каракулями написалъ:

„Пріѣзжайте ко мнѣ: очень нужно!“

— Отослать Камышлинцеву и если его нѣтъ дома, то отъискать и спросить отвѣта, — сказалъ онъ, запечатавъ и отдавая записку.

Посланный уѣхалъ, а Василій Сергѣичъ остался злиться. Больше всего онъ злился на доносчика, но злился и на молодую пару, только не за то, что они любились и сдѣлали несчастнымъ брата, а опять-таки за ихъ неосмотрительность. Брата онъ глубоко жалѣлъ: несмотря на свою желчь, старческій эгоизмъ и какъ-бы безсердечность, онъ очень любилъ брата и въ настоящемъ случаѣ, подумывая о его положеніи, искренно скорбѣлъ. Но онъ скорбѣлъ о его несчастіи такъ, какъ-бы оно упало совершенно случайно, какъ падаетъ иногда камень на голову прохожему. Независимо отъ того, что онъ очень любилъ Камышлинцева, и особенно Ольгу, независимо отъ своего образа мыслей, онъ въ этомъ случаѣ вполнѣ раздѣлялъ то всеобщее, безотчетное пристрастіе, которое, въ дѣлахъ подобнаго рода, всегда становится на сторону обманывающихъ, а не обманутаго. Мы не будемъ разбирать этотъ фактъ, но коснувшись его, не можемъ не замѣтить, что — каково бы ни было личное мнѣніе каждаго о случаяхъ подобнаго рода, — всякій согласится, что должны же существовать какія-то неотразимо-извиняющія, если не оправдывающія, подобные поступки причины, причины, лежащія въ самой природѣ нашей и дѣйствующія непосредственно на наше сознаніе. Вопреки всѣмъ установившимся понятіямъ о нравственности, обязанностяхъ и проч., мы всегда смѣемся надъ обманутымъ

мужемъ, всегда въ глубинѣ души оправдываемъ тѣхъ, кого велитъ винить нравственность, и становимся на сторону природы, не слушающейся нашихъ условій и установленій.

Вмѣсто отвѣта отъ Камышлинцева, вскорѣ явился онъ самъ.

— Зачѣмъ я вамъ нуженъ?—спросилъ онъ входя.

— Вы ничего не знаете?—Съ вами ничего не случилось?—спросилъ его Мытищевъ, здороваясь съ нимъ.

— Ничего!—отвѣчалъ озадаченный Камышлинцевъ.

Мытищевъ нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ на него, какъ-бы наказывая его и злобно играя его нетерпѣніемъ

— А гдѣ у васъ письмо, которое вы писали къ Ольгѣ и на которомъ она вамъ отвѣчала?—спросилъ онъ наконецъ.

Камышлинцевъ почувствовалъ, какъ будто въ него въ упоръ выстрѣлили изъ пушки: онъ стоялъ ошеломленный.

— Оно у меня въ столѣ. Какъ вы узнали про него?—спросилъ онъ.

— Да мнѣ сейчасъ братъ давалъ его читать,—замѣтилъ Мытищевъ хладнокровнымъ образомъ. У Камышлинцева, какъ говоритъ простонародье, сердце за сердце зашло.

— Но какъ оно къ нему попало?—спросилъ весь встревоженный и поблѣднѣвшій Камышлинцевъ.

— А объ этомъ васъ надо бы спросить,—сказалъ Мытищевъ.—Оно ему подослано съ мальчишкой... да вотъ кстати братъ и конвертъ забылъ.

Онъ подалъ его растерянному Камышлинцеву, который взялъ его и вертѣлъ, ничего не понимая: у него какія-то мурашки въ пяткахъ шевелились.

— Эхъ вы! — укорительно и злобно сказалъ старикъ: — умѣете воровать, а не умѣете концовъ хоронить.

Камышлинцевъ въ отвѣтъ только понурилъ голову.

— Письмо должно быть кѣмъ-нибудь украдено! — пробормоталъ онъ наконецъ.

— Да кто, когда и какъ?—спрашивалъ старикъ.

Пошли догадки, разспросы, какъ принялъ извѣстіе Иванъ Сергѣичъ, что онъ намѣренъ дѣлать. Василій Мытищевъ, ворчливо и сердясь, разсказалъ свой разговоръ съ братомъ. Думали, какъ бы предупредить Ольгу Ѳедоровну, но было уже около 11 часовъ вечера и вѣроятно мужъ уже встрѣтился и говорилъ съ ней. Сообщивъ и разспросивъ, что было нужно, Камышлинцевъ молча всталъ и взялся за фуражку: ему не сидѣлось. Старикъ во все время разговора былъ съ нимъ холоденъ и брюзжалъ, но, прощаясь, сказалъ ему:

— А вы завтра тотчасъ дайте знать, чѣмъ все это кончится.

Камышлинцевъ обѣщалъ и поскакалъ домой, хотя, собственно говоря, скакать было и не за чѣмъ.

Намъ надо сказатъ нѣсколько словъ о прислугѣ Камышлинцева и его квартирѣ.

Какъ скоро было обнародовано Положеніе, Камышлинцевъ далъ увольненіе всѣмъ своимъ дворовымъ, нанявъ тѣхъ, которые ему были нужны, и оставивъ стариковъ и старухъ, которые не хотѣли никуда уходить. Слуга, ходившій собственно за Камышлинцевымъ, еще прежде былъ отпущенъ имъ на свободу и остался при немъ по найму. Это былъ степенный холостякъ, лѣтъ за сорокъ, знавшій Камышлинцева съ-дѣтства, ходив-

шій за нимъ лѣтъ двадцать и вполнѣ ему преданный. Онъ принадлежалъ къ той породѣ слугъ, выработанной крѣпостнымъ правомъ и тѣсными отношеніями къ господамъ, которые были скупѣе на барское добро, чѣмъ на свое собственное, и всю гордость свою сосредоточивали въ господахъ. Заподозрить его по поводу письма было бы великой несправедливостью.

Камышлинцевъ ни мало и не сомнѣвался въ своемъ слугѣ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ право думать, что письмо украдено по его оплошности. Едва онъ снялъ пальто, какъ кинулся къ письменному столу, никогда имъ не запираемому, и выдвинулъ ящикъ: бумаги были въ безпорядкѣ, но у него въ нихъ никогда большаго порядка не было.

— У меня былъ какой-то воръ и укралъ отсюда одну бумагу!—сказалъ онъ слугѣ.—Кто былъ безъ меня въ квартирѣ?

Слуга былъ совсѣмъ озадаченъ.

— Никого безъ васъ не бывало,—отвѣчалъ онъ,—я никого сюда не впускалъ.

— Однакоже у меня на дняхъ украдена изъ этого стола одна бумага: я ее сейчасъ видѣлъ въ чужихъ рукахъ; она лежала вотъ тутъ наверху!

Слуга увѣрялъ, что онъ знать не знаетъ и никого тутъ не было, а что касается его самого, то неужели Дмитрій Петровичъ думаетъ...

Но Дмитрій Петровичъ и не думалъ на слугу. Камышлинцевъ зналъ также, что когда безъ него Степанъ уходилъ со двора, то оставлялъ ключъ одному изъ дворовыхъ хозяйки, старику Лаврентію, своему большому пріятелю, человѣку тоже, какъ казалось, совершенно бла-

гонадежному и болѣе расположенному къ Камышлинцеву, нежели къ своей барынѣ.

— Не Лаврентій ли твой?—сердито спросилъ Камышлинцевъ, чувствуя однакожъ, что и Лаврентія подозрѣвать нѣтъ основаній.

— Помилуйте? — отвѣчалъ обидчиво Степанъ,—да я за Лаврентья Васильича, какъ за себя, поручусь.

— Ну, такъ кто же? — сердито спросилъ Камышлинцевъ,—не сама же бумага улетѣла.

— Какъ ей самой улетѣть! — замѣтилъ Степанъ, однакожъ такъ неувѣренно, какъ-будто думалъ: „а чортъ ее знаетъ, можетъ и сама улетѣла".

— Да вы бы, сударь, спросили тѣхъ, у кого ее видѣли, какъ она къ нимъ попала?—весьма основательно замѣтилъ онъ, очень довольный своей догадкой, и удивлялся, что барину не пришла въ голову такая простая вещь.

Но, къ его удивленію, вмѣсто благодарности, баринъ — что случалось весьма рѣдко, — сказалъ ему самымъ энергическимъ образомъ: „Дуракъ!" и только потомъ прибавилъ: „Неужели ты думаешь, что я не догадался бы этого сдѣлать?" Рѣшили позвать и спросить Лаврентія подъ секретомъ, и Лаврентій не только поклялся, что самъ не входилъ, никого не впускалъ, ключа никому не давалъ, но предложилъ образъ со стѣны снять и даже поклялся страшнѣйшей для всякаго мало-мальски боязливаго, русскаго человѣка клятвой: „Да пусть у меня черти въ брюхѣ заведутся, если я виноватъ!" Послѣ этого сомнѣваться въ немъ уже не было никакой возможности. Всѣ предались молчаливому раздумью.

— Развѣ не барыня ли входила, или не изъ ихъ ли комнаты кто-нибудь—замѣтилъ наконецъ Лаврентій, и маленькіе глаза его подозрительно прижмурились.

Осмотрѣли кабинетъ, и дѣйствительно это предположеніе оказывалось вѣроятнымъ. Кабинетъ Камышлинцева примыкалъ къ комнатамъ, занимаемымъ самой хозяйкой. Тоненькая дверь, которая ихъ соединяла, запиралась изъ квартиры хозяйки и отворялась къ ней внутрь. Отъ Камышлинцева она была задернута драпировкой и заставлена небольшимъ столомъ, который легко было отставить. Далѣе оказалось, что у хозяйки бывали (и еще недавно собирались вечеромъ, когда Камышлинцевъ былъ въ клубѣ, а слуга его уходилъ къ людямъ Мытищевыхъ) Пентюхина, да еще какая-то подозрительная личность, чиновникъ, выгнанный изъ службы и занимающійся писаніемъ просьбъ, жалобъ, доносовъ и готовый продать всѣхъ и вся за грошъ. Осмотрѣлъ Камышлинцевъ всѣ бумаги, а слуга платье и вещи, — все оказалось въ цѣлости, и потому обыкновеннаго вора предполагать было нельзя. Камышлинцевъ долженъ былъ ограничиться подозрѣніями, но не выдержалъ и на другой день отправился къ хозяйкѣ.

— У меня былъ кто-то въ квартирѣ и рылся въ моихъ бумагахъ: въ Степанѣ я увѣренъ, а затѣмъ взойти не кому было иначе, какъ отъ васъ,—сказалъ онъ сурово.

Хозяйка поблѣднѣла, но обидѣлась.

— Помилуйте, Дмитрій Петровичъ, за кого вы меня считаете? Да я! да избави Богъ!

Камышлинцевъ настаивалъ, что взойти больше не откуда, какъ отъ нея, и что онъ потребуетъ слѣдствія.

Хозяйка, сначала очень смутившаяся, видя, что никакихъ доказательствъ Камышлинцевъ не имѣетъ, оперилась и запѣла извѣстную пѣсню, что бѣдную женщину всякій можетъ обидѣть.

Камышлинцевъ снова пригрозилъ слѣдствіемъ, сказалъ, что онъ не можетъ оставаться на подобной квартирѣ,—но сдѣлать ничего не могъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія доказательства? Да хотя бы и были они, надо объяснить, какого рода бумага украдена и почему онъ думаетъ, что она украдена, а не потеряна. Наконецъ, хоть бы и была доказана кража, что сдѣлаетъ за это нашъ судъ тогдашняго времени?

По всѣмъ этимъ соображеніямъ объ огласкѣ и слѣдствіи не могло быть и рѣчи, и когда съ розыскомъ не оставалось ничего дѣлать, Камышлинцевъ задумался надъ другимъ и гораздо болѣе важнымъ вопросомъ, отъ котораго разслѣдованіе отвлекло его, надъ вопросомъ: „что ему дѣлать?“

Сначала онъ-было думалъ ждать рѣшенія Ивана Мытищева, но потомъ счелъ за лучшее предупредить его разъясненіемъ пропажи и потому тотчасъ же написалъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь
Иванъ Сергѣевичъ!

Василій Сергѣичъ сообщилъ мнѣ о полученномъ вами письмѣ: оно украдено изъ моего стола, и какъ полагаю, моей хозяйкой. Въ этомъ письмѣ и моя вина и мое оправданіе. Я пе позволю себѣ высказать вамъ все глубокое сожалѣніе о томъ, что судьба поставила меня на дорогѣ вашего семейнаго счастія. Но если вы найдете, что я чѣмъ бы то ни было могу хоть отчасти испра-

вить несчастье, причиненное вамъ, то могу васъ увѣрить, что нѣтъ жертвы, которую я не былъ бы готовъ принесть для этого. При этомъ считаю нужнымъ только заявить, что во всемъ происшедшемъ виноватъ я одинъ, и одинъ долженъ нести отвѣтственность за свои поступки. Поэтому позвольте надѣяться отъ чувства вашей справедливости и деликатности, что вы не подвергнете незаслуженнымъ укорамъ ту, которая не имѣла достаточно силъ, чтобы сопротивляться своему чувству.

Дмитрій Камышлинцевъ."

Отправя письмо, Камышлинцевъ ждалъ въ волненіи отвѣта; писать Ольгѣ или имѣть съ нею свиданіе онъ считалъ теперь непозволительнымъ. „Теперь ужь вѣроятно у нихъ были объясненія", думалъ онъ и при этой мысли у него сердце щемило.

Посланный воротился и далъ отвѣтъ, что Иванъ Сергѣичъ проситъ Дмитрія Петровича къ себѣ въ 12-ть часовъ. Разспрашивать посланнаго, что дѣлается у Мытищевыхъ, онъ счелъ неприличнымъ, чтобы не подать подозрѣній. Сильно билось у него сердце, когда въ назначенный часъ онъ остановился и позвонилъ у подъѣзда, столь знакомаго и съ настоящаго дня, вѣроятно, на всегда запертаго для него дома.

XXI.

По возвращеніи отъ брата, Иванъ Сергѣевичъ велѣлъ сказать барынѣ, что онъ долго будетъ заниматься и заперся на ключъ въ кабинетѣ. Когда всѣ уже улеглись въ домѣ и было далеко за полночь, слугѣ, про-

ходившему мимо кабинета, а может и подслушавшему у двери, показалось, что баринъ молится и плачетъ, но поутру, когда Мытищевъ позвонилъ, слуга нашелъ его совершенно спокойнымъ.

Мытищевы завтракали обыкновенно въ 12 часовъ и къ этому времени жена его выходила изъ своей комнаты. Въ настоящій день, узнавъ, что мужъ ея цѣлую ночь не выходилъ изъ кабинета, она, нѣсколько встревоженная, едва сдѣлавъ утренній туалетъ, постучалась къ мужу.

— Можно войти?—спросила она.

— Нѣтъ, я занятъ! — отвѣчалъ Мытищевъ, — но скоро выйду. Потомъ, пріотворивъ дверь, онъ сказалъ:

— Я послалъ за Камышлинцевымъ, мнѣ нужно его видѣть; если онъ пріѣдетъ, прими его. Я къ вамъ выйду.

— Хорошо!—отвѣчала Ольга, съ удивленіемъ смотря на его перемѣнившееся лицо.—Да ты боленъ?—спросила она.

— Нѣтъ! я работалъ и усталъ,—отвѣчалъ онъ и затворилъ дверь.

Встревоженная и чующая что-то недоброе Ольга удалилась. А Мытищевъ позвалъ слугу и сказалъ ему, что никого кромѣ Камышлинцева не принимать, а когда онъ пріѣдетъ, то просить его къ барынѣ.

Вскорѣ у подъѣзда остановился чей-то экипажъ и Мытищевъ услыхалъ голосъ Камышлинцева, разговаривающаго съ слугой, и потомъ шаги его по залѣ. Мытищевъ вынулъ часы, замѣтилъ время и сталъ ходить по комнатѣ.

Между тѣмъ Камышлинцевъ на вопросъ, гдѣ Иванъ Сергѣичъ, услыхалъ отъ слуги, что баринъ просятъ его взойти пока къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ, а что „они скоро выйдутъ“.

— А Ольга Ѳедоровна здорова? — не выдержавъ, спросилъ Камышлинцевъ.

— Ничего-съ! здоровы! — отвѣчалъ слуга такимъ равнодушно-утвердительнымъ голосомъ, который тотчасъ убѣдилъ Камышлинцева, что или въ домѣ не было никакой сцены, или люди ничего не знаютъ о ней. Камышлинцевъ старался тоже принять самый спокойный видъ, но взглянувъ на себя въ зеркало, онъ замѣтилъ, что лицо у него было зеленовато-блѣдное. Онъ оправился и вошелъ.

Мы уже замѣчали, что любовникъ хозяйки дома входитъ къ ней совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ знакомые. Ему кажется, что не только сама хозяйка, но весь домъ ея тайно принадлежитъ ему. Особенно свободно относится онъ къ прислугѣ, а прислуга, чуя или зная его права, какъ-то привѣтливо-фамильярно обращается съ нимъ. Особенно свободно идетъ онъ по комнатамъ, зная то чувство, съ которымъ ждетъ и встрѣтитъ его милая женщина и, съ сдержанымъ сознаніемъ собственнаго превосходства и съ скрытой насмѣшкой, пожимаетъ онъ руку радушно встрѣчающаго его мужа.

Не смотря на уваженіе свое къ Мытищеву, не смотря на свою совѣстливость, такъ, или почти такъ, входилъ доселѣ и Камышлинцевъ въ этотъ домъ, не смотря на разрывъ свой съ Ольгой. Но сегодня онъ чувствовалъ, что не такъ входится. Онъ запасся еще кое-какъ твердостью, чтобы встрѣтиться съ Мытищевымъ; но когда

его пригласили къ барынѣ, онъ догадался, что мужъ нарочно предоставляетъ ему объявить обо всемъ своей любовницѣ, и почувствовалъ, что ноги его какъ-то не совсѣмъ твердо и не совсѣмъ обыкновенно идутъ по полу. Сердце стучало у него какъ молотокъ и пока онъ шелъ до комнаты Ольги, онъ переживалъ минуты безпощадной и безвыходной совѣстливости.

Камышлинцевъ вошелъ въ кабинетъ Ольги и въ тоже время приподнялась портьера противоположной двери и вошла Ольга. Она была въ утреннемъ бѣломъ капотѣ: нѣсколько упрямыхъ кудрей задорно торчали надъ лбомъ, прелестное, еще полное утренней свѣжести личико было нѣсколько встревожено. Она протянула руку Камышлинцеву. Онъ взялъ эту руку и крѣпко сжалъ ее. Съ перваго же взгляда на Ольгу, Камышлинцевъ убѣдился, что ей ничего неизвѣстно.

— Никого здѣсь нѣтъ?—въ полголоса и торопливо спросилъ онъ ее по-французски.

— Никого!—отвѣчала Ольга и еще болѣе встревожилась.

— Иванъ Сергѣичъ не говорилъ тебѣ ничего?—спросилъ онъ, не смотря на то, что въ послѣднее время не былъ съ Ольгой на ты.

— Нѣтъ! Я его со вчерашняго обѣда не видала.

Камышлинцевъ остановился. Ему тяжело было говорить.

— Ему все извѣстно!—тихо выговорилъ онъ наконецъ. Онъ держалъ еще руку Ольги и почувствовалъ, какъ эта рука похолодѣла и задрожала. Ольга опустилась на диванъ.

— Какъ, какъ это?—едва выговорила она. Лицо ея поблѣднѣло, какъ полотно; губы посинѣли.

— У меня кто-то изъ стола укралъ наше письмо и переслалъ его твоему мужу,—сказалъ сквозь зубы Камышлинцевъ, котораго жгли стыдъ и досада.

Ольга не сказала ни слова, но глядѣла на Камышлинцева съ ужасомъ. Ему почуялись въ этомъ взглядѣ и укоръ, и презрѣніе, и негодованіе. Но все, что бы въ немъ ни было, не могло сравниться съ чувствомъ, которое было въ самомъ Камышлинцевѣ.

Ольга была такъ блѣдна, что казалось, похудѣла внезапно; она попрежнему смотрѣла на Камышлинцева, ей думалось, что не все ей сказано, что не все поняла она, и она ждала еще чего-то. Камышлинцевъ сознавалъ, что надо что-нибудь говорить Ольгѣ, успокоить ее.

— Вчера за мной прислалъ Василій Сергѣичъ и сказалъ мнѣ все. Иванъ Сергѣичъ былъ у него передъ тѣмъ и показывалъ ему письмо. Я ему писалъ сегодня. Онъ меня просилъ пріѣхать сюда,—говорилъ Камышлинцевъ, почти не сознавая хорошенько, что говорилъ.

— Я не понимаю, какъ это могло случиться—продолжалъ онъ, немного погодя.—Письмо было у меня въ кабинетѣ, въ письменномъ столѣ: это я знаю положительно. Его оттуда украла, должно полагать, моя хозяйка, или кто-нибудь изъ входившихъ безъ меня, хотя Степанъ говоритъ, что никто не входилъ въ комнаты и онъ квартиру отпертой не оставлялъ... Должно быть, хозяйка: кромѣ ея не кому, а она на меня зла... Или Пентюхина!... Пентюхина сидѣла, говорятъ, у нея на дняхъ цѣлый вечеръ, иначе я не могу ничего объяснить себѣ! — сказалъ онъ и опустилъ глаза: ему совѣстно было смотрѣть на Ольгу.

Она по прежнему молча смотрѣла на него.

— Мнѣ, Богъ знаетъ какъ, и совѣстно и больно,— говорилъ Камышлинцевъ. — Я не смѣю глядѣть на васъ.—Онъ поднесъ руку Ольги къ губамъ и цѣловалъ ее, а у самаго были слезы на глазахъ. Рука была холодна, какъ ледъ, и Ольга не отнимала ее. — Я и прощенья просить не смѣю,—тихо добавилъ онъ.

— Да что же мужъ? Что онъ сказалъ?—спросила, наконецъ, Ольга.

— Я его не видалъ. Я вамъ сказалъ, что писалъ къ нему; но онъ вмѣсто отвѣта просилъ меня пріѣхать сюда и поручилъ слугѣ провести меня къ вамъ. Впрочемъ, Василій Сергѣичъ говорилъ, что онъ, конечно, огорченъ, но.. принялъ это благоразумнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Вы помните, въ этомъ письмѣ мы рѣшились на разлуку, чтобы только не обманывать его, и отзывались о немъ очень почтительно. Что же онъ можетъ теперь требовать отъ насъ... когда онъ знаетъ, что разрывъ уже сдѣланъ? — говорилъ Камышлинцевъ, чтобы успокоить Ольгу.

— Онъ... онъ вѣроятно броситъ меня!—проговорила Ольга съ ужасомъ.

— Не думаю!—замѣтилъ Камышлинцевъ; онъ чувствовалъ себя въ эту минуту въ особенно скверномъ положеніи.—Впрочемъ еслибы....—прибавилъ онъ и не кончилъ, онъ хотѣлъ сказать: „я остаюсь вашъ, мы будемъ свободны.“ Но все это почему-то не выговорилось: онъ только еще разъ поцаловалъ руку Ольги, которая тихонько высвободила ее.

— Молва, сплетни, скандалъ... Я погибла! — сказала она и закрыла лицо руками.

Камышлинцевъ молчалъ. Что могъ онъ сказать? Замѣчательно, что слово любовь не было и помянуто между ними. Точно они съ ней совсѣмъ покончили!

— Успокойтесь, Ольга! — сталъ наконецъ уговаривать Камышлинцевъ.— Можетъ быть, все устроится,— уговаривалъ онъ и самъ чувствовалъ, что все, что ни говоритъ, болтовня и вздоръ.

Ольга взяла платокъ, который Камышлинцевъ намочилъ одеколономъ, и молча терла виски. Мытищевъ все не приходилъ. Они испытывали нѣчто въ родѣ того, что долженъ испытывать осужденный на казнь, когда ему накинули на шею петлю, но не толкаютъ съ подмостковъ.

Но палачъ все еще не шелъ толкнуть ихъ: онъ ходилъ по кабинету и ждалъ — ждалъ, когда пройдетъ четверть часа, положенная имъ на объясненіе любовниковъ.

— Что же онъ нейдетъ, однако?—говорилъ Камышлинцевъ, и радъ былъ, что имѣлъ возможность сдѣлать видъ, что сердится и винитъ Мытищева.—Я пойду къ нему!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ! Останьтесь, останьтесь!—говорила Ольга.— Онъ велѣлъ подождать... Да и лучше вмѣстѣ! Я боюсь!

— Бѣдная моя!—сказалъ онъ и наклонился къ ея рукѣ.

— Оставьте, оставьте!—сказала Ольга въ какомъ-то ужасѣ: она подумала, что мужъ можетъ придти и увидѣть ихъ. И странно, что теперь, когда мужу все извѣстно, она страшно боялась этого, тогда какъ прежде, съ дерзостью, свойственной только любящимъ женщинамъ, за спиной мужа подавала Камышлинцеву руку.

Камышлинцевъ отошелъ, опустивъ голову. Прошло еще нѣсколько страшно длинныхъ минутъ или можетъ только секундъ; иногда и секунды бываютъ необыкновенно долги. Наконецъ стукнула дверь кабинета, послышались знакомые шаги. У Ольги сердце такъ и захолонуло. Да и у Камышлинцева оно забилось иначе. Вошелъ Мытищевъ.

Онъ былъ, какъ и всегда, до щепетильности опрятенъ и приличенъ, по обыкновенію въ черномъ сюртукѣ, гладко выбритый и причесанный, съ тугими бѣлѣйшими воротничками сорочки. Правильное и блѣдное лицо его было какъ-то важно печально и нѣсколько торжественно: у лютеранскихъ пасторовъ бываетъ такое-выраженіе, когда они сбираются говорить надгробное слово. Но въ походкѣ и выпрямленномъ станѣ Мытищева видно было то чувство рыцарскаго достоинства, которое встрѣчалось у дворянства двадцатыхъ годовъ и французскихъ эмигрантовъ.

Ольга какъ была на диванѣ такъ и осталась. Она не могла смотрѣть на мужа и, прижавъ платокъ къ глазамъ, закрыла лицо обѣими руками; но плечи ея нервно вздрагивавшія, говорили, въ какомъ она была волненіи. Камышлинцевъ стоялъ нѣсколько поодаль блѣдный, но суровый, онъ держалъ въ рукѣ шляпу, какъ человѣкъ, пришедшій по дѣлу или мало знакомый гость. При входѣ Мытищева онъ наклонилъ голову; Мытищевъ, проходя мимо, сухо поклонился ему. Онъ подошелъ прямо къ женѣ.

— Вашъ другъ конечно сообщилъ вамъ, что онъ лучше скрываетъ свою переписку отъ меня, чѣмъ отъ

постороннихъ,—сказалъ Мытищевъ: теперь ее вѣроятно знаетъ весь городъ.

Онъ положилъ письмо на столъ передъ Ольгой, и потомъ прошелся по комнатѣ.

— Я понимаю, что вамъ совѣстно смотрѣть на меня, — сказалъ онъ, остановясь противъ Ольги и обращаясь къ ней,—но не бойтесь, я не намѣренъ васъ укорять! Вы меня должны только выслушать внимательно, и вы, господинъ Камышлинцевъ, — добавилъ онъ, обращаясь къ нему.

Камышлинцевъ молча поклонился головой.

— Я предоставляю вамъ самимъ обсужденіе вашего поступка со мной, — продолжалъ Мытищевъ. — Но я васъ не упрекаю, и мнѣ не нужны ни извиненія, ни удовлетворенія,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Камышлинцеву. — Да и какое удовлетвореніе можете вы мнѣ дать за потерянную любовь жены и семейное счастіе?— спросилъ онъ печально, но приподнявъ голову. Камышлинцевъ опустилъ глаза.—Честь мою,—съ достоинствомъ прибавилъ Мытищевъ,—я не довѣряю друзьямъ и женщинѣ и держу ее слишкомъ высоко, чтобы чужой обманъ могъ отразиться на ней!—Онъ въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Вы поймете, — началъ онъ снова,—что мы не можемъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ! Я не хочу стоять между вами и препятствовать вашему счастію. Съ этой минуты вы свободны! — сказалъ онъ Ольгѣ,—и я возвращаю вамъ клятву, которую вы нарушили.—Онъ снялъ обручальное кольцо и положилъ его передъ Ольгой. Плечи Ольги начали вздрагивать сильнѣе и чаще: она рыдала.

— Я хотѣлъ сейчасъ же разойтись съ вами, продолжалъ Мытищевъ,—но вы до такой степени боялись огласки и мнѣнія свѣта, что пожертвовали имъ вашей любовью. Я не хочу того, что вы считаете несчастьемъ. Я не хочу, чтобы вы страдали. Поэтому для свѣта вы будете моей женой и мы останемся вмѣстѣ. Послѣ, если захотите и передумаете, я буду готовъ и разойтись и просить о разводѣ... но, повторяю, я не желаю быть помѣхой вашей любви: я не принимаю жертвъ, я не хочу ихъ! — сказалъ онъ гордо и грозно. Онъ опять прошелся нѣсколько разъ молча и, овладѣвъ снова собою, продолжалъ. — Что касается отношеній моихъ къ вамъ,—сказалъ Мытищевъ Камышлинцеву,—то я тоже не хочу, чтобы для свѣта они измѣнились... конечно только для свѣта! Дѣло, которому мы служимъ, слишкомъ велико и свято, чтобы страдать ему отъ нашихъ личныхъ столкновеній. Нашъ разрывъ хоть косвенно, но можетъ отразиться на немъ, и, можетъ быть, ужъ много подлецовъ и разной дряни радуются и ждутъ этого разрыва. Я не хочу доставлять имъ этого удовольствія и вотъ почему я рѣшился такъ дѣйствовать!

— Я думаю, вы согласны со мною?—спросилъ онъ послѣ небольшаго молчанія.

Камышлинцевъ почтительно поклонился.

— Я знаю, — продолжалъ Мытищевъ, — что надо мной будутъ подсмѣиваться. Но я презираю эти дрязги и съумѣю стать выше ихъ. И вы должны мнѣ помочь,— сказалъ онъ строго.—Вы должны поднять головы высоко и смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза. Слышишь, Ольга! Если я не виню тебя, то тебѣ нечего бояться свѣта: ему нѣтъ дѣла до нашихъ семейныхъ отношеній!..

Онъ прошелся нѣсколько разъ молча.

— Я перемѣню квартиру и вы должны жить съ нами,—сказалъ онъ Камышлинцеву.—Сегодня у насъ будутъ обѣдать нѣсколько человѣкъ; вы должны тоже быть. Постарайся оправиться, Ольга, и чтобы все было какъ обыкновенно. На насъ будутъ смотрѣть, и я не хочу никому доставить удовольствія радоваться моему несчастію.

При словѣ „несчастіе“ ему припомнилось все, что онъ терялъ и что съ нимъ случилось: одушевленіе, въ которомъ онъ себя поддерживалъ, разступилось, и голая грозная правда пробилась наружу. Голосъ дрогнулъ у Мытищева и онъ готовъ былъ разрыдаться, но сдержалъ себя и вышелъ, по прежнему печальный, твердый и нѣсколько торжественный. Римскіе герои, какъ изображаютъ ихъ легенды и старые учебники, должны были такъ удаляться съ трибуны послѣ своихъ рѣчей.

XXII.

Когда Мытищевъ вышелъ, влюбленные оставались еще на нѣсколько минутъ недвижимы подъ впечатлѣніемъ всего выслушаннаго: исходъ драмы былъ такъ неожиданно-счастливъ для нихъ, что они еще не могли придти въ себя. Наконецъ Ольга опустила руки, откинула назадъ голову и вздохнула, какъ вздыхаетъ придавленный, когда съ него снимутъ тяжесть. Они взглянули другъ на друга какимъ-то недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Онъ высоко-честный человѣкъ! — выразительно сказалъ Камышлинцевъ. Какое-то чувство говорило ему,

что не слѣдъ ему оставаться теперь съ Ольгой и какъ-бы тотчасъ же воспользоваться такъ великодушно предоставленной свободой.—Прощайте! сказалъ онъ, протянувъ руку Ольгѣ. Та медленно подала ему свою, все еще холодную и блѣдную руку.

— Вы на меня не сердитесь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала она тихо и болѣзненно, но съ такимъ выраженіемъ, которое говорило ему: „Ахъ, не до тебя мнѣ теперь!“

Камышлинцевъ посмотрѣлъ на нее въ раздумьи и вышелъ съ какимъ-то смятеніемъ и стыдливостью, какъ оставляемый безъ обѣда гимназистъ возвращается домой, гдѣ долженъ разсказать все родителямъ. Но Камышлинцеву не кому было разсказывать. Къ Василью Мытищеву, у котораго онъ обѣщалъ тотчасъ же побывать, онъ отложилъ поѣздку, избѣгая встрѣтиться тамъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, у котораго былъ поданъ экипажъ и который, какъ онъ догадывался, вѣроятно поѣдетъ къ брату. Онъ поѣхалъ домой, чтобы отдохнуть и нѣсколько переварить все выслушанное.

Какъ случается всегда, когда человѣкъ въ сильномъ волненіи, Камышлинцевъ не усидѣлъ долго и, увидавъ чрезъ нѣсколько времени въ окно Ивана Мытищева, проѣхавшаго повидимому отъ брата, отправился къ Василью Сергѣевичу.

Старикъ встрѣтилъ его по обыкновенію ворчливо, но безъ вчерашней сухости: видно было, что онъ не могъ справиться съ удовольствіемъ которое ему доставилъ исходъ событій.

— Ну что?—спросилъ онъ,—васъ высѣкли великодушіемъ?

— Да!—улыбаясь отвѣчалъ Камышлинцевъ.—Иванъ Сергѣевичъ остался вѣренъ себѣ. Это истинно благородный человѣкъ.

— Кто же въ этомъ сомнѣвался?—сурово спросилъ старикъ. Они всѣ таковы. Но они именно благородные, а не просто честные люди,—брюзжа добавилъ онъ.— Все французскій пошибъ какой-то у нихъ, да мелодрама. Вѣдь не скажетъ всѣмъ просто: я предоставилъ женѣ свободу. Нѣтъ — самопожертвованіе! Не надоѣло оно имъ еще! Хорошо, что это не со мной случилось: я бы съ вами такъ церемониться не сталъ!

— А что, онъ величественно съигралъ свою роль?— спросилъ старикъ, помолчавъ.

— Надобно же, чтобы хоть это невинное удовольствіе награждало за хорошее дѣло,—отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Во всякомъ случаѣ, онъ игралъ искренно и безъ всякаго желанія порисоваться.

— Да вѣдь это какъ люди настроятъ себя,—отвѣчалъ Мытищевъ.—Вотъ у нашего Момуса (онъ называлъ такъ одно извѣстное въ городѣ лицо) жена мѣняетъ любовниковъ чаще, нежели свои юбки; онъ это отлично знаетъ и никакой тутъ драмы не происходитъ и живутъ себѣ очень мирно: а съ другими случится — трагедія выйдетъ! Впрочемъ, и у васъ такъ же кончится! черезъ мѣсяцъ весь городъ будетъ знать секретъ, все обойдется и будетъ нѣчто въ родѣ Момуса. Рога, говорятъ, какъ зубы: больно только когда прорѣзываются. Дастъ Богъ и вы отъ нихъ не уйдете: qui a peché par le glaive. périra par le glaive... какъ это у васъ тамъ, по-русски?

Такъ подсмѣивались старый цирикъ съ молодымъ ловеласомъ надъ человѣкомъ, котораго назвали только-что

благороднѣйшимъ, — подсмѣивались надъ поступкомъ, дойти до котораго стоило человѣку такой борьбы и самопожертвованія, что онъ и за пистолетъ хватался и молился цѣлую ночь.

— Такъ вы тамъ обѣдаете? — спросилъ Мытищевъ Камышлинцева, когда тотъ сталъ прощаться.

— Да, онъ этого непремѣнно хотѣлъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Заѣду и я посмотрѣть на эту комедію, коль меня жена (такъ онъ называлъ подагру) пуститъ. Это очень любопытно!

Они разстались.

Въ это утро Мытищевъ какъ-бы нечаянно зазвалъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ обѣдать. Былъ въ числѣ другихъ и пріѣзжій флигель-адъютантъ; былъ одинъ зрѣлый юноша изъ породы добрыхъ малыхъ, котораго спеціальность состояла въ томъ, что онъ ѣздилъ по гостямъ, да собиралъ и развозилъ новости; была бойкая барыня. вдова, не богатая, но составившая себѣ въ обществѣ особенное и независимое положеніе какого-то распорядителя и блюстителя порядка, во все вмѣшивающаяся, все устроивающая, всѣмъ распоряжающаяся,—баба дѣятельная. практичная и все знающая. Гости, ка къвидно, были выбраны ловко.

Старикъ Мытищевъ пріѣхалъ когда еще было только человѣка два мужчинъ, съ которыми сидѣлъ Иванъ Сергѣевичъ.

— А гдѣ Ольга?—спросилъ онъ.

— У себя еще, вѣроятно, сейчасъ выйдетъ,—отвѣчалъ Иванъ.—У ней голова болѣла.

— Ну, такъ я къ ней пойду,—сказалъ старикъ и, шаркая ногами, отправился въ комнату Ольги.

Онъ нашелъ Ольгу въ углу на кушеткѣ. Она примачивала глаза водой, чтобы не было замѣтно, что она плакала.

Василій подошелъ къ ней и по обыкновенію поцаловалъ ее въ голову.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ,—полно кокетничать-то!

— Мнѣ не до кокетства!—тихо отвѣчала Ольга.

— Ну вотъ! есть о чемъ сокрушаться!—сказалъ онъ.— Надо только, чтобы глаза-то вотъ не были красные. Покажись-ка!

Онъ подвелъ ее къ свѣту.

— Ничего!—сказалъ онъ,—хоть десять барынь приведи! А про нашего брата, дураковъ, и говорить нечего.

У него на языкѣ вертѣлось нѣсколько язвительныхъ шутокъ, но ему жаль было Ольги, да и боялся онъ что, пожалуй, она еще расплачется, и старикъ чуть не въ первый разъ въ жизни удержался отъ нихъ. Мы говорили, что онъ очень любилъ Ольгу, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о ея связи, по странному, но общему всѣмъ мужчинамъ свойству, она ему стала нравиться еще болѣе.

Онъ взялъ подъ руку Ольгу и вышелъ вмѣстѣ съ ней. Мужчины начали распрашивать ее о здоровьи и предлагать средства отъ болѣзни. Василій Мытищевъ началъ что-то бранить и такъ какъ всѣ любили его желчныя выходки, то обратились къ нему. Ольга между тѣмъ оправилась и все пошло своимъ чередомъ.

За обѣдомъ Иванъ Мытищевъ сказалъ, что такъ какъ на зиму этотъ домъ придется освободить для самихъ

Нобелькнебелей, то онъ думаетъ теперь переѣхать на другую квартиру и сегодня нанялъ домъ купца Брюханова.—Великъ только немного,—сказалъ онъ.—Внизу будетъ оставаться свободная половина.

— Вотъ, — сказалъ онъ Камышлинцеву, — переѣзжайте-ка къ намъ!

— Подумаю!—отвѣчалъ Камышлинцевъ пристально занявшись ножкой цыпленка.

— Чего тутъ думать!—рѣшила бойкая барыня: — хоть годъ думайте, а ужъ ничего лучше и удобнѣе не придумаете.

— Жаль ему съ своей хозяйкой разстаться,—проговорилъ Василій Мытищевъ.

Всѣ хоромъ рѣшили, что Камышлинцевъ долженъ переѣхать.

— Я сегодня уѣзжаю недѣли на полторы въ деревню,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—а тамъ хозяинъ обѣщалъ кое-какія передѣлки, такъ вы, пожалуйста, присмотрите за ними. Да хорошо бы, еслибы ты, Ольга, безъ меня и переѣхала. Я тамъ назначилъ себѣ комнаты.

Ольга высказала-было затрудненія, но распорядительная барыня и тутъ вступилась.

— Какія же тутъ затрудненія?—сказала она,—людей у васъ, кажется, слава Богу, не мало: для переноски мебели и драпировки я вамъ пришлю обойщика Созона, онъ у меня всегда этимъ занимается и отлично все устроитъ; я и сама къ вамъ пріѣду помочь. А молодыхъ-то людей развѣ у насъ мало! Вотъ этого барина,—она указала на Камышлинцева,—перваго заставимъ смотрѣть, а этотъ,—она указала на другаго, — поможетъ.

Такъ было и рѣшено. Обѣдъ прошелъ благополучно. Знали или не знали что-нибудь гости о письмѣ — это неизвѣстно; но, уѣзжая, они были убѣждены, что если тутъ что-нибудь и было, то не такъ, какъ разсказываютъ, потому что никакого разрыва и скандала между дѣйствующими лицами не было, а напротивъ всѣ стали еще дружнѣе. При этомъ дѣлалось того сорта серьезное лицо, которое замѣняетъ улыбку.

Когда всѣ разъѣхались, Иванъ Мытищевъ сталъ собираться въ деревню. Не говоря ему ни слова, Ольга все заботилась, положили ли ему то, приготовили ли другое. Потомъ она долго ходила въ нерѣшительности по залѣ, прислушивалась, нѣтъ ли у него кого въ кабинетѣ, и наконецъ вошла къ нему.

Мытищевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и пересматривалъ какія-то бумаги. Услышавъ шорохъ платья, онъ оборотился.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

Ольга подошла къ мужу, не говоря ни слова. Она стала передъ нимъ на колѣни, положила ему на колѣни руки, припала къ нимъ головой и зарыдала. Она была прелестна, эта кающаяся Магдалина, и бѣдный старикъ-мужъ чувствовалъ, какъ онъ любилъ ее и какъ она дорога ему! У него не нашлось болѣе словъ укоризненнаго великодушія и холодности, и слезы подступали къ глазамъ.

— Встань!—сказалъ онъ мягко:—полно, другъ мой, я не сержусь на тебя.

Онъ взялъ ее тихо за руки и хотѣлъ приподнять.

Но она не говорила ни слова; она только сильнѣе припала къ его колѣнамъ и сильнѣе рыдала, и слезы ея были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Я не сержусь на тебя, — повторилъ старикъ, а у самого слезы уже капали и голосъ дрожалъ, — ты молода, а я старъ: любовь не въ нашей волѣ! Ты мнѣ дала три года счастья, ну и будетъ съ меня!.. Теперь люби меня, какъ отца и друга. Я ничего больше не требую... и я буду любить тебя, какъ дочь!

Онъ наклонился къ ней, поцаловалъ ея голову, всталъ и поднялъ ее.

— Зачѣмъ ты уѣзжаешь?—спросила Ольга. — Останься! ты знаешь—все кончено.

— Нѣтъ! — сказалъ твердо Мытищевъ, оправляясь отъ своего волненія:—я сказалъ, что не хочу жертвъ! Я не хочу заѣдать чужую молодость. Живите пока еще живется и будьте счастливы! А я—я поѣду не надолго. Мнѣ нужно успокоиться. Да и дѣла тамъ есть: я развлекусь. Ты не безпокойся обо мнѣ! — сказалъ онъ и нарочно позвонилъ, чтобы прекратить эту сцену.

— Готовы лошади?—спросилъ онъ вошедшаго слугу.

— Готовы-съ, —отвѣчалъ тотъ.

Мытищевъ на-скоро собрался.

— Ну прощай!—сказалъ онъ и торопливо поцаловалъ жену въ голову, пожалъ ея руки и уѣхалъ.

Въ этотъ вечеръ Ольга оставалась одна. Но на другой день къ ней заѣхалъ Камышлинцевъ: они были одни, были молоды, любили другъ друга—и они скоро помирились.

Все на свѣтѣ разъузнается.... кромѣ того, что остается тайной. Но въ прозрачной губернской жизни тайнъ не бываетъ. Люди Камышлинцева и его хозяйки усердно развѣдывали о пропажѣ и узнали достовѣрнымъ образомъ, что въ комнату Камышлинцева входила Пен-

тюхина, его хозяйка, и еще одна темная личность — чиновникъ, о которомъ говорилось выше. Цѣлью посѣщенія было, кажется, узнать, нѣтъ ли у Камышлинцева какихъ-нибудь бумагъ, которыя бы могли компрометировать его передъ правительствомъ, такъ какъ обѣ женщины (да и не онѣ однѣ) были твердо увѣрены, что Камышлинцевъ затѣваетъ бунтъ и хочетъ поднять всѣхъ крѣпостныхъ противъ ихъ господъ. Таковыхъ бумагъ однако не оказалось, а оказалось, извѣстное намъ письмо, которое Пентюхина тихонько отъ другихъ стащила и пустила въ ходъ. Разумѣется, Камышлинцевъ ничего не предпринималъ и не могъ предпринять противъ похитителей. Онъ сталъ только тщательнѣе запирать свой столъ.

Не осталось безъизвѣстнымъ и происшествіе съ письмомъ, но говорили про него разно и необстоятельно. И безъ него никто почти не сомнѣвался въ отношеніяхъ между Ольгой и Камышлинцевымъ, полагали, что это не безъизвѣстно и мужу, и объясняли его терпимость разными причинами, въ которыя, впрочемъ, много и не углублялись. Что же тутъ страннаго, что у молодой жены есть любовникъ и старикъ мужъ этого не замѣчаетъ или терпитъ. Это дѣло бываетъ сплошь и рядомъ: есть о чемъ думать!

И дѣйствительно казалось, что не о чемъ и думать. Иванъ Мытищевъ возвратился изъ деревни и переѣхалъ въ новый домъ (жена безъ него такъ и не переѣхала). При этомъ новаго было только одно, что комнаты, которыя онъ занялъ, были въ противоположномъ углу отъ жениныхъ. Камышлинцевъ однако не переѣзжалъ къ Мытищевымъ и избѣгалъ съ ними встрѣчи. Мытищевъ

замѣтилъ это и, черезъ жену, передалъ Камышлинцеву упрекъ. При первой встрѣчѣ, Камышлинцевъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я надѣлалъ вамъ зло неисправимое, Иванъ Сергѣевичъ, и глубоко сожалѣю объ этомъ; но оставаться въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ вы хотѣли, чтобы я былъ, — я не могу! Либо будемъ какъ чужіе, либо простите меня искренно и останемся друзьями!

— Ну, Богъ васъ проститъ! — сказалъ Иванъ и искренно обнялъ Камышлинцева, бросившагося ему на шею. И новая семья зажила вмѣстѣ, повидимому дружно и мирно. Молодые, казалось, были счастливы, а старикъ примирился съ своимъ положеніемъ, хотя сталъ какъ-то чиннѣе, важнѣе и вмѣстѣ набожнѣе.

Драма—этотъ высокій строй жизни, котораго наши струны долго не выдерживаютъ—ослабла, и готова была перейти въ мѣщанскую комедію; но есть лица и есть положенія, въ которыхъ всякій строй держится долѣе, хотя и переходитъ въ другіе тоны. Нужно много времени, чтобы острыя ребра столкновеній пообтерлись и прилегли другъ къ другу, и не все то спокойно, что спокойно по наружности.

Между тѣмъ общій ходъ событій шелъ — какъ и всегда бываетъ во время великихъ преобразованій—съ лихорадочной, возбужденной дѣятельностью. Губернское присутствіе работало неутомимо. Образовывались мировыя учрежденія и опредѣлялся ихъ личный характеръ. Нѣкоторые изъ посредниковъ сочувствовали въ большей или меньшей степени крестьянамъ и обращались за совѣтами и содѣйствіемъ къ Камышлинцеву, другіе—къ помѣщикамъ и группировались около членовъ по выбору дворян-

ства. Самые мировые съѣзды, смотря по преобладанію той или другой стороны, тоже проникались сословнымъ духомъ и содѣйствовали или боролись съ вліяніемъ губернскаго присутствія, которое дѣйствовало вполнѣ согласно съ духомъ новаго Положенія. Плодотворныя сѣмена, брошенныя во взбороненную землю, начинали всходить дружно и стали невольно тѣснить старыя травы. Даже благодушный начальникъ губерніи попривыкъ ко всему и уже обратился къ мировымъ посредникамъ съ частной, отъ своего имени, просьбою—предложить освобожденнымъ крестьянамъ посадить, въ память событія, передъ своими избами березки и назвать ихъ „деревьями свободы“. „Для того,—прибавилъ онъ,—чтобы каждый подъ смоковницею своею могъ насладиться вновь дарованною жизнью.“ Добрый человѣкъ, не вѣдая, что онъ подражаетъ якобинцамъ былъ убѣжденъ, что теперь уже вполнѣ упрочена новая жизнь освобожденныхъ и что остается только для ихъ полнаго благосостоянія замѣнить смоковницы отдохновенія — березками, и миръ и счастье водворятся во ввѣренной ему губерніи!... Но старые порядки и понятія, какъ и старыя травы, не уступаютъ безъ борьбы своего мѣста новымъ. Весна даетъ жизнь не однимъ преднамѣренно сѣяннымъ сѣменамъ, но и всему благотворному и вредному, что таилось подъ холоднымъ снѣгомъ, что копилось вѣками и оставалось отъ иныхъ сѣяній и иныхъ насажденій. И весной не всегда вёдро: бываетъ — поднимаются туманы и едва проглянувшее яркое солнце начинаетъ подергиваться облаками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Городъ Велико-Ѳедорскъ благоденствовалъ по прежнему; сады его процвѣтали и велико-ѳедорскія губернскія вѣдомости отъ времени до времени сообщали весьма интересныя извѣстія, какъ въ такой-то торжественный день утромъ было совершено молебствіе, послѣ коего былъ завтракъ или обѣдъ, радушно предложенный градскимъ главой почетнымъ гражданиномъ Синебрюховымъ, а вечеромъ было гулянье на Чернорѣченскомъ скверѣ, гдѣ играла баталіонная музыка. „Еще три года назадъ"— писалъ мѣстный лѣтописецъ, онъ же и редакторъ, — „на мѣстѣ этого прекраснѣйшаго сквера былъ съ одной стороны оврагъ, въ который валили навозъ, а съ другой извергающее тлетворные міазмы болото. Но вдругъ, какъ-бы по манію волшебнаго жезла, закипѣли работы и на мѣстѣ оврага и болота явился великолѣпнѣйшій скверъ, усаженный рядами душистыхъ липъ" и пр. За

тѣмъ слѣдовало подробное описаніе красотъ сквера и въ заключеніе скромно замѣчалось, что волшебникъ, сдѣлавшій это превращеніе, былъ никто иной, какъ начальникъ губерніи—его превосходительство Петръ Алексѣевичъ, который и пр. И вдругъ, посреди этого благоденствія, пронеслась потрясшая всѣ верхніе слои губерніи вѣсть: „нашего-то по шапкѣ!“

Извѣстно, что во всѣхъ губерніяхъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ проносится извѣстіе о смѣнѣ начальника края и если онъ—лицо значительное, то для очищенія ему достойной ваканціи дѣлаются соотвѣтствующія перемѣщенія и въ высшихъ слояхъ администраціи. Однако на сей разъ новость оправдалась и не успѣли еще приняться насаженныя волшебникомъ деревья свободы, какъ этотъ волшебникъ, онъ же и добрѣйшій Петръ Алексѣичъ, былъ причисленъ къ министерству.

Пошли толки, кто будетъ назначенъ на губернаторство. Называли съ десятокъ самыхъ иногда невѣроятныхъ кандидатовъ. Нѣкоторые начали жалѣть о смѣненномъ, большинство было довольно; все-таки съ новымъ губернаторомъ будетъ хоть что-нибудь да новое, все хоть разнообразіе, по крайней мѣрѣ. Масса дворянства положительно радовалась смѣнѣ—и, не смотря на то, всѣ затѣвали прощальный обѣдъ! Правда, нѣкоторые изъ живущихъ въ городѣ помѣщиковъ заявляли, что они ему, такому-то и сякому, пустыхъ щей не дадутъ; однако, когда предложили имъ подписной листъ, то одинъ по одному подписались, находя, что „неловко-де“. На обѣдѣ городское общество прочло постановленіе, которымъ положило испросить дозволеніе на поднесеніе любимому начальнику почетнаго гражданства города Ве-

лико-Өедорска; наличные дворяне, разчувствовавшись совершенно, забыли свои неудовольствія, кричали въ честь отъѣзжающаго „ура“ громче другихъ и, въ отвѣтъ на прощальный спичь, даже плакали и лобызались безъ конца! Въ заключеніе они рѣшили, что хотя онъ противъ дворянства былъ отчасти и свинья, но что онъ, впрочемъ, человѣкъ добрый, а во всемъ виноваты подлецы Камышлинцевъ и Мытищевъ.

Едва проводили съ пикниками и разными оваціями одного начальника, едва вступившій въ отправленіе его должности вице-губернаторъ успѣлъ раза три обидѣться, что ему не оказываютъ должнаго уваженія, „манкируютъ“,—какъ пришла телеграмма, извѣщавшая о совершенно неожиданномъ назначеніи. Молодой Нобелькнебель, произведенный въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, извѣщалъ о своемъ назначеніи исправляющимъ должность Велико-Өедорскаго губернатора и о времени своего пріѣзда (приготовиться-де меня встрѣтить!)

Назначеніе Нобелькнебеля произвело два совершенно разнородныя впечатлѣнія: чиновничество опечалилось, потому что про новаго начальника извѣстно было, что онъ „ой-ой-ой!“ Дворянство же питало нѣкоторыя пріятныя надежды, ибо знало его консервативный образъ мыслей. Въ назначенный срокъ дѣйствительно явился новый градоначальникъ, встрѣченный на дорогѣ трепетавшими становыми, боявшимися исправниками и почтительно потрухивавшими гражданами съ хлѣбомъ и солью. Въ губернскомъ городѣ Велико-Өедорскѣ готовили обѣдъ и запасали саженнаго осетра, ибо какой же оффиціальный обѣдъ безъ осетра?

Однако же, юный годами, но старый мудростью, начальникъ съ самаго начала нѣсколько поразилъ общія ожиданія и сбилъ ихъ съ толку. На другой же день своего пріѣзда, на общемъ пріемѣ, раскланявшись наивѣжливѣйшимъ образомъ,—причемъ не только съумѣлъ сохранить, но даже какъ-то еще болѣе возвысить собственное значеніе, — юный Нобелькнебель сказалъ, что назначенный занимать постъ начальника Велико-Ѳедорской губерніи въ настоящее трудное и знаменательное время, онъ считаетъ священной обязанностью строго руководствоваться какъ буквой, такъ и духомъ закона, и употребитъ всѣ старанія, чтобы наблюдать за огражденіемъ правъ и удовлетвореніемъ нуждъ какъ благороднаго, такъ и освобождаемаго сословія. Онъ выразилъ при этомъ надежду, что благородное дворянство и усердіе господъ служащихъ облегчатъ ему исполненіе этой задачи.

Изъ этихъ словъ какой-нибудь сплетникъ пожалуй могъ бы заключить, что Нобелькнебель не сказалъ ничего кромѣ общихъ мѣстъ; но жители Велико-Ѳедорска не хуже любыхъ журналистовъ, комментирующихъ тронныя рѣчи, отличающіяся подобнымъ же содержаніемъ, изъискивали таинственный смыслъ и скрытую мысль въ каждомъ словѣ и хотя приходили смотря по партіямъ и по темпераменту къ совершенно противоположнымъ выводамъ, но въ душѣ никто съ увѣренностью не могъ сказать, что новый губернаторъ будетъ дѣйствовать въ его духѣ. Не смотря на это, всѣ, съ свойственнымъ русскому человѣку оптимизмомъ, нашли, что Нобелькнебель сказалъ очень хорошую рѣчь и что сначала нельзя же такъ всему и высказаться, а надо посмотрѣть, что будетъ. И затѣмъ, питая отрадныя недежды, возложили

упованіе на Всевышняго, а новымъ назначеніемъ остались покуда довольны.

Не совсѣмъ-то остались довольны только люди, которые, по своимъ отношеніямъ къ новому начальнику, казалось бы, болѣе всѣхъ имѣли право радоваться этому назначенію, а именно: Мытищевъ и Камышлинцевъ. Они много не говорили объ этомъ, но, при полученіи извѣстія, на ихъ лицахъ промелькнуло такое выраженіе, какъ будто они понюхали чего-нибудь нехорошаго; однако изъ уваженія къ Ольгѣ промолчали. Впрочемъ, молодой администраторъ при первомъ же свиданіи нѣсколько примирилъ ихъ съ собою. Онъ откровенно сознался, что ошибался въ прежнихъ предположеніяхъ, что правительство рѣшилось на мѣры гораздо болѣе существенныя, нежели ожидали, что излеченіе стараго зла будетъ гораздо радикальнѣе, что въ Петербургѣ очень довольны дѣятельностью велико-ѳедорскаго губернскаго присутствія, но что желательно только, чтобы оно воздержалось отъ нѣкоторыхъ увлеченій, „впрочемъ совершенно понятныхъ въ новомъ дѣлѣ и въ высшей степени благородныхъ“; онъ прибавилъ, что онъ вполнѣ увѣренъ, что не разойдется съ образомъ мыслей уважаемыхъ сослуживцевъ, и затѣмъ искреннѣйше пожалъ ихъ руки и взялъ на домъ извѣстное темрюковское дѣло, чтобы хорошенько ознакомиться съ нимъ.

Вообще замѣтно было, что новый духъ, если не повліялъ на сущность убѣжденій молодаго администратора то во многомъ видоизмѣнилъ ихъ: на нѣкоторыя вещи, которыя прежде возмущали его, онъ смотрѣлъ снисходительно; противъ другихъ, къ которымъ прежде относился равнодушно, гремѣлъ демосѳеновскимъ краснорѣ-

чіемъ, а въ кружкѣ близкихъ даже просто либеральничалъ. Такъ, напримѣръ, онъ разгромилъ одну мелкопомѣстную барыню, давшую по старой памяти тычка своей кухаркѣ, и взиралъ безъ гнѣва на лѣса бакенбардъ и бородъ, которыми обросли нѣкоторые неподчиненные ему совѣтники; но когда замѣтилъ такую же растительность у одного столоначальника губернскаго правленія, то не выдержалъ и задалъ такую пудру не только ему, но и его начальникамъ, что вся администрація сочла за нужное выбриться и остричься наигладчайшимъ образомъ.

Между тѣмъ знакомая намъ семья слилась еще плотнѣе. Что связь Мытищевой съ Камышлинцевымъ продолжается съ вѣдома мужа—въ томъ не сомнѣвался въ Велико-Өедорскѣ ни одинъ скептикъ; да кажется, и самъ Мытищевъ убѣдился въ справедливости пословицы, что шила въ мѣшкѣ не утаишь, и — что еще замѣчательнѣе—мало смущался: такъ велика сила времени и привычки. Разумѣется, не укрылось это сожительство и отъ брата Мытищевой. Она, признаться, зная строгость его мнѣній относительно брака и семьи, даже побаивалась нѣсколько его вмѣшательства: не то чтобы оно могло повліять на Мытищева или поколебать ея отношенія къ Камышлинцеву, но братъ могъ возстановить противъ нея мать и отца, которые теперь болѣе чѣмъ когда-либо гордились сыномъ и смотрѣли на все его глазами. До его пріѣзда они притворялись, что ничего не знаютъ, и въ семейную жизнь дочери и зятя не вмѣшивались. Боялась также Ольга наставленій и нравоученій брата, которыя онъ такъ любилъ читать. Но къ удивленію ея, братъ не только не вмѣшивался въ

ея жизнь и не старался разстроить ея отношеній къ Камышлинцеву, но нѣкоторымъ образомъ гордился ими и поступкомъ Мытищева. Онъ поговаривалъ при случаѣ, что пора относиться сознательнѣе къ старымъ предразсудкамъ и смотрѣть вещамъ прямо въ глаза, не прибѣгая къ изворотамъ и обманамъ, — что семья, какъ основа гражданства, ничего отъ этого не теряетъ, и пр. Словомъ, онъ консерваторствовалъ либеральнѣйшимъ образомъ или, пожалуй, либеральничалъ наиконсервативнѣйшимъ образомъ и старался примирить эти противоположности — искусство въ то время еще совершенно новое и только-что открытое догадливыми и ловкими людьми.

А какъ между тѣмъ отразились новыя условія жизни на взаимныхъ отношеніяхъ Мытищевой и Камышлинцева? Камышлинцевъ былъ ими почти доволенъ. Они не отнимали у него времени на ухаживаніе, встрѣчи и мелкія услуги, на которыя такъ много нужно свободнаго времени, что люди, ничѣмъ не занятые, кажется, за это и любятъ особенно самый процессъ волокитства. Камышлинцеву не нужно было тратить на этотъ пріятный предметъ времени, котораго у него было не слишкомъ много, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испытывалъ всѣ удовольствія семейной жизни и отдохновенія послѣ работы съ милой и любимой женщиной. Въ прежнее время, когда онъ не зналъ, что дѣлать съ собой, и въ любви искалъ жизни и волненія, — это было бы не по немъ, но теперь эту безпокойную потребность дѣятельности, эту жизнь жизни составляло дѣло, достаточно захватывающее и занимающее всего его. Ему въ любви хотѣлось теперь отдохновенія, и настоящія отношенія давали

ему это. Но чѣмъ былъ не совсѣмъ доволенъ Камышлинцевъ, это — равнодушіемъ Ольги къ его дѣлу. Она ему сочувствовала вообще какъ доброму, хорошему дѣлу, но не понимала, какъ можно было увлекаться имъ до забвенія собственныхъ выгодъ, класть въ него свою душу. „Ахъ, какъ мнѣ надоѣло ваше дѣло“, говорила она мужу и Камышлинцеву, когда они при ней заводили о немъ рѣчь. „Только и хорошаго вамъ отъ него, что перессорились со всѣми! Развѣ нельзя такъ вести его, чтобы никого не вооружать противъ себя? Вотъ напримѣръ Анисимъ Семенычъ“.

Анисимъ Семенычъ былъ членъ губернскаго присутствія, по выбору дворянъ, и имѣлъ талантъ угождать и нашимъ, и вашимъ, но такъ, чтобы прежде всего угодить себѣ.

— Ну, Анисимъ Семенычъ исключеніе, — говаривалъ Камышлинцевъ, который его не долюбливалъ, — онъ сдѣланъ изъ того трико, что танцовщицы носятъ: на всякаго впору!

— А знаете, Камышлинцевъ, что у васъ замѣтно эгрируется характеръ? — замѣчала Ольга. — Это еще пріятное послѣдствіе вашего дѣла!

И замѣчаніе ея было вѣрно. Характеръ у Камышлинцева сталъ дѣйствительно раздражительнѣе, желчнѣе, хотя онъ этимъ мало огорчался.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто вызываетъ меня противъ себя, — отвѣчалъ онъ. — Надо быть рыбой, чтобы оставаться хладнокровнымъ посреди всего, что дѣлается кругомъ.

— А меня, — вы тоже къ рыбамъ причисляете? спрашивала Ольга.

— Пожалуй!—улыбаясь отвѣчалъ Камышлинцевъ,—къ золотымъ рыбкамъ!

— Которыми развлекаются, но изъ которыхъ ухи не сваришь?—спрашивала она.

— Совершенно такъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ:—вы принадлежите больше къ разряду пріятнаго, чѣмъ полезнаго.

— Но по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не къ скучному,—заключила Ольга.

Камышлинцевъ весело принялъ эту пилюльку и былъ очень доволенъ. Но не такъ довольна была Ольга, и главное—отъ того, что доставляло удовольствіе Камышлинцеву.

Ольгѣ дороги были въ любви именно волненія, тайна, біенія и замиранія сердца; любовь была ей дорога потому, что наполняла и разнообразила безцвѣтную и однообразную жизнь, и вдругъ все это было отнято отъ любви, любовь приняла какое-то законное теченіе, словомъ, у нея явился другой мужъ и исчезъ любовникъ, Ольга все это сознавала и если не называла по имени, то начинала чувствовать. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, еслибъ не явилось новое обстоятельство, поглотившее ея вниманіе. Ольга начала чувствовать себя не совсѣмъ хорошо. Появились тошнота, головокруженіе и другіе припадки. Камышлинцевъ встревожился, Мытищевъ былъ тоже не совсѣмъ равнодушенъ и совѣтовалъ обратиться къ врачу, но болѣзнь объяснилась весьма естественно. Однажды, когда Ольга осталась наединѣ съ Камышлинцевымъ, она, нѣсколько покраснѣвъ, полусмущенная, полудовольная, сказала ему:

— Я беременна.

Камышлинцевъ отвѣчалъ на это тѣмъ, что обнялъ и горячо расцаловалъ ее. Когда поцалуи кончились, явился тотчасъ вопросъ: а что же онъ, т. е. мужъ?

— Надо сказать ему,—сказалъ Камышлинцевъ.

Ольга, не любившая рѣшительныхъ мѣръ, держалась прежняго: laissez aller, laissez faire.

— Зачѣмъ! — возразила она, — онъ безъ того, я думаю, догадывается. Во всякомъ случаѣ догадается когда-нибудь,—прибавила она и сама разсмѣялась своему замѣчанію.

— Нѣтъ! объ этомъ надо переговорить серьезно,—сказалъ Камышлинцевъ.—Тутъ вопросъ о наслѣдствѣ; я самъ переговорю съ нимъ.

Ольгу это неожиданное воззрѣніе нѣсколько озадачило; она никакъ не ожидала такого запутаннаго вопроса.

— Какъ знаешь!—сказала она въ раздумьи.

Дѣйствительно, на другой или третій день, Камышлинцевъ, улучивъ удобное время, сказалъ Мытищеву:

— Я долженъ съ вами переговорить объ одномъ важномъ обстоятельствѣ. Вы можетъ быть замѣтили уже сами болѣзнь Ольги Ѳедоровны: она беременна.

Камышлинцевъ смотрѣлъ на Мытищева нѣсколько смущенно. Мытищевъ дѣйствительно догадывался объ этомъ, хотя положительно не былъ увѣренъ. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это, какъ и все, напоминавшее ему объ измѣнѣ жены, кольнуло его и онъ покраснѣлъ немного, но потомъ оправился.

— Что же, поздравляю васъ!—отвѣтилъ онъ повидимому спокойно и безъ всякаго оттѣнка насмѣшки или недоброжелательнаго чувства.

— Я счелъ нужнымъ во всякомъ случаѣ сообщить вамъ объ этомъ,—сказалъ Камышлинцевъ.—Обстоятельство это особенно важно потому, что съ нимъ связано право на наслѣдство; поэтому я не знаю, захотите ли вы сдѣлать его гласнымъ.

— Положимъ, я бы не захотѣлъ этого. Какимъ же образомъ вы скроете все?—спросилъ Мытищевъ.

— Можно было бы придумать что-нибудь, напримѣръ поѣздку за границу. Тогда конечно я принялъ бы на себя воспитаніе и обезпеченіе ребенка.

— Ну, это излишне,—замѣтилъ хладнокровно Мытищевъ;—я долженъ вамъ сказать, что если принимаю какое-нибудь рѣшеніе, то принимаю его зрѣло и обдуманно со всѣми его послѣдствіями. У меня нѣтъ близкихъ наслѣдниковъ, которыхъ бы я любилъ и за которыми бы хотѣлъ закрѣпить мое состояніе. Сынъ брата Василія мнѣ мало симпатиченъ—да онъ и обезпеченъ. Я думаю, что дѣтей любятъ не столько потому, что въ нихъ своя кровь, сколько по привычкѣ къ нимъ, какъ своимъ воспитанникамъ. Слѣдовательно я могу привязаться и къ дѣтямъ моей жены и имя мое они могутъ носить не хуже другаго. Объ этомъ нечего безпокоиться.

— Во всякомъ случаѣ я счелъ обязанностью предупредить васъ и узнать ваше мнѣніе,—сказалъ Камышлинцевъ.

Мытищевъ на это кивнулъ головою, не то благодаря за вниманіе, не то давая знать, что разговоръ конченъ.

Вечеромъ Камышлинцевъ передалъ этотъ разговоръ Ольгѣ. Не смотря на то, что онъ ее успокоилъ и снялъ нѣкоторую заботу, на другой день, когда Ольга сидѣла по обыкновенію за самоваромъ вдвоемъ съ мужемъ (Ка-

мышлинцевъ не всегда приходилъ къ утреннему чаю), она была смущена и все что-то у ней не клеилось. Мытищевъ замѣтилъ это и говорилъ все время о разныхъ посторонних предметахъ. Но когда за вторымъ стаканомъ Мытищевъ хотѣлъ закурить сигару, онъ будто что-то вспомнилъ, и остановился. Онъ взялъ стаканъ и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Отчего ты здѣсь не куришь? — спросила Ольга, покраснѣвъ.

— Тебѣ можетъ быть непріятно будетъ,— отвѣчалъ Мытищевъ, и, видя смущеніе жены, улыбнулся. — Береги себя и не безпокойся, — прибавилъ онъ уже нешутливо и ушелъ въ свою комнату.

У Ольги какъ будто какой-то камень свалился съ груди, она вздохнула свободно. Больше объ этомъ между мужемъ и женою не было рѣчи, и Ольга словами не благодарила мужа, но стала къ нему еще нѣжнѣе и заботливѣе.

II.

Около этого времени Камышлинцеву понадобились справки въ одномъ журналѣ и онъ зашелъ въ библіотеку Крестопоклонскаго, котораго засталъ въ самой библіотекѣ. Хозяинъ ходилъ и курилъ папиросы съ молодымъ человѣкомъ, съ густыми, длинными, отчасти вьющимися волосами, стоявшими шапкой надъ пасмурнымъ, но умнымъ лицомъ.

— Ахъ, здравствуйте-съ! Добро пожаловать,—сказалъ Крестопоклонскій, узнавъ Камышлинцева и подавая ему руку съ радушіемъ и развязной неловкостью.

— Я къ вамъ за справкой, — сказалъ Камышлинцевъ.—Есть у васъ „Современникъ“ за 56 годъ?

— Есть-съ, да теперь отданъ. Барсукова, Анна Ивановна, взяла.

— Мнѣ бы нужно въ немъ справку одну сдѣлать. Когда онъ будетъ у васъ свободенъ?

— А вотъ я попрошу Аристарха Петровича,—онъ обратился къ молодому человѣку,—они у нихъ въ домѣ живутъ. Вы не увидите ли Анну Ивановну,—сказалъ онъ ему:—попросите ее, когда освободятся книги, такъ прислать ихъ.

— Хорошо,—сказалъ холодно молодой человѣкъ.

— Кстати, позвольте познакомить! — сказалъ Крестопоклонскій: — Благомысловъ, Аристархъ Петровичъ. Недавно присланы изъ Петербурга,—вполголоса прибавилъ онъ.—Вы, можетъ, слышали, по исторіи ***.

Камышлинцевъ дѣйствительно слышалъ и объ исторіи и о томъ, что одинъ молодой человѣкъ, воспитанникъ ***, былъ присланъ въ Велико-Өедорскъ.

Камышлинцевъ поклонился и подалъ руку Благомыслову, но тотъ подалъ свою съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать Крестопоклонскому:

„А чортъ проситъ тебя знакомить меня съ этимъ франтомъ“.

Камышлинцевъ, слыша, что Крестопоклонскій не назвалъ его, сказалъ свою фамилію.

— Да! Камышлинцевъ, Дмитрій Петровичъ,—подсказалъ Крестопоклонскій. — Членъ по крестьянскому дѣлу, про котораго я вамъ говорилъ. Знакомъ съ X* и Y*, — прибавилъ онъ вполголоса и значительно. — Да садитесь пожалуйста, покурить не угодно ли?

Камышлинцевъ сѣлъ и закурилъ папиросу.

Благомысловъ взглянулъ на него нѣсколько благосклоннѣе.

— Вамъ назначено жить въ селѣ, или вы сами его выбрали?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Самъ! Тамъ отецъ у меня, — отвѣчалъ Благомысловъ.—Попомъ,—прибавилъ онъ.

— А вы какъ вышли изъ духовнаго званія?—спросилъ Камышлинцевъ.—Много вамъ стоило труда?

— Не очень! Я изъ академіи перешелъ, не спрашиваясь.

— Ну, а какъ у васъ профессора?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Дрянь, большею частью, и подлецы! — лаконически отвѣтилъ Благомысловъ.

Камышлинцевъ улыбнулся этому опредѣленію, хотя понималъ его со стороны озлобленнаго молодаго человѣка.

— А съ X* и Y* вы не знакомы? какъ къ нимъ относится молодое поколѣніе?

— Нѣтъ, не знакомъ! Ихъ уважаютъ. Они одни только не виляютъ хвостомъ, стоятъ за насъ и дѣло говорятъ.

Камышлинцевъ распросилъ про самую исторію.

Благомысловъ разсказалъ, и, судя по его словамъ, она совсѣмъ выходила иначе, нежели по газетнымъ извѣстіямъ. Камышлинцевъ въ отвѣтъ пожалъ только плечами.

— Ну, а теперь что же вы намѣрены дѣлать? — спросилъ онъ съ участіемъ.

— Да черезъ годъ, какъ позволятъ, поѣду курсъ кончать!—сказалъ онъ.—А пока ребятишекъ учу. Вотъ у Барсуковыхъ сынишку.

— Такъ вы будьте такъ добры,—сказалъ Камышлинцевъ, вставая и прощаясь съ Благомысловымъ и Крестопоклонскимъ:—попросите Анну Ивановну, чтобы она, когда кончитъ хоть первую половину книгъ, передала бы ихъ мнѣ.

Хорошо,—отвѣчалъ Благомысловъ.

— А вотъ кстати,—сказалъ Крестопоклонскій Благомыслову,—у Дмитрія Петровича есть нѣкоторыя книги, которыми вы интересуетесь.

Камышлинцевъ остановился.

— Что есть, къ вашимъ услугамъ! — сказалъ онъ.

— Благодарю, — отвѣчалъ Благомысловъ. — Есть у васъ...?—и онъ назвалъ нѣсколько нѣмецкихъ изданій, которыя трудно достать въ Россіи и особенно въ Велико-Ѳедорскѣ.

Нѣкоторыя оказались; иныя были въ подлинникѣ, иныя на французскомъ и англійскомъ.

— Ну, я во французскомъ-то плохъ, а по англійски совсѣмъ не морокую — да съ лексикономъ одолѣю. Лексиконъ есть у васъ?

— Есть! зайдите ко мнѣ и выберите, что нужно-- сказалъ онъ.—Я до семи часовъ вечера дома буду.

Часу въ 7-мъ Благомысловъ зашелъ къ Камышлинцеву, но у него случились просители крестьяне, съ которыми онъ долженъ былъ переговорить, чтобы въ этотъ же вечеръ доложить объ ихъ дѣлѣ въ губернскомъ присутствіи (оно собиралось по вечерамъ раза два въ недѣлю). Поэтому толковать съ Благомысловымъ было не-

когда. Онъ объяснилъ это ему и, растворивъ шкафъ, сказалъ:

— Вотъ все, что есть у меня здѣсь: берите, что угодно.

Благомысловъ выбралъ нѣсколько книгъ и простился съ Камышлинцевымъ. При прощаньи Камышлинцевъ сказалъ ему: — Если я могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ, то обращайтесь ко мнѣ безъ церемоніи, — и искренно пожалъ руку.

Ему жаль было молодаго человѣка, безъ всякихъ средствъ, при первомъ вступленіи въ жизнь уже много повредившаго себѣ.

— Спасибо,—отвѣтилъ Благомысловъ.

Онъ былъ сумраченъ, не словоохотливъ, неловокъ и, сознавая въ себѣ недостатокъ того, что мы называемъ хорошимъ воспитаніемъ, къ своей обыкновенной грубой простотѣ прибавлялъ еще нѣсколько напускной: это тогда входило въ моду между молодежью.

III.

Въ этотъ годъ въ Велико-Ѳедорской губерніи были дворянскіе выборы. Въ половинѣ января во всѣхъ помѣщичьихъ весяхъ стряхнулась пыль съ залежавшихся мундировъ, заштопались изъяны, произведенные въ нихъ ничего неуважающею молью, и помѣщики двинулись въ губернскій городъ.

Предстоящіе выборы, какъ выборы, занимали немногихъ. Конечно и тутъ было не безъ волненій, интригъ и ожиданій, но на душѣ у большинства помѣщиковъ

была свѣжая рана, которая зудѣла несказанно и возбуждала всю ихъ желчь. Рана эта была—мировыя учрежденія. Помѣщики ѣхали съ тѣмъ, чтобы перевѣдаться съ посредниками, съ этими ренегатами, вышедшими изъ дворянской семьи и часто смотрѣвшими на дѣло не съ дворянской точки зрѣнія. Явленіе это было дѣйствительно поразительное. Самые ярые крѣпостники, прельщенные хорошимъ окладомъ и вступившіе въ новую должность, утрачивали всякую ярость и, въ иныхъ случаяхъ. поступали не только безпристрастно, но и безстрастно. Духъ времени пробиралъ самыя заматерѣлыя убѣжденія, и русская совѣстливость, встрѣтившаяся лицомъ къ лицу съ дѣломъ, принимала необычайныя проявленія.

Но дворянство страдательное, дворянство не принимавшее участія въ составленіи и обязанности въ наблюденіи за новымъ положеніемъ, отнеслось къ дѣлу не такъ. Оно смотрѣло на него сначала—какъ смотрѣло доселѣ вообще на всякій законъ—равнодушно, потому что ожидало такого же исполненія его, какъ и прежнихъ законовъ. Вообще замѣчено, что всѣ извнѣ идущія установленія встрѣчаются легко и безучастно, и вниманіе возбуждается только ихъ примѣненіемъ и исполнителями. За то, когда вмѣстѣ съ новымъ установленіемъ явился новый взглядъ и на приведеніе его въ дѣйствіе, интересы, задѣтые за живое, проснулись, чувство закипѣло и искало только благовиднаго исхода.

Выборы открылись какъ обыкновенно. Новый губернаторъ, Нобелькнебель, сказалъ, что онъ весьма счастливъ, встрѣтясь съ дворянствомъ, къ которому имѣетъ честь принадлежать; выразилъ увѣренность, что оно,

въ особенности въ нынѣшнее время, обратитъ самое строгое вниманіе на достоинство избираемыхъ и безъ сомнѣнія выберетъ во всѣ должности отличнѣйшихъ и благонамѣренныхъ людей и что люди эти, конечно, употребятъ всѣ свои силы, чтобы содѣйствовать ему, Нобелькнебелю, въ заботахъ о доставленіи счастія и благоденствія гражданамъ ввѣренной ему губерніи, что составляетъ предметъ его пламеннѣйшаго желанія. Преосвященный передъ принятіемъ въ соборѣ присяги тоже весьма краснорѣчиво поучалъ, что надо выбирать, особенно въ настоящее время, достойнѣйшихъ и благомыслящихъ людей, и дворяне, глубоко разчувствовавшіеся (русскіе люди вообще способны необыкновенно скоро разчувствоваться и млѣть въ прекрасныхъ помыслахъ), преисполнились безпредѣльною рѣшимостью вести выборы самымъ строгимъ и добросовѣстнымъ образомъ.

— Да, теперь не такое время, чтобы выбирать койкого, — говорилъ съ убѣжденіемъ одинъ.

— Теперь смотрѣть на родство да свойство не приходится, — подтверждалъ другой.

— Надо прежде всего людей: надо, чтобы человѣкъ былъ! — увѣрялъ третій.

— Да! человѣкъ безпристрастный, но стойкій, который бы умѣлъ отличить правое дѣло и постоять за него, — говорилъ четвертый.

— Да, и человѣкъ честный, — прибавлялъ пятый.

— И свѣдущій, — подсказывалъ шестой: — нынче требуется свѣдущуго.

— А все-же, чтобы былъ и представительный, — замѣчали другіе.

— Представительный необходимъ — если встрѣтить кого или депутацію послать, — подтверждало то большинство, которое всегда думаетъ о какихъ-то необычайныхъ встрѣчахъ и депутаціяхъ.

— Теперь ужь время не такое, — начиналъ опять кто-то.

— А подлецовъ все-таки надо пришпандорить! — рѣшилъ усатый и звѣрскаго вида господинъ, по фамиліи Грембулатовъ, извѣстный всѣмъ податнымъ классамъ своимъ кулакомъ и посматривавшій на всякаго, какъ-бы спрашивая: „А хочешь, я тебѣ сейчасъ морду своротчу на сторону?“

— Ну, разумѣется пришпандорить! — горячо отвѣчали всѣ, понимая, кого и какъ слѣдуетъ пришпандорить по мнѣнію и вкусамъ Грембулатова, и добродушно согласились съ нимъ.

А затѣмъ дѣло началось, какъ всегда водится, обѣдомъ у предводителя.

Губернскимъ предводителемъ былъ тогда князь Шапхаевъ. Это былъ высокаго роста, веселый, здоровый и видный господинъ, съ-молоду красавецъ собою, изъ извѣстной, въ свое время многочисленной породы жуировъ.

Вслѣдствіе этихъ жуирскихъ склонностей, князь Шапхаевъ весьма скоро разстроилъ свое большое родовое имѣніе и, когда замѣтилъ, что дѣло совсѣмъ дрянь и что не смотря на состоящія за нимъ двѣ тысячи душъ, онъ, собственно говоря, ничего не имѣетъ, — онъ, по очень замысловатому, но водящемуся у насъ способу распутывать дѣла, сталъ ихъ еще болѣе запутывать, а чтобы удобнѣе это сдѣлать, плѣнилъ дворянъ, былъ ими вы-

бранъ въ губернскіе предводители и держался на этомъ мѣстѣ четыре трехлѣтія. Дѣла свои онъ запуталъ до замѣчательной степени. Не было человѣка сколько-нибудь зажиточнаго, которому бы онъ не былъ долженъ, и въ искусствѣ занимать деньги онъ былъ артистъ первостепенный. Про него разсказывали, что когда онъ однажды началъ поговаривать, что нужно бы немного деньжонокъ перехватить, то одинъ шутникъ сказалъ ему: „попросили бы вы у моего тестя!“ А тесть этотъ былъ такой скряга, что надулъ родную и единственную дочь, не выдавъ при свадьбѣ слѣдующій ей материнскій капиталъ, и прикидывался нищимъ. Всѣ присутствующіе расхохотались; но на другой день князь Шапхаевъ, встрѣтивъ шутника и показывая ему пачку денегъ, поблагодарилъ его за совѣтъ: скряга не съумѣлъ отказать ему.

Не смотря на эти безчисленные долги, князь Шапхаевъ жилъ широко, зналъ всѣхъ дворянъ, какъ пять пальцевъ, кормилъ ихъ при всякомъ случаѣ и былъ ими любимъ.

„Хоть плутъ, да молодецъ“, говорили они, повинуясь тому растяжимому русскому понятію о нравственныхъ достоинствахъ человѣка, которое заставило казака въ пушкинскомъ Годуновѣ отозваться въ томъ же родѣ о самозванцѣ.

Но наступили, казалось, иныя времена и иныя требованія, и князю Шапхаеву готовились испытанія.

Разъ утромъ, наканунѣ выборовъ, Камышлинцеву доложилъ слуга, что пріѣхалъ господинъ Самокатовъ.

Самокатовъ былъ единственный сынъ довольно зажиточнаго помѣщика, который ничего не жалѣлъ для его воспитанія. Кончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи,

онъ помимо своего провинціальнаго университета отправился въ московскій. У мальчика была натура дѣятельная, пытливая, способная; за все принимался онъ горячо, но выдержки у него было мало. Поступилъ онъ на юридическій факультетъ, но тогда вскорѣ пошла въ ходъ нѣмецкая философія и Самокатовъ съ рвеніемъ принялся за нее. Достаточно ознакомясь съ ней, онъ однако рѣшилъ, что „нѣтъ! это не то“, и, бросивъ ее, снова принялся за Пандекты, кончилъ курсъ и вступилъ въ службу. Перемѣнивъ въ четыре года пять мѣстъ, Самокатовъ, къ удовольствію сослуживцевъ и начальства, вышелъ въ отставку, заслуживъ названіе безпокойнаго человѣка. Отецъ у него умеръ. Принялся онъ за раціональное хозяйство и чуть не раззорился; служилъ по выборамъ, перессорился съ дворянствомъ и вышелъ. Наконецъ, во время ополченія былъ казначеемъ, велъ дѣла аккуратнѣйшимъ образомъ и съ самой щепетильной честностью, но при ревизіи въ казенной палатѣ съ него попросили за провѣрку 200 руб. и когда онъ ихъ, разумѣется, не далъ, на него сдѣлали большой начетъ. Этимъ Самокатовъ закончилъ свою общественную дѣятельность, обзавелся какой-то мамзелью и успокоился. Успокоился онъ на томъ, что „тутъ будь хоть семи пядей во лбу, а ничего не подѣлаешь“, и что „кругомъ такая ерунда (это было его любимое словцо), въ которой чортъ ногу сломитъ! — а потому надъ всѣмъ этимъ только можно смѣяться“. Онъ дурачилъ всѣхъ, кого могъ, сводилъ лбами и попивалъ, и — странная вещь! — съ тѣхъ поръ, какъ онъ предался этимъ послѣднимъ занятіямъ и сталъ ни на что не годенъ, его всѣ очень полюбили. Его признали

„своимъ“ и только иногда какой-нибудь благоразумный помѣщикъ скажетъ ему:

— Шебала! Что ты ничего не дѣлаешь?

— А поди-ка ты съ мое подѣлай!—отвѣчалъ онъ:— я перепробовалъ семь службъ и нѣсколько системъ хозяйства!

— Ну и что же?—спрашивалъ тотъ.

— Ну и все ерунда!—отвѣчалъ Самокатовъ. И всѣ хохотали.

Но странно, что даже крестьяне, и тѣ отнеслись къ нему послѣ перемѣны дружелюбнѣе, и если кто-нибудь сожалѣлъ, что Самокатовъ пьетъ, то они отвѣчали съ участіемъ и нѣкоторымъ уваженіемъ:

— „Это онъ отъ ума пьетъ!“

Таковъ былъ образованный, умный, честный и никуда не годный Самокатовъ, который пріѣхалъ къ Камышлинцеву. Самокатова Камышлинцевъ любилъ, и очень ему обрадовался.

— А! Ростиславъ Павловичъ! — воскликнулъ Камышлинцевъ, идя къ нему навстрѣчу. — Очень радъ, что ты появился. Что?.. шары катать?

— И шары, и васъ! Васъ, блудныхъ дѣтей, проучить!—отвѣчалъ краснолицый Самокатовъ.

— А что? развѣ больно сердиты, — спросилъ Камышлинцевъ.

— Больно! — Каждый на своего посредника, а всѣ на тебя.

— А я-то что имъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да то, что ты заводейка—говорятъ—и всѣхъ ихъ поддерживаешь, если они нашему брату помѣщику, въ силу новыхъ порядковъ, какую-нибудь пакость сотворятъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Камышлинцевъ, который, хотя и зналъ, что многіе его не долюбливаютъ, но не ожидалъ, чтобы это чувство разошлось, по всей губерніи.—Ну, что же вы хотите сдѣлать съ нами?—спросилъ онъ.

— А сдѣлать? Постой! Водку пьютъ у васъ?

— Пьютъ,—отвѣчалъ смѣясь Камышлинцевъ и велѣлъ подать закуску.

— Нѣтъ! ты! Эй, Христофоръ! какъ тебя?—кричалъ Самокатовъ вслѣдъ слугѣ.—Ты, братъ, много не хлопочи, а дай просто водки и кусокъ чернаго хлѣба: нынче вѣдь съ нами много не церемонятся.

— Такъ ты хочешь знать, что мы съ вами сдѣлаемъ?—спросилъ Самокатовъ Камышлинцева.—А мы, братъ, этого и сами не знаемъ! Только кулаки зудятъ и задору много!

— Ну, до кулаковъ, чай, не дойдетъ, а тамъ еще посмотримъ!—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Извѣстно, все отъ Бога,—смиренно сказалъ Самокатовъ! — Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ! А впрочемъ все это ерунда,—добавилъ онъ, налилъ себѣ рюмку (руки у него уже тряслись), ужасно сморщился и выпилъ ее какъ микстуру.

— Зачѣмъ ты морщишься? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Да скверно, братецъ!—отвѣчалъ онъ и сейчасъ же налилъ другую и выпилъ.

— Ну, а скверно, такъ зачѣмъ же пьешь, да еще по двѣ разомъ!

— А потому, — отвѣчалъ Самокатовъ, закусывая хлѣбомъ, — что когда выпьешь, такъ смотришь равно-

душно на всю ерунду и становишься другимъ человѣкомъ. Ну, а другому человѣку опять рюмка нужна— прибавилъ онъ,—это ясно!

Камышлинцевъ разсмѣялся.

— А какъ на счетъ выборовъ? кого въ губернскіе?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Злобствуемъ! — отвѣчалъ Самокатовъ.—Хотимъ всѣхъ новыхъ—что ни на есть вѣрныхъ людей!

— Кого же именно?

— Ну ужь, ты: и кого? Тѣхъ же чай!

— Какъ же такъ: новыя требованія, а старые люди?—спрашивалъ Камышлинцевъ.

— Ничего! вѣдь мы отходчивы! А требованья что? Вѣдь люди все тѣ же и понятія старыя. Впрочемъ, Шапхая пожалуй смажемъ! Кажись, на него всѣ сердятся, да кстати и кандидатъ явился: Шестопаловъ!

— Это Урюпинскій владѣлецъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да, Урюпинскій! На дняхъ пріѣхалъ. Онъ рѣдко сюда ѣздитъ, а нынче вѣрно не даромъ явился къ выборамъ.

— Каковъ онъ! я его не знаю,—сказалъ Камышлинцевъ.

— Англоманъ, братецъ! Проборъ на затылкѣ носитъ и меня отличнымъ джиномъ угостилъ. А впрочемъ ерунда!

— Ну, однакожъ прощай! еще поговоримъ!—затоपился Самокатовъ.—Заболтался я съ тобой: нужно еще въ двадцать мѣстъ. Вотъ только надо выпить на дорожку. Русскій человѣкъ всегда передъ дорогой пьетъ.— Онъ торопливо налилъ рюмку (руки его дрожали уже

менѣе), опять выпилъ ее какъ микстуру и, весь сморщившись, пожалъ руку Камышлинцеву и убѣжалъ.

IV.

Не смотря на слова Самокатова о злобѣ большинства дворянъ на Камышлинцева, не только посредники, но и всѣ почти его знакомые и многіе незнакомые изъ прибывшихъ помѣщиковъ были у него съ визитомъ. У многихъ изъ нихъ были дѣла въ губернскомъ присутствіи и они обращались къ нему съ просьбами: нѣкоторые жаловались вообще на времена, а иные на своихъ посредниковъ; но всѣ были чрезвычайно любезны и казались благорасположенными, такъ что Камышлинцевъ начиналъ думать, что достигшіе до него слухи преувеличены. Но въ дворянскомъ собраніи его встрѣтили нѣсколько иначе; нѣкоторые, на дому передъ нимъ лебезившіе, тутъ какъ будто удалялись; въ иныхъ кучкахъ, къ которымъ онъ подходилъ, разговоръ вдругъ какъ-то странно смолкалъ и разговаривающіе казались смущенными. Камышлинцевъ это замѣтилъ и ждалъ.

Первые дни выборовъ проходятъ обыкновенно въ повѣркѣ денежной отчетности, составленіи списковъ и пр. Губернское присутствіе, желая воспользоваться съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, учредило по вечерамъ засѣданія для совѣщанія съ ними, обсужденія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ и принятія по нимъ однообразнаго способа дѣйствій. Дворянству это было какъ разъ съ руки. Извѣстно, что во время выборовъ, у того или другаго изъ вліятельныхъ помѣщиковъ собираются дворяне, иногда

только своего уѣзда, для обсужденія своихъ уѣздныхъ дѣлъ, иногда коноводы всѣхъ уѣздовъ, и на этихъ-то послѣднихъ собраніяхъ предварительно условливаются въ образѣ дѣйствія на самыхъ выборахъ.

Поголовное отсутствіе на этихъ вечерахъ посредниковъ и членовъ губернскаго присутствія, изъ которыхъ иныхъ—будь они свободны—не ловко было бы не пригласить, а иные могли бы заѣхать случайно, было чрезвычайно удобно для составленія плана дѣйствій или, какъ выражались иные, облавы, которую хотѣли устроить на новыхъ дѣятелей.

Раздражительное состояніе дворянства обрушилось сначала на губернскомъ предводителѣ. Его запутанныя дѣла, привычка занимать, „перехватывать“, какъ онъ говорилъ, деньги, гдѣ ни попало, и, хотя не роскошная, но безпорядочная и широко гостепріимная жизнь заставляли многихъ поговаривать, что надобно бы хорошенько пощупать дворянскія и опекунскія суммы. Толковали объ этомъ многіе, но, какъ водится, никто не рѣшился начипать и заявить громко потребность строгой ревизіи. Однако на сей разъ оппозиція выразилась назначеніемъ въ числѣ другихъ для ревизіи одного бойкаго человѣка, который имѣлъ зубъ противъ губернскаго предводителя и говорилъ: „ужь я его доѣду“.

Князь Шапхаевъ нѣсколько смутился. Онъ призвалъ чиновника казенной палаты Селифонтьева, который составлялъ ему за извѣстную плату, каждое трехлѣтіе, этотъ отчетъ, и спросилъ его:

— Ну, что нашъ отчетъ, хорошо ли составленъ?

— Славу Богу, ваше сіятельство, кажется, не первый годъ!—отвѣчалъ Селифонтьевъ.

— Это такъ, и я на васъ надѣюсь, — отвѣчалъ похаживая князь, — да ныньче что-то злятся на меня и назначили для ревизіи одного барина, который хочетъ до всего докопаться.

— А кто такой, позвольте узнать? — спросилъ Селифонтьевъ.

Князь Шапхаевъ назвалъ его и прибавилъ: — Университетскій, по математикѣ шелъ!

Селифонтьевъ презрительно усмѣхнулся.

— Охота вамъ изъ этихъ пустяковъ безпокоиться, ваше сіятельство!—сказалъ онъ.—Напрасно себя изволите тревожить.

— Такъ ничего?—спросилъ князь.

Селифонтьевъ опять улыбнулся.

— Да еслибъ не только университетскаго, а хоть самого губернскаго казначея прислали, такъ и онъ не только въ три дня, а въ три недѣли ни до чего не добьется! — отвѣчалъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ Селифонтьевъ.

— Ну, смотрите же, — сказалъ князь: —я вѣдь, кажется, аккуратно вамъ плачу! Указаніе на послѣднее обстоятельство со стороны князя дѣйствительно было чрезвычайно многозначительно, ибо онъ никому въ жизни кромѣ нужныхъ чиновниковъ аккуратно не платилъ. Селифонтьевъ оцѣнилъ это по достоинству и еще разъ успокоилъ князя.

Дѣйствительно, бойкій господинъ, который обладалъ болѣе рвеніемъ, нежели знаніемъ правилъ отчетности и его крючковъ, немедленно сталъ втупикъ, не видя никакой возможности вывести что-либо на чистую воду. Деньги потрачены, на все есть очистительныя указанія,

а дѣйствительно ли они ушли въ тѣ законныя щели, куда указано, и законно ли эти щели открыты—бойкій господинъ, къ полному торжеству чиновника Селифонтьева, никакъ открыть не могъ и—какъ говорится—срѣзался; ибо, не смотря на всѣ придирки, подозрѣнія и первоначальныя намѣренія, долженъ былъ поклясться на самомъ отчетѣ, что оный составленъ правильно и суммы употреблены какъ слѣдуетъ.

Когда это засвидѣтельствованіе было сдѣлано, князь Шапхаевъ счелъ нужнымъ обидѣться недовѣріемъ гг. дворянъ, а гг. дворяне наперерывъ сочли нужнымъ увѣрить его, что они никакого недовѣрія къ нему и не думали имѣть, а что если бойкій ревизоръ и заявлялъ сомнѣнія, то это лично отъ себя, по своей неопытности и незнанію дѣла; дворянство же всегда князя глубоко уважало и ревизоровъ назначаетъ собственно потому только, что этого требуетъ законъ, а по мнѣнію де дворянства всякая ревизія, какъ признакъ недовѣрія, есть личная обида. Такимъ образомъ бойкій господинъ былъ выданъ головой и позналъ на опытѣ, что неудача всегда самая большая вина.

На третій день выборовъ, когда Камышлинцевъ пріѣхалъ въ собраніе, къ нему подошелъ посредникъ Хорьковъ. Это былъ невысокій, толстенькій сановникъ, рьяный и, какъ говорили про него, „характерный". Лозунгъ его былъ „никому не спускать" и онъ дѣйствительно не спускалъ. Не спускалъ онъ помѣщикамъ, которыхъ штрафовалъ, и этимъ возбудилъ противъ себя страшное негодованіе (извѣстно, что помѣщики наложеніе штрафа хоть бы за неявку къ разбору считали и считаютъ ужаснѣйшей личной обидой), не спускалъ и крестьянамъ,

которыхъ посѣкалъ зачастую. Кромѣ того Хорьковъ былъ не безъ хитрости и зналъ дворянскіе обычаи и интриги досконально.

— Сегодня на насъ нападеніе готовится, — сказалъ онъ Камышлинцеву. — Третьяго дня на сходкѣ рѣшено заявленіе подавать.

— Какого рода? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Да самаго скверннаго. А впрочемъ, я свои мѣры принялъ, — и онъ усмѣхнулся.

Разговоръ былъ кѣмъ-то прерванъ. Но дѣло скоро разъяснилось.

Князь Шапхаевъ позвонилъ (звонокъ былъ тогда современнымъ нововведеніемъ, на которое нѣкоторые роптали: „Что это, лакеевъ сзываетъ, что ли?“ говорили они, но были успокоены объясненіемъ Шестипалова, что звонокъ принятъ и въ англійскомъ парламентѣ); всѣ стали занимать мѣста, при чемъ вокругъ Камышлинцева усѣлись либеральные посредники. Князь Шапхаевъ вынулъ кучу бумагъ и сказалъ:

— Милостивые государи! Я получилъ отъ многихъ изъ гг. помѣщиковъ заявленія, которыя они просятъ меня довести до свѣдѣнія дворянства. Угодно-ли приступить къ чтенію?

— Сдѣлайте одолженіе. — Просимъ! — раздались голоса.

Князь Шапхаевъ развернулъ первое письмо и сталъ читать. Это была длинная жалоба одного мелочнаго, придирчиваго помѣщика на то, что крестьяне его отказались доставить запроданный имъ хлѣбъ на томъ основаніи, что мѣсто доставки далѣе 150 верстъ, и что посредникъ, которому онъ принесъ жалобу, не только

не принудилъ къ этому крестьянъ, но, напротивъ, объявилъ имъ, что они имѣютъ полное право отказаться отъ этого извоза, требуемаго незаконно, и что этимъ рѣшеніемъ онъ не только потворствуетъ крестьянамъ, но поощряетъ ихъ къ бунту и непослушанію, подрываетъ въ ихъ глазахъ кредитъ помѣщика, утверждавшаго, что они обязаны производить сію работу, и дѣйствуетъ не такъ, какъ прилично дворянину, и пр.

За чтеніемъ послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

Посредникъ, на котораго была направлена эта жалоба, былъ очень скромный молодой человѣкъ, сынъ небогатаго помѣщика, который служилъ по выборамъ и былъ тутъ же. Посредникъ всталъ и началъ объяснять, что онъ не вправѣ былъ принудить крестьянъ, потому что по положенію дозволяется требовать извоза не далѣе 150 верстъ, а тутъ 175.

Камышлинцева передернуло отъ этого отвѣта.

— Что за оправданія!—сказалъ онъ своему сосѣду.

— Нѣтъ, — возразилъ помѣщикъ. — Это увѣряютъ крестьяне, а тутъ всего и ста пятидесяти не будетъ.

— Какія же 150! — возразилъ посредникъ, — сто пятьдесятъ одной большой дорогой, мѣрныхъ, да отъ вашего имѣнія до дороги 25 верстъ.

— А кто имъ велитъ большой дорогой ѣхать! — пусть на Плѣшаниху ѣдутъ да на Мокриху.

— И на Мокрилово ближе не будетъ, да тамъ никто не ѣздитъ, у васъ всегда по большой дорогѣ ѣздили.

— И ѣздили!—да то было по старому, ну, а коль они хотятъ по новому, такъ на Мокриху поѣзжай.

— И на Мокриху тѣ же 170 верстъ—повторилъ посредникъ.

— Да кто мѣрялъ, позвольте узнать? — спросилъ вскочивъ Грембулатовъ.

— Я не знаю, кто мѣрялъ, но я спрашивалъ окрестныхъ добросовѣстныхъ.

— Да вѣдь крестьянъ же вы спрашивали? Все-таки крестьянъ, а не помѣщиковъ! — сказалъ черный и суровый помѣщикъ, видѣвшій во всемъ заговоръ и интригу.

— А кому же знать, какъ не крестьянамъ? — возразилъ посредникъ.

— Да нѣтъ, позвольте васъ спросить, кто мѣрялъ? — кричалъ Грембулатовъ, приближаясь къ посреднику.

— Да и почему же вѣрить крестьянамъ, а не дворянину? — замѣтилъ одинъ необыкновенно толстый и раздражительный господинъ.

— Нѣтъ, я спрашиваю васъ: кто мѣрялъ? — приставалъ Грембулатовъ къ посреднику, подойдя къ нему вплоть.

— Нѣтъ, это не по-дворянски! Это не по-дворянски поступлено! — послышались голоса.

Камышлинцевъ видѣлъ съ самаго начала, что, вслѣдствіе объясненія посредника, дѣло пошло совсѣмъ не по тому пути; онъ всталъ, чтобы поправить его, но въ это же время около посредника, пробравшись изъ заднихъ рядовъ, появился добродушный, худенькій и смущенный человѣкъ. Это былъ отецъ посредника, служащій гдѣ-то засѣдателемъ.

— Господа, благородные дворяне! — сказалъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ. — Если сынъ мой, дѣйствительно, поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то я смѣю увѣрить господъ дворянъ, что онъ сдѣлалъ это

по молодости лѣтъ и неопытности, а отнюдь не по неуваженію къ благородному сословію, въ почтеніи къ которому воспитанъ мною! И потому, позвольте старику-отцу просить благородное дворянство извинить на первый разъ неопытнаго молодаго человѣка, если не для него, то ради меня! — И растроганный старичекъ поклонился на всѣ стороны.

Ропотъ негодованія послышался со стороны посредниковъ, но противная партія смолчала, какъ-бы нѣсколько умилостивленная этимъ извиненіемъ.

Бѣдный молодой человѣкъ кинулъ на отца укоризненный взглядъ и, смущенный, ушелъ въ толпу.

Камышлинцевъ всталъ, какъ ужаленный.

— Я не знаю, господа, гдѣ мы находимся! — сказалъ онъ. — Господинъ предсѣдатель читаетъ намъ неизвѣстно зачѣмъ жалобы, сюда не относящіяся, господинъ посредникъ считаетъ нужнымъ оправдываться, а родитель извиняется за сына! Мы возвращаемся къ какимъ-то патріархальнымъ временамъ! Я полагаю, — онъ обратился къ губернскому предводителю, — что вамъ, князь, прежде, нежели доводить до общаго свѣдѣнія всякую поданную вамъ бумагу, не мѣшало бы ознакомиться съ ея содержаніемъ и, если она не подлежитъ сужденію дворянскаго собранія, возвратить ее подающимъ.

— Да вѣдь было заявлено общее желаніе, — смутившись нѣсколько, замѣтилъ князь Шапхаевъ.

— Общаго не было, я за это ручаюсь, а если и были желающіе, такъ желаніе тогда можно исполнять, когда оно законно. Жалобы разбираются подлежащими мѣстами, а здѣсь не судъ, — сказалъ Камышлинцевъ.

— Это дворянское дѣло! Тутъ дворяне на дворянъ жалуются!—раздались голоса.—Мы имѣемъ право разбирать жалобы дворянъ на дворянъ!

— Такъ этакъ мы и долги будемъ взыскивать другъ съ друга черезъ дворянское собраніе и подавать счеты губернскому предводителю?—сказалъ Камышлинцевъ.—Вѣдь этакъ, пожалуй, мы засыплемъ господина предводителя нашими просьбами!

Упоминаніе о долгахъ было очень мѣтко и князя Шапхаева передернуло. Нѣкоторые ухмыльнулись.

— Это совсѣмъ другое! Совсѣмъ не то! — кричали рьяные дворяне.

— Точно то же! Та же жалоба!—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Я согласенъ съ Дмитріемъ Петровичемъ, что эти жалобы не совсѣмъ идутъ сюда,—сказалъ князь Шапхаевъ, желавшій угодить и нашимъ, и вашимъ, и лично весьма равнодушный къ крестьянскому дѣлу, потому что имѣніе его разорить и хозяйство уронить нельзя было больше.

— Такъ, какъ же, господа? продолжать чтеніе, или оставить?

— Продолжать!—кричало большинство.

— Не нужно!—кричали другіе.

— Большинство желаетъ чтенія,—сказалъ князь и съ нерѣшительностью взялъ бумагу.

— Такъ это у насъ будетъ литературное утро? —спросилъ Камышлинцевъ:—вѣдь мы жалобъ ни разбирать, ни рѣшать не имѣемъ права!

— Ну, еще не знаемъ!—заговорили нѣкоторые.

— Увидимъ!—сказалъ Грембулатовъ и такъ посмотрѣлъ на Камышлинцева, какъ будто хотѣлъ съѣсть его.

Камышлинцевъ всталъ и хотѣлъ выйти, но сидѣвшій съ нимъ рядомъ Хорьковъ остановилъ его.

— Подождите! Штука будетъ!—сказалъ онъ ему.

Камышлинцевъ зналъ, что Хорьковъ мастеръ на штуки и остался.

Началось чтеніе просьбы какъ разъ на Хорькова. Это была жалоба нѣкоего помѣщика Перспикасова, отставнаго взяточника и величайшаго крючкотвора, нажившаго себѣ на службѣ немалое состояніе и получившаго приглашеніе отдохнуть на лаврахъ. Онъ жаловался на дѣйствія посредника Хорькова по дѣлу о захватѣ имъ, помѣщикомъ, якобы принадлежащей крестьянамъ земли. Въ просьбѣ не было недостатка въ выраженіяхъ, болѣе чѣмъ жесткихъ и непозволительныхъ, и она заключалась такъ: „о таковыхъ пристрастныхъ, неблагонамѣренныхъ и возбуждающихъ къ неуваженію правъ собственности дѣйствіяхъ вышеупомянутаго посредника по дѣлу о землѣ, пріобрѣтенной мною трудами и бережливостью, на службѣ Его Императорскаго Величества, я, какъ о неприличныхъ званію дворянина, считаю долгомъ повергнуть на благоусмотрѣніе благороднаго собранія“.

Только-что кончилось это чтеніе, какъ всталъ Хорьковъ и почтительно подалъ бумагу губернскому предводителю.

— Что это?—спросилъ тотъ.

— А это мое заявленіе,—отвѣчалъ скромно Хорьковъ.

— Не благоугодно ли будетъ вамъ прежде отвѣтить на просьбу мою?—съ скромной злобой сказалъ Перспикасовъ.

— Не благоугодно ли выслушать мое заявленіе? — отвѣчалъ Хорьковъ:—тутъ мой и отвѣтъ.

— Что же, господа?—спросилъ князь Шапхаевъ.

— Читать! читать!—отвѣтили многіе.

— Уже если читать одного, такъ надо читать и другаго, — заговорили посредники. Перспикасовъ былъ выслужившійся изъ поповичей дворянинъ и не терпимъ почти всѣми, поэтому протестовъ противъ чтенія не было.

— А пусть его!..—сказалъ Грембулатовъ окружающимъ, прибавя такой оригинальный эпитетъ, что всѣ окружающіе фыркнули.

Началось чтеніе.

Это была совершенная пародія на заявленіе Перспикасова. Въ ней, кромѣ описанія разныхъ его неблаговидныхъ продѣлокъ, почти словами Перспикасова излагалась его тяжба съ крестьянами за землю, купленную крестьянами въ прежнее время, какъ водится, на помѣщичье имя, и приводились доказательства справедливости крестьянъ и вопіющей недобросовѣстности помѣщика. Заявленіе кончалось такъ: „Таковыя притязательныя и крючкодѣйственныя средства господина Перспикасова къ отнятію земли, купленной крестьянами съ полнымъ довѣріемъ къ дворянской честности на имя своего бывшаго помѣщика, о чемъ при продажѣ и было отъ послѣдняго заявлено,—купленной на свои кровныя и трудовыя деньги, а не на сбереженія, какъ упоминаетъ господинъ Перспикасовъ, сдѣланныя имъ на службѣ совѣтникомъ питейнаго отдѣленія казенной палаты,—какъ недостойныя дворянина и ему близко извѣстныя. онъ, Хорьковъ, считаетъ обязанностію повергнуть на благоусмотрѣніе благороднаго собранія“.

Мистификація была полная и понята всѣми. Одни смѣялись, другіе злобствовали, третьи были поставлены втупикъ.

— Этого нельзя! — кричали одни; — посредникъ не имѣетъ права возбуждать подобныхъ вопросовъ, — кричали нѣкоторые.

— Отчего же не жаловаться посредникамъ, если принимаются жалобы на нихъ? — возражали другіе.

— Милостивые государи, — сказалъ вставши Мытищевъ, съ свойственной ему спокойной вѣжливостью: — вы видите, что допуская чтеніе частныхъ жалобъ, вы сдѣлали ошибку. Если признать, что гг. помѣщики могутъ жаловаться на посредниковъ, то точно также никто не помѣшаетъ и гг. посредникамъ, какъ и случилось сейчасъ, жаловаться на гг. помѣщиковъ. Подобныя заявленія, раздражая только одно сословіе противъ другаго, ни къ чему не поведутъ, потому что мы не имѣемъ права и средствъ разбирать жалобы; на это есть установленныя мѣста.

— Да эти установленныя-то мѣста всѣ руку посредниковъ держатъ, — заговорилъ Грембулатовъ, — такъ что же съ ними станешь дѣлать, спрашиваю я васъ? Такъ что-ли оставить?

— Жаловаться на несправедливость этихъ мѣстъ, — сказалъ Мытищевъ, — и опять таки не здѣсь. А здѣсь подобное заявленіе крайне неумѣстно и за него заявляющій можетъ быть потребованъ къ отвѣту, если, напримѣръ, попросить г. губернскаго предводителя занести эти слова въ протоколъ.

Грембулатовъ струсилъ и вся его партія, увидавъ, что пошла не по той дорогѣ, постаралась замять дѣло,

и на вопросъ предводителя: продолжать ли чтеніе, отвѣчала: не нужно!

„Штука не вытанцовалась, надо придумать другую". подумали коноводы.

— Какъ вы ухитрились,—смѣясь спросилъ Камышлинцевъ Хорькова,—узнать содержаніе жалобы Перспикасова и написать на нее пародію?

— Да секретарь-то развѣ не знаетъ, что у меня два шара и что я не безъ пріятелей!—отвѣчалъ Хорьковъ.

V.

Въ этотъ же день, по окончаніи засѣданія, едва Камышлинцевъ успѣлъ скинуть свой дворянскій мундиръ, какъ къ нему пріѣхалъ Шестипаловъ, тоже въ мундирѣ. Это былъ высокій, съ длиннымъ, благообразнымъ лицомъ, висячими бакенбардами и проборомъ на затылкѣ, русскій баринъ, нарядившійся англичаниномъ. Онъ попросилъ въ собраніи, чтобы его представили Камышлинцеву и, какъ пріѣзжій мѣстному жителю, счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ. Шестипаловъ до сихъ поръ какъ-то не высказывался, онъ знакомился, держался въ сторонѣ отъ преній, ни въ какіе семейные дворянскіе споры не вмѣшивался и присматривался. Желаніе познакомиться съ Камышлинцевымъ ему пришло какъ-то на умъ именно въ то время, когда онъ замѣтилъ, что за Камышлинцевымъ стоитъ порядочная партія болѣе живыхъ и молодыхъ людей.

Они поговорили о разныхъ пустякахъ. Наконецъ Шестипаловъ сказалъ:

— Я бы желалъ переговорить и попросить вашего совѣта по нѣкоторымъ вопросамъ, которые, мнѣ кажется, должны бы составлять главный предметъ нашихъ дворянскихъ задачъ и о которыхъ, между прочимъ, дворянство кажется и не думаетъ. Но теперь, я полагаю, не время...—онъ посмотрѣлъ на часы.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь! сказалъ Камышлинцевъ:—я обѣдаю поздно и если вы не заняты....

— О нѣтъ! — отвѣчалъ Шестипаловъ—въ такомъ случаѣ вы мнѣ позвольте коснуться—продолжалъ онъ—этого предмета. Вы согласитесь, что теперь, когда мы лишились одного изъ самыхъ существенныхъ и коренныхъ нашихъ правъ, намъ нало бы подумать о другихъ, и вотъ я бы желалъ узнать ваше мнѣніе на этотъ счетъ и попросить совѣта, какъ бы приступить къ этому.

— Позвольте узнать, какія права вы полагаете желательными?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да напримѣръ нѣкоторая степень самоуправленія... въ родѣ англійскаго!

— Я долженъ вамъ сказать откровенно, что я не за англійское самоуправленіе, — сказалъ Камышлинцевъ. — Я бы желалъ для Россіи чего-нибудь менѣе аристократическаго.

— Что жъ, можно придумать что-либо болѣе къ намъ идущее, хотя я бы полагалъ, что тамъ уже все выработано и опредѣлено.

— Ну, намъ, я думаю, устраивать не придется!—съ улыбкой замѣтилъ Камышлинцевъ;—но заявить потребность можно. Я и самъ бы готовъ начать рѣчь объ этомъ, но дворянство такъ настроено противъ меня, что предложеніе, только потому, что оно сдѣлано мною,

можетъ возстановить большинство противъ самого дѣла. И потомъ, я полагаю, что большинство насъ въ такомъ теперь положеніи, что кромѣ привилегій себѣ и въ ущербъ другимъ,—врядъ ли будетъ желать чего!

— Ну нѣтъ! отъ чего же? Во всякомъ случаѣ можно попытаться, потолковать! Только въ собраніи это неловко! надо бы сойтись гдѣ-нибудь, на нейтральной почвѣ!—сказалъ Шестипаловъ.

— Эту почву найти не легко!—замѣтилъ Камышлинцевъ. Они задумались, перебирая мыслями имена вліятельныхъ людей.—Знаете что? Нельзя ли это сдѣлать въ собраніи, но частно, не въ оффиціальномъ засѣданіи? — сказалъ Камышлинцевъ. — А между тѣмъ мысль вашу можно пустить въ ходъ. Надо поговорить бы съ Самокатовымъ: онъ лучше насъ знаетъ обычаи. Вы съ нимъ знакомы?

— Какъ же, знакомъ! Такъ я переговорю съ нимъ, а между тѣмъ благодарю васъ за совѣтъ и очень радъ что буду не одинъ, и вы поддержите мое предложеніе.

— О, съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ,—на сколько это будетъ не противно моимъ убѣжденіямъ.

— Въ этомъ вы можете быть покойны! сказалъ съ пріятной и убѣдительной улыбкой Шестипаловъ. Я глубоко уважаю ваши убѣжденія и конечно не буду проводникомъ мнѣній, которымъ бы вы не сочувствовали!

Онъ крѣпко пожалъ руку Камышлинцеву и съ той же пріятной улыбкой простился съ нимъ. Шестипаловъ вѣроятно хлопоталъ усердно. На другой день губернскій предводитель объявилъ его предложеніе и оно было поддержано со всѣхъ сторонъ. Рѣшено было въ слѣду-

ющій же день (въ этотъ назначенъ былъ въ собраніи танцовальный вечеръ) собраться въ дворянской залѣ.

Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, губернаторъ Нобелькнебель призвалъ къ себѣ губернскаго предводителя и о чемъ-то съ нимъ довольно долго толковалъ; но совѣщаніе отмѣнено не было. Дѣйствительно, въ назначенный день, часовъ около 8-ми вечера, начали собираться дворяне—почтенные люди въ сюртукахъ, болѣе вольнодумные въ пальто и пиджакахъ, но собирались какъ-то нешумно-таинственно: зала была полуосвѣщена, собравшіяся кучки о чемъ-то переговаривали въ полголоса. Многіе не знали, о чемъ собственно и говорить будутъ, во всемъ проглядывала какая-то таинственность, а у иныхъ и нѣкоторый страхъ: точно собрались на политическій заговоръ.

— Ба! Дѣдушка! И ты здѣсь? спросилъ находившійся въ веселомъ расположеніи духа Самокатовъ одного почтеннаго и богобоязненнаго старичка, прослужившаго 30 лѣтъ совѣстнымъ судьей.

— А что?—спросилъ тотъ съ безпокойствомъ.

— Ничего! ничего!—отвѣчалъ тотъ, только такимъ тономъ, который говорилъ: ну, смотри, братъ, не попадись!

— Да о чемъ будутъ толковать-то, объясни мнѣ?—спрашивалъ старичекъ.

— А вотъ услышишь!—отвѣчалъ тотъ.

Старичекъ почамкалъ губами и безпокойно озирался. Камышлинцеву, который видѣлъ эту мистификацію, стало жаль старика.

— Объ общихъ дворянскихъ интересахъ! — отвѣчалъ онъ; — можетъ быть найдутъ нужнымъ просить о какихъ-нибудь милостяхъ!

— А, милостей просить! Это хорошо! Отчегожъ и не попросить милостей! — отвѣчалъ съ благодарностью нѣсколько успокоенный старичекъ.

— Да! о дворянскихъ интересахъ, да милостяхъ. Вотъ вы ихъ узнаете! — повторилъ Самокатовъ и насмѣшливо посмотрѣлъ и на старичка, и на Камышлинцева.

Въ это время вошелъ губернскій предводитель, все зашумѣло и стало собираться къ нему. Около него повертѣлся бѣленькій и плюгавенькій старичекъ, преданный начальству, съ сладкой рожицей, и всегда лебезившій около предводителя. Онъ какъ бы спрашивалъ, не будетъ ли какихъ приказаній, но приказній не было: князь Шапхаевъ едва кивнулъ ему головой. Поговоривъ о чемъ-то человѣками съ двумя изъ сильныхъ помѣщиковъ, онъ пригласилъ другихъ садиться, и около него образовался въ нѣсколько рядовъ тѣсный и большой полукругъ, въ срединѣ котораго сидѣлъ Шестипаловъ.

— Вотъ, господа, — началъ князь Шапхаевъ, съ свойственною ему развязностью, когда дѣло касалось общихъ вопросовъ, — Авксентій Егорычъ (и онъ указалъ на Шестипалова) предложилъ намъ собраться, чтобы переговорить объ общихъ дворянскихъ интересахъ, обусловливаемыхъ настоящимъ нашимъ положеніемъ, и вы нашли это предложеніе весьма умѣстнымъ. Такъ не угодно ли будетъ приступить къ предмету совѣщанія?

Послѣдовало молчаніе.

Предводитель обвелъ всѣхъ глазами и замѣтилъ, что Шестипаловъ смотритъ на люстру, а остальные смо-

трятъ на него, Шапхаева, такъ, какъ будто говорятъ: „да вѣдь мы привыкли, чтобы предсѣдатель давалъ предложенія и ихъ придумывалъ, такъ что жъ это ты на насъ валишь?“ но князь Шапхаевъ не затруднился.

— Не угодно ли будетъ вамъ, Авксентій Егорычъ,— сказалъ онъ, обратясь къ Шестипалову, — какъ первому заявившему желаніе о совѣщаніи (онъ на всякій случай видимо упиралъ на то, что-де все это тобой затѣяно), не угодно ли будетъ разъяснить вашу мысль и сообщить: какія именно нужды вы считаете важными въ настоящемъ случаѣ для дворянства?

Шестипаловъ всталъ, нѣсколько смутясь.

— Милостивые государи, — сказалъ онъ, — вамъ извѣстно, что въ настоящее время совершается реформа, реформа, которая совершенно необходима для развитія государственной жизни и которой нельзя не сочувствовать. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе ея, вслѣдствіе эманципаціи крестьянъ, дворянство лишилось одной изъ своихъ самыхъ существенныхъ привилегій и вмѣстѣ съ тѣмъ утратило вліяніе на низшіе классы. Вслѣдствіе этого (онъ замѣтилъ повтореніе)... поэтому я полагаю, что дворянамъ должно бы обсудить свое новое положеніе и что дворянство нѣкоторымъ образомъ имѣетъ право, ходатайствовать о милостяхъ для себя, которыя бы возстановили его повсемѣстное значеніе. — Шестипаловъ посмотрѣлъ кругомъ и въ то время, какъ всѣ ожидали продолженія, онъ остановился и сѣлъ на свое мѣсто.

Опять послѣдовало молчаніе.

— Да однакожъ... о чемъ же именно вы полагали бы просить?—сказалъ князь Шапхаевъ.

— Ну, это зависитъ отъ того, что найдутъ нужнымъ гг. дворяне,—сказалъ Шестипаловъ.

— Господа!—сказалъ предводитель,—кто же въ чемъ полагаетъ дворянскія нужды?

Опять послѣдовало молчаніе.

— По-боку бы всѣ реформы, — сказалъ про себя но довольно громко, Грембулатовъ.

Многіе разсмѣялись.

— Да неугодно ли Авксентью Егоровичу и начать?— сказалъ необыкновенно толстый и необыкновенно раздражительный помѣщикъ Свистоуховъ.

— Я съ своей стороны полагаю, господа,—замѣтилъ прижатый къ стѣнѣ Шестипаловъ, — что напримѣръ нѣкоторая доля самоуправленія, сосредоточенная исключительно въ дворянскихъ рукахъ, была бы оченъ желательна и полезна.

Послѣдовало молчаніе.

— Извините, если я васъ спрошу, что такое самоуправленіе?—вполголоса спросилъ Самокатова сидѣвшій возлѣ него молодой господинъ съ усиками, недавно вышедшій въ отставку изъ военныхъ.

Большинство точно также плохо понимало это слово, какъ и юный воинъ, только боялось сознаться въ томъ.

— А это право самому съ себя деньги собирать! отвѣчалъ серьезно Самокатовъ.

Камышлинцева укололо предложеніе Шестипалова.

— Самоуправленіе вещь хорошая,—сказалъ онъ,— но если оно будетъ сосредоточено въ однихъ рукахъ, такъ это не будетъ самоуправленіе. Теперь же, я полагаю, наша задача заботиться объ общихъ правахъ, а

не расходиться съ народомъ, да ходатайствовать о новыхъ привилегіяхъ!

— Да-съ, — подхватилъ одинъ господинъ, бывшій ярымъ помѣщикомъ и вдругъ превратившійся въ яраго либерала, — я согласенъ съ Дмитріемъ Петровичемъ! время привилегій прошло! Намъ надо просить, чтобы насъ сравняли во всемъ съ народомъ! пусть на насъ наложатъ рекрутство, пусть наложатъ подушныя.

— И тѣлесныя наказанія,—подсказалъ кто-то.

— А что же? и тѣлесныя наказанія!—разгорячась отвѣчалъ красный.

— Съ тебя бы начать, такъ чай не понравится!—замѣтилъ ему какой-то пріятель.

Всѣ засмѣялись.

— Равенство вводится, — замѣтилъ мягко и нѣсколько-наставительно Мытищевъ Иванъ (старикъ по болѣзни не пріѣхалъ),—не уничтоженіемъ преимуществъ высшаго сословія и приравненіемъ его къ низшему, а наоборотъ—распространеніемъ на низшія сословія правъ, которыми пользовались только высшія, и такъ сказать, поднятіемъ низшихъ до привилегированныхъ классовъ.

— Дмитрій Петровичъ,—замѣтилъ Шестипаловъ,—находитъ излишнимъ сосредоточеніе самоуправленія въ дворянскихъ рукахъ, но дворянство у насъ самое образованное сословіе: такъ кому же и довѣрить самоуправленіе?

— Первенство всегда и останется за дворянствомъ, какъ за самымъ просвѣщеннымъ классомъ, но пусть оно и достается добровольно, въ силу образованности, а не привилегіи, — отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Впрочемъ, прибавилъ онъ,—мы еще не имѣемъ, кромѣ самоупра-

вленія, многихъ вещей, безъ которыхъ немыслимо никакое развитіе, напримѣръ: свободы слова и печати, неприкосновенности личности безъ суда, да и самаго суда не имѣемъ. Вотъ о чемъ слѣдовало бы прежде всего позаботиться.

Всѣ молчали, задумавшись.

— Господа! — замѣтилъ князь Шапхаевъ,—мы не имѣемъ права входить съ подобными ходатайствами о дѣлахъ, касающихся всѣхъ сословій: намъ скажутъ, что мы выходимъ изъ границъ нашихъ нуждъ и на это не уполномочены отъ другихъ сословій.

— А если мы будемъ просить чего-нибудь только для себя, то скажутъ, что мы эгоисты и думаемъ только о своемъ сословіи,—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Ну и пусть говорятъ; а мы все-таки должны думать о себѣ. Ну, пусть дадутъ намъ по крайней мѣрѣ права остзейскаго дворянства. Чѣмъ мы хуже ихъ? — сказалъ раздражительный помѣщикъ Свистоуховъ.

— Да! мы не менѣе его вѣрны! не менѣе заслужили ихъ!—послышались восклицанія съ разныхъ сторонъ и сопровождались извѣстными замѣтками противъ нѣмцевъ и ихъ особенностей, весьма не лестнаго для нихъ свойства. Собраніе оживилось; большинство говорило въ унисонъ: — не многіе несогласные молчали. Вскипѣлъ патріотизмъ и оскорбленное самолюбіе. Предложеніе, сдѣланное однимъ изъ главъ помѣщичьей партіи, задѣло патріотизмъ и заслужило одобреніе большинства.

Камышлинцевъ и Мытищевъ съ улыбкой переглянулись и смотрѣли на горячащихся.

— Да! остзейскія права, остзейскія привилегіи намъ!—послышались голоса.

Совѣстный судья и смиренный отецъ мироваго посредника, услыхавъ это, немедленно на цыпочкахъ вышли и уѣхали изъ собранія и провели нѣсколько самыхъ безпокойныхъ дней, чувствуя себя участниками въ нѣкотораго рода политическомъ заговорѣ.

— Господа! — замѣтилъ князь Шапхаевъ, — я съ вами согласенъ, но ловко ли будетъ входить съ подобнымъ ходатайствомъ?

— Ваше сіятельство находите, кажется, всегда неловкимъ ходатайствовать за дворянскія права, — замѣтилъ раздражительный господинъ.

Князь Шапхаевъ видѣлъ, что онъ можетъ потерять расположеніе большинства.

— Я всегда былъ слугою дворянства и ни въ какомъ случаѣ не пойду противъ его желаній! — сказалъ онъ съ благородною гордостью.—Еслибы нынче послѣ трехъ трехлѣтій службы я въ первый разъ и разошелся въ мысляхъ съ дворянствомъ, то именно изъ боязни навлечь на него неудовольствіе и непріятности. Впрочемъ, я ни въ какомъ случаѣ не буду мѣшать исполненію его намѣреній!.. Я могу сказаться больнымъ,—прибавилъ онъ.

Шестипаловъ улыбнулся Камышлинцеву.

— Однакожъ, о чемъ идетъ рѣчь? — спросилъ Камышлинцевъ: — о правахъ прибалтійскихъ провинцій, или ихъ дворянства?

— Дворянства! Разумѣется, дворянства!—раздались голоса. — Сказано, что мы не имѣемъ права ходатайствовать объ общихъ правахъ!

— Какихъ же именно правъ этого дворянства желательно намъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да всѣхъ вообще! — отвѣчалъ раздражительный господинъ.

— Но какихъ, какихъ же именно? — спрашивалъ Камышлинцевъ.

— Конечно, надо будетъ развить опредѣленно то, чего мы желаемъ,—подтвердилъ князь Шапхаевъ.

— Ну, ну, напримѣръ. Они имѣютъ право покупать въ Россіи имѣнія, а мы у нихъ не можемъ! — отвѣтилъ запросчикъ.

— Мм! Это еще не важно!—замѣтилъ князь Шапхаевъ.

— Разумѣется, какая нелегкая понесетъ насъ туда! Это они къ намъ лѣзутъ! Ну и пусть ихъ покупаютъ у насъ: они аккуратно плататъ!—послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Ну, а дальше?—спрашивалъ князь.

— А далѣе?—А чортъ ихъ тамъ знаетъ, чѣмъ они всѣхъ опутали! — сказалъ, вскочивъ, раздражительный господинъ и въ волненіи сталъ ходить по залѣ.

Всѣ разсмѣялись. Многіе поднялись съ мѣстъ и начались шумъ и толки.

Нѣкоторые подошли къ Шестипалову и просили разъяснить имъ его мысль о самоуправленіи.

Къ Камышлинцеву подошелъ отставной офицерикъ.

— Ужасно непріятно, — сказалъ онъ, — что нынче все какія-то стали употреблять слова и говорить о предметахъ, которыхъ не понимаешь; а разъяснить никто не разъясняетъ и всѣ какъ-то не договариваютъ. Я вторымъ кончилъ курсъ въ корпусѣ и на золотой доскѣ стою, а многаго не могу понять. Одинъ журналъ все пишетъ, что надо дѣло дѣлать, и въ повѣстяхъ у него

всѣ герои дѣло какое-то дѣлаютъ, а какое дѣло — не говорятъ. Другой говоритъ, что достаточно пять книжекъ прочитать, чтобы знать все, а какія книжки—не поименовываетъ. Ужасно непріятно. Я, напримѣръ, человѣкъ свободный, очень бы желалъ и дѣло дѣлать, и книжки читать, а не знаю, за что приняться! Или, напримѣръ, недавно прочиталъ: смѣются, что одинъ кита рыбой назвалъ! Я, признаюсь, самъ былъ увѣренъ, что китъ—рыба: теперь узнаю, что нѣтъ, а кто онъ—не объяснили! Очень непріятно! боишься съ умными людьми говорить, чтобы въ просакъ не попасть!

— Да, это непріятно! — разсѣянно отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Позвольте узнать однако же, что же китъ.

Но въ это время князь Шапхаевъ, соскучившійся ждать и желая засѣсть въ нѣкую игру „трынку", спросилъ:

— Такъ, какъ же, господа? не оставить ли намъ совѣщаніе до другаго раза?

Шестипаловъ нѣсколько обидѣлся.

— Я полагаю, князь,—сказалъ онъ,— что если мы собрались сюда, то надо чѣмъ-нибудь и покончить! Я имѣлъ честь, — продолжалъ онъ, обращаясь уже ко всѣмъ,—предложить собранію мысль о начаткахъ самоуправленія. Самое богатое и знатное дворянство, англійское, благодаря этимъ началамъ, сохранило полное вліяніе на остальные классы. Я думаю, что всего приличнѣе было бы ходатайствовать о предоставленіи намъ—такъ какъ мы не имѣемъ права ходатайствовать за другихъ—нѣкоторой доли этихъ политическихъ правъ англійскаго дворянства.

Слушатели снова были озадачены этимъ предложеніемъ, но ихъ выручилъ господинъ съ отвисшими щеками и пухлыми губами сердечкомъ. Человѣкъ этотъ, восточнаго происхожденія, по фамиліи Зензивѣевъ, былъ необыкновенно мягкій, женоподобный и нѣжный; любилъ все примирять и улаживать, питалъ особенную склонность къ одному молодому и рослому стремянному, взятому изъ крестьянъ, и былъ глубоко огорченъ его измѣной, когда онъ, уволенный, какъ безземельный, мировымъ посредникомъ, ушелъ отъ него. Зензивѣевъ не могъ простить этого ни мировому посреднику, который его уволилъ, ни губернскому присутствію, не внявшему его жалобѣ. Онъ тоже подавалъ заявленіе губернскому предводителю въ числѣ другихъ, которыя не были читаны.

— Милостивые государи! — сказалъ онъ, нѣсколько сюсюкая: — вотъ Авксентій Егоровичъ говоритъ объ англійскомъ дворянствѣ. Да что намъ Англія! Мы благодаря Бога русскіе, а не англичане! Зачѣмъ намъ перенимать ихнее? пусть оно при нихъ и остается. Да и ловко ли намъ просить объ этомъ? Мнѣ кажется—если позволено мнѣ будетъ высказать здѣсь свое мнѣніе — мнѣ кажется, всего правильнѣе по русскому обычаю предоставить попечительному правительству самому позаботиться о нашихъ нуждахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, лишивъ насъ одной изъ существеннѣйшихъ нашихъ привилегій, оно оцѣнитъ и нашу жертву, и нашу готовность принять ее, которую мы заявили одни изъ первыхъ.

— Да, да! изъ первыхъ, — заговорили многіе съ гордостью.

— Нѣтъ сомнѣнія, что это будетъ принято во вниманіе и что попечительное правительство, котораго мы

составляемъ опору, само вознаградитъ насъ. А наши просьбы и напоминанія могутъ только огорчить его и быть поводомъ къ отсрочкѣ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, повременить, пождать и заняться своимъ настоящимъ дѣломъ, тѣмъ дѣломъ, которое касается нашихъ самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ интересовъ.

— Сердечныхъ, можно сказать! — замѣтилъ Самокатовъ.

— И карманныхъ, Ростиславъ Павловичъ, карманныхъ дѣлъ, рубашки нашей касается!—мягко и незлобиво прибавилъ Зензивѣевъ, обращаясь къ Самокатову.— Такъ не лучше ли отложить всякое ходатайство и заняться нашими дѣлами?

— Дѣло!—сказалъ суровый Канбулинъ:—нечего объ этомъ и толковать! Надо сначала одно пережевать.

— Конечно! И то правда!—послышалось съ разныхъ сторонъ, и у всѣхъ какъ будто тяга какая съ плечъ свалилась.

Шестипаловъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ засѣданіе кончено. Поэтому до завтра, господа!—сказалъ князь Шапхаевъ, привѣтливо раскланиваясь, но въ это время къ нему подошли Канбулинъ и Свистоуховъ и около нихъ стала сбираться кучка, видимо уже подготовленная.

— Позвольте, князь!—сказалъ первый.

— Такъ какъ мы рѣшили заняться близкимъ намъ дѣломъ, то и слѣдуетъ потолковать о немъ. У насъ была рѣчь о дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ, но она начата оффиціально, мы оффиціально къ ней и возвратимся, а здѣсь, въ частномъ собраніи, мы можемъ высказаться откровенно о другомъ предметѣ! Господа ми-

ровые посредники не дѣйствовали бы такъ, еслибы не получали не только поддержки, но и направленія отъ губернскаго присутствія, а въ губернскомъ присутствіи, какъ намъ всѣмъ извѣстно, болѣе всего способствуютъ этому направленію наши же дворяне, Иванъ Сергѣевичъ Мытищевъ и особенно Дмитрій Петровичъ Камышлинцевъ. Мы, дворяне, особенно страдаемъ отъ направленія и заявленій Дмитрій Петровича, который возстановляетъ противъ насъ своимъ потворствомъ и наставленіями не только посредниковъ, но и крестьянъ — а это можетъ повести далеко. Это можетъ повести къ нарушенію спокойствія края!

— Да! Это пожалуй и бунтомъ можетъ кончиться,— подтвердили нѣкоторые.

— Еще бы! Тутъ и до рѣзни недалеко! — рѣшили другіе.

Камышлинцевъ, услыхавъ это, выступилъ впередъ. Онъ поблѣднѣлъ нѣсколько, но на губахъ у него была презрительная усмѣшка.

— Меня, кажется, обвиняютъ въ подстрекательствѣ къ бунту,—сказалъ онъ.—Это дѣлаетъ честь изобрѣтательности и воображенію господъ, которые въ этомъ увѣряютъ,—но для этого во первыхъ нужны факты.

— Найдутся и факты! — сказалъ Свистоуховъ. — Семенъ Ивановичъ!

— Здѣсь!—сказалъ голосъ Перспикасова, выступившаго изъ-за его спины.

— Приготовили?—спросилъ онъ.

— Приготовилъ-съ!—отвѣчалъ тотъ смиренно, вынимая изъ кармана бумагу.

— Вотъ мы просили,—продолжалъ Свистоуховъ,— Семенъ Иваныча изложить тѣ дѣйствія и заявленія господина Камышлинцева, которыя подтверждаютъ наши слова. Не угодно ли прочесть! — сказалъ онъ, подавая бумагу князю Шапхаеву.

Князь Шапхаевъ взялъ ее нерѣшительно.

— Позвольте!—сказалъ Камышлинцевъ. — Вы мнѣ не дали договорить. Я сказалъ, что, во первыхъ, нужны факты, а во вторыхъ, они должны быть провѣрены судомъ. Я убѣжденъ, что все, что тутъ есть—сплетни и кривотолки, которые опровергнуть не трудно, но дѣло въ томъ, что я ихъ опровергать не буду и не хочу! Не хочу потому, что признаю это неприличнымъ для себя, и потому, что это ни къ чему не поведетъ. Девять десятыхъ лицъ, которыя ему вѣрятъ, предубѣждены противъ меня и вообще противъ дѣйствій моихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и что бы я ни говорилъ, ни въ чемъ ихъ не увѣрю. Поэтому я прошу и даже требую, чтобы обвиненія, собранныя господами и изложенныя господиномъ Перспикасовымъ, были поданы, куда слѣдуетъ: подобные извѣты и объявленія не должны оставаться безъ разъясненія!

— Позвольте-съ! Это я написалъ частно, по желанію господъ. Это не мое собственное заявленіе, — сказалъ струсившій Перспикасовъ.

— Все равно!—отвѣчалъ Камышлинцевъ.—Господа, которые доставляли вамъ матеріалы, не откажутся вѣроятно подписать его.

— И не откажемся! —сказалъ Свистоуховъ, — если придетъ надобность;—но прежде, нежели дѣло дойдетъ до оффиціальности, мы желаемъ, чтобы вы здѣсь отвѣ-

тили намъ, какъ дворянамъ, и разъяснили вашъ образъ дѣйствій, который намъ кажется вовсе не дворянскимъ.

— Не дворянскимъ! Не дворянскимъ!—послышались голоса.

— Совершенно справедливо! — холодно, но твердо замѣтилъ Камышлинцевъ,—вовсе не дворянскимъ, особенно съ той точки зрѣнія, какъ вы понимаете дворянскій образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ. Я рѣшительно избѣгалъ даже глядѣть на вещи съ дворянской точки зрѣнія, потому что считалъ этотъ взглядъ одностороннимъ: я дѣйствую просто въ духѣ Положенія.

— Да вы дворянинъ, такъ и должны дѣйствовать какъ дворянинъ,—прервалъ его кто-то.

— Разумѣется, какъ дворянинъ, —заговорили кругомъ.

— Дворянинъ вы, или нѣтъ?—кричалъ Грембулатовъ, подступивъ къ самому Камышлинцеву.

— Позвольте мнѣ договорить,—сказалъ нетерпѣливо Камышлинцевъ,—или я замолчу и уйду.

— Говорите, говорите!—сказали кругомъ.

— Нѣтъ, отвѣчайте: дворянинъ вы, или нѣтъ? — приступилъ Грембулатовъ.

— Оставь его, оставь,—заговорили другіе и оттащили его за руку.

— Я сказалъ, что считаю обязанностью дѣйствовать въ духѣ Положенія и дѣйствовать не потому, что я служу по приглашенію правительства, а потому, что это согласно и съ моими убѣжденіями. На этомъ основаніи, я и принялъ приглашеніе отъ правительства. Поэтому же считаю излишнимъ и оправдываться передъ дворянствомъ. Я отъ него никакихъ уполномочій не бралъ и

оно мнѣ ничего не довѣряло,—не въ чемъ мнѣ ему и отдавать отчетъ. Если дворянство недовольно образомъ дѣйствій губернскаго присутствія, то не угодно ли обратиться ему къ своимъ представителямъ! У васъ тоже есть не мало своихъ: во первыхъ, губернскій предводитель, во вторыхъ, два члена по выбору предводителя: у нихъ такіе же голоса, какъ и у насъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ—ни больше, ни меньше, и слѣдовательно наше вліяніе уравновѣшено. Отъ нихъ вы имѣете право требовать отчета, они ваши уполномоченные: къ нимъ и обращайтесь!

Собраніе было поколеблено. Многіе невольно должны были признать справедливость доводовъ Камышлинцева.

— Мы отъ своихъ и требовали!—сказалъ суровый Канбулинъ. (И дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, они въ частномъ собраніи сильно прижали своихъ представителей, изъ которыхъ одинъ даже заболѣлъ и хотѣлъ выйти въ отставку; но это объяснилось вліяніемъ Мытищева и въ особенности Камышлинцева на губернатора).

Въ это время Мытищевъ выступилъ впередъ.

— Хотя собраніе не нашло нужнымъ относиться ко мнѣ такъ строго, какъ къ Дмитрію Петровичу,—сказалъ онъ, — но я считаю обязанностью заявить здѣсь публично, что вполнѣ раздѣляю и образъ дѣйствій, и мысли, высказанныя моимъ товарищемъ, и если онъ дѣйствуетъ энергичнѣе меня, если онъ чаще входитъ съ заявленіями и мнѣніями и пользуется большимъ довѣріемъ крестьянъ, то я ему въ этомъ только завидую и уступаю какъ болѣе молодому и даровитому человѣку: но я не протестовалъ ни противъ одного изъ его мнѣній и слѣ-

довательно раздѣлялъ ихъ, поэтому прошу и гг. дворянъ не отдѣлять моей дѣятельности отъ дѣятельности Дмитрія Петровича и относиться къ ней точно такъ же. Повторяю, въ образѣ дѣйствій и мнѣніяхъ я вполнѣ солидаренъ съ Дмитріемъ Петровичемъ и считаю это себѣ за честь.

Онъ слегка наклонилъ голову и хотѣлъ отойти, но къ нему обратился Канбулинъ.

— Что и говорить! У васъ все общее, — проворчалъ въ полголоса кто-то въ толпѣ, но Мытищевъ не слыхалъ или можетъ быть сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этого.

— Мы не уполномочены говорить противъ васъ, — сказалъ Канбулинъ, — потому что хотя дворянство и не довольно...

— Говорите только за себя и за вашихъ единомышленниковъ, а не за все дворянство! — сказалъ твердо одинъ изъ посредниковъ, и нѣсколько голосовъ его поддержали.

Канбулинъ только кинулъ на нихъ презрительный взглядъ.

— Хотя гг. дворяне, которые меня уполномочили, не довольны и вашими дѣйствіями и желали вамъ это заявить, — продолжалъ онъ, — но находятъ ихъ болѣе сдержанными и сдѣланными можетъ быть подъ посторонними вліяніями.

— Очень вамъ благодаренъ! — насмѣшливо сказалъ Мытищевъ, — но если это такъ, то я за удовольствіе считаю дѣйствовать подъ такимъ прекраснымъ вліяніемъ.

— Мы уполномочены говорить преимущественно съ Дмитріемъ Петровичемъ, — продолжалъ Канбулинъ, —

но онъ отказался объяснить свой образъ дѣйствій предъ дворянствомъ, къ которому принадлежитъ.

— Да! потому что вы не просили объясненія, а требовали оправданія,—сказалъ Камышлинцевъ.

— Ну-съ, очень хорошо,—сказалъ Канбулинъ, какъ будто этого поджидавшій,—если вы не согласились на наши требованія и ожидали просьбы, такъ мы теперь обращаемся къ вамъ съ просьбой.—Онъ пріостановился и сказалъ:

— Господа дворяне покорнѣйше просятъ васъ отказаться отъ вашей должности и сложить ее съ себя.— Мы васъ покорнѣйше просимъ объ этомъ!

Онъ сказалъ это тѣмъ тономъ, которымъ говоритъ начальникъ своему подчиненному: „я васъ покорнѣйше прошу, милостивый государь, подать просьбу объ отставкѣ!“

— Да, просимъ! Покорнѣйше просимъ! — требовательно заговорила огромная толпа, подступая къ Камышлинцеву.

Камышлинцевъ былъ блѣденъ и взволнованъ; сжатыя губы его посинѣли, но онъ сдержалъ себя и старался казаться спокойнымъ.

— Ваша просьба, господа, — сказалъ онъ,—очень похожа на приказаніе и, хотя я не полагаю, чтобы все дворянство раздѣляло это желаніе...

— Все! все!—кричали съ одной стороны.

— Неправда! неправда!—кричали съ другой.

— Все! все! все!—кричала огромная толпа.

Камышлинцевъ сдѣлалъ знакъ рукою, прося своихъ замолчать.

— Но во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ, когда крики замолкли,—я не люблю навязывать свой образъ мнѣній и дѣйствій и не пойду противъ общаго желанія, или по крайней мѣрѣ—желанія большинства.

Въ толпѣ послышался ропотъ одобренія и удовольствія.

— Но для того, чтобы высказалось общественное мнѣніе въ дѣлѣ, которому я служу,—продолжалъ Камышлинцевъ, котораго голосъ возвысился и у котораго глаза сверкнули,—здѣсь не достаетъ голоса четырехъ сотъ тысячъ освобождаемыхъ крестьянъ, которыхъ права я защищаю. Если бы и ихъ большинство высказалось съ вами за одно, я бы ему немедленно подчинился. Но какъ его нѣтъ и я имѣю основаніе думать, что я удовлетворяю его желаніямъ, — то я, къ сожалѣнію, не могу и не считаю себя вправѣ исполнить просьбу гг. дворянъ.

На губахъ его мелькнула злобная улыбка. Онъ хотѣлъ выйти, но потомъ остановился и какъ-бы одумался.

— Впрочемъ,—сказалъ онъ,—чтобы не быть судьей въ своемъ дѣлѣ, такъ какъ я служу представителемъ правительства, то я и спрошу правительство: удовлетворяетъ ли его мой образъ дѣйствій? и буду соображаться съ его отвѣтомъ.

— Ну, такъ и мы обратимся къ правительству,—грозно сказалъ Канбулинъ.

— Разумѣется! Конечно! посмотримъ еще, чья возьметъ!—говорили голоса и смѣшались въ общій гулъ.

— Позвольте,—сказалъ, остановивъ Камышлинцева въ дверяхъ, одинъ еще молодой, весьма благонамѣренный человѣкъ, кончившій курсъ въ провинціальномъ

университетѣ, но которому дворянская точка зрѣнія сильно смутила идеи. — Вы отказываетесь отъ исполненія желанія дворянства подъ предлогомъ, что вы членъ отъ правительства. Вы забываете, что прежде нежели вы представитель правительства, вы — дворянинъ!—сказалъ онъ энергически и побѣдоносно, вѣруя въ непогрѣшимость своего убѣжденія.

— А еще прежде, нежели дворянинъ, — я человѣкъ!—сказалъ Камышлинцевъ улыбнувшись. — Да и знаете-ли что? мнѣ кажется, что дѣйствуя такъ, какъ я дѣйствую, я лучше служу истиннымъ интересамъ дворянства, чѣмъ вы!—Онъ ушелъ, оставивъ своего противника совершенно озадаченнымъ.

Вопросъ о правахъ и нуждахъ дворянства этимъ былъ и законченъ.

VI.

Нельзя сказать, чтобы заявленія помѣщичьей партіи были легко приняты Камышлинцевымъ. Возбуждать противъ себя чью бы то ни было ненависть человѣку всегда непріятно и больно. Еслибы еще Камышлинцевъ дѣйствительно чувствовалъ въ себѣ враждебность къ помѣщикамъ, какъ они это предполагали, то ненависть враговъ не могла-бы его огорчать. Но онъ этой враждебности не чувствовалъ; онъ зналъ очень хорошо всѣ постороннія обстоятельства, которыя питали и возбуждали это чувство, и, дѣйствуя противъ притязаній партіи, онъ не вносилъ тутъ никакихъ личныхъ чувствъ и относился къ ней сколько могъ снисходительно и безъ

озлобленія, чего, разумѣется, противники не видѣли и не сознавали. Притомъ же, какъ человѣкъ русскій, Камышлинцевъ былъ довольно мягокъ сердцемъ. Но всѣ эти, сначала мелкія, а потомъ и крупныя нападенія, подъ конецъ, не только озлобляли, „эгрировали“, какъ выражалась Ольга, его характеръ, но притупляли въ немъ его русскую расплывчатость, закаляли его, дѣлали тверже и стойчѣе, и какъ ни непріятно было ему нападеніе помѣщиковъ, оно его не только не пошатнуло, но заставило спокойно-неуступчивѣе отнестись къ дѣлу. Такъ всегда бываетъ съ характерами, носящими задатки твердости; они выростаютъ по мѣрѣ ударовъ и силы сопротивленія.

Мытищевъ и Камышлинцевъ, возвратясь домой, нашли у Ольги графа Гогенфельда.

— Мы сегодня съ Иваномъ Сергѣевичемъ были въ огнѣ и отбили сильное нападеніе непріятеля,—сказалъ смѣясь Камышлинцевъ.

— Ну, реляціямъ, въ которыхъ говорятъ про себя, всегда надо вѣрить въ-половину!—сказалъ Мытищевъ.— Впрочемъ, я былъ въ арріергардѣ и меня едва задѣли, а выдержалъ нападеніе одинъ Дмитрій Петровичъ и, дѣйствительно, отбилъ атаку непріятеля, во сто разъ многочисленнѣйшаго, хотя далеко не уничтожилъ его.

— Да говорите скорѣе, въ чемъ дѣло?—спросила Ольга.—Какъ будто у меня такъ мало любопытства, что нужно еще раздражать его,—прибавила она обиженно.

Камышлинцевъ и Мытищевъ разсказали происшествіе вечера, стараясь шуткой смягчить грубую и злобную сторону дѣла. Однакоже Ольга тотчасъ поняла всю нешу-

точность выходки и, вслѣдствіе ли своей беременности, или можетъ быть по чувствамъ, давно и понемногу накопившимся на этотъ счетъ — приняла все это несравненно ближе къ сердцу, чѣмъ можно было думать. Все это происшествіе чрезвычайно огорчило ее и она совершенно серьезно напала на Камышлинцева и отчасти на Мытищева, который и тутъ впрочемъ страдалъ больше какъ сообщникъ Камышлинцева, нежели какъ виновникъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что живости, съ которой Ольга приняла извѣстіе, содѣйствовала можетъ быть одна чисто-женская причина. Слухи ходили, что въ концѣ выборовъ дворяне хотѣли задать обществу балъ, — а какъ же ей быть на балѣ, когда всѣ вооружены противъ ея мужа? Она упрекала и мужа, и Камышлинцева, что они не умѣютъ дѣйствовать примирительно, что можно любить и крестьянъ, но жертвовать для нихъ, да для лакеевъ отношеніями своими къ обществу, въ которомъ живешь и къ которому принадлежишь—безумно. Обращаясь къ графу Гогенфельду, она жаловалась, какъ непріятно и ея положеніе встрѣчать кругомъ непріязненно расположенныя лица, слышать безпрестанно намеки или прямыя осужденія дѣятельности этихъ милыхъ господъ (она кивнула на Камышлинцева и мужа), что все ея существованіе отравлено этими нападеніями, интригами, злобой и что все это дѣлается Богъ знаетъ для кого, „Dieu sait pour qui“,—что другими словами значило: чортъ знаетъ для какой дряни (Ольга съ графомъ Гогенфельдомъ и вообще въ щекотливыхъ вещахъ или при людяхъ, имѣющихъ претензію на свѣтскость, по обычаю многихъ, прибѣгала къ французскимъ фразамъ, хотя Камышлинцевъ и старался ее отучить отъ этого). На-

конецъ, женщина—какъ горячая лошадь: какъ понесетъ, такъ ужъ не удержишь. Увлекаясь далѣе и далѣе, огорчаясь болѣе и болѣе, Мытищева—чего съ ней никогда не бывало, особенно при постороннихъ, просто расплакалась и сдѣлала, что называется,—сцену, которая кончилась истерикой.

Камышлинцевъ сначала смѣялся, стараясь все обратить въ шутку, графъ Гогенфельдъ примирялъ и смягчалъ, мужъ успокоивалъ и уговаривалъ, но когда Ольга расплакалась и когда съ ней сдѣлалась истерика, всѣ, какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ неловкихъ сценахъ, смутились и совѣстились одинъ другаго.

Ольга, нѣсколько оправившись, ушла къ себѣ и Мытищевъ счелъ нужнымъ сказать графу Гогенфельду конфиденціально, что она не здорова и въ такомъ положеніи, что все на нее дѣйствуетъ чрезвычайно сильно. Флигель-адъютантъ, ничего доселѣ не догадывавшійся объ этомъ положеніи, сдѣлалъ невольно маленькое „э!“ и тотчасъ же искусно скрылъ его, прибавивъ: „это видно, что она нездорова“. Онъ сдѣлалъ еще два-три вопроса о выходкѣ помѣщиковъ, высказалъ осужденіе ея неприличію и поспѣшилъ уѣхать, выразительно и съ пріятной улыбкой пожавъ руки Мытищеву и Камышлинцеву.

Камышлинцевъ съ Мытищевымъ перекинулись нѣсколькими неодобрительными словами о поведеніи Ольги и разошлись, также недовольные концомъ вечера, какъ и его началомъ.

На другой день, оставшись наединѣ съ Ольгой, Камышлинцевъ весьма мягко попытался объяснить ей, какъ была неприлична ея выходка противъ него и мужа: онъ надѣялся, что Ольга своимъ сочувствіемъ поддержитъ

его, дастъ ему новыя силы для борьбы, а никакъ не ожидалъ встрѣтить въ ней сторонницу противниковъ. Но Ольга не хотѣла и слушать. Она повторила, что эта противная вражда и дрязги отравляютъ ей существованіе, напомнила ему о положеніи, въ которое, благодаря этой враждѣ, она была уже поставлена, и что все это освобожденіе и вѣчные толки о немъ опротивѣли ей.

— Пусть освобождаются всѣ лакеи, горничныя и мужики, — прибавила она, — но жертвовать для этого своимъ спокойствіемъ и спокойствіемъ людей любимыхъ— не имѣетъ никакого смысла! Повѣрьте, и безъ васъ освободятся очень хорошо. Не дадутъ себя въ обиду! Что касается до меня,—сказала она,—то я рѣшительно не хочу ссориться съ дворянами. Скоро будетъ дворянскій балъ: какъ весело чувствовать себя на немъ, какъ оглашенной! Да и братъ, кажется, знаетъ толкъ въ дѣлахъ,—прибавила она,—а между тѣмъ тоже согласенъ со мною, что вы горячитесь, гдѣ не нужно!

— Твой братъ можетъ быть какого хочетъ мнѣнія— сказалъ Камышлинцевъ,—но мнѣ будетъ непріятно видѣть тебя въ сообществѣ съ Канбулинымъ и Свистоуховымъ.

— Все лучше, нежели въ обществѣ мужиковъ и лакеевъ!—отвѣчала Ольга.

Хорошенькое личико ея раскраснѣлось и начало подергиваться тѣми нервными движеніями, которыя предшествуютъ слезамъ. Камышлинцевъ счелъ за лучшее не возражать ей, чтобы опять не довести до слезъ. Онъ пожалъ только плечами и вышелъ, но въ душѣ его невольно мелькнуло въ первый разъ то холодно-враждебное

и презрительное чувство, которое вызывается глубокимъ разладомъ, закрадывается не легко, но оставляетъ неизгладимый слѣдъ. Тяжело и одиноко почувствовалъ себя Камышлинцевъ послѣ этого разговора.

Въ этотъ же день Ольга должна была обѣдать у брата. Къ нему пріѣхали на время выборовъ отецъ, весьма впрочемъ, равнодушно относившійся къ дѣлу выборовъ, и мать. Нечего и говорить, какъ родители были довольны положеніемъ ихъ сына, хотя его петербургское мѣсто и открывало ему, можетъ быть, еще болѣе прочную карьеру. Но ностоящее, по своей власти и значенію въ окружающемъ обществѣ, гораздо болѣе удовлетворяло самолюбію и сына, и родителей. У молодаго губернатора, не любившаго стѣснительныхъ хлопотъ и издержекъ, неразлучныхъ съ большимъ обѣдомъ, только значительные дворяне приглашались обѣдать, понемногу, группами и поуѣздно.

Ольга еще до пріѣзда гостей разсказала брату сцену свою съ мужемъ и Камышлинцевымъ. Молодой администраторъ, съ свойственнымъ ему безъапелляціоннымъ и наставительнымъ тономъ, замѣтилъ, что хотя дворяне и увлекаются, но что Иванъ Сергѣевичъ, и особенно Камышлинцевъ, слишкомъ горячо принимаютъ къ сердцу крестьянскіе интересы и возбуждаютъ противъ себя свое сословіе.

— А дворянство, ma chère, что бы тамъ ни говорили, — сказалъ онъ вполголоса, какъ-бы высказывая тайну,—все-таки дворянство! Да и вообще неприлично, какъ бы это сказать... измѣнять своему состоянію: il ne faut jamais déroger.... потому что, какія бы тамъ ни были убѣжденія, но noblesse oblige...

Убѣдивъ этимъ неоспоримымъ доказательствомъ Ольгу, которая и безъ того раздѣляла его мнѣнія, братъ прибазилъ:

— А у меня, какъ нарочно, обѣдаютъ сегодня помѣщики и главные ихъ враги: Свистоуховъ и Канбулинъ.

— Тѣмъ лучше; я очень рада!—сказала Ольга;— я имъ покажу, что я нераздѣляю мнѣній Ивана Сергѣевича и Камышлинцева. Да я такъ и своимъ сказала. Я сказала: „Вы дѣлайте, какъ знаете, а я съ дворянствомъ ссориться не хочу, je me déclare pour la noblesse! (Въ такомъ аристократическомъ домѣ, какъ губернаторскій, говорить просто по-русски, безъ пересыпки французскими фразами, считалось просто неприличнымъ).

Вошелъ отецъ и подтвердилъ слова сына, прибавивъ въ полтона, что это—все вліяніе Камышлинцева.

Вошла мать и подтвердила тоже, добавивъ, что Ольга—сестра губернатора и обязана поддерживать со всѣми хорошія отношенія, потому что она (разумѣется, когда меня нѣтъ, добавила она) замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ хозяйку его дома и занимаетъ первое мѣсто въ губерніи, и слѣдовательно, должна все дѣлать для того, чтобы домъ и отношенія ея брата были самыми пріятными.

Такимъ образомъ Ольга была не только поддержана, но убѣждена еще болѣе и направлена на путь истинный со всѣхъ сторонъ. Вообще вліяніе брата и семьи, со времени ихъ прибытія, начало отзываться на Ольгѣ.

За обѣдомъ Ольга была очень любезна съ дворянами и, между прочимъ, имъ замѣтила игриво, что она вполнѣ раздѣляетъ ихъ мнѣнія и если они уговорятъ ея мужа (о Камышлинцевѣ она, по причинѣ весьма понятной,

не упомянула) выйти въ отставку, то она будетъ имъ очень благодарна и вполнѣ успокоится.

На это Канбулинъ съ суровой пріятностью промолчалъ, а Свистоуховъ съ пріятностью промычалъ что-то, и Ольга достигла своей цѣли. Хотя эти профаны не оцѣнили прелести ея тонкаго ума и граціозности, но они чувствовали, что съ ними любезничаютъ и заигрываютъ.

— А вѣдь женка у Мытищева не дурна! — пыхтя и отдуваясь, сказалъ Свистоуховъ Канбулину, скидая одежды (они жили на одной квартирѣ) и приготовляясь на боковую, и улыбнулся во всѣ жирныя губы.

— Да!—сказалъ Канбулинъ, русскую любовь котораго, т. е. и гнѣвъ, и ласку, испытывали на себѣ его дворовыя и деревенскія бабы.—Счастливая эта скотина Камышлинцевъ.

Ольга за вечернимъ чаемъ, къ которому пришелъ и графъ Гогенфельдъ (онъ сталъ бывать у Мытищевыхъ рѣшительно каждый день), была по обыкновенію мила и весела: можно бы думать, что она забыла вчерашнее происшествіе, еслибы сама не напомнила о немъ, сказавъ графу Гогенфельду:

— Боже мой, какъ я была глупа вчера! Стоило ли того, чтобы такъ огорчаться этой выходкой и поведеніемъ этихъ господъ! (она съ милой небрежностью кивнула на мужа и Камышлинцева). Надо было предоставить имъ дѣйствовать, какъ они хотятъ, а самой не слушаться ихъ и дѣйствовать по своему. Я такъ и сдѣлала: сегодня я любезничала цѣлый обѣдъ съ Канбулинымъ и Свистоуховымъ и надѣюсь, что мы разстались добрыми друзьями!

— Ну, вотъ у васъ на дворянскомъ балу и будетъ двумя кавалерами больше!—сказалъ Камышлинцевъ.

— Да! Только надо бы имъ всѣмъ къ балу перешить хоть на дворянскій счетъ фраки и весь костюмъ, а то какъ будто на нихъ шилъ портной моего прадѣдушки. Я даже хотѣла—прибавила она—позвать Канбулина и Свистоухова обѣдать...

— Что же! И прекрасно сдѣлала бы! — замѣтилъ Мытищевъ; — тѣмъ болѣе, что мы съ Дмитріемъ Петровичемъ не помѣшали бы вашему тріо и доставили бы тебѣ случай вполнѣ насладиться ихъ обществомъ.

— Тѣмъ лучше! меня бы это не остановило: графъ вѣроятно не отказался бы провести съ нами *пріятные* два часа,—отвѣчала Ольга съ улыбкой, обращенной къ графу.

Графъ тоже улыбнулся и наклонился молча.

— Ну, такъ что же тебя остановило? — спросилъ Мытищевъ.

— Да такъ, вздоръ!—смѣясь сказала Ольга.—Эти господа имѣютъ привычку ѣсть вслухъ и потомъ этотъ толстый, какъ онъ, Свисто.... Свистоносовъ, ужасно мычитъ и... какъ бы это сказать (она затруднилась въ выраженіи).... *шумитъ* носомъ, а я не люблю обѣдъ съ такой музыкой.—Она расхохоталась, а сама немножко покраснѣла отъ своего замѣчанія.

— Такъ значитъ, онъ дѣйствительно Свистоносовъ?—замѣтилъ графъ Гогенфельдъ.

Ольга засмѣялась и все было обращено въ шутку.

Но наединѣ Камышлинцевъ и Ольга были не въ прежнихъ отношеніяхъ! Ольга дулась, Камышлинцевъ былъ холоденъ. Между ними пробѣжала кошка и ни

тотъ, ни другой не дѣлалъ ничего, чтобы выйти изъ натянутаго положенія.

VII.

Между тѣмъ, обсужденіе вопросовъ и выборы шли своимъ порядкомъ. Дворянство за трехлѣтіе передъ тѣмъ горячо стояло за безвозмездность дворянской службы, доказывая, что она должна отправляться, такъ сказать, изъ чести, что жалованье въ этомъ случаѣ унижаетъ дворянство и, на этихъ основаніяхъ, отвергло предложеніе назначить жалованье предводителямъ. Нынѣ, хотя и скрѣпя сердце, оно вынужденнымъ нашлось назначить это жалованье, боясь, что предводители, вопреки всѣмъ дворянскимъ силлогизмамъ, перейдутъ въ посредники. Но, назначая жалованье, дворянство отвергло мысль меньшинства—вмѣнить предводителямъ въ обязанность отдавать отчетъ въ своей дѣятельности: „это-де оскорбительно для нихъ, ибо выказываетъ какъ-бы недовѣріе“. Затѣмъ начались выборы въ уѣздные предводители, и при этомъ архіерейскія и губернаторскія увѣщанія, такъ же какъ и твердая рѣшимость „назначать людей нелицепріятно и не взирая на родство и связи“ были разумѣется забыты: выбраны были почти всѣ прежніе хлѣбосолы.

Потомъ, какъ водится, начался выборъ въ тѣ должности, въ которыя избираемыхъ не просятъ, а сами они просятся, разъѣзжая по утрамъ къ наиболѣе вліятельнымъ лицамъ. Обыкновенно господа эти, не имѣя сами голоса, не присутствуютъ въ дворянской залѣ, а ждутъ рѣшенія своей участи въ смежныхъ комнатахъ;

смиренно лебезя предъ сильными или голосистыми. Одинъ изъ этихъ господъ питавшихъ мечту попасть въ какіе-то засѣдатели, почтительно пожимая руку, которую подалъ ему Канбулинъ, былъ до того вѣжливъ, что счелъ нужнымъ извиниться предъ нимъ, что у него руки холодны. „Ничего! отвѣчалъ суровый Канбулинъ: выберемъ васъ, такъ нагрѣете“, — и всѣ присутствующіе расхохотались, даже самъ кандидатъ постарался съ пріятностью улыбнуться. Выбрали наконецъ и въ болѣе почетныя, чѣмъ обладающія значеніемъ, должности, какъ наприм. попечителя гимназіи и проч., и наконецъ приблизились сроки окончанія выборовъ и заключеніе ихъ вѣнцомъ зданія—выборомъ губернскаго предводителя.

Въ послѣдніе дни, когда партіи и ихъ замыслы опредѣляются яснѣе, — надежды князя Шапхаева и его заимодавцевъ сильно поколебались. Случилось это потому, что дворянская партія, извѣстная подъ именемъ старыхъ дрожжей, осталась недовольна слабостью дѣйствій губернскаго предводителя въ преслѣдованіи посредниковъ и Камышлинцева и вообще въ веденіи крестьянскаго дѣла. Въ глубинѣ среды, между вожаками, происходили какіе-то переговоры, перемѣны въ расположеніи партій, измѣны; подводились подкопы и велись мины. Бѣленькій старичекъ, преданный начальству, изнемогалъ отъ разъѣздовъ и прислушиваній, желая узнать замыслы, чтобы— по безкорыстной преданности предводителя — доложить ему обо всемъ, что ему враждебно. Съ другой стороны, сновалъ маленькій и вертлявый помѣщикъ Юрьевъ, извѣстный всѣмъ просто подъ именемъ „Юрки“. Это былъ нервный человѣкъ, подстрекаемый жаждой дѣятельности и всегда находившій ей пищу. Онъ вездѣ и во

всемъ принималъ участіе: бѣгалъ, сплетничалъ и хлопоталъ и единственныя дѣла, которыми онъ не занимался, были его собственныя. Къ князю Шапхаеву онъ былъ равнодушенъ, но узнавъ, что противъ него образуется партія людей, желавшихъ видѣть болѣе дѣятельнаго и добросовѣстнаго предводителя, онъ примкнулъ къ ней и хлопоталъ въ потѣ лица, вербуя въ нее всѣхъ и каждаго и разузнавая замыслы противниковъ.

Но глубина замысловъ оставалась тайной для непосвященныхъ; на верхъ прорвался только слухъ, что и старая дворянская партія, извѣстная подъ именемъ старыхъ дрожжей, поколебалась въ своей преданности предводителю, ею же когда-то поставленному и излюбленному.

Противниковъ у князя Шапхаева оказалось достаточно; но извѣстно, что гораздо легче сговориться противъ кого или чего-нибудь, нежели за кого-нибудь или что-нибудь.

„Положимъ, не Шапхаева, такъ кого же?“ спрашивали другъ друга, и приходили къ сильному разногласію. Прикидывали и того, и другаго, да все не клеилось; называли и Нобелькнебеля-отца и, можетъ быть, и выбрали бы, но помѣшало ему не то, что онъ стяжалъ свое состояніе отъ пересмотра ненужныхъ вещей а то, что онъ отецъ губернатора. Извѣстно, что дворянство всегда воображаетъ себя въ оппозиціи къ губернатору, и особенно сильно въ этомъ убѣждено, когда собирается въ кучу. Это впрочемъ не мѣшаетъ ему задавать врагу обѣды и ѣздить къ нему на поклонъ. Однако большинство называло Шестипалова, хотя личность его, за исключеніемъ англійскихъ тенденцій, была

довольно неопредѣленна и мало соотвѣтствовала помѣщичьимъ вкусамъ.

Таковы были дѣла, когда наступилъ конецъ выборовъ. Избраніе предводителя было по обыкновенію оттянуто до послѣдняго дня. Но по заявленію предводителя, что скопились нѣкоторыя дѣла и надо подписать разные журналы, назначено было экстренное вечернее засѣданіе.

Камышлинцевъ пріѣхалъ, когда уже всѣ почти были въ сборѣ. Въ залѣ шли какіе-то переговоры. Юрка метался изъ угла въ уголъ въ страшныхъ хлопотахъ. Камышлинцева встрѣтили нѣсколько посредниковъ, но прежде нежели успѣли сказать что-либо ему, Юрка былъ уже между ними.

— Знаете,—сказалъ онъ,—что старыя-то дрожжи измѣнили и передались Шапхаю?

— Ну это мнѣ все равно! — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Не очень равно! Потому что Шапхай за это предалъ имъ мировыхъ и васъ.

— Какимъ образомъ?

— Да опять поднимаютъ старую исторію, только рѣшили съ мировыми дома покончить, а на васъ жаловаться выше.

Камышлинцевъ презрительно пожалъ плечами. Юрка убѣжалъ, а посредники стали совѣтоваться съ Камышлинцевымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, взобравшійся вскорѣ на предсѣдательское кресло князь Шапхаевъ сказалъ, что у дворянства не кончено еще дѣло по заявленію многими помѣщиками жалобъ на дѣйствія нѣкоторыхъ изъ господъ

мировыхъ посредниковъ и члена отъ правительства Камышлинцева, и что надобно чѣмъ-нибудь все это рѣшить. Камышлинцевъ заявилъ отъ себя и отъ имени посредниковъ, что они не признаютъ за дворянствомъ права судить объ ихъ поступкахъ; но заявленіе это, разумѣется, ничего не измѣнило. Тогда всталъ Канбулинъ и сказалъ, что по совѣту со многими дворянами онъ полагалъ бы отъ имени дворянства сдѣлать внушеніе тѣмъ изъ посредниковъ, на которыхъ поданы жалобы, а мнѣніе дворянства о дѣятельности члена отъ правительства Камышлинцева представить начальству, ходатайствуя о замѣнѣ его другимъ, менѣе враждебнымъ къ дворянскимъ интересамъ. Пошли, разумѣется, споры и шумъ, большинство говорило за Канбулина, другіе противъ. Шестипаловъ подошелъ къ князю Шапхаеву и предложилъ ему пустить дѣло на голоса.

Но князь Шапхаевъ имѣлъ свой замыселъ, ему нужно было протянуть время.

— А вотъ пусть ихъ икру-то повымечутъ,—сказалъ онъ, и хотя видѣлъ въ Шестипаловѣ соперника, но относился къ нему очень любезно и фамильярничалъ, какъ къ равному.

Когда, по мнѣнію князя, икра была достаточно выметана, предложеніе Канбулина, какъ поддержанное большинствомъ, было пущено на голоса.

Посредники, Камышлинцевъ и Мытищевъ и еще нѣсколько человѣкъ отказались участвовать въ баллотировкѣ вопроса, какъ незаконнаго. Между баллотировавшими оказалось еще десятка полтора, которые, не рѣшаясь заявить открыто свое несогласіе, втихомолку положили шары противъ предложенія; но, не смотря на то, оно

было принято огромнымъ большинствомъ. Лица, отказавшіяся отъ баллотировки, просили заявить ихъ протестъ въ журналѣ. Времени оставалось еще довольно и можно бы было приступить къ выборамъ, но князь Шапхаевъ имѣлъ свои цѣли не дѣлать выборовъ въ этотъ день. Онъ предложилъ собранію разойтись до завтра и уже всталъ съ мѣста и сталъ любезно раскланиваться, когда его остановило непредвидѣнное происшествіе.

Извѣстно, что въ замыслахъ, наилучшимъ образомъ обдуманныхъ, излишнее усердіе нѣкоторыхъ, самыхъ рьяныхъ участниковъ дѣлаетъ сомнительнымъ успѣхъ дѣла: — это преждевременный взрывъ мины, рано поданный сигналъ. Такъ было и теперь. Князь Шапхаевъ направлялся уже изъ залы, какъ вдругъ небольшая кучка усердныхъ, подъ предводительствомъ старичка, преданнаго начальству, окружила его и начала просить сейчасъ же баллотироваться въ губернскіе предводители. Выходка была сдѣлана неумѣстно, просителей было немного и между ними не было никого изъ коноводовъ. Князь Шапхаевъ отклонилъ ихъ просьбу и далъ имъ даже замѣтить, что она ему непріятна. Но трудно остановить русскаго человѣка, когда онъ разчувствуется. Чѣмъ болѣе отказывался князь, тѣмъ усерднѣе и сильнѣе молили его и клялись просители, что имъ кромѣ князя никого не нужно.

— Мы вамъ всѣ бѣлые поднесемъ! Открыто на блюдѣ поднесемъ! — кричали они.

Вожаки старыхъ дрожжей видѣли, что оставлять князя въ этомъ положеніи неловко и хотя дѣйствовали ненастойчиво, но тоже присоединились къ просителямъ; люди, боящіеся отстать, пошли за ними — и

масса уговаривающихъ стала весьма значительна. Князь оставался непреклоненъ, онъ зналъ, по нѣкоторымъ примѣтамъ, что баллотироваться сегодня опасно, и почти бѣгствомъ спасся изъ залы.

— Совершенное избраніе Бориса!—сказалъ Самокатовъ.

— Нейдетъ!—разведя руками, горестно замѣтилъ Самокатову бѣленькій старичекъ, проходя мимо.

— Что жъ! Хоругви поднять и идти наутріе къ сестрѣ Иринѣ!—отвѣчалъ Самокатовъ, продолжая сравненіе.

Старичекъ поглядѣлъ на него вопросительно, почамкалъ губами и ушелъ.

— Извините меня!—сказалъ сзади Самокатова чей-то голосъ.—Вѣдь сестру князя зовутъ, кажется, Еленой Степановной?

Самокатовъ обернулся и увидалъ отставнаго любознательнаго офицерика.

— Вы эту не знаете, — отвѣчалъ онъ: — она въ монахиняхъ!

— Дѣйствительно, я эту не знаю!—отвѣчалъ, сконфузясь, офицерикъ и сталъ многимъ надоѣдать, расспрашивая: какая у князя Шапхаева сестра въ монастырѣ живетъ?

На другой день всѣ собрались рано. Собраніе было въ нетерпѣніи. Многимъ надоѣли выборы и ихъ тревоги; всѣмъ хотѣлось домой, въ халатъ, въ свое гнѣздо. Но князь Шапхаевъ не приходилъ довольно долго. Секретарь просилъ подписывать журналы, и между прочимъ вчерашніе. Лица, протестовавшія наканунѣ, положили, въ отпоръ представленія о Камышлинцевѣ, на-

писать съ своей стороны, что они дѣятельность его находятъ въ высшей степени полезною для крестьянскаго дѣла. Камышлинцевъ пробовалъ отклонить ихъ отъ этого, объяснивъ, что онъ уже, согласно своему заявленію, писалъ министру; но они настояли на своемъ и вербовали подписи. Были люди, которые подписывали протесты и журналъ весьма неохотно; впослѣдствіи оказалось два человѣка, которые подписали тотъ и другой. Всѣ разбились на кучки и толковали. Юрка метался и интриговалъ. Бѣленькій старичекъ прислушивался.

— Господа! — сказалъ онъ, подходя къ кучкѣ недовольныхъ: —извините любопытство старика. Слышу я, что вы не желаете князя: позвольте же узнать, за кого вы? Я бы самъ, если то достойный человѣкъ, готовъ присоединиться къ вамъ.

— Васъ, дѣдушка, хотимъ! Васъ, за преданность начальству! —отвѣчалъ Самокатовъ.

Старикъ зашамкалъ губами и поплелся на лѣстницу.

— А вѣдь онъ пошелъ Шапхая встрѣчать, чтобы отрапортовать ему, —замѣтили они.

— Что жъ дѣлать! ужь такова сила привычки, — отвѣчалъ Самокатовъ.

Наконецъ пришелъ и князь Шапхаевъ. Онъ толковалъ съ тѣмъ и другимъ, потомъ предложилъ баллотировать пропущеннаго кандидата въ какіе-то засѣдатели, и при этомъ вышло, что дворяне, боясь забаллотировать его и еще оттянуть выборы, положили ему всѣ бѣлые шары, и, къ общему удивленію оказалось, что кандидатъ, котораго совсѣмъ не желали и не имѣли въ виду, сталъ выше прежде избраннаго и излюбленнаго и неожиданно занялъ его мѣсто.

— Да что онъ тянетъ! — спросилъ Шестипаловъ, скучая бездѣйствіемъ.

— Гм! — замѣтилъ Самокатовъ; — какой простой штуки не знаете вы! Да какъ онъ проморитъ насъ часовъ до четырехъ, такъ тутъ ужь не до оппозиціи и мы хоть козла выберемъ сразу: голодъ не свой братъ. Это средство специфическое, какъ хина въ лихорадкѣ: оно основано на законахъ физики и всегда блистательно оправдывалось на практикѣ. Да вотъ сами увидите.

Наконецъ князь Шапхаевъ громогласно объявилъ вызовъ желающихъ баллотироваться въ должность губернскаго предводителя дворянства.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе, но потомъ какъ рой пчелъ зашумѣло дворянство и толпой обратилось къ князю Шапхаеву.

На этотъ разъ дѣло устроилось какъ слѣдуетъ: впереди были вожаки, за ними рьяные и, наконецъ, просто преданные или не смѣвшіе отстать отъ массы. Однакоже нѣкоторая оппозиціонная кучка, большею частью изъ вчерашнихъ протестаторовъ и вообще людей свѣжихъ, доставили себѣ удовольствіе выразить явное неодобреніе, оставаясь на своихъ мѣстахъ.

Князь Шапхаевъ долго отговаривался, какъ обыкновенно отговариваются у насъ. Онъ говорилъ, что онъ ужь довольно послужилъ дворянству: слава Богу, три трехлѣтія; что теперь новыя требованія, которымъ онъ, человѣкъ устарѣлыхъ понятій, не удовлетворяетъ, что явились новыя идеи и, говоратъ, нужны новые люди, такъ пусть они и послужатъ.. (Не нужно намъ новыхъ идей и новыхъ людей! Васъ желаемъ, ваше сіятельство,—крикнулъ кто-то...)—и что наконецъ есть люди,

которые, может быть желают этого мѣста, так онъ его уступитъ съ радостью...

По мѣрѣ того, какъ князь Шапхаевъ говорилъ о собственной непригодности и великодушно предоставлялъ поле дѣятельности новымъ людямъ, сердца слушателей преисполнялись сочувствіемъ къ нему и негодованіемъ къ его врагамъ. Приверженность толпы росла и разгоралась. Нѣкоторые разчувствовались до того, что готовы были плакать и стать на колѣни; люди, именуемые „безшабашныя головушки“, за полчаса передъ тѣмъ бранившіе князя весьма энергически и грозившіеся навалить ему черняковъ, выражали теперь свое сочувствіе съ такимъ азартомъ, что — скажи князь: „а нуте-ка, братцы, пощупайте новыхъ людей“,—отъ новыхъ людей, надо полагать, полетѣли бы только щепки.

Когда такимъ образомъ масса была разгорячена и князь, сопротивляясь достаточное время, замѣтилъ, что натягивать болѣе лукъ становится опасно, онъ скромно предоставилъ себя въ распоряженіе общества.

— Эхъ, подлецъ, какъ долго ломался: совсѣмъ истомилъ!—сказалъ Грембулатовъ, только-что передъ тѣмъ кричавшій громче всѣхъ: „жить съ вами и умереть съ вами, князь!“

Уѣздный предводитель, заступившій мѣсто князя, провозгласилъ баллотировку и всѣ по очереди стали подходить къ столу.

Юрка напрягъ всѣ свои силы и являлся, казалось, разомъ въ трехъ мѣстахъ.

— Ты куда! смотри, въ Ливерпуль его! въ Ливерпуль! знаешь, какъ онъ носъ-то задеретъ, когда его

выберутъ! — говорилъ онъ одному робкому, но самолюбивому избирателю.

— А ты? Ты пожалуй въ Епифань заѣдешь! Смотри у меня: въ жизни капли съ тобой не выпью! — грозилъ онъ другому, апатичному толстому офицеру, у котораго было на лицѣ написано: „а чортъ бы васъ всѣхъ побралъ и съ выборами: ѣсть мнѣ хочется!“

При этомъ слѣдуетъ пояснить, что Ливерпуль и Епифань были общепринятыя названія лѣвой и правой стороны: Ливерпуль — какъ начинающійся съ буквы *Л* и принадлежащій зловредной націи, отправить въ которую, хотя бы и мысленнно, предполагало величайшую непріятность — обозначалъ разумѣется лѣвую сторону. Но почему несчастная Епифань обозначала правую и была выбрана эмблемой награды за добродѣтель — предоставляется разгадать проницательности читателя.

Когда жребій класть шаръ дошелъ до самого Юрки, онъ бодро отодвинулъ сукно и, какъ-бы желая достать до самаго сердца врага, всунулъ руку по локоть въ лѣвую сторону! Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ, а присутствовавшая на хорахъ жена князя позеленѣла отъ злости.

„Если и выберутъ, такъ насолю же“ — былъ девизъ Юрки.

Не смотря однакожъ на всѣ его старанія, князь Шапхаевъ былъ выбранъ: хотя изъ ста восьмидесяти шаровъ — 47 оказались неизбирательными.

Князя Шапхаева стали поздравлять, но онъ принималъ поздравленія съ довольно кислымъ лицомъ. Количество неизбирательныхъ никогда еще не доходило до такой цифры.

Однако этимъ вопросъ о предводителѣ не рѣшался еще окончательно: надо было выбрать другаго кандидата, а при такой значительной оппозиціи это дѣло было не легкое. Если всѣ избирающіе будутъ класть другому кандидату налѣво, то его никогда не выберутъ. Если часть будетъ класть направо и туда же, сговорившись, дружно положитъ оппозиція, то могутъ перевалить, и второй кандидатъ — какъ и было съ засѣдателемъ — окажется первымъ. На это и била оппозиція, которая, уже не имѣя надежды забаллотировать Шапхаева, держалась правила Юрки касательно „насолю“ и отдалась въ его распоряженіе.

Шестипаловъ, который болѣе другихъ могъ надѣяться на полуизбраніе, рѣшительно отказался. Вообще мало знакомый съ обычаями выборовъ, не жившій постоянно въ губерніи и потому мало извѣстный большинству помѣщиковъ и думавшій удивить ихъ своими англоманскими предложеніями,—онъ потерпѣлъ совершенное фіаско, и съ тѣхъ поръ, какъ предложеніе его о нуждахъ дворянства окончилось такимъ неожиданнымъ для него образомъ, онъ увидѣлъ, что дѣло его не „выгорѣло“, какъ говорилъ Грембулатовъ, и только съ приличнымъ англоману самообладаніемъ старался хладнокровіемъ прикрыть свое разочарованіе.

За отказомъ Шестипалова приступили къ другимъ: двухъ, которыхъ удалось уговорить, забаллотировали; наконецъ голодъ и раздраженіе дошли до сильнѣйшей степени: всѣ приступили къ Зензивѣеву и приняли мѣры, чтобы избрать его вторымъ кандидатомъ, для чего чуть не вслухъ дѣлали разсчетъ.

Зензивѣевъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, съ свойственной ему сладостью сказалъ, что онъ жертвуетъ собой обществу. Приступили къ баллотировкѣ и по счету бѣлыхъ шаровъ онъ оказался дѣйствительно выбраннымъ вторымъ кандидатомъ. Всѣ возрадовались и думали, что кончено; но русскій человѣкъ изобрѣтателенъ въ дѣлѣ крючковъ и подсоленія. Когда сочли черные шары, то оказалось, что въ сложности одного шара не оказалось: баллотировка сдѣлалась неправильною. Ропотъ поднялся сильнѣйшій, но нужно было приступить къ перебаллотировкѣ.

Узнавъ количество шаровъ, выпавшихъ Зензивѣеву, Юрка снова было составилъ какую-то комбинацію, но его уже никто не слушалъ изъ своихъ. По второй перебаллотировкѣ Зензивѣевъ снова былъ избранъ вторымъ кандидатомъ: шары оказались въ комплектѣ и всѣ стали расходиться, довольные, что стряхнули съ себя великую обузу.

Одинъ Юрка стоялъ чѣмъ-то пораженный и недоумѣвающій. Противъ обыкновенія онъ даже не суетился, молчалъ и смотрѣлъ, какъ убирали шары и ящики. Вдругъ одно движеніе князя Шапхаева вывело его изъ неподвижности: онъ ударилъ себя по лбу, расхохотался и началъ сновать пуще прежняго.

— Что съ тобой, Юрка? спросилъ его Самокатовъ, сходя съ лѣстницы;—ты что-то совсѣмъ ошалѣлъ.

— Нѣтъ, вообразите штуку! штуку вообразите, какую съигралъ со мною Шапхай!—говорилъ онъ вполголоса, останавливая нѣкоторыхъ изъ своихъ. — Вѣдь это я шаръ-то не доложилъ,—сказалъ онъ.

— Ну, мы такъ и думали!—отвѣчали ему.

— Хотѣлось мнѣ узнать, какъ раздѣлятся голоса, чтобы Зензивѣю перевалить: пусть хоть онъ, да не Шапхай. Ну, а какъ вы—чтобы васъ чортъ побралъ—не захотѣли съ голоду меня слушаться, я со злости, чтобы всѣмъ вамъ насолить, во второй-то разъ, вмѣсто одного шара, положилъ и старый, который у меня былъ, думалъ, что окажется лишній и вы еще разъ будете перекатывать.

— Ну и что же?—спросили смѣясь слушавшіе.

— Ну, а вы видѣли, что счетъ-то полный оказался? Я самъ стоялъ у шаровъ и считалъ,—они были дѣйствительно вѣрны, я просто въ тупикъ сталъ! А послѣ вижу, Шапхай подходитъ къ столу, да и вынимаетъ изъ кармана шаръ: онъ догадался, что я лишній шаръ подложу, да свой-то и не доложилъ.

— Геній!—воскликнулъ Юрка,—гдѣ же Шестипалову съ нимъ тягаться!

Громкій смѣхъ огласилъ лѣстницу и Юрка побѣжалъ разсказывать анекдотъ другимъ.

VIII.

На другой день дворянство собралось уже для исполненія обряда. Пріѣхалъ губернаторъ и сказалъ рѣчь, въ которой благодарилъ дворянство за то, что оно вполнѣ оправдало всеобщія ожиданія, занимаясь обсужденіемъ своихъ нуждъ, *не выходя изъ круга начертанныхъ ему обязанностей,*—онъ сдѣлалъ особенное удареніе на этихъ словахъ,—и выбрала изъ среды своей вполнѣ достойныхъ лицъ, которыя, онъ надѣется, будутъ содѣйствовать

ему, губернатору, въ работахъ его о благоустройствѣ ввѣренной ему губерніи, и затѣмъ Нобелькнебель объявилъ собраніе закрытымъ.

Дворяне стали разъѣзжаться и дѣлать прощальные визиты. Но мировые посредники остановили Камышлинцева и толковали съ нимъ нѣкоторое время. Дворянскій балъ, по случаю несогласій въ средѣ самого дворянства, не состоялся. Въ самый день закрытія выборовъ утромъ у губернатора столкнулись Шестипаловъ и Зензивѣевъ. Нобелькнебель принялъ ихъ съ свойственной ему отмѣнной вѣжливостью, нѣсколько фамильярнаго оттѣнка, тогда какъ для помѣщиковъ незначительныхъ была у него отмѣнная вѣжливость снисходительнаго оттѣнка, которая имъ какъ-бы говорила: „смотрите, невѣжи, какой я благовоспитанный человѣкъ:—но забываться не смѣть!“

Шестипаловъ сказалъ, что онъ уѣзжаетъ и пріѣхалъ проститься.

— Ну, какое же впечатлѣніе произвели на васъ наши выборы?—спросилъ его Нобелькнебель.

— Очень грустное!—отвѣчалъ тотъ.

— Отчего грустное, почтеннѣйшій Авксентій Егоровичъ? — спросилъ мягко Зензивѣевъ, — отчего же грустное? Правда, мы не любимъ забѣгать впередъ, мы скромно занимаемся нашими дѣлами, въ предѣлахъ, какъ выразились его превосходительство, указанныхъ намъ закономъ; но въ этихъ предѣлахъ мы, кажется, высказали и достаточно практическаго смысла, и достаточно энергіи.

— Да, только въ своихъ практическихъ нуждахъ мы не видимъ далѣе своего носа и не любимъ смотрѣть далѣе его!—отвѣчалъ Шестипаловъ.

— Я съ вами отчасти согласенъ,—сказалъ внушительно Нобелькнебель, не смотря на свою отличную вѣжливость, не утерпѣвшій, чтобы въ качествѣ начальника губерніи не удовлетворить своей страстишкѣ прочесть гостямъ наставленіе:—дѣйствительно, дворянскіе выборы, въ настоящемъ ихъ видѣ, доказываютъ крайнюю нашу несостоятельность въ веденіи общественныхъ дѣлъ. Но теперь, когда дѣло кончилось, позвольте мнѣ спросить васъ, Авксентій Егоровичъ: какъ вы рѣшались входить съ предложеніями...—при этомъ Нобелькнебель сдѣлалъ губами мину, какъ-бы желая снисходительно смягчить дѣло...—съ предложеніями довольно рискованными. Хорошо, что дворянство обратило вниманіе на предметъ, гораздо болѣе ему близкій и не выходящій изъ круга его заботъ, и я, какъ начальникъ губерніи, могъ не придать и не придалъ этому дѣлу никакого серьезнаго значенія! Я впрочемъ со своей стороны принялъ мѣры, чтобы оно не имѣло значенія; но если бы дворянство ухватилось за него?... Вы сами видите, до какой степени мы не способны къ самоуправленію.

— Я не вижу ничего, какъ вы говорите, рискованнаго, или, какъ вы хотите сказать, непозволительнаго въ моемъ предложеніи, — сказалъ Шестипаловъ, нѣсколько уколотый. — Ходатайствовать о какихъ-нибудь правахъ вмѣсто утраченныхъ, ходатайствовать почтительно, ни въ какомъ случаѣ, мнѣ кажется, не можетъ считаться непозволительнымъ. Но я съ вами согласенъ, что здѣшнее дворянство оказало себя мало способнымъ къ самоуправленію.

Въ это время вошелъ Камышлинцевъ.

— И здѣшнее, и всякое другое, особенно провинціальное,—отвѣчалъ Нобелькнебель, здороваясь въ тоже время съ Камышлинцевымъ, съ которымъ онъ обращался просто вѣжливо, не считая нужнымъ прибѣгать къ вѣжливости отмѣнной.

— Извините меня! — нѣжнѣйше замѣтилъ Зензивѣевъ, — но вы, ваше превосходительство и почтеннѣйшій Авксентій Егоровичъ, судя о дворянствѣ по одному нашему собранію, дѣлаете, если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться, ошибку! Вѣдь здѣсь кто изъ насъ остался? Остались люди съ небольшими средствами, отслужившіе и полеживающіе въ деревнѣ, которые слѣдятъ кое-какъ за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, мало видали, еще меньше читаютъ! Я не говорю про себя,— сказалъ онъ скромно, — я, слава Богу, таки видалъ кое-что и кусокъ хлѣба есть; или вотъ, про такихъ просвѣщенныхъ и во всѣхъ отношеніямъ, можно сказать, передовыхъ людей, какъ вы, Дмитрій Петровичъ, или Иванъ Сергѣичъ, — да много ли насъ? Пять, десять человѣкъ! А между тѣмъ за границей живутъ, говорятъ, десятки, а иные полагаютъ, и сотни тысячъ нашихъ помѣщиковъ, и въ томъ числѣ самые богатые изъ нашихъ! Вотъ гдѣ зло! Поневолѣ пожалѣешь о прежней системѣ паспортовъ!.. Тысячи съ насъ надо бы брать за нихъ!—заключилъ онъ, разгорячась.

— Я вотъ говорилъ Авксентію Егоровичу, — сказалъ Нобелькнебель Камышлинцеву, желая ввести его въ разговоръ,—о предложеніи, которое онъ думалъ сдѣлать на счетъ самоуправленія. Я самъ сочувствую этой мысли, да и кто ей не сочувствуетъ! Но вы сами видите: рано, рано намъ думать о немъ, не дозрѣли мы

до него-съ! Намъ нужно еще руководство и администрація-съ! Администрація, прежде всего — администрація, строгая и во всемъ самая заботливая.

— Я съ вами совершенно не согласенъ, — холодно сказалъ Камышлинцевъ, къ которому обращался Нобелькнебель.

— Я знаю, вы не охотникъ до администраціи, — замѣтилъ Нобелькнебель, — но я не ожидалъ, — прибавилъ онъ съ ироніей, — чтобы вы въ настоящихъ выборахъ, напримѣръ, замѣтили задатки самоуправленія.

— Я замѣтилъ въ нихъ именно весь вредъ излишней опеки! отвѣчалъ Камышлинцевъ, — и вполнѣ согласенъ съ Давыдомъ Давыдычемъ (онъ показалъ на Зензивѣева), что по настоящимъ дворянскимъ съѣздамъ нельзя судить о нравственной состоятельности дворянства: наша интеллигенція — въ столицахъ да за границей. Только я полагаю, что тысячными паспортами, если ее и удержишь отъ поголовнаго бѣгства, то никакъ не привлечешь къ дѣлу, которое не можетъ ихъ нисколько занимать!

— Нѣтъ-съ, Дмитрій Петровичъ! Тутъ сила — въ характерѣ! — сказалъ Нобелькнебель. — Англійское дворянство начало не съ того, что было дано, даромъ дано-съ, нашему! А сравните, чего добилось оно и что сдѣлали мы изъ нашего права выборовъ?

— Ну, характеръ-то нашъ я защищать не буду: онъ у насъ въ другой сучокъ пошелъ — въ терпѣнье да выносливость, — сказалъ Камышлинцевъ: — пословица говоритъ, что русскій мужикъ Бога слопалъ, а боярщина навѣрное переварила Ивана Грознаго и перевариваетъ все, къ чему насъ не пригонитъ историческая

ли необходимость или случайность, въ родѣ Петра! Если намъ желать чего отъ нашей настойчивости, такъ, пожалуй, не скоро дождемся; мы еще живемъ на степени растительнаго развитія. Но желудокъ у насъ работаетъ хорошо и я только хотѣлъ сказать, что все, что намъ дается съ той или другой стороны, мы перевариваемъ довольно исправно: доказательство — тотъ же крестьянскій вопросъ.

— Такъ по вашему намъ приходится только ждать?— спросилъ Шестипаловъ.—Это не очень утѣшительно!

— Что жъ дѣлать! — сказалъ Камышлинцевъ, пожавъ плечами,—хотя я не говорю, чтобы не слѣдовало подгонять событія или подготовлять имъ дорогу. Это дѣло передовыхъ людей. Впрочемъ ждать долго не придется,—прибавилъ онъ:—Европа живетъ шибко и намъ, если мы не захотимъ отстать отъ нея, придется перенимать многое, а главный камень теперь убранъ съ дороги.

— Не скоро-съ! Не такъ еще скоро, Дмитрій Петровичъ,—возразилъ Нобелькнебель.—Вы видѣли, какъ понимаются общественныя-то нужды нашей интеллигенціей; гдѣ же люди-то съ? Гдѣ достойные представители?

— Я не знаю, какъ вы себя считаете,—замѣтилъ съ усмѣшкой Камышлинцевъ,—а я о себѣ не дурнаго мнѣнія и не считаю себя неспособнымъ!

— Гм! Да много ли насъ и что доказываютъ исключенія?—возразилъ Нобелькнебель.

— Мнѣ досадны всегда эти возраженія! — сказалъ съ живостью Камышлинцевъ. — Да вотъ, здѣсь насъ четверо и всѣ мы считаемъ себя способными, а говоримъ: людей нѣтъ. Мнѣ приходилось эту фразу слышать сотни

разъ и всегда разговаривающіе считали себя исключеніемъ. Повѣрьте: будетъ дѣло, найдутся люди! Дѣло творитъ для себя людей, какъ желѣзная дорога проѣзжающихъ. Вы хотите, чтобы люди умѣли плавать, когда ихъ не пускаютъ въ воду. Да наконецъ, вѣдь не боги же горшки лѣпятъ — вѣдь не все же нѣмцы у насъ? откуда же у насъ государственные люди и всякіе администраторы? Вы, напримѣръ, развѣ вы не тотъ же нашъ велико-ѳедорскій дворянинъ и развѣ не будете въ томъ же собраніи дворянства, какъ скоро скинете эти невыразимые?—онъ показалъ на форменные бѣлые брюки съ галуномъ, въ которыхъ еще оставался Нобелькнебель по возвращеніи изъ собранія.

— Браво! браво! Дмитрій Петровичъ, спасибо вамъ, заступились за насъ дворянъ, а еще наши дворяне васъ за ренегата считаютъ. Выходитъ, что его превосходительство ренегатъ-то, — прибавилъ Зензивѣевъ съ сладенькой улыбкой, замѣтивъ, что Камышлинцевъ горячится, и потому желая придать спору игривый характеръ.

Нобелькнебель улыбнулся покровительственно и снисходительно, какъ улыбаются взрослые, слушая разсужденія дѣтей

— Неужели вы думаете господа, — сказалъ онъ, — что я самъ менѣе васъ сочувствую желанію, которое вы высказываете? Смѣю увѣрить васъ, что не только я, но и лица, выше меня поставленныя, вполнѣ либеральны! Но этимъ людямъ, людямъ администраціи, гораздо виднѣе тѣ препятствія, скажу болѣе—опасности, которыя мѣшаютъ осуществленію этихъ желаній. Это хорошо либеральничать-то со стороны-съ! А администра-

торамъ не приходится быть мечтателями-съ! Будьте увѣрены, что все что можно дать, то и дастся постепенно и по мѣрѣ возможности!

— Совершенная и святая истина, ваше превосходительство! — сказалъ Зензивѣевъ, преклоняясь и кладя руку на сердце:—истина, подобную которой—изволите припомнить, господа,—я имѣлъ честь развить и предъ собраніемъ, въ нашихъ разговорахъ; и я очень радъ, что ваше превосходительство сдѣлали мнѣ честь подтвердить ее. Нельзя всего вдругъ, господа!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Шестипалову и Камышлинцеву: — понемножку, понемножку! заключилъ онъ, нѣжно сюсюкая.

— Да, главное, не вдругъ!—сказалъ Камышлинцевъ, злобно улыбаясь; онъ былъ не въ духѣ:—но пока мы будемъ прыгать на одной ногѣ, Европа по чугункѣ, пожалуй, такъ уйдетъ, что мы и не догонимъ ея!

— Не безпокойтесь, Дмиртій Петровичъ, догонимъ,— успокоительно сказалъ Зензивѣевъ. — Русскій народъ нельзя мѣрять обыкновенной мѣркой. Это народъ богатырь! Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ...

— И когда пришлось ему встать,—сказалъ, вставая, Шестипаловъ,—такъ онъ, конечно, такъ отсидѣлъ ноги, что не могъ на нихъ и стоять. Это мы и замѣчаемъ! (Онъ протянулъ руку Нобелькнебелю и сталъ съ нимъ прощаться).

— Ну нѣтъ! легенда не то говоритъ! совсѣмъ не то!—замѣтилъ, нѣжно смѣясь, Зензивѣевъ и тоже сталъ прощаться, высказывая разныя сладости губернатору.

— Вы куда, Авксентій Егоровичъ? Не по пути ли намъ?—спрашивалъ Зензивѣевъ, догоняя Шестипалова.

— А вы куда?—спросилъ флегматически Шестипаловъ.

— Я бы къ Марьѣ Петровнѣ думалъ, — отвѣчалъ Зензивѣевъ, нѣжно глядя ему въ глаза.

— Ну, а я въ Москву! — отвѣчалъ Шестипаловъ, холодно поклонясь ему.

Камышлинцевъ остался въ кабинетѣ, куда тотчасъ же возвратился къ нему Нобелькнебель, проводивъ гостей вплоть до двери передней.

— А я къ вамъ по дѣлу, — сказалъ сухо Камышлинцевъ.

Надобно замѣтить, что Нобелькнебель понималъ очень хорошо, что Камышлинцевъ вполнѣ его разгадалъ и что его не проведешь ни либеральными фразами, ни отличной вѣжливостью; поэтому онъ то и другое употреблялъ съ нимъ весьма умѣренно; понималъ онъ также, что ихъ взгляды и убѣжденія совершенно противоположны, и потому питалъ къ Камышлинцеву сильное нерасположеніе и держался съ нимъ осторожно. Камышлинцевъ отвѣчалъ ему тѣми же чувствами, но такъ какъ доселѣ не имѣлъ никакого повода къ столкновенію, то и оставался въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Сегодня, въ рѣчи къ дворянству, — сказалъ Камышлинцевъ, — вы похвалили его за то, что оно не выходило изъ круга занятій, ему указанныхъ закономъ. Изъ этого надо заключить, что вы одобряете и находите совершенно законными дѣйствія его относительно посредниковъ.

Нобелькнебель слегка покраснѣлъ.

— Вы не совсѣмъ вѣрно поняли мои слова, — сказалъ онъ. — Я имѣлъ въ виду и долженъ былъ отозваться одобрительно объ образѣ отношеній дворянства къ предложеніямъ, совершенно анти правительственнымъ,

сдѣланнымъ господиномъ Шестипаловымъ и вами-съ, членомъ и представителемъ правительства. Господину Шестипалову я сегодня далъ замѣтить неблаговидность его поступка, и такъ какъ у насъ уже зашла рѣчь объ этомъ, то позвольте мнѣ высказать, что ваши предложенія едва ли совмѣстны съ положеніемъ, которое вы занимаете, и довѣріемъ, которымъ удостоены отъ правительства!

— Если это ваше личное мнѣніе,—отвѣчалъ холодно и равнодушно Камышлинцевъ, — то я замѣчу, что вы невѣрно понимаете какъ законность предложеній, такъ и мое положеніе. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но полагаю, что мое предложеніе не выходило, какъ вы выразились, изъ предѣловъ законности; во вторыхъ, я не чиновникъ правительственный: я принялъ приглашеніе помогать правительству въ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла и принялъ его потому, что этому дѣлу сочувствую. Въ немъ я солидаренъ съ видами правительства и если буду дѣйствовать не въ правительственномъ духѣ, то значитъ измѣню и правительству, и моему слову; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, я человѣкъ вполнѣ независимый, на сколько можетъ быть независимъ всякій гражданинъ, не нарушая закона. Если же вы думаете сдѣлать мнѣ замѣчаніе, какъ начальникъ губерніи, то я,—прибавилъ Камышлинцевъ улыбнувшись,—не считаю нужнымъ и отвѣчать на него: оно пропадетъ даромъ.

— Я не буду съ вами спорить о моихъ правахъ и не желаю придавать словамъ никакого оффиціальнаго значенія, — отвѣчалъ нѣсколько уколотый хозяинъ, — хотя съ своей стороны долженъ замѣтить, что ужь такъ какъ я начальникъ губерніи и принялъ на себя эту

обязанность, то пониманія мои и смыслъ моихъ словъ, какъ частнаго человѣка и оффиціальнаго лица, раздѣлить не могу. Но теперь позвольте васъ спросить, въ какомъ смыслѣ вы пришли за объясненіями значенія моей рѣчи?

— Да какъ членъ мироваго института, я бы желалъ разъяснить себѣ взглядъ предсѣдателя на права института,—сказалъ Камышлинцевъ.

— Я вамъ сказалъ, что имѣлъ въ виду совсѣмъ не то, и притомъ долженъ замѣтить, что дѣйствія собранія относительно васъ я могу находить несправедливыми, но отказать имъ въ законности не могу.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, а потому вовсе и не думалъ говорить о себѣ, —замѣтилъ Камышлинцевъ;— я говорилъ о посредникахъ; своимъ одобреніемъ вы ихъ выдали съ головой дворянству: по крайней мѣрѣ такъ поняли ваши слова и дворяне, и посредники.

— Вольно же имъ! — сказалъ Нобелькнебель. — Впрочемъ и относительно посредниковъ я такого мнѣнія, что они, какъ и самое названіе ихъ доказываетъ, должны быть посредниками между обѣими сторонами и не возстановлять своими дѣйствіями противъ себя ни ту, ни другую. Въ этомъ случаѣ они должны нести нравственную отвѣтственность.

— Да, нравственную и передъ общественнымъ мнѣніемъ! — возразилъ Камышлинцевъ; — а этакъ вѣдь, чтобы быть послѣдовательнымъ, вы должны будете и за волостными сходами признать право дѣлать выговоры посредникамъ.

— Ну, вотъ вы куда пошли! — сказалъ прижатый къ стѣнѣ Нобелькнебель.—А впрочемъ что же вы хо-

тите? Положимъ, я выразился не точно; ну, что же съ этимъ дѣлать!

— Я желалъ бы, чтобы вы поправили эту неточность,—наступалъ неотвязчиво Камышлинцевъ.—Вашъ губернскій Монитеръ, а за нимъ и другія газеты повторятъ вашу рѣчь; теперь вы знаете, какое обращаютъ вниманіе на губернскія присутствія, и если въ нихъ не будетъ высказано оффиціальное осужденіе дѣйствій собранія относительно посредниковъ, то печать еще болѣе утвердитъ въ дворянствѣ тѣ понятія, которыя оно составило о своихъ правахъ, тѣмъ болѣе, что корреспонденты газетъ конечно не умолчатъ о протестѣ.

— Такъ поэтому вы желаете, чтобы я измѣнилъ свою рѣчь?—спросилъ Нобелькнебель.—Какъ же это можно? Да я полагаю, что и не стоитъ придавать этому какую-нибудь важность, и лучше просто оставить все это такъ.

— Я очень желалъ бы, чтобы вашей рѣчи придавали всѣ также мало значенія, какъ вы ей придаете сами,—сказалъ Камышлинцевъ,—но такъ какъ къ сожалѣнію ее могутъ принять серьезнѣе, а вы не желаете исправить ошибку, то я долженъ буду протестовать противъ нея.

Краска кинулась въ лицо Нобелькнебеля.

— Позвольте мнѣ повторить ваши слова,—сказалъ онъ, принимая тонъ отличной вѣжливости.—На ваше мнѣніе, какъ частнаго человѣка, я далъ вамъ объясненіе; но если вы повторяете ваши слова, какъ оффиціальное заявленіе или какъ требованіе, то я не считаю нужнымъ отвѣчать на него,—оно пропадетъ даромъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ частно исправить вашу ошибку,—сказалъ Камышлинцевъ, вставая;—но если вы не соглашаетесь на это, то я не затруднюсь и оффиціальнымъ протестомъ.

Онъ поклонился, не подавая руки, и вышелъ; Нобелькнебель такъ же поклонился ему, не сходя съ мѣста.

IX.

Вмѣсто несостоявшагося дворянскаго бала, великоѳедорскій клубъ далъ маскарадъ. Маскарады въ губернскихъ городахъ отличаются отъ обыкновенныхъ танцовальныхъ вечеровъ тѣмъ, что на нихъ появляются совершенно неизвѣстныя высшему кругу личности; дамы впускаются даромъ, дорогой туалетъ замѣняетъ домино, часто передѣланное изъ платья или салопа, и—потому на маскарадахъ бываетъ люднѣе и шумнѣе, хотя не такъ элегантно. Маскарады вообще демократичнѣе баловъ. Въ половинѣ или подъ конецъ вечера маски по большей части снимаются и всѣ весело начинаютъ отплясывать, если веселья не смутитъ какой-нибудь скандалъ подвыпившаго мелкаго чиновника или обидчиваго армейскаго офицера.

Въ назначенный день все происходило какъ слѣдуетъ. Большой каменный двухъ-этажный дворянскій домъ былъ ярко освѣщенъ. У подъѣзда тускло горѣли два фонаря, и будочникъ, въ ожиданіи пріѣзда начальства, перебранивался съ кучерами. Въ большихъ сѣняхъ толпа лакеевъ и горничныхъ сидѣла съ барскими салопами, а жандармъ стоялъ для снятія и сбереженія губернатор-

ской и штабъ-офицерской шинели. Въ дверяхъ изъ залы на лѣстницу, но болѣе на лѣстницѣ, чѣмъ въ залѣ, стоялъ полицейскій чиновникъ, придерживая какъ-то неловко мотавшуюся у ногъ шпагу; въ большой залѣ игралъ скверный оркестръ изъ гарнизонныхъ жидковъ, переодѣтыхъ въ статское платье, нѣсколько паръ больше съ азартомъ и преданностью дѣлу, нежели съ ловкостью, вальсировали и натыкались другъ на друга, вдоль колоннады и по другимъ заламъ сидѣли и ходили маски, никого не интригуя и поджидая, — по странному для столичнаго жителя обычаю,—чтобы ихъ начинали интриговать. Впрочемъ, обычай этотъ былъ понятенъ; потому что большая часть масокъ была извѣстна своимъ кавалерамъ также хорошо, какъ бы ихъ лицо было совершенно открыто, но нѣкоторыя эмансипированныя любительницы маскараднаго дѣла интриговали, старались быть неузнанными, перемѣняли для этого костюмы и вообще дѣйствовали не только какъ надо быть въ маскарадахъ, но даже употребляя, какъ рыба въ мелкой водѣ, гораздо болѣе энергіи и искусства, чѣмъ въ столицахъ.

Камышлинцевъ пріѣхалъ поздно. Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ играли въ карты и куда маски, какъ въ заповѣдный лѣсъ, не входили.

— Что вы поздно? гдѣ пропадали?—заговорили его партнеры.—А мы пождали васъ, да и устроились!

— Самъ виноватъ, пусть и страдаетъ! — замѣтилъ кто-то изъ пріятелей.

— Дѣлать нечего, пойду пострадаю!—сказалъ Камышлинцевъ, направляясь въ залу.

— Мы скоро кончимъ пульку, вы не уѣзжайте! — кричали вслѣдъ ему.

Когда входишь въ большое общество, въ первый разъ послѣ происшествія или случая, который обратилъ на васъ общественное вниманіе, тогда лучше всего познаешь цѣну себѣ, своему поступку и отношенія къ нему общества.

Вмѣсто того, чтобы стѣсняться и быть недовольнымъ высказавшеюся непріязнью извѣстной партіи, Камышлинцевъ чувствовалъ себя какъ-то выше, сильнѣе, хотя нѣсколько злѣе; онъ смотрѣлъ на всѣ непріятности свысока. Вообще Камышлинцевъ и самъ замѣчалъ въ себѣ перемѣну; всѣ эти передряги и непріятности какъ будто закалили его, и чѣмъ сильнѣе противъ него возставали, тѣмъ онъ болѣе чувствовалъ свое значеніе. Это его даже удивило: онъ считалъ себя всегда слабо-характернымъ и мягкимъ. а между тѣмъ по мѣрѣ давленія извнѣ чувствовалъ большую твердость, самостоятельность и ясность убѣжденій. Въ такомъ настроеніи Камышлинцевъ пошелъ по заламъ безъ всякихъ ожиданій, и безъ всякой напускной скуки и разочарованія, въ которыхъ по старой памяти парадировали человѣка два-три, хотя ихъ хандра на дѣлѣ не устаивала даже противъ замаскированной горничной. Камышлинцевъ для барышень безъ жениховъ и барынь съ приключеніями — благодаря своимъ отношеніямъ къ Мытищевой—потерялъ большую часть притягательной силы, и притомъ онъ сталъ человѣкомъ дѣловымъ и серьезнымъ, пересталъ почти танцовать и выбылъ даже просто изъ ряда *кавалеровъ;* поэтому провинціальныя, и безъ того тяжелыя на игривость маски, мало задѣвали его. Но скучать онъ тоже еще не успѣлъ; его развлекала пестрая толпа и онъ довольно весело проходилъ въ ней, перекидываясь словами и здороваясь

съ знакомыми. Нѣкоторыя маски заговаривали съ нимъ прямо своимъ голосомъ, называя его Дмитріемъ Петровичемъ; двѣ ограничили интригу тѣмъ, что молча протянули ему руку и поздоровались. Такъ прошло съ полчаса, когда какая-то маска. сердито бросивъ одного юношу, взяла Камышлинцева подъ руку.

— Что ты, пріѣхалъ развлечься и искать забвенія?—спросила она.

— Забвенья отъ чего? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Отъ головомойки, которую тебѣ задало дворянство?—сказала маска.

Камышлинцевъ усмѣхнулся.

— Именно!—сказалъ онъ;—и я ищу сострадательной души, которая бы меня пожалѣла и утѣшила.

— Ну, утѣшительница-то у тебя есть! — отвѣчала маска, — и ты въ этомъ не нуждаешься; а прибавить бы тебѣ головомойку слѣдовало: тебѣ мало досталось.

— За что такой гнѣвъ?—шутя, спросилъ Камышлинцевъ.

— За то, чтобы ты не дурилъ и дѣйствовалъ какъ дѣйствительно прилично благородному дворянину,—сказала маска, нѣсколько злясь и наставительно.

— А что? отъ тебя за дурное обращеніе горничную что ли отобрали?—спросилъ, продолжая смѣяться, Камышлинцевъ.

— Нѣтъ, я не обращаюсь дурно съ моей горничной, я не такъ воспитана! — сказала маска, обижаясь; — я понимаю обязанности благороднаго человѣка, да хотѣла бы и тебѣ внушить ихъ. Мнѣ жалко, что ты хорошій молодой человѣкъ и дворянинъ...

— Ну, прощай! — сказалъ Камышлинцевъ, опуская руку. — Я не знаю, какова ты для прислуги, но для маскарада нестерпимо скучна.

„Чортъ знаетъ! и здѣсь отъ помѣщицъ, какъ отъ блохъ на станціи, не отдѣлаешься, — подумалъ онъ; — пойду спасаться въ картежную“.

— Что? Ловеласничаете и волочитесь тутъ, что ли? или невѣстъ высматриваете? — спросилъ женскій голосъ Камышлинцева.

Онъ обернулся и увидалъ ту распорядительную барыню, которая была на памятномъ для него обѣдѣ у Мытищева. Какъ добрый блюститель порядка, она стояла на самомъ толчкѣ, и направо и налѣво давала совѣты, распоряженія, иногда и крупныя замѣчанія. Около нея было человѣка два-три молодежи, которая ее вообще любила, потому что она и поврετъ, и накормитъ, и поможетъ въ трудныхъ дѣлишкахъ.

— Нѣтъ, я въ эти игры не играю, Пелагея Филипповна! — сказалъ Камышлинцевъ, весело здороваясь съ нею. — Одинъ видъ ея, бодрой, всегда занятой, ничѣмъ не затрудняющейся, доставлялъ ему удовольствіе, а роль, которую она, небогатая вдова, сама создала себѣ, всегда составляла для него предметъ веселаго удивленія и наблюденія.

— Какъ не занимаетесь! а зачѣмъ сейчасъ съ невѣстой ходили? смотрите! — она пригрозилась ему.

— Съ какой невѣстой? — спросилъ Камышлинцевъ.

— А съ Минхенъ аптекарской? развѣ я не видала?

— Быть не можетъ! — воскликнулъ изумленный Камышлинцевъ.

Подъ именемъ „аптекарскихъ“ были извѣстны дочери аптекаря Гицблаттера, которыхъ было числомъ столько же, сколько народъ насчитываетъ сестеръ-лихорадокъ.

— Чего не можетъ? Неужто не узнали? — Бойкая барыня, знавшая всѣхъ масокъ наизусть, не вѣрила, чтобы можно было дѣйствительно не узнать кого-нибудь.

— Да помилуйте! Я ихъ и безъ масокъ не различаю! — сказалъ Камышлинцевъ:—всѣ рыжеватыя, всѣ безцвѣтныя, всѣ съ оловянными глазами и, кажется, цѣлая дюжина.

— Счетомъ одиннадцать! Три замужемъ, двѣ ростутъ, а шесть жениховъ ждутъ и по очереди выѣзжаютъ! сегодня очередь Миночки, Финочки и Мальхенъ,— сообщила Палагея Филипповна.

Камышлинцевъ отъ души расхохотался.

„Тьфу, пропасть, и въ аптеку затесались дворянскія претензіи“,—подумалъ онъ и побрелъ далѣе.

Онъ уже готовъ былъ вступить въ игорную залу, которая бы по всей вѣроятности и поглотила его на весь вечеръ, какъ сзади торопливо подошла маска и слегка удержала его за руку.

— Подожди!—сказала она,—мнѣ хочется поговорить съ тобой.

Камышлинцевъ обернулся и увидѣлъ передъ собой маску, въ домино, сдѣланномъ изъ турецкой шали.

— Очень радъ,—сказалъ онъ, подавая ей руку,— только, пожалуйста, не говори ни о дворянскихъ выборахъ, ни о крестьянскомъ дѣлѣ.

Маска легко и какъ будто непривычно положила свою руку на его, но, услышавъ его слова, остановилась и съ удивленіемъ посмотрѣла ему въ глаза.

— Да ты почему знаешь, что я съ тобой объ этомъ хотѣла говорить?—сказала она.

Она не пищала и мало измѣняла голосъ, но Камышлинцеву голосъ этотъ показался незнакомымъ.

— Да запуганъ ужь я очень этими разговорами, такъ на всякій случай беру свои мѣры!—сказалъ Камышлинцевъ.

Маска, казалось, пришла въ затрудненіе.

— Вѣроятно, тебѣ опротивѣли всѣ эти разговоры и непріятности, но я пріѣхала сюда нарочно за тѣмъ, чтобы отъ души пожать твою руку!..

— За что? — спросилъ Камышлинцевъ. — Сдѣлай милость, пожми: у тебя, кажется, хорошенькая рука. Во всякомъ случаѣ это очень пріятно и я сопротивляться не буду.—Камышлинцевъ взялъ кисть ея руки въ красивой сиреневой перчаткѣ (это не мѣшаетъ замѣтить, потому что тутъ были и черныя, и поношенныя), пожалъ ее и сталъ ее разсматривать.

Маска слегка отняла руку: ей, кажется, не нравился веселый и шутливый тонъ, который давалъ Камышлинцевъ разговору.

— Видишь что!—сказала она;—тебѣ конечно, ничего не значитъ мнѣніе какой нибудь маски, которую ты и не знаешь, и не замѣтишь никогда: тебя поддерживаетъ и ободряетъ, можетъ быть, особа, тебѣ дорогая и милая, съ которой мой голосъ не имѣетъ и претензіи равняться, но все-таки я чувствовала потребность для себя самой сказать тебѣ, что ты хорошій человѣкъ, и пожелать тебѣ силъ въ твоей борьбѣ за хорошее дѣло!

Камышлинцевъ смотрѣлъ ей въ глаза (глаза были черные) и улыбался ей съ пріятнымъ недоумѣньемъ:

серьезность, которую придавала своему поступку маска, затрудненіе, съ которымъ она высказывала свои чувства, и нѣкоторый оттѣнокъ романтичности въ ея поступкѣ и пріемахъ — все заставляло его думать, что это какая-нибудь молоденькая и неопытная въ свѣтѣ дѣвочка или женщина.

„Жена или дочь какого-нибудь чиновника“, — подумалъ онъ; но костюмъ ея, щеголеватый и изящный, сбивалъ его съ толку.

— Спасибо тебѣ! — сказалъ онъ, взявъ и пожавъ ея руку (она съ своей стороны крѣпко пожала его руки.) — Мнѣ дорого твое сочувствіе и именно потому, что я не знаю тебя. Твой голосъ для меня — голосъ изъ публики. Тебѣ, можетъ быть, пріятнѣе было бы, еслибы я его цѣнилъ наоборотъ, какъ твое личное мнѣніе, но я принимаю, какъ пріятнѣе для меня. Ты видишь, я не очень скроменъ, прибавилъ Камышлинцевъ, — а впрочемъ, во всякомъ случаѣ спасибо, тѣмъ болѣе, что я вовсе не такъ избалованъ ободреніями, какъ ты полагаешь!

Онъ улыбнулся, но на душѣ у него шевельнулась ѣдкая горечь при мысли о той, на чье сочувствіе намекала маска.

— Ну да! — сказала маска, — понятно, что здѣсь все противъ тебя. Но иногда одинъ дорогой голосъ заглушитъ весь гулъ толпы.

Она съ любопытствомъ смотрѣла ему въ глаза и наслаждалась, казалось, возможностью затронуть трепещущій интересомъ предметъ. Никакой страстный библіоманъ не сгараетъ такъ желаніемъ заглянуть въ рѣдкую книгу, какъ молоденькая, никѣмъ не занятая и жаж-

дущая любви женщина желаетъ заглянуть въ чужое влюбленное сердце. Это для нея интереснѣйшая страница живаго заповѣднаго романа, это вивисекція любви.

Но Камышлинцевъ не былъ фатъ; онъ не любилъ рисоваться и достаточно серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ Мытищевой чтобы толковать о нихъ съ кѣмъ бы то ни было.

— Ты права!—сказалъ онъ, шутя.—Это было сейчасъ со мной: одинъ голосъ и очень *дорогой* должно быть, потому что въ ея домѣ все очень дорого цѣнится, бранилъ меня и именно за то дѣло, за которое ты хвалишь и, какъ ты выразилась, заглушилъ голосъ всей толпы: поэтому-то я и просилъ тебя не начинать извѣстнаго разговора. И, какъ ты думаешь, чей былъ это голосъ?

— Какой-нибудь обиженной помѣщицы! — отвѣчала маска.

— Въ томъ-то и дѣло, что не только не помѣщицы, а вовсе и не дворянки, а женщины, отъ-роду никѣмъ не распоряжавшейся, кромѣ пустыхъ стклянокъ!

— Что за нелѣпость!—сказала маска.

— Да и еще нѣмки вдобавокъ! Теперь для контраста недостаетъ только, чтобы ты была помѣщица.

Маска повидимому смѣялась.

— А вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ помѣщица!—сказала она, и въ голосѣ ея была слышна искренняя веселость.

— Не можетъ быть!—сказалъ Камышлинцевъ.

— Не шутя,—отвѣчала маска.

— Этого только не доставало для вавилонскаго смѣшенія!—воскликнулъ Камышлинцевъ.

Оба они расхохотались.

Въ это время они дошли до крайней комнаты, упиравшейся въ уборную, и повернули направо въ небольшую, пепроходную гостиную. Она была почти пуста, прохладна и только какая-то парочка, прижавшись въ углу, мирно бесѣдовала па диванѣ.

— Ты здѣсь одинъ?—спросила маска.

— Одинъ. отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Я тебя не оторвала ни отъ чего? Куда спѣшилъ, когда я тебя поймала?—спрашивала она.

— Въ карты играть хотѣлъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Ну, ими ты можешь немного пожертвовать мнѣ; я для тебя нарочно сюда пріѣхала. Сядемъ здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ, для меня?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! у меня здѣсь никого и знакомыхъ нѣтъ.

— Ну, такъ ты имѣешь право на жертву,—рѣшилъ Камышлинцевъ:—сядемъ.

Они усѣлись въ противоположномъ отъ парочки углу.

— Если у тебя здѣсь нѣтъ знакомыхъ, значитъ ты пріѣзжая?—началъ выспрашивать Кымышлинцевъ.

— Нѣтъ, здѣшняя!

— Такъ отчего же никого не знаешь?

— Я мало выѣзжаю: въ монастырѣ живу,—сказала маска.

— Ну, это и видно, особенно по фасону домино,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

Маска разсмѣялась.

— Да что, обо мнѣ нечего распрашивать; а ты разскажи про себя,—сказала она.—Ты давеча своей нѣмкой только разговоръ замялъ. Ты счастливый человѣкъ! Ты живешь вполнѣ, работаешь хорошему дѣлу, борешься съ врагами, и тебя любитъ и поддерживаетъ въ борьбѣ милая женщина.

— Про кого ты говоришь?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Зачѣмъ ставить точки на *i*!—отвѣчала маска:—ты самъ знаешь... или хочется, чтобы тебѣ разъяснили?

— Э, все это вздоръ!—сказалъ Камышлинцевъ.—Я очень доволенъ, что есть у меня дѣло по душѣ, но непріятности и разныя дрязги счастья большаго не доставляютъ, и никто меня въ этомъ не поддерживаетъ.

— Ну, что пустяки говорить!—сказала маска:—ты видишь, что я къ тебѣ искренно расположена, такъ будь же со мной откровененъ. Скажи мнѣ: правду ли говорятъ, что мужъ все знаетъ и благословилъ васъ?

Камышлинцевъ невольно разсмѣялся послѣднему предположенію.

— А у тебя хорошенькіе и быстрые глаза! — сказалъ онъ, глядя на маску.

— Ну, оставь ихъ, — сказала она нетерпѣливо: — будетъ съ тебя и сѣрыхъ! Ты лучше отвѣчай на мой вопросъ.

— Я тебѣ сказалъ уже, что все это вздоръ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ;—но еслибы тутъ и было коечто правды, то какое бы ты составила себѣ мнѣніе о человѣкѣ, который первымъ, положимъ, хорошенькимъ, но любопытнымъ глазамъ позволилъ бы заглядывать себѣ въ душу и сталъ бы разсказывать вещи, не до него одного относящіяся?

Маска задумалась.

— Ты правъ!—сказала она.—Я была не скромна, но все-таки ты счастливый человѣкъ: ты вполнѣ живешь, и я тебѣ завидую.

— Я и не жалуюсь,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.— А ты развѣ несчастна?

— Нѣтъ, и я не жалуюсь: особенно плохаго нѣтъ,— сказала она вяло. — Да живется мало! Живешь такъ, безъ цѣли — день за день переваливаешь; а жить хочется...

— Не влюблена, значитъ?—спросилъ нѣсколько насмѣшливо Камышлинцевъ, начиная чувствовать неинтересный поворотъ въ разговорѣ.

— Какъ будто все дѣло въ любви!—сказала маска горячо.

— Ну, для молоденькой женщины почти все,—замѣтилъ Камышлинцевъ.—А что же, ты иной дѣятельности жаждешь?—спросилъ онъ.

— Жажду! — весело отвѣчала маска; понимая, что Камышлинцевъ посмѣивается надъ ея жалобнымъ тономъ.

— Видишь, какая ненасытная! Ну подовольствуйся сначала л'амуромъ!—сказалъ Камышлинцевъ, — а тамъ въ дѣятельности твоего избранника найдешь, можетъ быть, и свою: воспособляй ему! Ты не замужемъ значитъ?

— Нѣтъ, замужемъ!—отвѣчала маска.

— Что жъ у тебя дѣлаетъ мужъ?

— Въ казенной палатѣ служитъ!—отвѣчала она.

— Ну, туда тебя воспособлять не пустятъ!—замѣтилъ Камышлинцевъ. — Такъ по крайней мѣрѣ вари

мужу щи хорошіе,—прибавилъ онъ.—Да нѣтъ.... ты обманываешь: у тебя глаза смѣются!

— Вотъ этого-то мнѣ и не хочется, щи-то варить да участіе въ дѣлахъ казенной палаты принимать,—сказала она.

— Оттого, что не любишь,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.—Какъ полюбишь, то найдешь и въ щахъ, и въ казенной палатѣ сладость неописанную. Признайся: вѣдь не любишь?

— Не люблю,—отвѣчала она.

— Зачѣмъ же дѣло стало? развѣ тебя никто не любитъ?

— Н-ну, нельзя сказать, чтобы никто. Да мнѣ-то не любится,—жалобно прибавила она.

— Значитъ, пора не пришла,—сказалъ Камышлинцевъ.

— Нѣтъ, пришла, и ужасно хочется любить,—стыдливо сказала маска, и глаза ея и опускались, и улыбались.

— Ну, такъ за предметомъ дѣло не станетъ: будто на свѣтѣ и людей нѣтъ!

— Есть, да... ну вотъ я бы въ тебя влюбилась?

— Ну что жъ, и прекрасно!—сказалъ Камышлинцевъ.—Дѣлу моему ты сочувствуешь?

— Сочувствую очень.

— Я самъ тебѣ нравлюсь?

— Маска посмотрѣла ему въ лицо веселыми глазами и, кажется, наслаждалась возможностью, не стѣсняясь, разсматривать его лицо.

Камышлинцевъ, улыбаясь, выдерживалъ смотръ.

— Ты похудѣлъ!—сказала она, какъ-бы сравниивая его съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, — и черты лица у тебя стали рѣзче и опредѣленнѣе... но ничего! это тебя не портитъ, даже по моему лучше: выразительнѣе стало!

— Ну такъ, значитъ, нравлюсь, и прекрасно! зачѣмъ же дѣло стало?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты не для насъ! —сказала маска, отворотясь отъ него;—да и мѣсто занято.

— А можетъ и нѣтъ, — сказалъ Камышлинцевъ, и въ умѣ его шевельнулась въ самомъ дѣлѣ мысль: любитъ ли онъ Ольгу по прежнему?

Маска опять пытливо посмотрѣла ему въ глаза: онъ смѣялся.

— Нѣтъ, занято!—сказала она:—я знаю.

— Ну, а если ты подозрѣваешь соперницу, такъ борись, старайся вытѣснить ее.

— Не сладишь,—сказала маска,—она хорошенькая, а я дурна.

— О, если такъ, то твое дѣло дрянь! Правда, бываетъ, что и дурныя нравятся, но надо, чтобы хорошенькихъ не было на тридцать верстъ въ окружности. Да ты лжешь, ну покажись-ка! ну покажи хоть подбородокъ!

Камышлинцева начало задѣвать за живое. Маска повернулась къ нему и открыла подбородокъ: отъ духоты ли подъ маской, или отъ стыдливости — онъ весь покраснѣлъ.

— Подбородокъ миленькій,—сказалъ Камышлинцевъ разсматривая его,—цвѣтъ лица и кожи хорошъ, и глаза живые и черные...

— Ты меня, какъ лошадь, разсматриваешь!—сказала маска.—Да ужь я тебѣ говорю, что я хуже... что не понравлюсь...

— Мужчины вовсе не такъ разборчивы, какъ ты думаешь!—сказалъ Камышлинцевъ.—Ну, а впрочемъ, коль не понравишься, такъ страдай: все-таки будетъ борьба чувство, жизнь!..

— Спасибо,—сказала маска:—такая жизнь до петли доведетъ!.... А какіе вы всѣ, даже и лучшіе-то изъ васъ, фаты и ненасытные.... Вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ былъ бы не прочь, еслибъ тебя полюбили!..

— Еще бы!—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— И такъ вы всѣ безнравственны, что полюби тебя хорошенькая, вѣдь ты бы, пожалуй, кое-что удѣлилъ?..

— Очень можетъ быть!—сказалъ Камышлинцевъ.— Это еще вопросъ не рѣшенный, поглощаетъ ли одна любовь человѣка мужчину или женщину—все равно, всего, и до такой степени, чтобы онъ не въ состояніи былъ въ то же время питать другую любовь.

— Ты это говори только за мужчинъ,—сказала маска горячо:—это вы только развратились до такой степени, что допускаете подобныя вещи!

— А вы развѣ изъ другой глины?—спросилъ Камышлинцевъ.—Вѣдь не ангелы же вы, въ самомъ дѣлѣ? Да и понятіе о нравственности вещь условная. Магометане, мормоны или какіе-нибудь ирокезы—не считаютъ безнравственнымъ, если мужъ имѣетъ нѣсколькихъ женъ и если жена имѣетъ нѣсколькихъ мужей.

— Ну, это ирокезскія понятія, а я говорю о европейскихъ,—сказала маска.

— Да я никакъ не защищаю необходимости, а говорю только о возможности факта, разумѣется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, — и говорю именно объ искреннемъ чувствѣ. Я полагаю, впрочемъ, — сказалъ Камышлинцевъ,—что это только раздвоеніе чувства, напримѣръ въ одномъ нравится одно, въ другомъ другое, или при отсутствіи одного—другой, и наоборотъ.

— А я думаю,—сказала маска,—что это бываетъ, когда съ жиру бѣсятся. Спасибо за раздвоенную любовь. Я бы за нее гроша не дала!

Камышлинцевъ разсмѣялся.

— Это называется: дай все, да и то мало!—сказалъ онъ.—Ну, ты, конечно, и за неизмѣнность чувства?

— Н-нѣтъ! — сказала она, — я допускаю, что оно можетъ измѣниться.

— Въ твою пользу, разумѣется! Ну, а еслибы тебѣ кто измѣнилъ, такъ глаза бы выцарапала?—спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что удержусь; но конечно съ удовольствіемъ сдѣлала бы это,—сказала маска, съ свѣтившимися глазами.

— Нѣтъ, ужъ если ты вздумаешь меня любить, такъ дай слово, что удержишься! А то, хоть я и не вѣтренъ, но все-же, на всякій случай...

Въ это время въ комнатку вошла бойкая барыня, и окинула ее взглядомъ. Она какъ будто исполняла свою обязанность дозора: „Зайти-де посмотрѣть, что тамъ у меня дѣлается?“

Увидавъ Камышлинцева, бойкая барыня кивнула ему головой снизу вверхъ, какъ-бы говоря: „Эге! смотри ты у меня!“ и въ тоже время пристально взглянула на сидящую съ Камышлинцевымъ маску.

— Пелагѣя Филипповна,—сказалъ Камышлинцевъ, нарочно подзывая къ себѣ бойкую барыню.—Вотъ маска, которая не знаетъ, кого полюбить. Я ей предлагаю себя: поддержите рекомендацію!

— Что же! какого тебѣ кавалера еще надобно? — спросила Пелагѣя Филипповна, инквизиторски, съ ногъ до головы оглядѣвъ маску и впиваясь въ нее глазами. Ей хотѣлось вызвать ее на разговоръ.

— Я въ немъ начинаю разочаровываться,—сказала маска, не пища, но скрывая свой голосъ.—Прощай!— сказала она, вставая.

— Куда жъ ты?—спросилъ ее Камышлинцевъ, тоже вставая, и спросилъ только для того, чтобы сказать что-нибудь: ему уже начинала прискучать болтовня съ ней.

— Мнѣ пора домой, а тебѣ въ карты играть, — сказала маска.—Хотѣла было я тебѣ сдѣлать еще вопроса два, да ужь послѣ, можетъ, когда...

— Про любовь?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Нѣтъ, подѣльнѣе,—отвѣчала маска, какъ-бы не хотя:—про общій трудъ и артель.—Она, кажется, думала привлечь этимъ вниманіе Камышлинцева; но его точно варомъ обварило.

— Ну, нѣтъ! уволь!—отвѣчалъ онъ;—во первыхъ, я считаю любовь гораздо серьезнѣе, а во вторыхъ, вдвое занимательнѣе. Объ ней если хочешь...

— Будетъ! хорошенькаго по немножку! — сказала маска, взявъ его подъ руку.—Проводи меня: это по пути!

— А ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ разочаровалась во мнѣ, или чѣмъ-то недовольна? Видишь, герои должны себя держать въ отдаленіи...

— Я глупа!—сказала маска, разсмѣявшись.—Мнѣ досадно стало, что ты эту бабу подозвалъ, да еще нашъ разговоръ ей сталъ передавать.

— Такъ ты во мнѣ разочаровалась?—спросилъ Камышлинцевъ съ тѣмъ эгоизмомъ, который подбиваетъ всякаго человѣка узнавать, что о немъ думаютъ?

— Немножко,—отвѣчала маска.—Я думала, что ты серьезнѣе и... и... и постояннѣе...

— Эге! такъ ты уже, значитъ, начинаешь надѣяться, что меня влюбить не такъ трудно, какъ ты думала сначала?—спросилъ Камышлинцевъ.

Маска была какъ будто сама удивлена этимъ выводомъ.

— Пожалуй, что и такъ,—смѣясь, сказала она.

— Ну, и ты намѣрена начать опытъ?

— Мм...—не знаю еще.... Покуда спасибо и прощай! Я глупо сдѣлала, что долго задерживала тебя болтовней и надоѣла тебѣ; ты ужь и забылъ, зачѣмъ я пріѣзжала, но мнѣ не часто приходится съ умными людьми говорить, и я не выдержала. Ты самолюбивъ; а все-таки ты хорошій человѣкъ, и я еще разъ желаю тебѣ силы и успѣха въ твоей борьбѣ!—Она крѣпко пожала ему руку и пошла на лѣстницу.

— Спасибо! Да ты одна? дай же я тебя провожу до экипажа.

— Нѣтъ! не надо, не надо! — торопливо сказала она:—я не люблю услугъ.

— Это хорошо!—замѣтилъ Камышлинцевъ, останавливаясь у балюстрады. — А въ слѣдующій маскарадъ пріѣдешь?

Маска остановилась, подняла на него голову и посмотрѣла, какъ-бы подсмѣиваясь, или раздумывая.

— Можетъ быть!—сказала она, кивнула ему головой и рѣзво сбѣжала съ лѣстницы.

Возвратясь въ залу, Камышлинцевъ отыскалъ бойкую барыню.

— Пелагѣя Филипповна, кто такая моя маска?—спросилъ онъ.

— Развѣ не знаете? — а я хотѣла у васъ спросить,—отвѣчала она, нѣсколько встревоженная.

— Нѣтъ, я не знаю! Да притомъ я вотъ этого великана,—Камышлинцевъ указалъ на офицера аршинъ трехъ росту,—надѣнь онъ маску, не узнаю!..

— Ну съ кѣмъ она, по крайней мѣрѣ, пріѣхала, въ какомъ экипажѣ?

— А Богъ ее вѣдаетъ! Она была одна; я ее проводилъ только до лѣстницы.

— Поповъ, бѣгите скорѣе внизъ, посмотрите, можетъ, она не уѣхала: съ кѣмъ, на чьей лошади? разузнайте, торопитесь! — отдала она приказъ одному изъ бывшихъ при ней молодыхъ людей, который тотчасъ же бросился.

— Да живѣе! разспросите у людей, или швейцара!—кричала она ему вслѣдъ.

— Обѣщайте этому Попову, что мы его за отличіе въ Протопоповы произведемъ!—подсказалъ Камышлинцевъ.

— Ну, а васъ бы разжаловать слѣдовало,—сказала, искренно сердясь, Пелагѣя Филипповна.—Э-эхъ вы! два часа сидѣли, а ничего не узнали! Что она говорила вамъ про себя?

— Говорила, что мужъ въ казенной палатѣ служитъ, да я думаю, лжетъ: она, кажется, дѣвушка...

— Въ казенной палатѣ? кто же бы это?—сказала Пелагѣя Филипповна, и мысленно стала перебирать всѣхъ тамъ служащихъ. „У Симагина жена не высока, у Ершова дочери — тоже низенькія и толстенькія"... — Э, постойте!.. Иванъ Степановичъ! кто у васъ на мѣсто Ермакова поступилъ?—спросила она проходившаго пожилаго господина.

— Свиристелевъ,—отвѣчалъ онъ. — На что вамъ?

— Что онъ, женатый?

— Женатый.

— Высокая у него жена?

— Высокая, на одну ногу хромаетъ.

— Нѣтъ! не она!.. Ну, ступайте!—сказала бойкая барыня, отпуская пожилаго господина.—Думала я, что изъ Хрустихиныхъ кто-нибудь: у нихъ есть этакой французскій платокъ—да нѣтъ! у этой турецкая шаль, лежалая и подержанная, а турецкая. Впрочемъ, не Богъ вѣсть, изъ какихъ щеголихъ: башмаки-то Сивоерцевской работы, — замѣтила она.

Въ это время возвратился Поповъ и объявилъ, что маска уѣхала и узнать онъ про нее ничего не успѣлъ.

— Эхъ вы!—презрительно сказала Пелагѣя Филипповна.

— На крыльцо выходилъ, Пелагѣя Филипповна, продрогъ, у будочника и кучеровъ разспрашивалъ — дураки! — ничего не знаютъ! „Много, говорятъ, ихней братьи: кто за ними присматривать будетъ!"—оправдывался молодой человѣкъ.

— Ну, Пелагѣя Филипповна, не ожидалъ я отъ васъ, чтобы вы маски не узнали!—замѣтилъ Камышлинцевъ, уходя.

— Самъ сплошалъ,—возражала обидчиво барыня,— да на меня валитъ! Постойте, въ другой разъ пріѣдетъ, такъ ужь не уйдетъ!—утѣшала его она.

Камышлинцевъ пришелъ въ игорную.

— Гдѣ вы пропадали? — заговорили его обычные партнеры.—Мы васъ искали, искали, да новую начали!

— Впрочемъ скоро эту кончимъ, такъ третью можемъ составить,—отвѣчалъ одинъ ненасытный.—Только сидите здѣсь!

Но Камышлинцевъ его не послушался, закусилъ и уѣхалъ домой.

Оставшись наединѣ и ложась спать, Камышлинцевъ чувствовалъ то пріятное ощущеніе, которое сопровождаетъ на сонъ грядущій человѣка, когда онъ покончитъ какое-нибудь трудное дѣло и вообще сдѣлаетъ или испытаетъ что-либо хорошее. Маска сама по себѣ мало занимала его, но ея одобреніе, какъ отзывъ честнаго и молодаго поколѣнія, было ему очень пріятно. Нѣкоторыя мѣста его болтовни съ ней тоже приходили ему на умъ и заставили его критически взглянуть на свое чувство къ Ольгѣ. При этомъ, отъ сравненія съ маской, еще сильнѣе припомнилось Камышлинцеву враждебное расположеніе Ольги къ его образу мыслей, которое, вмѣсто того чтобъ сглаживаться, проявлялось все рѣзче и рѣзче и заставляло его глубже задумываться. Но его досада и озлобленіе противъ Ольги не сопровождались уже той горечью, безъ которой онъ не могъ прежде объ этомъ подумать; надъ ними уже звучала какая-то успокоивающая и утѣшающая нота. Ему, — самому невѣдомо, казалось, уже блеснулъ какой-то слабый свѣтъ, который, поддерживая его, указывалъ поворотъ отъ стѣны, въ

которую онъ нечаянно уперся. Онъ спокойно заснулъ со своимъ пріятно поглаженнымъ самолюбіемъ, и на другой день всталъ съ новой бодростью, силами и твердостью.

X.

Размолвка Камышлинцева съ губернаторомъ была улажена, благодаря вмѣшательству Мытищева. Узнавъ о ней, Мытищевъ принялъ, разумѣется, сторону Камышлинцева, заставилъ сознаться въ своемъ промахѣ Нобелькнебеля и по возможности исправить его. Въ губернскомъ Мониторѣ, рѣчь губернатора вовсе не была напечатана, но вмѣсто того появилась сообщенная статья, въ которой излагалось постановленіе дворянства на счетъ посредниковъ и замѣчалось при этомъ, что оно признано вполнѣ незаконнымъ и ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть значенія. Камышлинцевъ, вслѣдствіе этой уступки, не заводилъ уже оффиціальнаго вопроса, а Нобелькнебель, при встрѣчѣ съ Камышлинцевымъ, любезно съ нимъ поздоровался и наивѣжливѣйше замѣтилъ ему:

— Вы видите, что если я могу въ неприготовленной рѣчи употребить выраженіе, которое подаетъ поводъ къ превратному толкованію, то я дѣломъ сейчасъ же разъясняю истинное его значеніе: журналъ о посредникахъ не былъ и не можетъ быть мною утвержденъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній.

Миръ былъ, повидимому, заключенъ. Предоставляемъ догадываться, простилъ ли только Нобелькнебель Камышлинцеву это оскорбленіе своего самолюбія.

Утромъ, съ недѣлю спустя послѣ маскарада, Камышлинцеву доложили, что къ нему пріѣхалъ помѣщикъ Барсуковъ. Камышлинцевъ зналъ Барсукова прежде и ежедневно встрѣчался на выборахъ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ представителей такъ-называемыхъ „малодушныхъ“, т. е. имѣющихъ менѣе ста душъ и пользующихся правомъ голоса собирательно. У самого Барсукова состояло душъ 60. Это былъ кругленькій, съ добродушнымъ и всегда потнымъ лицомъ человѣкъ, лѣтъ сорока. У Камышлинцева онъ никогда не бывалъ, и тотъ затруднялся даже, какъ назвать его, и по отчеству дочери только припомнилъ, что его зовутъ, должно быть, Иваномъ.

Барсуковъ извинился, что побезпокоилъ, и, получивъ увѣреніе въ противномъ, усѣлся.

— А я заходилъ сейчасъ—сказалъ онъ,—къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ, но ни ихъ ни Иванъ Сергѣича дома не засталъ,—сказалъ онъ.

— Да, они, кажется, выѣхали,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

Барсуковъ переминался и раза два отеръ лицо платкомъ, хотя на дворѣ было 15 градусовъ мороза.

— Вы не имѣете ли имъ передать что-нибудь? Если я могу быть вамъ полезенъ, то сдѣлайте одолженіе, располагайте мною,—сказалъ Камышлинцевъ, видя затрудненіе Барсукова.

— Да-съ, дѣльце есть, — отвѣчалъ тотъ. — Признаться, я ѣхалъ просить совѣта Ольги Ѳедоровны объ одномъ домашнемъ обстоятельствѣ. Впрочемъ, еслибы вы были такъ добры... такъ какъ я ихъ не засталъ, то... позвольте сообщить вамъ-съ и спросить, какъ будетъ на этотъ счетъ ваше мнѣніе, такъ какъ я имъ очень

дорожу-съ (онъ привсталъ и поклонился) и оно можетъ быть въ этомъ случаѣ полезно.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Камышлинцевъ.— Вы курите?—онъ подвинулъ къ Барсукову папиросы и сигары.

— Трубочку, еслибы позволили, такъ какъ я вижу, у васъ она есть,—сказалъ Барсуковъ, указывая на алжирскую трубку, которая висѣла у Камышлинцева вмѣстѣ съ разнымъ оружіемъ.

Камышлинцевъ тотчасъ же соорудилъ ему трубку.

— Извольте видѣть, какое обстоятельство,—сказалъ Барсуковъ, попыхивая. — Дочка у меня есть, вы вѣроятно изволите знате ее: Анюта!

— Какъ же, знаю,—сказалъ Камышлинцевъ:—она у васъ старшая, кажется?

— Старшая-съ! Да она одна и есть, а то два сынишка еще поменьше. Такъ вотъ—она-съ. Дѣвушка она, безъ лицепріятія сказать, не глупая-съ; а вдругъ ей какая странная мысль пришла-съ! Даже совѣстно сказать... — Барсуковъ остановился, какъ-бы не рѣшаясь выговорить.

— Хочетъ, — сказалъ онъ наконецъ, весь сконфузясь,—швейный магазинъ открыть-съ!

— Почему же это ей вздумалось?—улыбаясь, спросилъ Камышлинцевъ.

— Да вотъ-съ; ума не приложу!—разводя руками, сказалъ Барсуковъ.—Добро бы, ей жить было плохо:— вѣрите ли Богу, слова ей не поперечимъ! Да и поперечить не зачѣмъ, такая она заботливая... благоразумная... Правда, жена моя ей приходится мачихой... Ея-то мать, съ позволенія сказать, родами умерла, и ее

годовую оставила, — замѣтилъ Барсуковъ. — Да она выросла на рукахъ мачихиныхъ. Такъ какъ дочери у насъ не было, такъ она ее за мѣсто родной любитъ, и какъ она всегда почтительна и послушна была, то всѣ ея желанія исполняетъ. И вѣрите ли, Дмитрій Петровичъ, хоть бы ссора какая у насъ вышла, или этакъ размолвка, а то ни-ни!.. Я, признаюсь, можете себѣ представить, просто ошалѣлъ, какъ она мнѣ это сказала. Этакое невиданое въ дворянскомъ сословіи дѣло, чтобъ дочь дворянина, хоть и не большаго, да все-же дворянина, швейный магазинъ открыла! И добро бы, нужда-съ! А то, слава Богу; конечно, достатка большаго нѣтъ, а особенно по нынѣшнимъ временамъ трудненько, очень трудненько, — да все-же отъ нужды еще Богъ избавилъ, и хоть скромненько, а все-же живемъ и кусокъ хлѣба есть! Опять же отъ ея матери покойницы остался капиталецъ — пять тысячъ рублей, ассигнаціями-съ: тогда на серебро счету еще не было — и я эти пять тысячъ не только неприкосновенными сохранилъ, но они — съ процентами удвоились, и въ билетѣ на ея имя доселѣ лежатъ. — Онъ отеръ лицо и остановился.

— Такъ вотъ-съ, спрашиваю я ее, — продолжалъ Барсуковъ, — скажи, молъ, ты мнѣ, какая причина тебя заставляетъ рѣшиться на это дѣло: житье ли тебѣ дурное, нужда ли, притѣсненіе ли ты видишь какое? И что же она, какіе резоны приводитъ? „Нѣтъ, говоритъ, всѣми я вами довольна, да сама дѣлать что-нибудь хочу и хлѣбъ зарабатывать!“

Отъ изумленія онъ только плечами пожалъ.

— Да чтоже,—спрашиваю я,—развѣ нѣтъ у тебя этого хлѣба? или попрекаютъ имъ? или мало тебѣ его? Лучше развѣ, говорю, будешь ты жить своимъ-то трудомъ, коль еще сможешь прокормиться-то имъ? „Ну, говоритъ, какое тамъ житье ни будетъ, да попытаюсь!“ Къ женѣ присталъ: не вышло ли, молъ, у васъ чего? Та образъ со стѣны снимаетъ, что нѣтъ! Ничего и придумать не можетъ. Я опять не повѣрилъ ей: быть не можетъ, думаю! Улучилъ Анюту одну и спрашиваю: да скажи ты мнѣ на милость, мнѣ, отцу родному, наединѣ, что тебя гонитъ? Клятву, молъ, тебѣ даю, что никто не узнаетъ! Слезы даже меня тогда прошибли...—При этомъ Барсуковъ заморгалъ глазами и такъ засосалъ трубку, что она заскрипѣла.—Что же бы вы думали? Клянется и цалуетъ меня: „да нѣтъ, говоритъ, папенька, клянусь вамъ, что ничего не произошло! Просто, говоритъ, работать хочется!..“

— Матушка! говорю я, да неужто за работой дѣло? Ну, ворохъ тебѣ шерсти или тамъ гарусу куплю. „Вотъ очень нужно вздоръ-то этотъ! Это, говоритъ, для богатыхъ хорошо!“ Ну, на себя и на братьевъ шей — говорю; хлѣбы, пожалуй, мѣси! Какъ вкругъ дома дѣла не найти? Да и вздоръ все, потому что она и безъ того никогда безъ дѣла не сидѣла: трудолюбива она у насъ. Такъ нѣтъ-съ! все свое! И что же бы вы думали еще? Полагалъ я наконецъ, она на свое счастіе хочетъ мастерскую завести: она мастерица, дѣйствительно, все это шить по женской части. Ну, счастье свое хочетъ испробовать, думаю; такъ и то нѣтъ? Я, говоритъ, товарокъ найду, и мы артель устроимъ! Артель-съ, — изволи ли вы это слышать?—точно плотники!

Добрый старикъ съ огорченія пустилъ сквозь зубы слюну тончайшей струйкой.

„Ассоціація!“—подумалъ Камышлинцевъ: тогда о ней уже были толки въ литературѣ.

— И догадываюсь я, откуда это забрело къ ней,— таинственно понижая голосъ, продолжалъ Барсуковъ.— Потому эдакій бредъ не можетъ-съ, сами изволите согласиться, дѣвушкѣ въ голову войти. Студентъ тутъ сосланный завелся у насъ. Малый, говорятъ, и ученый, да грубый; не то чтобы къ старшимъ, но и къ отцу родному почтительности не имѣетъ! Ну, а что безъ этого: какой толкъ выйдетъ? Такъ это онъ, должно быть, ее надоумилъ. Онъ все съ ней про разныя книжки да такія матеріи толкуетъ, что и не поймешь. Начнетъ разсуждать какъ будто о дѣлѣ, а глядишь—чортъ знаетъ, прости Богъ, что выходитъ! Я было его къ парнишкѣ своему въ учителя взялъ, да отказалъ. Зловредный человѣкъ-съ!— Барсуковъ опять злобно пустилъ фонтанчикъ слюны.

— Послушайте, Иванъ... извините не знаю, какъ по батюшкѣ...

— Степановъ-съ,—подсказалъ Барсуковъ.

— Иванъ Степановичъ..... конечно, это дѣло непривычное, особенно артельное устройство, но, собственно говоря, вѣдь что же тутъ дурнаго!—попробовалъ мягко замѣтить Камышлинцевъ.—Вѣдь трудъ дѣло почтенное, а Анна Ивановна трудиться хочетъ: видите вѣдь, какія времена-то пришли!

Барсуковъ былъ нѣсколько озадаченъ, но неопредѣленный намекъ на времена видимо объяснилъ ему многое.

— Такъ-то такъ-съ! Самъ я вижу, что ныньче все совсѣмъ иначе пошло. Такія дѣла, такія дѣла, просто

не виданныя!—и онъ развелъ руками.—Да не хочется мнѣ, чтобъ съ меня-то это началось. Ну пусть, что тамъ приказано будетъ, или что всѣ начнутъ дѣлать-съ! а то съ чего же именно намъ-то? Вѣдь слава Богу, еще дышемъ! И потомъ, положимъ, она у меня дѣвка благонравная, и ведетъ себя строго, но какъ же это одной-то жить?

— Да вѣдь вы, кажется, говорили, что она товарокъ хотѣла найти,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Ну-съ, какія еще товарки! Иная только собьетъ! Другое дѣло, какую бы нибудь солидную женщину, да какая солидная тутъ пойдетъ?

— Отчего же, еслибы поискать,—проговорилъ Камышлинцевъ.—Такъ чего же желали-бы вы отъ Ольги Ѳедоровны?—спросилъ онъ.

— Да, вотъ-съ, Дмитрій Петровичъ!—встрепенувшись, сказалъ Барсуковъ: лицо его приняло нѣжно-просительное выраженіе и онъ почтительно положилъ трубочку, — хотѣлъ я попросить Ольгу Ѳедоровну, такъ какъ она знаетъ и любитъ мою дѣвочку, не будетъ ли она такъ добра, чтобы поговорить съ ней на счетъ этого? Она такая дама... и притомъ, вы изволите знать, женщины свои резоны всегда имѣютъ: наши-то онѣ какъ-то трудно принимаютъ-съ,—такъ, можетъ, она и уломаетъ дочурку-то-съ!

— Очень хорошо, я ей съ удовольствіемъ передамъ,—сказалъ Камышлинцевъ,—хотя, признаться вамъ, полагаю, что если ваши убѣжденія уже не подѣйствовали, то постороннія—врядъ-ли!..

— Дѣйствительно-съ: она у меня, признаться, поизбалована, должно быть. Ну, сами знаете: одна вѣдь

дочь, — такъ нѣсколько упряма вышла. Ужь что задумаетъ такъ, рано ли, поздно ли, а настоитъ: мать у нея этакая стойкая была. И не то, чтобы дерзостью, или нахрапомъ: а просто выдержкой устоитъ. Однако все-таки, можетъ быть, такъ какъ Ольга Ѳедоровна такая дама вліятельная...

— Очень хорошо, я ей передамъ, и увѣренъ, что она исполнитъ ваше желаніе...

— Только вотъ обстоятельство...—смущенно сказалъ Барсуковъ:—боюсь я, не сердита ли на нее Ольга Ѳедоровна, потому дочурка-то моя у нея до сихъ поръ не была! Пріѣхали мы на время, экипажа нѣтъ, посылалъ я ее, признаться...

— Не безпокойтесь; — сказалъ Камышлинцевъ, — я вамъ ручаюсь, что Ольга Ѳедоровна не сердится и, если угодно, то она пришлетъ экипажъ за Анной Ивановной.

— Ахъ, много, много бы обязали! А я дочуркѣ скажу, что Ольга Ѳедоровна узнала, что она здѣсь, и пожелала видѣть ее. Только нельзя ли будетъ коснуться этого предмета такъ какъ-нибудь, стороной, чтобы не подумала дочка-то, что я на нее жаловаться пріѣзжалъ?..

— Это все можно устроить: вы знаете, женщины на это мастерицы!

— Э, что и говорить! Особенно Ольга-то Ѳедоровна: одно слово, златоустъ! Да ужь если позволите, Дмитрій Петровичъ, — Барсуковъ всталъ и поклонился, — замолвите и вы словечко и Ольгѣ Ѳедоровнѣ, да и моей-то дурочкѣ. Вѣдь ваше слово, что тамъ ни говори, а много значитъ, Дмитрій Петровичъ, и особенно для молодежи-съ: она васъ слушаетъ-съ! ваше слово много значитъ-съ!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, Иванъ Степановичъ!—говорилъ Камышлинцевъ пожимая руку Барсукова, который откланивался.

— А что это дворянство затѣяло противъ васъ, Дмитрій Петровичъ,—смущенно говорилъ, уходя, Барсуковъ,—такъ это все напрасно-съ! Мы люди маленькіе, говорить намъ не приходится-съ, а тоже чувствуемъ-съ!— Что же, въ самомъ дѣлѣ; наши-то члены смотрятъ, коли они правы? Нѣтъ-съ, значитъ, не въ моготу-съ супротивъ васъ!.. Значитъ вы по правдѣ-съ, и всякій, кто къ вамъ обращался, не можетъ ничего сказать-съ...

— Ну, что объ этомъ говорить, Иванъ Степановичъ,—сказалъ Камышлинцевъ;—современемъ все выяснится; а теперь вы видите, время новое, все-еще кипитъ да мечется.

— И не говорите! — сказалъ Барсуковъ, отчаянно махнувъ рукой:—такія времена.. такія времена, и-и!... Мое истинное почтеніе!—сказалъ онъ, еще разъ пожимая руку.—Такъ позвольте надѣяться!—Онъ еще разъ поклонился съ умиленнымъ лицомъ и скрылся.

Камышлинцевъ въ этотъ же день передалъ просьбу Барсукова Ольгѣ. Ольга выказала полную готовность, принять участіе въ этомъ дѣлѣ, только не совсѣмъ по желанію Барсукова. Намѣреніе его дочери нисколько не возмутило Мытищеву и не показалось ей дикимъ. Мысли объ ассоціаціи или артели она пропустила мимо ушей, какъ какой-то ненужный придатокъ или непрактичный хозяйственный пріемъ, который легко устранить; но заведеніе моднаго магазина ей даже понравилось. Что его хотѣла завести дворянка, это по ея мнѣнію ничего не значило, потому что въ ея глазахъ важно было не дво-

рянство, а „общество“, къ которому принадлежало лицо. Она даже смѣялась надъ опасеніями Барсукова.

— Да! это дѣйствительно страшно, если фамилія Барсуковыхъ снизойдетъ до торговли,—говорила она.— У насъ здѣсь нѣтъ порядочнаго магазина, а у Анюты это дѣло пойдетъ, — замѣтила Ольга: — она мастерица шить и у нея вкусъ есть — это главное! И потомъ, она дѣвушка практичная. Я лучше постараюсь уговорить старика отца и уладить это дѣло!—рѣшила она, и принялась работать.

Согласно обѣщанію, за Анютой въ этотъ же день былъ посланъ экипажъ съ маленькой запиской, въ которой Ольга упрекала ее, что та ее забыла, и просила пріѣхать. Анюта не заставила себя ждать. Она пріѣхала въ сумерки. Мытищева нарочно выбрала это время, потому что тогда не бывало никого изъ постороннихъ, и даже графъ Гогенфельдъ, сдѣлавшійся домашнимъ человѣкомъ, уходилъ въ эти часы домой.

Всѣ сидѣли въ маленькой гостиной; мужчины курили; Ольга сидѣла съ ногами на диванѣ (эту привычку она взяла со времени своей беременности); на столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ. Высокая, стройная Анюта вошла свободно, держа въ рукѣ муфту и платокъ. На ней было сѣренькое платье, темные волнистые волосы причесаны были просто, но лицо молодое, свѣжее, румяное, съ черными глазами подъ длинными рѣсницами и тонкими, рѣзко очерченными бровями, съ энергическимъ выгибомъ переносья и небольшимъ, прямымъ носомъ, дышало энергіей, молодостью, смѣлостью... Она поздоровалась съ Ольгой, подала руку Мытищеву, но когда изъ темнаго угла поднялся Камышлинцевъ и поклонился ей,

непослушный румянецъ, который, къ крайней ея досадѣ, вспыхивалъ при каждомъ малѣйшемъ волненіи, вдругъ облилъ ея лицо; свѣтъ отъ лампы ударилъ на него (она усаживалась противъ Ольги), Камышлинцевъ увидалъ ея вдвойнѣ розовый, отъ природы и волненья, подбородокъ съ маленькой ямкой и невольно улыбнулся: онъ узналъ его.

Когда кончились первыя привѣтствія, объясненія, отчего не видались и пр., наступила маленькая пауза. Анюта, какъ съ ней всегда случалось, когда она была сколько-нибудь смущена или хотѣла подсмѣяться, смотрѣла нѣсколько изъ-подлобья, но весело, и какъ будто съ вызывающимъ лицомъ. Камышлинцеву показались въ ея лицѣ какая-то рѣшимость и какъ будто иронія. Точно она думала: „ну, что же, начинайте атаку, я жду!“

Атака началась.

— Знаете, милая,— сказала Ольга,—я очень, очень рада васъ видѣть, и заѣхала бы сама или послала за вами, во всякомъ случаѣ, какъ только узнала о вашемъ пріѣздѣ; но я должна предупредить васъ, что вы находитесь въ средѣ заговорщиковъ и что противъ васъ составился заговоръ.

— Я протестую, — сказалъ Камышлинцевъ, — и прошу меня исключить изъ него.

— Ну, вамъ всегда лишь бы протестовать, — сказала Ольга.

— Я знаю о заговорѣ, — взглянувъ изъ подлобья и съ улыбкой, отвѣчала Барсукова.—Я слышала, что и вы съ ними?—сказала она, обращаясь къ Камышлинцеву.

— Вы, вѣрно, выпытали все отъ отца?

— Мнѣ это не стоило большаго труда, — замѣтила Анюта: — какъ только онъ завелъ рѣчь о свиданіи съ вами, я тотчасъ догадалась, и сказала ему, зачѣмъ онъ ѣздилъ; и онъ сейчасъ же сознался.

— Да, но чего вы не знаете, — сказала Ольга, — это то, что заговоръ-то составился противъ вашего отца, и мы всѣ переходимъ на вашу сторону.

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказала Анюта, приподнявъ голову и радостно взглянувъ на Ольгу. Лицо ея по обыкновенію вспыхнуло на минуту, глаза засвѣтились, и вся она какъ-будто просіяла. Этотъ переходъ въ ней, этотъ ясный и прямой взглядъ, послѣ стыдливаго взгляда изъ-подлобья, былъ чрезвычайно оригиналенъ и полонъ неожиданной прелести.

— Да, мы не находимъ ничего дурнаго въ вашемъ намѣреніи, а напротивъ — только хорошее. И я еще болѣе хотѣла завлечь васъ сюда, чтобы уговориться, какъ-бы помочь вамъ.

— О, я очень рада! — сказала Анюта. Мнѣ досадно было думать, что вы противъ моей мысли, потому что вашъ совѣтъ въ этомъ дѣлѣ могъ бы много помочь мнѣ.

— Да и практика! — замѣтилъ Мытищевъ, подсмѣиваясь надъ страстью жены къ нарядамъ.

— Да, и практика! — подтвердила, улыбаясь изъ-подлобья, Анюта; — я очень нуждаюсь во вкусѣ и указаніяхъ Ольги Ѳедоровны; ея поддержка будетъ дорога во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я рада душевно и готова вамъ помогать, сколько и чѣмъ могу, но дѣло въ томъ, какъ бы уломать вашего старика! Какую вы тамъ артель, или что-то такое, придумали?

— Я хотѣла бы найти нѣсколько подругъ или даже просто мастерицъ, съ которыми бы держала магазинъ и жила вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы выгоды отъ магазина дѣлились поровну, т. е. чтобы не нанимать ихъ, а имѣть ихъ сотрудницами.

— Ну, это поэзія! —рѣшила Ольга.—Вы это свѣтскую общину хотите завести, а кто же у васъ будетъ: мать Досиѳея?

Мать Досиѳея была сухая и строгая настоятельница женской общины, существующей не подалеку отъ Велико-Ѳедорска.

— Я бы думала безъ матери Досиѳеи обойтись, — сказала Анюта.

— Ну, ничего и не выйдетъ! дѣло только тогда хорошо можетъ идти, когда имъ кто-нибудь заправляетъ. Нѣтъ, вы эту поэзію-то оставьте! Вы ее гдѣ-нибудь въ книгахъ вычитали? Нынче какая-то мода пошла объ этихъ скучныхъ вещахъ въ журналахъ толковать: я ихъ всегда пропускаю. Но знаете что? хотя у васъ будетъ и не община... на что-нибудь подобное и благословенія моего вамъ не будетъ...—прибавила Ольга,—но вамъ нѣчто въ родѣ Досиѳеи надо завести себѣ: знаете, вмѣсто парасоля или маменекъ, которыя на балахъ у стѣнъ садятся. Я всегда предлагаю нарисовать ихъ тамъ одинъ разъ навсегда, да живыхъ ужь больше и не впускать. Нѣтъ ли у васъ родственницы какой, тетки, завалящей какой-нибудь, или старой кузины?

— Тетка есть,—сказала Анюта.

— Не злая? одинокая?

— Не злая и одинокая. Она у пасъ въ домѣ живетъ, и меня очень любитъ.

— Вотъ и отлично! Съ ней и старичекъ вашъ легче согласится васъ отпустить. Ну, надо вамъ будетъ хорошенькаго матеріала закупить да закройщицу знающую выписать: все бы это надо изъ Петербурга. Деньги есть у васъ?

— Есть маленькій капиталъ: отъ матушки остался, отецъ дастъ, пожалуй, часть. Но я бы хотѣла просто швейную,—замѣтила Анюта.

— Ахъ, душа моя! ну, посудите сами, какая здѣсь можетъ держаться швейная? Бѣлье — небогатые шьютъ у себя, а богатые выписываютъ; платье, если не будетъ у васъ отдѣлки и матеріи, тоже шить не будутъ отдавать. Нѣтъ! одна швейная не пойдетъ: нужны швеи, моды, нужны хорошенькіе матеріалы для отдѣлки, а тамъ кстати и все прочее... Постойте! Maman скоро хочетъ уѣхать въ Петербургъ...

— Это давно ли задумано? — спросилъ Мытищевъ.

— На дняхъ говорили; братъ совѣтуетъ ей съѣздить къ петербургскимъ докторамъ, или въ Берлинъ, посовѣтоваться на счетъ ея болѣзни.

— Ну, если братъ твой посовѣтовалъ, то значитъ, навѣрное поѣдетъ!—замѣтилъ флегматично Мытищевъ. Онъ вообще сталъ насмѣшливо относиться къ семьѣ Ольги.

— Такъ вотъ вамъ бы съ ней было отлично поѣхать; а для нея такая спутница, какъ вы, будетъ кладъ. Она же васъ очень любитъ.

Анюта молча слушала, какъ за нее все устраивала Мытищева.

— Ну, мы, кажется, совсѣмъ исполнили просьбу вашего батюшки, — расхохотавшись, замѣтила Ольга. — Теперь надо подумать, какъ его уговорить.

— Я его слегка уже приготовилъ,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Да, я это замѣтила,—сказала Барсукова, и съ благодарной улыбкой кивнула ему головой.

Ольга Өедоровна, принявшись за это дѣло съ рвеніемъ, свойственнымъ всѣмъ, ничѣмъ дѣльнымъ не занятымъ особамъ, всегда радующимся, когда есть какое-нибудь легкое средство наполнить свой досугъ, предложила заѣхать сама къ Барсуковымъ и попробовать уговорить отца и мачиху. Рѣшено было, чтобы Мытищева пріѣхала какъ-бы отдать визитъ, или взять съ собой Анюту, но чтобы Анюта, для большей свободы переговоровъ, на это время куда-нибудь отлучилась.

— А если мнѣ не удастся, такъ мы, пожалуй, и maman напустимъ, а при случаѣ и братъ, если встрѣтитъ вашего батюшку, тоже замолвитъ слово.

— Ну, ужь противъ такой тяжелой артиллеріи кто устоитъ!—сказалъ Мытищевъ.—Впрочемъ, я полагаю, достаточно будетъ и твоихъ дипломатическихъ способностей,—прибавилъ онъ.

— Вы главное упирайте на нынѣшнія времена, —замѣтилъ Камышлинцевъ.—Говорите только, что время такое—и требуйте, чего хотите! Это самое слабое мѣсто старика.

— Да, это правда,—подтвердила Анюта, улыбнувшись.

Разговоръ перемѣнился и тѣмъ кончились исполненія просьбы старика Барсукова.

Дипломатическій визитъ Ольги Мытищевой и внушенія, пущенныя искусно съ разныхъ сторонъ, увѣнчались успѣхомъ. Старики Барсуковы согласились на предпрі-

ятіе Анюты, и отецъ отдалъ въ ея распоряженіе материнскій капиталъ.

— Ты, матушка, совершеннолѣтняя: дѣлай, что хочешь!—сказалъ онъ съ недовольнымъ смиреніемъ, и не утерпѣлъ, что-бы не прибавить:—видно, мудренѣе отцовъ дѣти стали нынче, скоро поспѣваютъ, да своимъ умомъ жить хотятъ!..—Онъ эту фразу повторялъ всѣмъ, кому разсказывалъ о предпріятіи дочери, но за тѣмъ, въ видѣ утѣшенія себѣ и въ оправданіе дочери, всегда прибавлялъ: — что дѣлать, знать ужъ нынче времена такія пришли!

Поѣздка старухи Нобелькнебель въ Петербургъ была рѣшена, она съ удовольствіемъ брала съ собою Анюту,— и все устраивалось такъ, какъ предполагала Мытищева.

XI

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ предъидущаго маскарада въ клубѣ, назначенъ былъ другой. Въ урочный часъ Камышлинцевъ отправился въ клубъ, и, противъ обыкновенія, на предложеніе партіи отвѣчалъ, что много сидѣлъ и хочетъ побродить. Онъ увѣрялъ себя, что дѣлаетъ это съ чисто гигіенической цѣлью, но въ сущности онъ ждалъ своей маски, хотя не хотѣлъ въ этомъ сознаться. Не могъ онъ только не сознаться, что ждалъ чего-то пріятнаго, и чувство это тѣмъ слаще щекотало его, что въ послѣднее время онъ ничего особеннаго пріятнаго для себя не ждалъ. Жизнь его, казалось, вошла въ опредѣленныя формы. Успѣхъ крестьянскаго дѣла, общій успѣхъ развитія Россіи — все это живо интере-

совало его. Для этого онъ готовъ былъ отдать и отдалъ всего себя; но для себя лично ничего особеннаго не предвидѣлъ. Наслѣдства и почестей онъ ни откуда не ждалъ. Любовь?.. но любовь была, и онъ зналъ ее всю, и отъ нея новаго ничего не ждалъ. И вдругъ, какое-то ожиданіе чего-то неопредѣленнаго, но новаго и живаго!..

Камышлинцевъ, впрочемъ, вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться, что онъ ждалъ гораздо нетерпѣливѣе, чѣмъ думалъ. Онъ прошелъ нѣсколько разъ по залѣ, но маска, та маска, которую онъ искалъ глазами не подходила, и онъ невольно начиналъ злиться.

Прошло съ часъ.

Камышлинцевъ разсѣянно говорилъ съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ, когда онъ увидѣлъ издали свою маску: она, казалось, искала кого-то.

— Маска! ты кого-то ищешь?—спросилъ онъ.

— Тебя!—отвѣчала она, взявъ его подъ руку.

— А я думалъ, что ты уже не пріѣдешь. Я тебя давно жду здѣсь.

— Ты меня ждалъ?—спросила она, поглядѣвъ на него пристально.—Мнѣ нельзя было раньше: меня задержали.

Они прошли нѣсколько шаговъ.

— Ну, что, мы сегодня о чувствахъ будемъ говорить, или объ ассоціаціяхъ?—спросилъ, подсмѣиваясь, Камышлинцевъ.

— Объ ассоціаціяхъ!—смѣясь, отвѣтила маска.—Я съ вами въ тотъ разъ хотѣла о нихъ заговорить, да боялась, что вы меня узнаете.

— Постой, объ ассоціаціяхъ я говорить, пожалуй, и буду, но *вы* въ маскарадахъ не говорятъ: я тебя не знаю. Да эдакъ и откровеннѣе.

Маска промолчала.

— Ну, скажи мнѣ: зачѣмъ одна моя знакомая хочетъ уйти изъ семьи, гдѣ ей хорошо, и открыть магазинъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да отъ того, вѣроятно,—отвѣтила маска,—что твоей знакомой вѣрно лѣтъ около двадцати, и ей просто хочется жить на свободѣ. Вѣдь это несносно быть вѣкъ подъ опекой — положимъ, хоть и подъ очень мягкой опекой, и постоянно считаться несовершеннолѣтней. Отъ этого мы, русскія женщины, и не практичны, и мало развиты! Мнѣ... ну, все равно!—сказала она, замѣтивъ, что проговорилась, — мнѣ просто душно въ семьѣ, я хочу жить своимъ умомъ и на свободѣ!

— Дѣло! сказалъ Камышлинцевъ,—семья, какъ улей, должна выпускать рой, когда онъ подростетъ и войдетъ въ силу.

— Да съ мужчинами по большей части такъ и бываетъ. Крестьянинъ прямо отдѣляется, а вы, народъ цивилизованный, на службу, или подъ другимъ предлогомъ, но тоже отъ опеки-то отлыниваете. Я знаю, что нѣкоторые нарочно въ другую губернію перепрашивались, чтобы на свободу уйти: однѣ мы только въ вѣчной кабалѣ! Насъ держатъ дома, пока нельзя сдать въ другую опеку—мужу.

— А ты на службу не хочешь ли?—спросилъ, подтрунивая, Камышлинцевъ.

— Ну, до этого не дошло еще; а будетъ! Только не на службу: мы народъ не такой дисциплинированный, какъ вы, и къ службѣ не способны, а нѣкоторыя мѣста и теперь могли бы занимать,—хотя бы уѣздныхъ почтмейстеровъ. Вѣдь во Франціи завѣдуютъ же этимъ

женщины. Развѣ мы не могли бы письма-то принимать: только вотъ за лошадьми смотрѣть, да, какъ тамъ?.. съ хвоста, что ли... брать, ну это, конечно, намъ неудобно!

— Подожди, милая маска, — сказалъ Камышлинцевъ,—мы и мужчинамъ мѣста не находимъ, хотя все охаемъ, что и рукъ мало, и головъ мало. И что тамъ ни говори, а мужчина физически все-таки сильнѣе васъ, и потому теплыхъ мѣстъ онъ вамъ не уступитъ!

— Ну, и пусть его лежитъ на нихъ, да намъ не мѣшаетъ работать, тамъ, гдѣ мы ему не мѣшаемъ, мѣста еще много!

— А какъ же ты рѣшила на счетъ ассоціаціи? — спросилъ Камышлинцевъ съ улыбкой.

— Да такъ же, какъ и думала! — отвѣчала Барсукова. — Я съ твоей барыней объ этомъ не распространялась: она добрая и милая, да этихъ вещей не понимаетъ, такъ что же понапрасну спорить!

— Это очень благоразумно,—сказалъ Камышлинцевъ, нѣсколько задѣтый легкимъ презрѣніемъ, съ которымъ отзывалась Барсукова о Мытищевой; — но моя барыня, какъ ты ее называешь, кажется, судитъ въ этихъ случаяхъ болѣе здраво, чѣмъ ты.

— Какъ?—спросила маска,—ты... ты тоже противъ ассоціацій?.. Тебѣ ужь это нейдетъ!

Камышлинцевъ усмѣхнулся.

— А я полагаю, напротивъ, — сказалъ онъ,—что ко всякому идетъ то убѣжденіе, которое онъ выработалъ себѣ, а не взялъ на вѣру у другихъ. Я не противъ ассоціаціи, а противъ... Ну, да объ этомъ говорить не мѣсто!.. У тебя есть знакомыя дѣвушки, съ которыми ты сговорилась?..

— Нѣтъ, но я буду нанимать швей, съ тѣмъ, чтобъ имъ выдѣлять часть барыша,—сказала Барсукова.

— А капиталъ чей?

— Мой.

— А убытокъ, коли будетъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

Маска задумалась.

— Я объ убыткѣ не думала.—сказала она.—Ну, да разумѣется, тоже общій!

— Ну, такъ желаю тебѣ найти товарищей и еще съ капиталами,—сказалъ Камышлинцевъ.

— А вотъ увидимъ!—упрямо сказала маска.—Я думала, что ты мнѣ поможешь совѣтомъ,—прибавила она укоризненно,—а ты меня, кажется, хочешь съ толку сбить!

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Камышлинцевъ,—я хочу только, чтобы ты выяснила себѣ хорошенько чего хочешь. Если хочешь коммерческое дѣло вести, такъ и веди его на коммерческомъ основаніи; пожалуй, если найдешь выгоднымъ,—замѣть: выгоднымъ,—заинтересуй рабочихъ долею въ барышѣ; а если филантропическое дѣло затѣяла, такъ и филантропничай, какъ хочешь, но ужъ и не называй это ни артелью, ни ассоціаціей! Артель хороша между равными, понимающими и сознающими ея выгоды, а выдуманныя артели не удаются.

— Такъ что же по твоему, все, что пишутъ о вредѣ эксплуатаціи, вздоръ?—спросила маска.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ,—большею частью правда. Да, видишь, гораздо легче находить дурное въ томъ, что дѣйствительно имѣетъ много дурнаго, нежели придумать, какъ устранить зло. Вѣковыя-то задачи

не такъ просто разрѣшаются! Римъ строился не въ пять дней, и если онъ выстроился такъ, а не иначе, такъ на это были конечно, и весьма основательныя, причины.

— А я все-таки попытаюсь!—сказала маска.

— И хорошо сдѣлаешь! — отвѣчалъ Камышлинцевъ,—можетъ, я и ошибаюсь. А если хочешь, я дамъ тебѣ письмо въ Петербургъ къ одной моей знакомой барынѣ: она больше занимается міровыми вопросами, а по части модъ держится своихъ собственныхъ воззрѣній... У нихъ теперь свои моды, говорятъ, пошли: вѣдь ужъ вы безъ этого не можете!.. Однако, она знаетъ толкъ и въ другихъ... Да кстати и въ вопросы ассоціаціи тебя посвятитъ: у нихъ одна артель уже разбѣжалась. Довольно однако объ этомъ. Скажи-ка ты мнѣ лучше объ учителѣ твоемъ, Благомысловѣ.

— Да что объ немъ сказать?.. Хорошій юноша!—отвѣчала маска.

— И счастливый!—прибавилъ Камышлинцевъ:—для нихъ нѣтъ темныхъ вопросовъ и неразрѣшенныхъ задачъ.

— Я, во всякомъ случаѣ, ему много обязана, и онъ мнѣ многое разъяснилъ,—сказала Барсукова.

— Ну, а въ выгоды коммунъ онъ тебя посвятилъ?

— Посвятилъ,—сказала она, смѣясь;—да я не очень ихъ поняла. Я думаю, что для нихъ надо быть или аскетомъ, или очень высоко развитой личностью.

— Да вѣдь тебѣ Мытищева сказала, что онѣ ужь монахами давно выдуманы,—сказалъ Камышлинцевъ.

Маска посмотрѣла на него вопросительно.

— Однако, ты съ ней во многомъ сходишься, — сказала Барсукова. — Ну, а какъ на крестьянскій-то вопросъ, такъ же начинаешь смотрѣть, какъ и она?

— Нѣтъ! — сказалъ Камышлинцевъ, усмѣхнувшись булавкѣ, которою хотѣла уколоть его Барсукова. — Я съ ней на немъ, кажется, такъ же далеко разошелся,— продолжалъ онъ, слегка вздохнувъ,—какъ и во всѣхъ остальныхъ. Она ближе подходитъ складомъ идей къ Благомыслову, чѣмъ ко мнѣ.

Барсукова опять посмотрѣла на него вопросительно.

— Ты смѣешься?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно Камышлинцевъ: — и онъ, и она приняли свои воззрѣнія на-вѣру; для нихъ нѣтъ борьбы и сомнѣній; дороги имъ ясно видны и опредѣлены, они не пробиваются ежедневно сквозь трущобы и черезъ камни разныхъ условій, и не прокладываютъ ежедневно сами своей тропы! Одна думаетъ и дѣлаетъ такъ, какъ всѣ, потому что такъ думаютъ и дѣлаютъ всѣ,—а другой думаетъ и мечтаетъ сдѣлать, какъ никто, потому что ему сказали такъ его пророки, на основаніи откровеній своей фантазіи. Да и нетерпимость у нихъ одинакая. Ты слышала, какъ насъ называютъ поэтами, что въ переводѣ значитъ „дураки". А новые-то адепты, тѣ ужь совсѣмъ не церемонятся и, безъ перевода всѣхъ, кто не съ ними, называютъ пошляками и идіотами.

Барсукова задумалась.

— А все-таки они честные и полезные люди, и они—сила, потому что ихъ много!—замѣтила она.

— Они хорошіе люди, потому что желаютъ хорошихъ вещей; они и полезны — потому что на дѣло вниманіе обращаютъ; но они не сила, потому что нѣтъ у нихъ матеріалу и знанія мало. Одни пророки сойдутъ, явятся другіе, и Богъ вѣсть, куда еще повалятъ они!

— Зачѣмъ сомнѣваться?—сказала съ упрекомъ маска.

— Да потому, что они не испытаны ни сорокалѣтней пустыней, ни семью язвами, и думаютъ, что обѣтованная земля подъ бокомъ и что имъ стоитъ къ ней только руку протянуть! А испытаніе великая вещь: много въ немъ пыли и грязи отстанетъ!

— Ты на меня раздумье наводишь,—сказала маска,— и я тебя лучше начинаю понимать, хотя и вижу, что ошибалась въ тебѣ. Твоя тропа межъ двухъ огней не такъ легка, какъ я думала, да и расчистка не спора: не много васъ!

— И не такъ мало, какъ ты думаешь, — сказалъ Камышлинцевъ. — Вѣдь большинство такъ или иначе, а въ сущности хочетъ и думаетъ служить одному дѣлу: вся бѣда въ вавилонскомъ смѣшеніи понятій да въ нетерпимости. Всякій добросовѣстный человѣкъ, встрѣтясь съ другимъ, подаетъ ему руку и, если случай есть, такъ и поможетъ. Вотъ скверно,—вздохнувъ, прибавилъ Камышлинцевъ,—если свои, тѣ, кого любишь и съ кѣмъ бы хотѣлъ вмѣстѣ идти, камни подворачиваютъ!

Можетъ быть, говоря эти слова, Камышлинцевъ подразумѣвалъ подъ именемъ своихъ любимыхъ совсѣмъ не ту, про кого думала Барсукова, но она была увѣрена, что онъ намекалъ на Ольгу Мытищеву, и ей стало жаль Камышлинцева.

— Я не знаю, въ какой степени я годна въ модистки, а для маскарадовъ рѣшительно не гожусь,— сказала маска.—Я пріѣзжала нарочно для тебя, а между тѣмъ въ тотъ разъ нагнала на тебя скуку, а нынче хандру. Бросимъ всѣ серьезные разговоры, пройдемся и

поболтаемъ: перемелится, все мука будетъ! — Она взяла его подъ руку и пошла.

— Да, это будетъ не столь назидательно, но гораздо пріятнѣе,—сказалъ онъ.—Ну, разскажи мнѣ; предмета не нашла еще?

— Нѣтъ! да я и не ищу,—отвѣчала она, смѣясь.— Самъ придетъ!

— Ну, а наставникъ твой: неужели не влюбился въ тебя?

— Я чужихъ тайнъ не спрашиваю, а что знаю, не выдаю,—отвѣчала Барсукова.

— Это похвально. Какъ же ты не влюбилась въ него? Это не въ порядкѣ вещей! Истинное воспитаніе взрослой дѣвицы начинается съ того, что учитель и ученица влюбляются другъ въ друга.

— Хорошій онъ малый... и подумывала я о немъ... да не нравится! что прикажешь дѣлать?—сказала она съ сожалѣніемъ. — Грубоватъ онъ очень да и... неряшливъ—прибавила она вполголоса, какъ бы каясь:—а я около васъ, приличныхъ, набаловалась.

— У него, бѣднаго, можетъ, на приличность-то и средствъ нѣтъ! — сказалъ Камышлинцевъ: — пришли-ка его ко мнѣ. я ему работу дамъ.

— Ты, кажется, передумалъ и вмѣсто себя-то ужь его сегодня мнѣ прочишь?—спросила она.

— Да что же дѣлать, коли самому не везетъ?—отвѣчалъ Камышлинцевъ.—По крайней мѣрѣ доброму человѣку услужить!

Маска пріостановилась и посмотрѣла ему въ глаза.

— О, фатъ нестерпимый!—сказала она: — лжетъ и не краснѣетъ! вѣдь ты въ глубинѣ души убѣжденъ, что

мнѣ не только нравишься... ты мнѣ нравишься и въ самомъ дѣлѣ.... но что я, если не влюбилась еще въ тебя, то только и жду, чтобы влюбиться! Зачѣмъ же казанской сиротой-то прикидываешься?

Камышлинцевъ расхохотался.

— Да, еслибы въ васъ была искренность, такъ и съ вами бы не хитрили,—сказалъ онъ.—А то вѣдь изъ васъ каждый намекъ надо клещами вытаскивать; скверная привычка такая у васъ.

— Нѣтъ, я не такая!—сказала маска: — я правду говорю.

— А вотъ сейчасъ увидимъ! Ну, говори: что же у тебя тамъ, въ душѣ-то, рѣшено, что ли, мной заняться?

— Нѣтъ, я еще до такой нужды не дошла, чтобы другихъ вытѣснять или самой съ ними уживаться,—сказала Барсукова, смѣясь.

Они подошли въ это время къ выходу.

— Ну прощай!—сказала она, протягивая ему руку.

— Постой! Ну, если квартира-то будетъ не занята?—спросилъ Камышлинцевъ, кокетничая.

— Тогда, если я не пристроюсь, можно будетъ ее осмотрѣть! — Маска засмѣялась и побѣжала съ лѣстницы.

— А въ слѣдующій маскарадъ придешь осматривать?—сказалъ ей вслѣдъ Камышлинцевъ.

— Нѣтъ! я уѣду отсюда!—Она ему кивнула головой и скрылась.

По прежней привычкѣ, Камышлинцевъ любилъ поиграть съ женщинами, по маленькой, въ нѣжныя чувства, полагая, что всегда можно оставить игру, если она начнетъ принимать серьезный оборотъ. Партія по

большой уже была у него составлена; но и мужчины, и женщины рѣдко, и развѣ только въ самый разгаръ этой игры, бываютъ такъ заняты ей, чтобы у нихъ не достало ни времени, ни желанія, ни мелкой монеты, для маленькихъ шаловливыхъ ставокъ. Камышлинцевъ не былъ къ себѣ строже другихъ въ этомъ случаѣ; а борьба его за свое дѣло не требовала такихъ усилій, которыя бы всецѣло заняли его время и вниманіе. Онъ былъ молодъ и́ не видѣлъ нужды бояться хорошенькой женщины, какъ орудія искусителя рода человѣческаго

Въ теченіе вечера Камышлинцевъ наткнулся на бойкую барыню, которая, какъ бдительный стражъ, исполняла свои добровольныя обязанности.

— Ну что, проводили вы Анюту Барсукову?—спросила она его.

— Да вы почему думаете, что это она?—спросилъ, въ свою очередь, нѣсколько озадаченный, Камышлинцевъ.

— Боже мой! Какая трудность узнать ее! Я не знала, что она здѣсь, а какъ встрѣтила ее въ магазинѣ, такъ сейчасъ же и догадалась. Вы ей скажите лучше, чтобы она, если хочетъ, чтобы ее не узнавали, такъ плечами-то не пожимала бы, когда ей чуть что не понравится.

— Знаете, Пелагѣя Филипповна,—сказалъ Камышлинцевъ,—Фуше былъ передъ вами мальчишка, и ваши дарованія напрасно пропадаютъ въ глуши!

— Ну, ну, хорошо! Не понравилось видно, что секретъ-то узнали!—сказала она наугадъ, дружески-сердито, не понявъ сравненія, но не предполагая, чтобы Камышлинцевъ сказалъ что-либо обидное.—Ходитъ цѣлый вечеръ, какъ пришпиленный, у всѣхъ на глазахъ

и воображаетъ, что всѣ слѣпые!—Однакоже, когда Камышлинцевъ отошелъ, то Пелагѣя Филипповна на всякій случай сочла нужнымъ навести справку на счетъ сравненія: не такая была она барыня, чтобы оставить что-либо для себя темнымъ.—Аѳанасій Лукичъ!—крикнула она на сидѣвшаго по близости директора гимназіи, — кто такой былъ Фуше?

Директоръ гимназіи былъ нѣсколько озадаченъ вопросомъ. Возобновивъ въ памяти все, что уцѣлѣло въ ней по этой части, онъ, по своему обыкновенію, завелъ рѣчь съ исторіи революціи, думая отдѣлаться общими мѣстами. Но Пелагѣю Филипповну провести было трудно!

— Не юлите! лекцій мнѣ вашей не нужно! вы скажите мнѣ просто, какой человѣкъ онъ былъ?

— Это зависить отъ точки зрѣнія, съ которой смотрятъ на него,—сказалъ тотъ:—въ своей спеціальности, какъ начальникъ полиціи, дѣйствительно, Фуше собаку съѣлъ, но...

— Ну, больше мнѣ ничего и не надо, — сказала успокоенная Пелагѣя Филипповна:—ступайте о своихъ штатахъ толковать!..

XII

Вскорѣ Барсуковы уѣхали въ деревню, откуда, собравшись въ Петербургъ, Анюта должна была воротиться въ Велико-Ѳедорскъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда, къ Камышлинцеву пришелъ Благомысловъ. Онъ былъ по прежнему сумраченъ и въ одеждѣ его виднѣлся еще большій изъянъ.

— А! очень радъ васъ видѣть!—сказалъ Камышлинцевъ.—Я не думалъ, чтобы Барсукова такъ скоро исполнила мою просьбу.

— Какую просьбу?—спросилъ Благомысловъ.

— Я ее просилъ передать вамъ, что у меня есть для васъ работа. Развѣ вы ее не видали?

— Нѣтъ! мы съ ней разъѣхались! — сказалъ Благомысловъ. — А работа, если есть, то кстати будетъ, потому что я совсѣмъ на бобахъ.

— Только я затрудняюсь, — сказалъ Камышлинцевъ, — какъ вы ее будете пересылать и обмѣнивать: вѣдь вашъ домъ довольно далеко?

Благомысловъ горько усмѣхнулся.

— Мой домъ очень близко, — сказалъ онъ: — онъ тамъ, гдѣ я стою! Я съ отцомъ совсѣмъ разошелся,— прибавилъ онъ.

Камышлинцевъ, разумѣется, не спросилъ о причинѣ.

— Для работы это будетъ лучше,—сказалъ онъ.— Я могу вамъ предложить больше занятія.

— И для всего лучше!—отвѣчалъ Благомысловъ:— чище дѣло. И то, давно намъ было надо разойтись! Какое ужъ житье волку съ добрымъ пастыремъ!

Камышлинцевъ сказалъ ему, въ чемъ будутъ его занятія и какую плату онъ можетъ предложить ему, прибавивъ, что со временемъ, если увеличатся средства губернскаго присутствія, ее можно будетъ увеличить.

— Спасибо! Это все будетъ хорошо,—сказалъ Благомысловъ,—и мзда достаточная, а впрочемъ, коль будетъ больше, тѣмъ лучше. Я хоть себя не балую, многаго на свою особу не трачу, но лишней копѣйкѣ буду радъ: кровь ужь видно такая скверная во мнѣ.

*

— Ну, не бойтесь, не много останется лишняго, — сказалъ Камышлинцевъ; — а если останется, такъ на университетъ пригодится. Вы гдѣ же пріютились?

— А у Крестопоклонскаго на чердакѣ есть мурья эдакая: мнѣ и удобно. Я ему по библіотекѣ помогу, а мнѣ книги подъ бокомъ. Ну, прощайте!—Онъ пожалъ крѣпко руку Камышлинцеву и ушелъ.

Время пошло своимъ чередомъ. Наступилъ великій постъ: Барсукова возвратилась изъ деревни и вскорѣ уѣхала въ Петербургъ, какъ предполагалось, со старухой Нобелькнебель. Камышлинцевъ далъ ей обѣщанное письмо. Ихъ взаимныя отношенія были дружественны, но отнюдь не переходили въ короткость. То, что позволялъ себѣ Камышлинцевъ въ маскарадѣ и съ маской, онъ не позволялъ при встрѣчахъ въ обществѣ. Онъ былъ на карнавалѣ въ Римѣ и вполнѣ цѣнилъ то чувство приличія итальянцевъ, которое запрещаетъ узнавать маску внѣ маскарада и претендовать на продолженіе съ ней той безцеремонности и даже знакомства, которыя существовали во время карнавала. Да, по правдѣ сказать, Камышлинцевъ, и позволяя ее себѣ на полчаса, вовсе не желалъ ея постоянно: онъ зналъ, что она обязываетъ и неслышно завлекаетъ.

Въ городѣ Велико-Ѳедорскѣ и въ уѣздахъ губерніи вскорѣ по окончаніи выбора всѣ ждали смѣны Камышлинцева или по крайней мѣрѣ разрѣшенія дворянской жалобы. Но приходила почта за почтой и не привозила никакого отвѣта ни дворянству, ни Камышлинцеву. Стороной онъ узналъ, что дворянская протестація, какъ незаконная, оставлена безъ послѣдствій. Дворяне пождали, поворчали и ждать перестали.

Камышлинцевъ по вечерамъ, кончая занятія, довольно часто уѣзжалъ въ послѣднее время въ клубъ. Бесѣдовать съ Ольгой онъ не находилъ о чемъ. Ольга, вращаясь въ кругу людей, занятыхъ дѣлами, невольно стала сама принимать въ нихъ участіе, хоть на словахъ; но по мѣрѣ того, какъ она переставала быть нарядной и беззаботной бабочкой и начинала трактовать о серьезныхъ вопросахъ, Камышлинцевъ замѣтилъ, что между ихъ взглядами все болѣе и болѣе разступалась пропасть и что убѣжденіе и любовь Камышлинцева не могли перевести Ольгу на другую сторону, — замѣтилъ онъ это и пожалѣлъ о прежней красивой и блестящей бабочкѣ! Воспитаніе, неизбѣжное вліяніе среды, въ которой она выросла, наконецъ настоящіе взгляды ея родныхъ и особенно брата, на авторитетъ котораго она въ затруднительныхъ обстоятельствахъ любила опираться, какъ на гранитную скалу, — все сказалось въ ней теперь и пересиливало вліяніе Камышлинцева и мужа. Вмѣсто прежняго безотчетнаго вѣрованія въ нихъ, она, какъ только вздумала отнестись къ нимъ критически, нашла ихъ, какъ находили ихъ и другіе, прихотливыми и упрямыми исключеніями, и, разъ составивъ себѣ это понятіе, она уже не задумывалась надъ ними болѣе: ихъ мнѣнія были для нея разгаданы и осуждены безапелляціонно.

Конечно, такое отношеніе во взглядахъ не могло заохотить Камышлинцева къ бесѣдамъ съ Ольгой, тѣмъ болѣе, что перевоспитать или переубѣждать ее не было возможности; она не любила ни во что вдумываться и допускала разныя нововведенія только въ дѣлѣ моды. Къ тому же, постоянное присутствіе графа Гогенфельда, съ его всесглаживающей пустотой, наводило на Камыш-

линцева скуку усыпляющую, и по этой-то причинѣ онъ, въ свободные отъ занятія вечера, уходилъ обыкновенно въ клубъ и отдыхалъ за картами.

Разъ вечеромъ Камышлинцевъ засидѣлся за работой долѣе обыкновеннаго. Кончивъ ее, онъ взглянулъ на часы: было четверть двѣнадцатаго; ѣхать въ клубъ ему показалось поздно; онъ спросилъ, есть ли кто на верху, и получивъ отвѣтъ, что Ольга Өедоровна одна, пошелъ къ ней.

Изъ его комнатъ было два хода на верхъ. Одинъ, черезъ пріемную и прихожую выходилъ на парадную лѣстницу, другой изъ спальной, черезъ корридоръ, велъ по маленькой внутренней лѣстницѣ прямо въ небольшую комнату, находящуюся позади кабинета Ольги и соединенную съ ней маскированной обоями дверью. Этимъ путемъ Камышлинцевъ никогда не ходилъ къ Ольгѣ, если у нея бывалъ кто нибудь; но какъ тутъ идти было ближе, нежели въ обходъ, черезъ парадную лѣстницу и всѣ пріемныя комнаты, а у Ольги никого не было, то онъ на этотъ разъ предпочелъ этотъ путь.

Спросивъ встрѣтившуюся горничную, что дѣлаетъ Ольга Өедоровна, и получивъ въ отвѣтъ, что она въ кабинетѣ, Камышлинцевъ вошелъ въ него—-и остановился нѣсколько смущенный. Ольга была не одна; она сидѣла по обыкновенію съ ногами на диванѣ; полнота, обыкновенно сопровождающая беременность, дѣлала ее, изъ прелестной женщины, роскошною, а развитіе стана было не замѣтно и искустно скрыто широкимъ капотомъ. На низенькой табуреткѣ, у ея изголовья, сидѣлъ графъ Гогенфельдъ и держалъ ея руку въ своей...

Услышавъ широко отворяющуюся дверь, Гогенфельдъ и Мытищева быстро отдернули руки. Это было сдѣлано мгновенно, инстинктивно; Камышлинцевъ могъ замѣтить и не замѣтить движенія, но они оба смутились; смутился на минуту и Камышлинцевъ, но потомъ вошелъ, какъ-бы ничего не видавъ.

Дверь, въ которую онъ вошелъ, была въ слабо освѣщенномъ углу. Ольга черезъ лампу не скоро разсмотрѣла вошедшаго. Она прикрыла рукой глаза и, узнавъ Камышлинцева, раздражительно сказала:

— Ахъ, какъ вы перепугали меня! вошли какъ тать и еще съ задней лѣстницы!

— Виноватъ,—сказалъ онъ,—мнѣ лѣнь было обходить кругомъ; но я сейчасъ довольно громко разговаривалъ съ вашей горничной, и думалъ, что вы меня слышали. — Онъ поздоровался съ флигель-адъютантомъ.

— Гдѣ жъ мнѣ слышать ваши разговоры съ горничными! — сказала Ольга.—Я прощалась съ графомъ, но надѣюсь, что теперь вы, ради такого рѣдкаго гостя, посидите еще, — прибавила она, обращаясь къ Гогенфельду.

Смущенный графъ пристукнулъ шпорами и пробормоталъ, что очень радъ.

— Какимъ это образомъ вы измѣнили клубу? — спросила Ольга.

Камышлинцевъ объяснилъ ей. Зашелъ какой-то пустенькій разговоръ, поддерживаемый болѣе всего Ольгой. Черезъ четверть часа графъ Гогенфельдъ взялъ фуражку и на этотъ разъ простился въ самомъ дѣлѣ. Камышлинцевъ проводилъ его и возвратился къ Ольгѣ.

Ольга по прежнему сидѣла на диванѣ, и только для того, чтобы дѣлать что-нибудь, нюхала изъ флакончика спиртъ. Камышлинцевъ молча сѣлъ противъ нея.

— Я тебя просила, — сказала Ольга, — не ходить черезъ эту дверь, если у меня есть кто-нибудь! тебѣ, кажется, доставляетъ удовольствіе меня компрометировать!

— Мнѣ мой Иванъ сказалъ, что ты одна! Я еще именно спросилъ про графа, и получилъ отвѣтъ, что онъ давно уѣхалъ. Впрочемъ я не думалъ, чтобы входъ черезъ ту или другую дверь могъ что-нибудь значить.

— Ну, если ты этого не понимаешь, то я не могу тебя переувѣрить! — сказала Ольга. — А Иванъ твой глупецъ, который ничего не видитъ. Графъ дѣйствительно уѣзжалъ въ десять часовъ, по моей же просьбѣ, въ магазинъ, но вскорѣ воротился.

— Иванъ не виноватъ, что не видалъ его возвращенія, — сказалъ Камышлинцевъ: — я ему не поручалъ наблюдать за тобою и графомъ.

— Еще бы! — сказала Ольга презрительно.

Камышлинцевъ замолчалъ, кажется, выжидая, не начнетъ ли говорить Ольга чего-нибудь; но Ольга тоже молчала, сохраняя недовольный видъ и отъ времени до времени понюхивая спиртъ.

Тогда Камышлинцевъ рѣшился дотронуться до больнаго мѣста.

— Послушай, Ольга! — сказалъ онъ: — мы съ тобой не связаны никакими обѣтами, никакими общими интересами; у насъ одна связь — наше взаимное чувство, и если оно хоть съ одной стороны проходитъ или прошло, то намъ насильно удерживать его или обманывать другъ друга не изъ чего.

— Разумѣется!—сказала Ольга хладнокровно.

Онъ опять замолчалъ, какъ бы выжидая продолженія отъ Ольги.

— Ты этимъ хотѣлъ напомнить мнѣ, что я дурно дѣлала, обманывая для тебя мужа что-ли?—спросила она, видя, что Камышлинцевъ выжидаетъ чего-то.

— Нѣтъ, — сказалъ Камышлинцевъ, — не мнѣ въ этомъ упрекать тебя. Я хотѣлъ только сказать, что если бываютъ причины скрывать свои чувства, или имъ по возможности противиться, то мы совсѣмъ не въ этомъ положеніи. Притомъ ты знаешь, я не вѣрю въ вѣчность чувства и знаю, что оно умираетъ и перерождается. Поэтому я и хотѣлъ спросить тебя, не замѣчаешь ли ты, что наше чувстно подрывается?—спросилъ онъ.

— Это ты, по случаю твоихъ отношеній къ Барсуковой, нашелъ нужнымъ заговорить?—спросила она.

„Она вѣрно видѣлась съ Пелагѣей“!—подумалъ Камышлинцевъ.

— Нѣтъ, по случаю твоихъ къ Гогенфельду! — сказалъ Камышлинцевъ, сколь возможно спокойнѣе.

Ольга вспыхнула. „Онъ все видѣлъ!“—подумала она, и тутъ явилась другая досадная мысль. Въ тѣ минуты откровенности или, правильнѣе сказать, совершенной распущенности, когда мужчина и женщина не считаютъ нужнымъ и просто лѣнятся таить что-либо одинъ отъ другаго, Ольга, желая подразнить чувство Камышлинцева, говаривала ему, какъ Гогенфельдъ ухаживаетъ за ней, и пересказывала разные его подходы.

„О, какъ мы бываемъ глупы, когда все открываемъ мужу или любовнику“, — подумала Ольга, но все это промелькнуло у нея мгновенно.

— Если ты находилъ нужнымъ скрывать свои свиданія съ Барсуковой, — сказала Ольга, — то, кажется, меня нельзя упрекать въ скрытности. Я развѣ не имѣла глупости разсказывать тебѣ всѣ ухаживанія графа? Вѣдь немогу же я запретить любить меня, если нравлюсь?

— Еслибы мнѣ кто-нибудь и говорилъ о своихъ чувствахъ, такъ я бы не сказалъ этого никому, потому что это чужая тайна: но съ Барсуковой у насъ ничего не было подобнаго! и мнѣ таиться нечего! Но и я не спрашиваю тебя о чувствахъ къ тебѣ Гогенфельда.

— Да; но ты считаешь нужнымъ замѣтить мнѣ, что я дурно дѣлала, разсказывая тебѣ о нихъ! — перебила Ольга. — Да; я въ этомъ сознаюсь, и очень, очень раскаяваюсь: я была глупа непростительно! — сказала она, горячась.

Ревность, скрытность и увертки Ольги, все возмущало и волновало до глубины души Камышлинцева, но онъ старался говорить по возможности хладнокровно и безобидно.

— Все не то! — сказалъ Камышлинцевъ; — я не дѣлаю и не хочу дѣлать никакихъ намековъ; я просто спрашиваю тебя и жду откровеннаго отвѣта: не находишь ли ты, что твое чувство ко мнѣ измѣнилось?

— Что жъ это ты, увѣреній въ любви что-ли, желаешь? — насмѣшливо спросила Ольга. — Говорилъ бы лучше прямо! — сказала она, вспыхнувъ и рѣшившись идти на проломъ. — Ты меня ревнуешь къ графу, потому что увидѣлъ, какъ онъ меня держалъ за руку! Великая важность, если-бы я и въ самомъ дѣлѣ дала ему руку! Но я тебѣ сказала, что онъ прощался...

— Да, и, кажется, очень нѣжно!—замѣтилъ какъ-бы вскользь Камышлинцевъ.

Ольга, казалось, вознегодовала.

— И ты меня подозрѣваешь, — горячась, сказала она,—послѣ всего, что я для тебя сдѣлала! послѣ того, какъ я всѣмъ для тебя пожертвовала! И еще въ то время, когда я ношу твоего ребенка!..

— Ну, кто жъ его знаетъ, совсѣмъ-ли онъ мой!—сказалъ Камышлинцевъ. Онъ сказалъ это повидимому хладнокровно, но въ душѣ у него накипѣло негодованіе. Ольга вся позеленѣла. Казалось, духъ у ней заняло отъ этой безпощадной обиды. На мгновеніе она не находила слова, достаточно сильнаго для отвѣта. Но потомъ приподнялась съ дивана, чтобы приблизиться къ Камышлинцеву и сильнѣе бросить ему въ лицо свой отвѣтъ:

— Vous êtes un infame!—сказала она.

Ея прелестные голубые глаза тоже, казалось, позеленѣли; они сверкнули и какъ кинжалъ хотѣли вонзиться взглядомъ въ Камышлинцева.

Камышлинцевъ медленно всталъ, поклонился и вышелъ.

XIII.

Мы не знаемъ, какъ провела эту ночь Ольга. Женщины, въ дѣлахъ любви, требующихъ скрытности, выносятъ молча такія мученія, о которыхъ и понятія не имѣетъ мужчина. Ольга боялась пуще всего огласки. И потомъ, на чье утѣшеніе и соболѣзнованіе разсчитывать ей?.. Мужа? Камышлинцева? Скорѣе мужа, чѣмъ

Камышлинцева; но и прибѣгать къ мужу она ни за что не желала! То, что она неречувствовала въ эту ночь, осталось ея тайной. Только на другой день, блѣдная, утомленная, но съ затаеннымъ негодованіемъ, она вышла по обыкновенію къ утреннему завтраку. Она, можетъ быть, все обдумала и приготовилась къ той таинственной битвѣ, которую ведутъ иногда между собою любовники на глазахъ общества, такимъ образомъ, что оно или вовсе не замѣтитъ ея, или мало въ ней пойметъ. Но на этотъ разъ приготовленія Ольги, если только были они, оказались излишними. Сраженіе не состоялось за неимѣніемъ врага. То же самое было и за обѣдомъ: Камышлинцевъ не вышелъ ни къ завтраку, ни къ обѣду; и эта тактика врага нѣсколько смутила Ольгу. Мытищевъ поутру спрашивалъ о Камышлинцевѣ, ему отвѣчали, что онъ завтракалъ у себя, въ обѣдъ — что его нѣтъ дома. Это случалось и прежде, но рѣдко. Вскорѣ послѣ обѣда Ольга сказала, что она дурно провела ночь и хочетъ отдохнуть, и ушла, извиняясь передъ графомъ (онъ по обыкновенію обѣдалъ у нихъ), что она и вечеромъ къ нему не выйдетъ. Почему она не хотѣла встрѣчи съ нимъ наединѣ — это тоже остается тайной чисто женскихъ побужденій. Графъ выразилъ сожалѣніе, и замѣтилъ, что и самому ему врядъ-ли было бы возможно пріѣхать, такъ какъ онъ далъ кому-то слово.

Но что подѣлывалъ въ это время Камышлинцевъ?

Возвратясь отъ Ольги, которую онъ оскорбилъ повидимому такъ хладнокровно, Камышлинцевъ долго ходилъ въ волненіи по комнатамъ. Онъ сознавался, что поступилъ жестоко и, можетъ быть, несправедливо. Да, можетъ быть потому что онъ въ Ольгѣ теперь не былъ

нисколько увѣренъ! Но сознавая это, онъ сознавалъ въ то же время, что двуличность и изворотливость Ольги много оправдывали его: онъ хотѣлъ, чтобы Ольга прямо и откровенно высказалась ему. Онъ думалъ, что если она и разлюбила его, то они разойдутся тихо и смирно, сохранивъ другъ къ другу уваженіе и пріязнь. Ему казалось, что ничто ни могло этому препятствовать. Но онъ не принялъ въ соображеніе, что разрывъ съ нимъ, самый тихій, все-таки узнается, что этотъ разрывъ во всякомъ случаѣ подастъ поводъ къ толкамъ, догадкамъ и заключеніямъ. Онъ упустилъ изъ виду боязнь Ольги за ея репутацію. Съ другой стороны Камышлинцевъ былъ ревнивъ, да и кто, даже и не любящій, но бывшій любимымъ, не ревнивъ? чье самолюбіе не страдаетъ отъ измѣны любовницы? Камышлинцевъ видѣлъ ухаживанія Гогенфельда; онъ зналъ какъ въ глазахъ Ольги много значатъ имя и положеніе, какъ ей пріятно это ухаживаніе. Разсказы Ольги о графѣ, иногда изъ желанія похвастаться, иногда чтобы подстрекнуть Камышлинцева, утверждали его въ привязанности графа; онъ замѣчалъ тоже, что въ послѣднее время, Ольга, — дурной знакъ, — избѣгала разговоровъ съ нимъ о графѣ и на его вопросы отвѣчала уклончиво и неохотно. Подозрѣнія копошились въ Камышлинцевѣ; но, ревнуя ее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ всю нелогичность этого чувства и ни словомъ, ни взглядомъ не далъ замѣтить Ольгѣ своихъ подозрѣній. Кромѣ того онъ самъ сознавалъ, что ничего не дѣлаетъ для поддержанія расположенія Ольги; ее, какъ балованное дитя, надо было занимать и тѣшить, а не учить. Расходящіяся воззрѣнія безпрестранно увеличивали рознь между ними, и онъ не думалъ пополнить образующуюся между

ними пустоту — перевоспитаніемъ Ольги. Это впрочемъ свидѣтельствовало отчасти о притупившемся чувствѣ. Еслибы онъ болѣе дорожилъ имъ, онъ бы вступилъ въ борьбу съ соперникомъ; онъ бы съумѣлъ на столько занять Ольгу, чтобы не сдѣлать присутствіе Гогенфельда развлеченіемъ и необходимостью для нея. Но онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ гордый и богатый баринъ, который не хочетъ нисходить въ борьбѣ съ маленькимъ врагомъ; онъ дѣйствовалъ, какъ дѣйствуютъ мужья, полные вѣры въ собственныя права и достоинства.

„Если предпочитаетъ мишуру графа моему — ему совѣстно было сказать достоинству... ну, однимъ словомъ, мнѣ, такъ пусть ее!“ давно сказалъ самъ себѣ Камышлинцевъ, и не шевельнулъ пальцемъ, чтобы отодвинуть соперника, — и развѣ только изрѣдка короткимъ словцомъ или ужимкой подчеркивалъ какую-нибудь его пошлость.

Теперь, когда Камышлинцевъ разомъ порѣшилъ съ своими чувствами и отношеніями къ Ольгѣ, Камышлинцеву было грустно и досадно; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ какое-то облегченіе, какъ будто разомъ сбросилъ что-то привычное и пріятное, но начинавшее уже тяготить его. Дѣти по смерти родителей, а жены послѣ смерти мужей чувствуютъ нѣчто подобное.

„Я былъ съ ней жестокъ“, говорилъ самъ себѣ Камышлинцевъ. „Она могла полюбить Гогенфельда: онъ ей болѣе по плечу, онъ безпрестанно вертѣлся около нея, — все это понятно; но зачѣмъ она не хотѣла прямо сказать, что не любитъ меня (а можетъ, и любитъ еще? шепнуло ему что-то)? зачѣмъ обманывать меня?“ И въ

его памяти промелькнулъ весь рядъ этихъ милыхъ хитростей, обмановъ, безумнаго риска, на которые рѣшалась для него Ольга, которые такъ красятъ скрытную любовь и составляютъ одну изъ ея незамѣнимыхъ прелестей. „И все это она употребляетъ теперь противъ меня!“ — подумалъ онъ, — и кровь облила ему сердце, и онъ злобно стиснулъ губы.

— Пускай ее!—сказалъ онъ, вспомнивъ оскорбленіе, которое ей сдѣлалъ:—она испорчена до мозга костей!— Онъ забывалъ только, что у такихъ женщинъ какъ Ольга, ничто не проникаетъ до мозга костей. Ему хотѣлось оправдать себя, смягчить ту занозу, которая остается въ человѣкѣ послѣ всякаго, несогласнаго съ добросовѣстностью, поступка.

На другой же день послѣ ссоры, Камышлинцевъ, едва всталъ и одѣлся, какъ почувствовалъ крайнюю неловкость своего положенія. Встрѣтиться съ Ольгой и не высказать ничѣмъ разрыва или, по крайней мѣрѣ, необычной вѣжливостію и знакомъ уваженія къ ней, не дать повода къ открытію истины—все это могъ и предполагалъ сдѣлать Камышлинцевъ. Но ежедневно пить и ѣсть въ ея домѣ, сидѣть за ея столомъ, изъ-за котораго она не можетъ выгнать его, не обнаруживъ полученнаго оскорбленія, воспользоваться тѣмъ, что стыдъ и приличіе не позволятъ Ольгѣ выказать тѣхъ чувствъ, которыя вѣроятно она теперь имѣетъ къ нему,—этого не хотѣлъ себѣ позволить Камышлинцевъ. А между тѣмъ, вдругъ перестать бывать у Ольги — все равно, что прокричать на улицахъ о своей ссорѣ! Камышлинцевъ не зналъ, что дѣлать. Отговариваясь работой, онъ въ тотъ день завтракалъ въ своихъ комнатахъ; за-

ѣхавъ къ знакомымъ, онъ остался у нихъ обѣдать. Но все это, не возбуждая подозрѣнія, могло продолжаться только день или два: надо было какъ-нибудь покончить. И вотъ вечеромъ, узнавъ, что Ольга одна, онъ рѣшился переговорить съ ней и послалъ спросить: можетъ ли она принять его. Получивъ въ отвѣтъ, что можетъ,— онъ пошелъ къ Ольгѣ.

Онъ нашелъ ее въ кабинетѣ и на томъ же диванѣ; только въ головахъ у нея высоко лежали подушки; она, почти сидя, оперлась на нихъ; возлѣ стоялъ маленькій столъ, на немъ колокольчикъ, флаконъ и какое-то питье. Въ рукѣ Ольга держала какой-то англійскій или французскій романъ, который положила при входѣ Камышлинцева; словомъ, она расположилась, какъ обыкновенно располагаются дома не совсѣмъ здоровыя женщины, когда не намѣрены никого принимать. На ней была хорошенькая, вышитая, бѣлая блуза; завитыя колечки волосъ нѣсколько взбились и спутались отъ подушки. Взглянувъ на ея блѣдную и прелестную головку, на полную, точно изваянную изъ мрамора, обнажившуюся по локоть руку, сердце нѣжно и болѣзненно шевельнулось въ груди Камышлинцева, и онъ почувствовалъ, что еще мила и дорога ему эта женщина!

Камышлинцевъ слегка поклонился Ольгѣ и сталъ противъ нея, опершись руками на спинку стула.

— Я васъ не обезпокою?—спросилъ онъ.

— Если не пришли оскорблять меня, такъ ничего!— холодно отвѣтила Ольга.

— Я очень сожалѣю, — сказалъ Камышлинцевъ,— что не совладалъ вчера съ собою и высказалъ оскорбительное подозрѣніе; послѣ этого я конечно не позво-

лилъ бы себѣ придти къ вамъ, еслибы дѣло шло не о васъ. Я хотѣлъ спросить васъ, какъ вы желаете, чтобы я поступилъ послѣ всего случившагося?

— Я думаю, это можетъ вамъ сказать ваша деликатность!—отвѣчала Ольга.

Камышлинцевъ слегка поклонился.

— Я думалъ, что послѣ всего мною сказаннаго мнѣ не слѣдуетъ оставаться и показываться въ вашемъ домѣ,—сказалъ онъ.

Лицо Ольги слегка вспыхнуло.

— Конечно такъ, — сказала она, — если-бы вы этимъ не заставили всѣхъ говорить о нашей ссорѣ.

— Я подумалъ то же самое, замѣтилъ Камышлинцевъ, — и поэтому остановился переѣздомъ и рѣшился спросить васъ...

— Я не вижу причины мѣнять вамъ при другихъ ваше обхожденіе; конечно наши отношенія перемѣнились,—сказала она, сдѣлавъ удареніе на словѣ *конечно*,— но это наше дѣло, которое ни до кого не касается и должно остаться между нами.

— Но я не хотѣлъ подвергать васъ непріятности— сносить общество человѣка, оскорбившаго васъ и не имѣть возможности избѣгать его или отказать ему отъ дому,—сказалъ Камышлинцевъ.

— О, стоитъ ли объ этомъ думать!—сказала Ольга съ горькой усмѣшкой.—Мы, женщины, должны сносить все, если разъ уклонились отъ прямаго пути!...

Камышлинцевъ угрюмо насупился.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — подобное положеніе долго длиться не можетъ: оно столько же тя-

жело и для меня, какъ и для васъ. Надобно придумать предлогъ, чтобы я могъ оставить вашъ домъ.

Ольга задумалась.

— Къ этому можетъ быть одинъ предлогъ, — сказала она: — помѣщеніе для будущаго ребенка. Если онъ,—какъ вы говорите,—не совсѣмъ вашъ... то ему съ вами и церемониться нечего...

Камышлинцевъ не выдержалъ и разсмѣялся.

— Ну, полноте, Ольга!—сказалъ онъ.—Вы не великодушны! — Вѣдь я вамъ сознался, что не правъ. Вѣдь не прощенія же мнѣ просить...

— Отчего же и нѣтъ!—спросила она.

— Оттого, что это унизительно, да и ни къ чему не ведетъ! Вѣдь если вы дѣйствительно глубоко оскорблены, такъ хоть на колѣняхъ ползай, а этого не вытащишь...

— Слышите! Глубоко ли я оскорблена? Я думаю, есть чѣмъ?—сказала Ольга, уже не сердясь, а только будируя.

— Конечно, до нѣкоторой степени! — отвѣчалъ, улыбаясь, Камышлинцевъ.—Но во-первыхъ, я сказалъ нелѣпость, невозможность!..

— Это очень мило! — прервала его Ольга. — Онъ мнѣ теперь будетъ доказывать лекціей изъ естественной исторіи, что оскорбленія не было!... Ну, а во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ,—сказалъ онъ,—женщинъ, говорятъ, не оскорбляютъ вещи, которыя дѣлаются изъ ревности: это своего рода доказательство любви....

— На русскій ладъ: кого люблю, того и бью! — сказала Ольга. — Ну нѣтъ, ужъ пожалуйста, вы мнѣ этимъ своихъ чувствъ не доказывайте!

— Ну, такъ миръ?—спросилъ Камышлинцевъ, протягивая Ольгѣ руку, и прибавилъ, вздохнувъ:—и разойдемся друзьями!

Ольга подала ему руку, но при послѣднихъ словахъ посмотрѣла на него удивленными глазами.

— Послушай!—сказала она,—ты правъ: это глупо, и я, дѣйствительно, вчерашнимъ мало оскорбилась!.. Но теперь? Неужели ты вѣришь?..

— Нѣтъ, другъ мой! — сказалъ Камышлинцевъ, держа и пожимая ея руку, — я не вѣрю, чтобы ты совсѣмъ измѣнила мнѣ, но и безъ графа мы съ тобой расходимся каждый день и въ каждомъ словѣ! Ты вчера не хотѣла сознаться въ этомъ, но вѣдь это правда?

— Конечно,—сказала она,—я съ графомъ немного кокетничала и, можетъ быть, позволила ему немного болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.... Но что жъ мнѣ дѣлать, если ты совсѣмъ забываешь меня? Вѣдь мнѣ скучно!—жалобно прибавила она. — Брось ты это глупое дѣло, будь ты тѣмъ, чѣмъ былъ прежде: веселымъ, милымъ и ласковымъ... И мы будемъ счастливы по старому!..

Ольга такъ нѣжно глядѣла ему въ глаза, что ему вспомнились тѣ далекіе, первые, исполненные такой невыразимой прелести дни!

— И графъ совсѣмъ провалится!—тихо прибавила она съ своей игривой, лукавой улыбкой.

Камышлинцевъ держалъ ея руку и печально смотрѣлъ на это прелестное, оживленное и всегда милое лицо.

— Нѣтъ, другъ мой, не будемъ мы по старому!—сказалъ онъ, вздохнувъ. — И ты не та, и я не тотъ теперь.... Убѣжденія наши стали между нами!... Страсть могла насъ соединить, но она проходитъ; а ежедневнаго

любовнаго согласія между нами нѣтъ и не можетъ быть. Не зачѣмъ намъ себя обманывать! А ломать себя? Поздно... да и не хочу я этого! — добавилъ Камышлинцевъ.

Ольга опустила голову и печально молчала. Возражать было нечего. Прошло нѣсколько минутъ грустнаго безмолвія.

— Такъ разстанемся же мирно, — сказалъ Камышлинцевъ, — и будь счастлива! Онъ пожалъ крѣпко ее руку и хотѣлъ было идти, но Ольга удержала его, обернулась къ нему лицомъ и привлекла къ себѣ. Онъ наклонился къ ней, Ольга обняла его голову обѣими руками и крѣпко, крѣпко поцаловала.

Когда она отпустила его, онъ взглянулъ еще разъ на ея лицо, и видѣлъ, какъ по немъ точно посыпались крупныя, безмолвныя слезы. Она закрыла его руками и тихо плакала.

Камышлинцевъ поспѣшно и не оборачиваясь вышелъ. Слезы накипали и душили его самого.

На другой день Камышлинцевъ и Ольга сошлись въ обыкновенное время. Они были невеселы, но непосвященный въ ихъ разрывъ не замѣтилъ бы никакой перемѣны въ ихъ отношеніяхъ. Только они стали внимательнѣе, какъ бы нѣжнѣе другъ къ другу: такая нѣжность замѣчается между близкими наканунѣ долгой разлуки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Наступилъ великій постъ. Изрѣдка появлялись оттепели; въ мягкомъ воздухѣ по временамъ слышался уже, хотя еще тонко и неопредѣленно, тотъ неизъяснимый, отрадный и оживляющій не то запахъ, не то измѣненный составъ (что мы называемъ „весной пахнуло“), который нигдѣ такъ не чувствуется, какъ въ Россіи, и дѣлаетъ русскую весну вмѣстѣ съ ея быстрымъ переходомъ ни съ чѣмъ несравненной. Пятимѣсячная зима дрогнула, какъ мощный организмъ, вдругъ пораженный острой болѣзнью, и быстро начало таять. Въ это милое время кровь быстрѣе начинаетъ бить въ жилахъ и не хочется сидѣть дома; птица и свободный человѣкъ подымаются съ мѣста и каторжный сибирякъ задумываетъ побѣгъ.

Камышлинцевъ очень любилъ встрѣчать весну въ деревнѣ. Нигдѣ такъ не замѣчается, какъ кровѣетъ снѣгъ

и показываются первыя проталины на припекѣ, нигдѣ такъ не слышится журчаніе пробудившихся водъ, или задорный крикъ пролетающей птицы, нигдѣ такъ не видно, какъ бурѣетъ лѣсъ, и вдругъ послѣ перваго дождя, въ теплый и пропитанный запахомъ талой земли день, весело распустится молодая зелень.

Камышлинцевъ года два уже, сперва по отсутствію за границей, а потомъ по крестьянскому дѣлу, не могъ себѣ доставить любимаго наслажденія. Нынче онъ хотѣлъ имъ воспользоваться. Ктому-же, устройство отношеній съ своими крестьянами требовало его присутствія. Со времени открытія губернскаго присутствія онъ былъ одинъ изъ членовъ, который ни разу не отлучался по своимъ дѣламъ, что тоже сердило старыя дрожжи; поэтому онъ вполнѣ имѣлъ право дать себѣ отдыхъ, а можетъ, къ тому-же не весело было встрѣчаться ему и съ Ольгой, и съ ея поклонникомъ. Итакъ Камышлинцевъ заявилъ губернатору, что онъ на весну уѣдетъ въ деревню. пригласилъ съ собой, чтобы не было скучно, Благомыслова и по почернѣвшей и тающей дорогѣ, по брызгамъ, какъ говорятъ охотники, поскакалъ въ свою Камышлиновку.

Пріѣхавъ въ деревню, Камышлинцевъ началъ толковать съ крестьянами о выкупѣ. При этомъ онъ имѣлъ пріятный случай убѣдиться, что хотя крестьяне и считаютъ его помѣщикомъ добрымъ и справедливымъ, но полагаютъ, что онъ ихъ хочетъ все-таки понадуть, и, слушая его убѣжденія, все-таки больше вѣрили первому, безсрочно-отпускному солдату, нежели ему.

— Я очень хорошо понимаю, — говорилъ Камышлинцевъ сосѣду и пріятелю своему, Ильѣ Игнатьичу

Еремѣеву, котораго онъ тотчасъ же посѣтилъ, — я понимаю, что я для нихъ все-таки помѣщикъ: что же дѣлать, нужно платиться за это; но за что же они мошенникомъ-то меня считаютъ? Я имъ даю по лишней десятинѣ на душу, чтобы только полюбовно разойтись, и обязательство въ этомъ даю, — а они отъ меня и бумаги-то не берутъ! „Нѣтъ, говорятъ, на что намъ, мы и такъ вамъ, батюшка, вѣримъ". А врутъ все: просто боятся взять, думаютъ—тутъ какой-нибудь подвохъ, мошенническая штука!

— Да вы бы имъ сказали, что хоть для спасенія души дарите, такъ они бы поняли и вамъ повѣрили; а то какъ ни съ сего, ни съ того дарить. Кто же это пойметъ?

— Напротивъ, я имъ объяснилъ, что я дружелюбной сдѣлки хочу, а не изъ принужденія; а они мнѣ говорятъ: „нѣтъ, ужь лучше, какъ по закону!" Боятся какой-то царской милости рѣшиться, коль на сдѣлку пойдутъ. Еще какой-то воли ждутъ!

— А что жъ, можетъ и будетъ! Вы почемъ знаете, что не будетъ?—спросилъ Еремѣевъ.

Камышлинцевъ былъ нѣсколько озадаченъ.

— Какъ почему знаю, Илья Игнатьичъ? — сказалъ онъ, вопросительно глядя на пріятеля, — да по ходу дѣла, по положенію вещей знаю.

— Ну вотъ, по ходу дѣла и положенію вещей! А представьте себѣ, что вы бы никакого хода вещей и положенія дѣлъ не знали и при слухахъ о волѣ пытались бы ихъ узнать, а васъ бы за это сажали въ кутузку и посѣкали! И вдругъ воля, о которой вы не смѣли и заикнуться, вамъ съ неба упала! Хорошо,

только воля вышла разумѣется не такая, о какой человѣкъ, не знающій положенія вещей и разныхъ затрудненій, могъ мечтать. Что же? Развѣ они не вправѣ ожидать, что если эта воля оказалась неудовлетворительной и испорчена злыми людьми, то съ неба можетъ упасть другая, гораздо лучшая, полная воля? Нѣтъ, ужь вы лучше въ самомъ дѣлѣ по закону! — прибавилъ Еремѣевъ: — и для васъ, и для нихъ лучше будетъ. А то они о троянской-то войнѣ не слыхали, а „дары приносящихъ“ остерегаются. Ну, а послѣ, для душеспасенія, дарите, что хотите.

— Да принужденія-то не хотѣлось бы! — говорилъ Камышлинцевъ, еще не отвыкшій, какъ русскій человѣкъ, поблагодушествовать, сдѣлать все по душѣ. Однако, подумавъ и видя, что толки безполезны, онъ, слушая опытнаго пріятеля, потребовалъ обязательнаго выкупа.

Камышлинцевъ болѣе мѣсяца прожилъ въ деревнѣ и, разъ въ нее заѣхавъ на весну, не могъ изъ нея выѣхать до окончанія весны, не подвергаясь риску выкупаться въ рѣкѣ или оврагѣ. И вотъ начали входить въ берега рѣки, стали осушаться дороги, осадное положеніе, въ которомъ весна держитъ всѣхъ нашихъ деревенскихъ жителей, мало по малу снималось. Камышлинцевъ отдохнулъ, поохотился, освѣжился. Его опять потянуло къ дѣлу. Но прежде нежели уѣхать изъ деревни, ему хотѣлось повидаться съ старикомъ Васильемъ Сергѣевичемъ Мытищевымъ. Камышлинцевъ слышалъ, что онъ очень боленъ.

Мытищевъ жилъ безъ брата въ своемъ отдѣльномъ имѣніи, которое отдѣлялось рѣкой отъ имѣнія Камышлинцева. Узнавъ, что на ней установилась переправа,

Камышлинцевъ собрался и взялъ съ собой Благомыслова.

— Я васъ познакомлю съ нигилистомъ, — сказалъ онъ Благомыслову (тогда это названіе начало входить въ употребленіе),—только нигилистомъ прошлаго столѣтія: ему теперь 79 лѣтъ.

Они застали старика дѣйствительно въ очень плохомъ положеніи: у него образовалась водянка въ груди. Въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, протянувъ ноги въ бархатныхъ полусапожкахъ на низенькую и мягкую скамейку. Все въ домѣ носило характеръ стариннаго барскаго житья, вмѣстѣ съ привычками человѣка, свободнаго отъ предразсудковъ. Большой, почти пустой домъ съ старинной угловатой мебелью, столиками, съ шашечницей изъ мозаики, такими же мраморными, не-вѣсть для чего стоящими на столѣ и каминѣ обелисками, англійскіе четыреугольные столовые часы въ углахъ, украшенные рѣзьбой изъ бронзы и шишечками на футлярахъ, бьющіе чисто и звонко всѣ четверти, и одни сверхъ того выбивающіе курантами „God save the king“, большей частью старая прислуга, незапуганная, свободная и даже фамильярная— и въ кабинетѣ старикъ-хозяинъ, окруженный книгами и новѣйшей журналистикой, слѣдящій за всѣмъ ходомъ вещей и потухающими глазами скептика взирающій сквозь свои высокія черепаховыя очки на всѣ молодыя мечтанія и надежды.

Камышлинцевъ нашелъ въ Васильѣ Сергѣевичѣ печальную перемѣну: грудь и животъ у него вздулись, лицо отекло, говорилъ онъ прерывисто и задыхаясь, потухающіе глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бро-

вей безотрадно, но съ презрительной и неуступчивой непреклонностью. Узнавъ Камышлинцева, старикъ видимо оправился и обрадовался.

— А! спасибо, спасибо, что заѣхали, радъ на послѣдяхъ поболтать съ вами, — говорилъ онъ, пожимая руку.

— Давно хотѣлось, раньше бы пріѣхалъ, да сами знаете, рѣка не пускала,—сказалъ Камышлинцевъ. Онъ представилъ Благомыслова.

— Привезъ къ вамъ молодаго человѣка, который мнѣ сопутствуетъ и помогаетъ,—сказалъ онъ.

— А, слышалъ про васъ, — сказалъ Мытищевъ,— это васъ называютъ нигилистами?—спросилъ онъ, поднимая голову и безцеремонно осматривая Благомыслова черезъ свой съ большими стеклами pince-nez.

Благомыслову этотъ осмотръ не понравился.

— Насъ!—отвѣчалъ онъ пасмурно, хотя, по правдѣ сказать, Мытищевъ, как баринъ, смущалъ его нѣсколько.

— Да вы не сердитесь,—сказалъ Мытищевъ,—что я васъ такъ осматриваю, намъ нужно посмотрѣть хорошенько другъ на друга: вы входящій, я выходящій.... Ну, а вы что, трудящійся гуманистъ? — спросилъ онъ Камышлинцева.

— Да живу, какъ живется,—отвѣчалъ тотъ,—а вы какъ?

— Видите! — съ горькой усмѣшкой сказалъ старикъ,—къ чертямъ на жаркое скоро отправлюсь.

— Э, полноте!—возразилъ Камышлинцевъ. — Да и давно ли вы въ чертей-то начали вѣрить?—прибавилъ онъ, чтобы отвлечь его.

— Ну къ червямъ въ сыромъ видѣ: что же это, лучше что ли?—спросилъ онъ сердито.

— Нѣтъ, тоже непривлекательно! — замѣтилъ Камышлинцевъ.—Но надѣюсь, что не скоро еще дойдетъ до того.

— Чего не скоро! душитъ уже,—сказалъ онъ, указывая на грудь.—Лежа спать не могу, скоро и совсѣмъ задушитъ.

Онъ остановился.

— Да и печали-то мало,—передохнувъ, продолжалъ онъ:—вѣдь изъ любопытства только живешь. Ну, на послѣдяхъ занимательную штуку пришлось видѣть, а новой не скоро дождешься, такъ хоть и домой! Скверно только, что тамъ-то ничего не ждешь.

Утѣшать было нечѣмъ, и они тяжело замолчали.

— Къ вамъ, я слышалъ, сынъ пріѣхалъ?—сказалъ Камышлинцевъ, знавшій очень хорошо, что дѣйствительно нѣсколько дней назадъ къ старику пріѣхалъ изъ полка его единственный сынъ.

— Да,—сказалъ онъ,—выписалъ его: пусть теперь хозяйничаетъ!... Мои на выкупъ пошли.

— Какъ это вы ихъ уговорили?—спросилъ Камышлинцевъ,—я и своимъ предлагалъ, да нейдутъ: потребовалъ обязательнаго.

— Призвалъ стариковъ да обругалъ,—сказалъ Мытищевъ.—Дополнительный-то платежъ я имъ простилъ разумѣется. Смотрите, говорю, мнѣ жить не долго. Чтобъ послѣ хуже не было! Ну, они поняли и поторопились.

Мытищевъ, кажется, находилъ болѣзненное удовольствіе безпрестанно упоминать о своей близкой смерти. А можетъ быть онъ ждалъ,—какъ знать! не увѣрятъ ли его, что еще опасность не такъ близка. Сердито-

насмѣшливымъ тономъ онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ Благомыслову. Умирающій скептикъ смотрѣлъ на молодаго съ безпощаднымъ юморомъ знанія и безнадежности.

— Вы вотъ отъ общины много надѣетесь,—сказалъ онъ,—а знаете, чѣмъ она держиться?

— Практическимъ смысломъ народа,—сказалъ Благомысловъ.

Мытищевъ усмѣхнулся.

— Скажите своимъ-то учителямъ, что на лошадиномъ хвостѣ она держится! Мужикъ еще не придумалъ, какъ ему безъ нея на пару скотину пасти.

Благомыслову совѣстно было сознаться, что онъ самъ не разъ слышалъ отъ крестьянъ тоже самое.

— И за что васъ нигилистами считаютъ!—раздражительно говорилъ Мытищевъ: — такіе же идеалисты, какъ и другіе! Мы съ-молоду вѣрили въ болтовню Руссо. У васъ свои пророки, только пожиже.

— Наша задача опредѣлительнѣе, —сказалъ Благомысловъ: —защита бѣдняка и труженика.

— Мечты, вздоръ!—проворчалъ старикъ:—такъ вы ихъ и защитите утопіями-то своими! Подождите, вотъ какъ и васъ такъ же душить будетъ, какъ меня теперь, тогда будете нигилистомъ.

Въ это время вошелъ высокій, здоровый и, можно бы сказать, красивый молодой человѣкъ, еслибъ въ выраженіи его лица не было чего-то пошловатаго.

— Вотъ это не нигилистъ, — сказалъ Мытищевъ, кивнувъ на вошедшаго:—сынъ мой.

И старикъ посмотрѣлъ на сына съ какой-то странно ласковой злобой и насмѣшкой. Въ этомъ взглядѣ было то невольное, завистливое презрѣніе, которое хилый

больной питаетъ ко всякому здоровяку, презрѣніе развитаго ума къ животной натурѣ и вмѣстѣ снисходительная любовь отца къ сыну.

— За Матрешками бѣгалъ?—спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, — добродушно улыбаясь, сказалъ сынъ: — воронаго объѣзжалъ. Чего! у кучеровъ совсѣмъ отбился, да и мнѣ всѣ руки оборвалъ, — продолжалъ онъ и въ подтвержденіе словъ показалъ здоровенныя руки, исполосованныя багровыми рубцами.

— Однакоже таки сломалъ его. Шелковый воротился!—съ торжествомъ заключилъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ.

— Усталъ я,—сказалъ онъ,—говорить трудно. Покажи оранжерею,—сказалъ онъ сыну, кивнувъ ему на Благомыслова.

Камышлинцевъ тоже хотѣлъ идти, но старикъ кивнулъ ему головой, чтобы онъ остался.

— Наслѣдники!—сказалъ онъ вслѣдъ уходящимъ.— Мой-то лучше! хоть счастливѣе насъ проживетъ.

— Молодыя силы ломятся!—сказалъ Камышлинцевъ, защищая Благомыслова:—жить, дѣлать хотятъ, а дѣла-то нѣтъ, да еще бѣдность одолѣваетъ: въ томъ и бѣда!

Мытищевъ посмотрѣлъ на него и не сказалъ ни слова.

— Ну, разсказывайте, что Ольга?—спросилъ онъ.

Камышлинцевъ разсказалъ ему, что зналъ, и не могъ утаить о своемъ разногласіи во взглядахъ и происшедшемъ отъ этого охлажденіи.

— Разошлись?—спросилъ старикъ.

Камышлинцевъ молча наклонилъ голову.

— Пошалили!—сказалъ онъ.

Камышлинцевъ объяснилъ ему свой взглядъ на подобныя отношенія, но старикъ не возражалъ, а только насмѣшливо улыбался.

Камышлинцевъ разсказалъ ему еще о столкновеніи съ дворянствомъ, о новомъ губернаторѣ, но видя, что утомляетъ старика, собрался ѣхать, и подумалъ, что надо бы дать знать Ивану Сергѣичу о положеніи брата. Чтобы приготовить старика къ этому, онъ сказалъ: — Иванъ Сергѣичъ, можетъ быть, скоро пріѣдетъ: хотѣлъ побывать по спадѣ водъ.

— Это хорошо,—отвѣчалъ старикъ,—я хотѣлъ послать за нимъ, когда плохо будетъ.

„Пора!“ подумалъ Камышлинцевъ, и сталъ прощаться.

— Ну, до свиданія!—сказалъ онъ.

— Прощай! — отвѣтилъ старикъ (онъ ему никогда не говорилъ прежде „ты“). Живи, да не заботься много: не стоитъ!—Онъ пожалъ ему руку и печально посмотрѣлъ на него.

— Ну, мы еще не разъ, надѣюсь, увидимся и поспоримъ,—сказалъ Камышлинцевъ.

— У червей въ брюхѣ!—угрюмо сказалъ старикъ.— Скоро уѣзжаешь?

— На дняхъ, но заверну еще къ вамъ.

Кажется, понявъ, что онъ обманываетъ его, старикъ кивнулъ ему головой и сердито отвернулся, а Камышлинцевъ вышелъ съ грустнымъ чувствомъ.

На дворѣ онъ встрѣтилъ молодаго Мытищева и сказалъ ему, что надо бы послать за дядей.

— Хотѣлъ спросить старика, да разсердится. Самъ все про смерть говоритъ, а когда спросишь его, какъ онъ думаетъ распорядиться тѣмъ или другимъ,—злится.

„Что, говоритъ, хоронить меня, что ли, спѣшишь?“ Не нравится видно умирать-то!—равнодушно замѣтилъ онъ.

Камышлинцевъ замѣтилъ, что можно пріѣзду дяди дать видъ случайности, и посовѣтовалъ сейчасъ же послать нарочнаго. Онъ самъ написалъ нѣсколько строкъ Ивану Сергѣичу, и нарочный уѣхалъ. Уѣхалъ и Камышлинцевъ съ Благомысловымъ.

Дня черезъ два Иванъ Сергѣичъ, печальный и огорченный, сидѣлъ передъ братомъ. Старикъ былъ слабъ и дѣлалъ только короткіе отвѣты и вопросы.

— Что Ольга?—спросилъ онъ.

— Она очень встревожена, и поручила тебѣ много кланяться. Очень жалѣла, что сама не можетъ пріѣхать.

— Не то!—сердито прервалъ старикъ.—Съ тобой какъ?

Иванъ Сергѣичъ печально улыбнулся.

— Очень хороша! — сказалъ онъ. — Скоро родитъ мнѣ Камышлинцева, а тамъ, кажется, графы уже пойдутъ! (онъ, кажется, замѣтилъ происшедшій разрывъ).— Весьма пріятно оставлять послѣ себя чужихъ дѣтей.

— Вздоръ! не все-ли равно! ну я своего оставляю: пріятно?

— Моя драма кончается мѣщанской комедіей съ обманутымъ мужемъ! — съ горькой усмѣшкой продолжалъ Иванъ Мытищевъ, умышленно не отвѣчая на замѣчаніе брата.

— Все фарсъ! всѣ мы обмануты!—угрюмо сказалъ старикъ.

Эти слова Василія Мытищева напомнили религіозному брату о предметѣ, котораго онъ боялся коснуться, хотя онъ составлялъ его самое горячее желаніе, и, ѣхавши

къ брату, онъ только и думалъ о томъ. Онъ рѣшился приступить къ нему.

— Послушай, братъ,—сказалъ онъ,—ты знаешь мои мысли.... на этотъ счетъ. Теперь спорить объ этомъ не время. Положимъ, ты сомнѣваешься, не вѣришь, но ошибки сродны людямъ! Неужели тебѣ не приходитъ никогда на мысль „а если?“ Еще не поздно: примирись! Для меня!—сказалъ, умоляя, Иванъ и взялъ старика за руку.

Но онъ сердито вырвалъ ее.

— Оставь! я не сомнѣваюсь!—хрипло сказалъ онъ, сверкнувъ глазами.—На болѣзнь надѣешься? Голова еще цѣла!—Онъ замолчалъ и сталъ тяжело и коротко дышать. Волненіе душило его.

Иванъ Мытищевъ печально опустилъ голову. Слезы бѣжали по его лицу.

Старикъ закрылъ глаза и долго не могъ успокоиться. Наконецъ его короткое дыханіе стало ровнѣе и онъ открылъ глаза.

Иванъ ничего не заговаривалъ.

— Александра!—сказалъ старикъ.—Сынъ сейчасъ же явился; онъ кивнулъ ему на стулъ, и тотъ сѣлъ.

— Деньги, по тысячѣ старикамъ! — началъ отрывисто Василій, разумѣя подъ стариками ключницу и слугу, которые ходили за нимъ.—Гробъ изъ простыхъ досокъ. Покрыть — этимъ! — онъ указалъ на одѣяло, которымъ одѣты были его ноги. Онъ помолчалъ.

— Да не читать! — сказалъ онъ сердито, какъ-бы вспомнивъ что-то. — А тамъ, какъ хотите!... Послѣ смерти не зачѣмъ тянуться жить...

Онъ опять закрылъ глаза и замолчалъ.

— Сжечь бы!—тихо проговорилъ онъ, не открывая глазъ.

Иванъ Сергѣичъ не понялъ, и, думая, что братъ начинаетъ бредить, переглянулся значительно съ племянникомъ.

Тотъ пожалъ плечами, какъ-бы говоря: „не понимаю, или завирается!"

— Что сжечь?—спросилъ Иванъ Сергѣичъ?

Василій открылъ глаза.

— Это сжечь! — громко и сердито сказалъ онъ, и пальцемъ ткнулъ въ свое тѣло.

Вдругъ онъ повернулъ голову къ сыну, посмотрѣлъ на него какъ-бы съ надеждой.

— А?—сказалъ онъ, какъ-бы спрашивая его согласія.

— Да, это хорошо!—сказалъ сынъ, вѣроятно, чтобы успокоить старика. Онъ не разъ слышалъ отъ него и прежде желаніе быть сожженнымъ. Но старикъ понялъ его, кажется, иначе. Онъ съ ласковой усмѣшкой взглянулъ на него. Казалось, ему въ первый разъ пришла мысль, что сынъ его можетъ быть на что-нибудь пригоденъ и если что захочетъ, то надъ препятствіями не задумается.

Иванъ Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ глубоко возмущенъ и опечаленъ.

Старикъ былъ утомленъ и задремалъ. Было уже поздно. Иванъ Мытищевъ тихо вышелъ, велѣлъ себѣ сдѣлать въ сосѣдней комнатѣ постель и, въ ожиданіи ея, тихо бесѣдовалъ съ старой ключницей и старымъ слугой, распрашивая ихъ про болѣзнь брата. Онъ не выдержалъ, чтобы опять не заговорить о предметѣ, его болѣе всего заботившемъ.

— Пробовалъ поговорить о причастіи: и слышать не хочетъ, — сказалъ онъ грустно.

Ключница отчаянно махнула рукой.

— И не говорите! — сказала она, — ужь я давно пробовала, такъ куда тебѣ! Вѣдь всѣмъ бы человѣкъ: вѣдь ворчалъ только, а сердце доброе! золотой человѣкъ! ну, а грѣхъ этотъ, грѣхъ...—она не договорила и заплакала.

— Тверды въ этомъ очень!—сказалъ положительно старикъ-слуга.

— Не послать ли завтра за отцомъ Никандромъ?—сказалъ Мытищевъ, желая во что бы то ни стало, хоть обманомъ примирить брата съ церковью.—Скажемъ ему сначала, что онъ просто провѣдать его зашелъ.

— Врядъ-ли!—сказала печально ключница.—Развѣ попробовать, можетъ Господь вразумитъ?

— Нѣтъ, оставьте, сударь! — сказалъ слуга. — Огорчатся они! Что же, если у нихъ вѣра такая была?

Но сомнѣнія ихъ были нечаянно разрѣшены. Вошелъ Александръ Мытищевъ, нѣсколько встревоженный, и сказалъ: „отецъ умеръ!“ Всѣ встревожились, вошли въ комнату и увѣрились въ печальной истинѣ. Всклокоченная голова старика была опущена, и онъ былъ мертвъ: вода задушила его.

На другой день все было сдѣлано, какъ завѣщалъ старикъ. Гробъ сколоченъ изъ простыхъ досокъ, покровомъ служило простое одѣяло. Иванъ Мытищевъ хотѣлъ было сдѣлать все „какъ слѣдуетъ“, но сынъ равнодушно, но настойчиво замѣчалъ: „вѣдь отецъ такъ велѣлъ“, и сдѣлалъ, какъ было завѣщано. Иванъ Сергѣичъ удовольствовался тѣмъ, что рѣшилъ на свои деньги купить

парчи на ризы, и успокоилъ этимъ приходскаго священника. Сынъ воспротивился и тому, чтобы надъ покойникомъ читали Псалтырь.

— Нельзя же этого; этого требуетъ законъ церкви! — сказалъ дядя.

— Вѣдь надъ крестьянами же рѣдко читаютъ? — замѣтилъ сынъ. И когда дядя началъ настаивать, онъ остановилъ его неожиданнымъ возраженіемъ:

— Ну, а какъ отецъ-то слышитъ еще? — замѣтилъ онъ.

Нѣсколько мистическій дядя былъ смущенъ этимъ замѣчаніемъ.

— Ну, я самъ буду читать въ сосѣдней комнатѣ! — сказалъ онъ.

— Тамъ какъ хотите, — сказалъ онъ, — хоть и дьячковъ призовите.

Такъ и было сдѣлано. Въ комнатѣ, сосѣдней съ залой, въ которой стоялъ покойникъ, самъ Иванъ Мытищевъ передъ образомъ читалъ Псалтырь, но онъ уставалъ, и по предложенію племянника его смѣнили дьячки.

Все шло обычнымъ порядкомъ, но наканунѣ похоронъ случилось странное происшествіе.

Былъ дождь. Крестьяне толпой приходили прощаться съ старымъ бариномъ. Ихъ не удивляла необыкновенно простая обстановка похоронъ, они давно привыкли къ странностямъ своего „старика“ и думали, какъ его старый слуга: „что жъ, если онъ такой вѣры: можетъ по своимъ книгамъ дошелъ!“ Вообще русскаго человѣка, видавшаго скопцовъ, бѣгуновъ, прыгуновъ и разные нелѣпѣйшіе толки, эксцентричностями въ дѣлѣ религіи не удивишь.

*

Прощались они съ своимъ бариномъ, тихо проходя по соломѣ, обильно настланной на старый паркетъ, чтобы не загрязнить его. Свѣчи горѣли вокругъ досчатаго гроба; подъ своимъ одѣяломъ лежалъ старикъ съ всклокоченными волосами. Густыя сѣдыя брови нависли сердито, какъ будто онъ и въ гробѣ готовъ былъ ворчать. Но умное лицо отекло и было безстрастно и безсмысленно. Въ боковую комнату дверь была полуоткрыта, и тамъ слышалось мѣрное жужжаніе чтеца, изрѣдка вытягивающаго какое-нибудь неразобранное дремлющими глазами слово.

Вдругъ ночью крикъ „пожаръ" огласилъ домъ. Когда люди, большей частью не ложившіеся и кое-гдѣ прикурнувшіе, сбѣжались, зала, гдѣ стоялъ покойникъ, была въ огнѣ. Дымъ и пламя отъ горѣвшей соломы были такъ велики, что въ комнату нельзя было и войти. Полагали, что одна изъ свѣчей, горящихъ у гроба, упала и зажгла солому.

Однако большаго несчастья не послѣдовало. Дождь, сбѣжавшійся народъ, исправные пожарные инструменты не дали распространиться огню. Молодой помѣщикъ оказался молодцомъ и дѣйствовалъ ловко. Онъ вообще былъ человѣкъ наружнаго порядка и механической исправности. Инструменты, въ безпорядкѣ стоявшіе въ сараѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, какъ только попались ему на глаза, были исправлены, и онъ имъ, къ великому удовольствію дворни и мальчишекъ, сдѣлалъ смотръ. Во время пожара онъ тотчасъ велѣлъ затворить двери и окна горящей комнаты и, заперевъ въ ней дымъ, дѣйствовалъ только на стѣны... Тѣмъ не менѣе, вся часть дома, уголъ котораго составляла зала, прогорѣла и была испор-

чена, особенно сильно горѣлъ сухой паркетъ: полы прогорѣли насквозь, и когда огонь былъ потушенъ, между обгорѣвшими балками нашли обугленныя кости старика.

Такимъ образомъ, случайно или нѣтъ, но исполнилось желаніе старика, и тѣло его не досталось червямъ, къ которымъ онъ чувствовалъ такое отвращеніе; впрочемъ, кости его были собраны и въ новомъ гробу прилично отпѣты и схоронены.

Молодой хозяинъ не былъ огорченъ пожаромъ: — Эдакъ лучше еще! — говорилъ онъ про домъ, — а то великъ больно былъ сарай-то: не по нынѣшнимъ порядкамъ!

Иванъ Сергѣичъ пытливо и подозрительно посматривалъ на племянника и наединѣ спросилъ:

— А отъ чего произошелъ пожаръ, Александръ?

— Отъ огня вѣроятно! — наивно отвѣчалъ, нѣсколько грустный, но спокойный племянникъ.

Иванъ Сергѣичъ не продолжалъ распросовъ; похоронивъ брата, онъ уѣхалъ, а молодой помѣщикъ вступилъ въ свои права, и непрерывно работающая машина природы, поглотивъ одну ничтожную мошку, продолжала свой безстрастный ходъ вѣчной жизни и вѣчной смерти.

II.

Когда Иванъ Сергѣичъ Мытищевъ далъ знать Камышлинцеву о смерти брата, посланный не засталъ его уже въ имѣніи. Возвратясь отъ больнаго старика, Камышлинцевъ собрался въ городъ, но онъ заѣхалъ про-

ститься и переговорить о своемъ хозяйствѣ съ Еремѣевымъ.

— Какъ вы поѣдете? — спросилъ Еремѣевъ: — въ горахъ, говорятъ, дожди были, съ Юнгуша паромъ сорвало, а вамъ придется два раза переѣзжать его.

Камышлинцевъ былъ въ нерѣшимости.

— Развѣ ѣхать въ объѣздъ, на Темрюково?—сказалъ онъ; — да туда надо ѣхать на своихъ: лошадей тамъ не сыщешь теперь.

— Ну такъ что жъ?.. А кстати и мнѣ нужно бы въ ту сторону, въ лѣсную дачу,—замѣтилъ Еремѣевъ.

— Ну, такъ вотъ и поѣдемте вмѣстѣ!—сказалъ Камышлинцевъ.

— И отлично!—замѣтилъ Еремѣевъ.

Такъ и было рѣшено. Рано утромъ Еремѣевъ заѣхалъ за Камышлинцевымъ и они отправились.

Часу въ 9-мъ пріѣхали они на первый привалъ. Это была большая и зажиточная деревня вѣдомства государственныхъ имуществъ. У Еремѣева по всей дорогѣ были знакомые.

— Есть у меня и здѣсь одинъ мужикъ знакомый,— сказалъ Еремѣевъ, — да таракановъ у него много, и къ тому-же раскольникъ: табаку не любитъ! такъ мы на станцію; смотрительша—баба знатная!

И они подъѣхали къ трехъ-оконному домику, на выѣздѣ, съ садикомъ передъ окнами и классическимъ пестрымъ столбомъ, на которомъ сохранилось еще старинное названіе верстъ „вдовъ до Москвы“ столько-то.

Это была маленькая станція на уѣздномъ трактѣ, всего съ двумя парами лошадей. Старый смотритель, большой пьяница и мистикъ, былъ переведенъ сюда за

совершенной непригодностью на большомъ трактѣ. Но жена его, здоровая и хлопотливая баба, была женщина бойкая: она и станціей завѣдывала, и хозяйство у ней шло споро.

Нашихъ пріѣзжихъ прежде всего озадачила надпись надъ дверью. На косякѣ было надписано мѣломъ: „рабовъ Божіихъ Никанора и Степаниды дома нѣтъ“.

— Куда это рабы божіи Никаноръ и Степанида отправились?—спросилъ Камышлинцевъ.

— А вотъ мы узнаемъ,—отвѣчалъ Еремѣевъ.

Они вошли въ большую комнату съ извѣстной обстановкой: обитые кожей стулья, десятки почтовыхъ предписаній въ рамкахъ по стѣнамъ, часы въ футлярѣ, вѣчно врущіе, и прикованная къ стѣнѣ, какъ Прометей, тетрадка для записки жалобъ. Въ комнатѣ не было признака жизни, но надъ дверью опять красовалась надпись: „рабовъ Божіихъ Никанора и Степаниды дома нѣтъ“.

— Эй, рабъ Божій, Никаноръ, дома, что ли?—закричалъ Еремѣевъ.

— Дома!—отвѣчалъ заспанный голосъ; затѣмъ кто-то завозился, всталъ съ кровати, и вскорѣ явилась заспанная, растрепанная и мрачная фигура въ форменномъ сюртукѣ, на которомъ оставалось всего двѣ свѣтлыя пуговицы.

— А, это вы, Илья Игнатьичъ!—сказалъ онъ фамильярно, но, увидѣвъ Камышлинцева, нѣсколько воздержался.

— Я! А раба Божія Степанида—тоже дома?—спросилъ Еремѣевъ.

— Дома, въ огородѣ что-то копается, — отвѣчалъ смотритель.

— Для чего же это ты вездѣ сдѣлалъ надпись, что васъ дома нѣтъ? (Надписи потомъ оказались не только надъ дверями, но и надъ окнами).

Смотритель сначала не сообразилъ.

— А, это-то?—сказалъ онъ, догадавшись,—это отъ *нея*.

— Отъ кого отъ нея? спросилъ Камышлинцевъ.

— Извѣстно, отъ кого! отъ *нея*...

— Да отъ лихорадки, что ли?—спросилъ Еремѣевъ.

— А то отъ кого же? назвать что-ли ее, чтобы привязалась? Это вѣдь вы не вѣрите ни во что!—сказалъ онъ съ сердитымъ упрекомъ.

Показалась и раба Божія Степанида, маленькая, толстенькая и проворная баба. Она поздоровалась, затараторила, мигомъ поставила самоваръ, собрала приборъ и пошла готовить яичницу, успѣвая изъ кухни переговаривать съ гостями.

— Кто это на васъ жалобу настрочилъ?—спросилъ Камышлинцевъ, заглянувъ отъ нечего дѣлать въ Прометея и прочитавъ въ немъ жалобу какого-то подпоручика, который на двухъ страницахъ расписывалъ, какъ смотритель не давалъ ему лошадей и бранился съ нимъ.

— Да вотъ какой-то молокососъ написалъ, давай, говоритъ, лошадей; а передъ этимъ управляющій пятерикъ взялъ. Мой-то убогій толкуетъ, толкуетъ съ нимъ, да еще и языкъ-то у него плохо шевелится, а тотъ, такъ и налетаетъ, такъ и налетаетъ. Досадно мнѣ стало. Я ему говорю: да что вы на него нападаете? Какихъ вамъ лошадей, коль управляющій взялъ? „Да нѣтъ, говоритъ, ему тройка прописана“. — Ну, а уѣхалъ на пятеркѣ... „Мнѣ, говоритъ, до этого дѣла нѣтъ, да съ

тобой я и говорить не хочу, ты не смотритель!“—Да вѣдь, я говорю, онъ мнѣ мужъ, чего же вы на него нападаете? гдѣ ему съ вами сговорить? А онъ опять свое: — „не твое, говоритъ, дѣло!“ —А я ему опять: да какъ же не мое, коль онъ мой законный мужъ? Спорили, спорили, чай цѣлый часъ, и онъ какъ ракъ покраснѣлъ. Даже у меня въ горлѣ пересохло, надоѣло мнѣ, плюнула я. — ну, говорю, баринъ, здоровая у тебя глотка! да и велѣла запасныхъ ему дать. А онъ возьми, подлецъ, да и настрочи.

— Самое подлое житье! — заговорилъ изъ-за перегородки смотритель.—Лошадей мало, проѣзжающіе бранятся, а народъ кругомъ — одинъ грѣхъ!..

— Какой грѣхъ съ народомъ?—спросилъ Еремѣевъ, входя къ нему за перегородку. Камышлинцевъ тоже заглянулъ и, увидѣвъ оригинальность обстановки, тоже вошелъ.

Это была обыкновенная маленькая комната съ сундукомъ, столомъ, грязной кроватью и нѣсколькими образами, передъ которыми висѣлъ вырѣзанный изъ дерева голубь съ распущенными крыльями и пасхальное яйцо въ длинной сѣткѣ, вырѣзанной изъ бумаги. Но особенность комнаты составляли стѣны ея. Кромѣ прибитыхъ гвоздочками лубочныхъ картинъ, изображающихъ большею частью чудеса или бесѣды святыхъ людей съ грѣшными, гдѣ вопросы и отвѣты излетали изъ устъ печатными буквами, всѣ свободныя мѣста стѣнъ были исписаны углемъ и мѣломъ, и очевидно исполняли должность памятной книжки. Записывались тутъ сны, видѣнія, замѣчанія и прочее, и видно было, что во всемъ доискивался таинственный смыслъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ

были нарисованы какіе-то круги и столбы, а внизу надпись: „небесное знаменіе февраля 3-го дня 1857 года“, и потомъ прибавлено: „слышно, былъ въ Царь-градѣ пожаръ“. Но большей частью записывались сны, такъ напримѣръ: „7-е іюня. Видѣлъ голубицу; несѣтъ во рту яко бы златый горшокъ. И вопроша ее: „что несѣшь?“ и отвѣща: „сметану“. Спросилъ „кому?“ но разбуженъ разгономъ“. — „Губернскій почтмейстеръ получилъ орденъ Святыя Анны 3-й степени“. Или: „на утріе читалъ въ псалмѣ: „наступиши на василиска и змія“. Вечеромъ идя въ баню наступилъ на ужа, но укушенъ онымъ не былъ“.

— Ну говори про народъ-то! — сказалъ Еремѣевъ.

— А народъ-то бѣда! кромѣ того, что раскольникъ, да еще и съ ними знается.

— Да съ кѣмъ, съ ними?—спросилъ Еремѣевъ.

— Ну, все вамъ назови! хорошо развѣ по имени-то ихъ называть? и вспоминать-то грѣхъ! тьфу!—онъ отплюнулся.

— Что жъ они дѣлаютъ? — спросилъ Еремѣевъ.

— А вотъ-что! этто выхожу на свѣту, на крыльцо: почту проводилъ. Стою и смотрю на младый мѣсяцъ; а старуха одна—вѣдьма такая тутъ у насъ есть—вышла на улицу, да рюриковъ и пускаетъ.

— Кого? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Рюриковъ! — повторилъ смотритель.

— Это что еще за звѣрь? — спросилъ Еремѣевъ,

Смотритель посмотрѣлъ на него съ недовольной миной.

— Тебѣ бы только зубаскалить,—отвѣчалъ онъ укоризненно.

— Да нѣтъ же, говорятъ тебѣ, не знаю. Птицы, что ли, это?

Старикъ всталъ, медленно надѣлъ сюртукъ и, ни слова не сказавъ, ушелъ. Такъ они и не могли допытаться, что это были за новые рюрики.

Въ комнатѣ было душно и пахло чѣмъ-то затхлымъ, а на дворѣ теплое и весеннее утро было ясно.

— Знаете, что,—сказалъ Камышлинцевъ,—устроимъ-ка чай на воздухѣ?

— И отлично,—отвѣтилъ Еремѣевъ.—Раба Божія Степанида, давай намъ самоваръ на крыльцо, скомандовалъ онъ.

— Хорошо, голубчикъ, хорошо, — отвѣчала она, и немедленно командировала ямщиковъ переносить, что нужно.

Проѣзжающіе наши устроились у крыльца, въ ожиданіи чая, и вскорѣ около нихъ началъ собираться народъ. Сначала подошелъ невысокій коренастый мужикъ.

— Еще здравствуйте!—сказалъ онъ, подходя и снимая шапку.—Гораздо ли живешь, Илья Игнатьичъ?—продолжалъ онъ, подавая Еремѣеву руку.—Что нынче спѣсивъ сталъ—не заѣхалъ?

— Да не одинъ вотъ ѣду, съ гостями!—отвѣчалъ тотъ.

— А кто они будутъ?—сказалъ старикъ, указывая на Камышлинцева.

Еремѣевъ назвалъ сосѣда помѣщика и его товарища.

— Нешто!—подтвердительно сказалъ старикъ:—ну что жъ, всѣмъ бы мѣстечко было, — прибавилъ онъ.

— Да курятъ они больно, такъ, пожалуй, тебѣ бы не понравилось,—замѣтилъ Еремѣевъ.

— Э, ничего! нынче ужь и наши парни этой дрянью заниматься стали.

Онъ подсѣлъ къ нимъ и начались разговоры про житье.

— Ну, а что, про насъ не слышно, когда освободятъ?—спросилъ старикъ.

— Да васъ отъ кого же освободить-то, кто у васъ помѣщикъ? — спросилъ Камышлинцевъ.

— У насъ-то? и-и, пропасть! у твоихъ-то крестьянъ, какой ни на есть ты, да одинъ былъ, тебя и знали, а у насъ управляющій этотъ, да окружной, да помощникъ, да волостной, да писарь, да левизоры разные, и... и... и... не сочтешь! Опять же угодья, оброчныя статьи! ты помѣщикъ, ты знаешь въ нихъ толкъ; а онъ изъ Питера или отколѣ тамъ пріѣхалъ—не знаетъ, что такое и сабаномъ называется, чего онъ знаетъ въ землѣ? Этто отдали мельницу съ потнымъ лужковъ задаромъ!

— Развѣ упустилъ? вѣдь ты давно о ней думалъ,— сказалъ Еремѣевъ.

— Да какъ ее укараулить, — сердито сказалъ старикъ;—развѣ мы газеты читаемъ? Сдѣлали въ губерніи торги, ну, разъ мы провѣдали, пріѣхали, проторились, а торги отложили.. Проходитъ время, слышимъ, другіе были и отдали мельницу мѣщанину городскому за 30 рублей! А мельница и лужокъ, я тебѣ скажу...—и онъ началъ расписывать выгоду ихъ и прелести. Видно было, что это его задѣло за живое, и онъ началъ перебирать всѣ за безцѣнокъ отданныя статьи.

Шелъ другой крестьянинъ, сталъ присматриваться къ проѣзжимъ и, увидавъ Еремѣева, подошелъ къ нему, и приподнявъ шапку сказалъ:

— Ильѣ Игнатьичу — наше!

— А, Безпалый, здравствуй.—Дѣйствительно у мужика не доставало на одной рукѣ двухъ порубленныхъ пальцевъ, кто говоритъ—отъ неосторожности, а кто—отъ рекрутчины. — Ты какъ здѣсь?...

— Да вотъ, кормлюсь! ѣздилъ въ горы дегтику закупить.

И этотъ подошелъ; опять пошли распросы.

Крестьянинъ былъ удѣльный.

— Ну, что у васъ?—спросилъ Еремѣевъ,—какъ?

— Ничего,—отвѣчалъ мужикъ:—управляющій прежній, Петръ Степановичъ (но фамиліи ни одного онъ не зналъ), больно садомъ донималъ, разводи ему садъ возлѣ каждаго двора, а на что мужику садъ и когда имъ заниматься? Ну, а нынѣшній толковитѣе будетъ, про сады ничего, мы ихъ и порѣшили. За то запашкой больно донимаетъ. И не приведи Богъ, какъ дрожитъ надъ ней, хуже помѣщика дрожитъ!

— Ну, а новаго что?—спрашивалъ Еремѣевъ.

— Новаго ничего, слава Богу. А вотъ въ Андреховой такъ была секуція.

— За что? кто дѣлалъ?—спросили Камышлинцевъ и Еремѣевъ.

— Проѣзжалъ ихъ этто въ Темрюково цѣлый синклитъ, — говорилъ крестьянинъ, — да узнали, что туда еще команда не пришла, такъ Андреховой занялись. Слышали, чай, про Андрехову?

Камышлинцеву дѣйствительно извѣстно было это дѣло. Оброчные крестьяне, недовольные надѣломъ, не пахали его. Они своевременно вносили оброкъ, нанимали у сосѣдей землю, но до своего надѣла не дотрогивались.

— Ну, что же?—спросилъ Камышлинцевъ.

— А такую комедію тамъ разъиграли—бѣда! Это сначала доказывать имъ началъ, убѣждать — они свое. „Мы, говорятъ, отъ оброка не отказываемся, а земли не возьмемъ“. Онъ опять имъ, а они свое... Видитъ— не сговорить; кто болѣе супротивъ его говорилъ, „это говоритъ, зачинщикъ, взять его!“ — Они и говорить перестали. Ну, человѣкъ пять посѣкли. „Ты, говоритъ исправнику, не умѣешь ихъ заставить пахать! Завтра, говоритъ, всѣмъ съ сохами выѣхать, кто не выѣдетъ— высѣчь“.—Исправнику говоритъ: „Смотри!“—Ну тотъ: „Слушаю!“—А ты слушай,—сказалъ крестьянинъ, ухмыляясь:—поутру ни одного не собралось. Одначе началъ исправникъ съ становыми да съ сотниками бѣгать по дворамъ, сгонялъ, сгонялъ, собрались! Вышелъ самъ. „А, собрались, говоритъ. Ѣдемъ въ поле!..“ — Поѣхали, а за ними точно антилерія... Пріѣхали. Увидалъ поле, „ваше?“ говоритъ. — Наше, ваше сіятельство!—„Паши!“— Шепчутся наши крестьяне.—„Чего, говоритъ, еще? паши“, говоритъ.—Только староста молвитъ: „Осмѣлюсь доложить, тутъ, говоритъ, яровище было“. — А онъ и не знаетъ, что за яровище. „Чего же, говоритъ, вамъ надо?“ — Ржанище надо. — „Ну, веди на ржанище“. — Пріѣхали. — А ты слушай!— вновь прибавилъ разсказчикъ, хотя всѣ и безъ того слушали.—Ну, опять: „паши!“—Да у насъ, говорятъ, поле не дѣлено! — Не вытерпѣлъ, выругалъ ихъ. „Я, говоритъ, раздѣлю! Становись первый на первую десятину, второй на вторую; полиція, разведи!“—Полиція развела. Крестьяне смѣются. Потѣха! „Вотъ-то, говорятъ, раздѣлилъ, и по тягламъ, и по дворамъ“.—Ну,

развели; онъ ко всѣмъ полицію приставилъ, а самъ подошелъ къ первому, говоритъ: паши!“ —Земля, говоритъ, жестка, ваше сіятельство, соха не возьметъ, надо сабономъ.— „Врешь, говоритъ, паши!“ —Тотъ уперъ въ землю, рванулъ, лемехъ пополамъ! Онъ ко второму: „паши!“ —Тотъ говоритъ: нельзя, соха не беретъ.— „Врешь, говоритъ“, — да не выдержалъ, самъ-то его въ шею-то пихаетъ; тотъ какъ пустилъ соху-то поверхъ земли, да рысью, да рысью!.. Бился онъ, бился, и плюнулъ. Обѣщалъ обжорную команду поставить и держать— покелева пахать не станутъ.

Въ продолженіе этого разговора, время отъ времени издали началъ долетать до разговаривающихъ звонъ колокольчика; мало по малу онъ сталъ слышнѣе, и вдругъ звякнулъ громко вблизи, и въ тоже время тройка лошадей и тарантасъ показались изъ-за угла станціи, и остановились у крыльца, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собравшагося общества.

— Разгонъ какой-то пришелъ,—замѣтилъ старикъ раскольникъ.

Между тѣмъ изъ стараго, дорожнаго тарантаса, кузовъ котораго сзади болѣе походилъ на арбузъ, чѣмъ на коляску, вышла сначала небольшая полненькая женщина, въ тѣхъ неописанныхъ одеждахъ, въ которыхъ ѣздятъ по дорогамъ засидѣвшіяся въ деревняхъ небогатыя провинціалки барыни, а за ней выпрыгнула молоденькая, высокая дѣвушка, съ башлыкомъ на головѣ. Пріѣхавшіе хотѣли войти уже въ домъ, когда молоденькая оглянулась на сидѣвшихъ и вдругъ три голоса вскрикнули: „Анна Ивановна!“

— Ба, знакомыя все лица! — сказала она, подходя къ группѣ,—и пошли здорованья и распросы.

— Откуда вы?—спросила она.

Еремѣевъ и Камышлинцевъ отвѣтили.

— А вы какъ сюда попали?—спросила она Благомыслова.

— Съ хозяиномъ,—отвѣчалъ онъ.

— А я съ теткой въ городъ ѣду, — сказала она, отвѣчая на вопросы.—Мы съ Дарьей Степановной, съ недѣлю, какъ пріѣхали, прямо въ свою деревню. Теперь спѣшу устроиваться. Съ первымъ пароходомъ товаръ свой жду.

При словѣ *товаръ* она невольно улыбнулась.

— Къ вамъ письма есть отъ вашихъ знакомыхъ,— сказала она Камышлинцеву,—только онѣ у меня спрятаны далеко. Я вамъ очень благодарна за рекомендацію: она мнѣ много была полезна.

— Ну и отлично. Такъ мы вмѣстѣ пустимся?—сказалъ Еремѣевъ.--Вы на своихъ?

— На своихъ.

— И отлично! а теперь подсаживайтесь къ намъ чай пить. Вы съ Ариной Степановной? Гдѣ же она, невѣста моя?—Еремѣевъ въ шутку называлъ такъ тетку Анюты, пятидесятилѣтнюю дѣву, отъ чего она всегда конфузилась.

— А вотъ я сейчасъ ее вытащу. Тетя! тетя! женихъ здѣсь!—кричала она, и отправилась въ комнату.

Компанія крестьянъ, видя, что не до нихъ, начала откланиваться.

— Прощенія просимъ!. къ намъ напредки! не забывайте!—говорили они, удаляясь.

Черезъ минуту вмѣстѣ съ Анютой вышла невысокая полненькая и румяная дѣва, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ добродушнымъ круглымъ лицомъ, вообще весьма похожая на брата своего Ивана Степановича. Она была въ какомъ-то шерстяномъ на ватѣ, узенькомъ, не то платьѣ, не то капотѣ, завязанномъ въ таліи поясками изъ той же матеріи, сзади пришитыми; на шеѣ у нея былъ платочекъ, а сверхъ всего еще большой пуховый платокъ, концы котораго, перекрещенные на груди, были завязаны на спинѣ, а на головѣ черный шелковый на ватѣ капоръ.

— Невѣста, такъ-то вы спѣшите къ жениху!—говорилъ Еремѣевъ. Онъ взялъ ея руку и сдѣлалъ видъ, что хочетъ обнять.

— Полно! полно! безстыдникъ! хоть бы чужихъ людей посовѣстился!—сказала она, покраснѣвъ.

— Какіе чужіе?.. все свои!—сказалъ Еремѣевъ.— Развѣ Дмитрія-то Петровича не знаете?

— Имѣла удовольствіе встрѣчать ихъ, но очень давно!—говорила она, церемонно раскланиваясь съ нимъ.

— Да, можетъ, лѣтъ тридцать назадъ, когда онъ былъ у кормилицы? — замѣтилъ Еремѣевъ. — Садитесь-ка,—сказалъ онъ, отодвигаясь на скамейкѣ.—Ну, куда вы поднялись отъ своего гнѣзда?

— Охъ, не говорите, Илья Игнатьичъ,—начала она, усаживаясь.—Да вотъ проказница!.. слышали, чай, что магазинъ вздумала открывать? въ торговлю пускаемся,— сказала она съ насмѣшливымъ неудовольствіемъ.

— Тетя,—строго замѣтила Анюта,—а условіе—не сердиться?

— Ну, прекрасно, — сказалъ Еремѣевъ, — она магазинъ открываетъ, а вы-то зачѣмъ туда? продавать, что ли, будете, или на выставку?

— Ахъ, батюшки! — заговорила тетка, вспыхнувъ и дѣйствительно начиная сердиться, что всегда доставляло особенное удовольствіе и чего имѣлъ талантъ добиваться Еремѣевъ, — что жъ ее, одну, что ли отпустить?

— Резонъ! а кто жъ у васъ за кѣмъ будетъ присматривать?—приставалъ Еремѣевъ.

— Я думаю, кто постарше! у добрыхъ людей такъ водилось встарину, — отвѣчала старая дѣвица.

— Не вижу никакой цѣли,—продолжалъ Еремѣевъ.

Старуха, кажется, боялась, чтобы Камышлинцевъ не прянялъ всего этого за чистую монету и не заподозрилъ ее въ легкости поведенія. Она совершенно сконфузилась и готова была заплакать.

— Что это, Илья Игнатьичъ, вы говорите! Что они могутъ подумать обо мнѣ! — съ глубокимъ укоромъ говорила она.

— Подумаю, что вы очень добры и избаловали этого болтуна,—сказалъ Камышлинцевъ, чтобъ ее успокоить, и тѣмъ доставилъ большое удовольствіе Аринѣ Степановнѣ. Въ это время хозяйка принесла самоваръ.

— А яичницу-то? послѣ что ли? — спросила она.

— Все давай, тетка, вмѣстѣ, — командовалъ Еремѣевъ,—все въ одинъ мѣшокъ пойдетъ! Барышня, нуте-ка принимайтесь, — говорилъ онъ Анютѣ и очистилъ ей мѣсто противъ самовара.

Анюта ловко принялась за дѣло, всѣ стали весело завтракать и въ разговорѣ не видали, какъ шло время,

Когда завтракъ кончился и тетка ушла побесѣдовать съ своей знакомой—хозяйкой, Анюта таинственно разсказала петербургскія новости. А разсказывать было что: это было памятное время броженія молодыхъ силъ. Извѣстія заставили призадуматься Камышлинцева и произвели большое впечатлѣніе на Благомыслова. Только Еремѣевъ, выслушавъ ихъ, сказалъ многозначительно:

— Эге! — но, подумавъ, прибавилъ: — все вздоръ! все это только поверхность рябитъ.

Часа черезъ три лошади были выкормлены и общество веселой гурьбой собралось вмѣстѣ въ дорогу. На проводы явился и мрачный мистикъ — смотритель.

— Ну, полно дуться-то,—сказалъ Еремѣевъ,—выпьемъ-ка на прощанье.

Онъ налилъ изъ дорожной фляги стаканчикъ и подалъ смотрителю, тотъ молча выпилъ и нѣсколько прояснился, но былъ, казалось, занятъ какой-то мыслью.

Они хотѣли уже садиться, какъ смотритель остановилъ ихъ.

— Позвольте! — сказалъ онъ вдругъ, какъ будто пробудившись. Всѣ остановились. — Вотъ вы ученый народъ; ну, а какъ вы полагаете, что теперь идетъ,— спросилъ онъ глубокомысленно: — года, или времена?

Слушатели были совершенно озадачены.

— Я полагаю, года! — сказалъ серьезно Еремѣевъ.

Смотритель поглядѣлъ на него съ сожалѣніемъ.—Вы вотъ только смѣяться умѣете, — сказалъ онъ, — а ничего не знаете: года прошли, теперь идутъ времена.

— Отчего же времена?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Да оттого же, — спокойно отвѣчалъ нелюбящій объясненій смотритель и замолчалъ.

*

— Полно тебѣ вздоръ-то молоть, чего ты господъ-то держишь! — закричала на него жена. — Что вы слушаете его, господа!—обратясь къ проѣзжающимъ, сказала она: — вѣдь его-то вздору не переслушать.

Смотритель посмотрѣлъ на жену, покачалъ съ состраданіемъ и презрѣніемъ головою, задумчиво повернулся и ушелъ.

Общество весело разсѣлось въ свои экипажи и тронулось.

III.

Къ вечеру путники пріѣхали въ большое селеніе, принадлежащее уже къ Темрюковскимъ заводамъ. Заводскіе жители обыкновенно раздѣляются на два класса: одинъ— весьма зажиточный, другой — уже бѣдный, чуть не до гола; первый составляютъ обыкновенно бывшіе или настоящіе заводскіе чиновники, т. е. безчисленные конторщики, повѣренные, или ихъ потомки и пр., а также главные мастеровые; вторые—просто чернорабочіе. Почти всѣ они раскольники, а какой секты, и сами опредѣлить не съумѣютъ, и кромѣ того, рѣзко отличаются нравами и образомъ жизни отъ обыкновенныхъ нахотниковъ. Всѣ одѣваются гораздо лучше и щеголеватѣе, живутъ безпорядочнѣе и беззаботнѣе. У бѣднаго крестьянина есть лошаденка, есть скотинка, онъ отказываетъ себѣ во всемъ, кромѣ грѣшнаго винца, но не смотря на бѣдность — онъ домовитъ; заводскій бѣднякъ голъ, какъ соколъ, а между тѣмъ у него копѣйка ребромъ; зажиточные же занимаются торговлей и образомъ жизни болѣе подходятъ къ мѣщанству, нежели къ крестьянству.

У Еремѣева и тутъ были знакомые. По его указанію, компанія остановилась у большой просторной избы, съ тесовыми воротами, вверху которыхъ былъ врѣзанъ мѣдный образокъ.

— Дома Евстигнѣй?—спросилъ онъ.

Большая, въ сѣдыхъ кудряхъ голова высунулась изъ окошка.

— Дома, Илья Игнатьичъ, дома, милости просимъ!— всмотрясь, сказала она, и вслѣдъ за тѣмъ тесовыя ворота широко отворились.

— Будетъ ли мѣсто всѣмъ-то гостямъ? я съ пріятелями ѣду, — сказалъ Еремѣевъ.

— Всѣмъ будетъ мѣсто, всѣмъ найдется,—отвѣчалъ старикъ, здороваясь съ Еремѣевымъ.

Дѣйствительно, всѣмъ было мѣсто. Хозяинъ ввелъ гостей въ большую чистую избу съ перегородкой, и пріѣзжіе расположились въ ней.

— Вамъ самоварчикъ, что ли?—спросила хозяйка, худощавая высокая женщина, какъ бываютъ обыкновенно русскія бабы лѣтъ за сорокъ.

— Да, самоварчикъ, матушка, — отвѣчала Арина Степановна.

Здѣсь предположено было ночевать.

Вскорѣ на столѣ начали появляться подносъ, весь разрисованный малиновыми цвѣтами на красномъ фонѣ, стаканы, чашки и чайникъ съ разбитымъ, какъ водится, рыльцемъ и крышкой на веревочкѣ. Хозяйка устанавливала все это съ молитвой, перетирая сѣренькой тряпицей.

— Благодарствуй, матушка, мы и сами перемоемъ, да и посуда-то есть у насъ, только мало для всѣхъ,— говорила любившая чистоплотность Арина Степановна.

— Ничего, матушка, тряпочка-то чистенькая, чистенькая тряпочка-то. Господи, Іисусе Христе! — говорила хозяйка, продолжая перетирать чашки своей сѣрой тряпицей.

Вскорѣ высокая, здоровая и красивая дѣвка поставила самоваръ на столъ и начала помогать матери. Видно было бойкую, работящую, но грубоватую въ обращеніи дѣвку.

Всѣ усѣлись за столъ, и пошло единственное по нашимъ дорогамъ насыщеніе — чаепитіе, къ которому запасливая Арина Степановна выложила изъ плетенаго пещура цѣлый ворохъ сдобныхъ булокъ и лепешечекъ.

— А что же мы хозяина-то не позвали? — сказалъ Еремѣевъ и, высунувшись въ окно, кликнулъ:

— Евстигнѣй Кузьмичъ, иди китайскаго-то зелья пить.

— Благодаримъ покорно, — сказалъ хозяинъ, разговаривавшій съ сыномъ и еще съ кѣмъ-то.

— Ну иди, чего тутъ церемониться! — сказалъ Еремѣевъ.

Хозяинъ медленно приподнялся.

— Можно ли курить-то здѣсь? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Можно. Это у него взъѣзжая изба, тутъ все можно, а онъ съ семьей-то особенно живетъ, туда вотъ не любитъ пускать нашу братію, — замѣтилъ Еремѣевъ.

Вскорѣ вошелъ хозяинъ. Это былъ средняго роста, коренастый и еще не старый мужикъ, съ сѣдой, курчавой, умной головой и крутымъ, суровымъ лбомъ, напоминавшими голову Юпитера олимпійскаго; за нимъ, держась за подолъ рубашки, вошли двое ребятишекъ,

одинъ лѣтъ четырехъ, другой двухъ, оба бѣловолосые и курчавые.

— Садись, хозяинъ, садись,— говорила привѣтливо Арина Степановна, подавая ему чашку и сахаръ.—Это внучки твои?—спросила она, заводя по обычаю домовитыхъ и ничего не читающихъ старосвѣтскихъ помѣщицъ и купчихъ разговоръ про семью и родство.

— Нешто, матушка, внучки мои, — говорилъ хозяинъ, принявъ чашку и усаживаясь.— Внучки,—повторилъ онъ, ласково улыбаясь и приглаживая рукой волосы ребятишкамъ. — Юпитеровское чело хозяина разгладилось, и все его лицо приняло расплывшееся выраженіе благодушествующаго русскаго человѣка.

— А велика семья-то у тебя?—продолжала разговаривать Арина Степановна.

— Сынъ женатый да двѣ дочери, одна-то замужняя, а другая-то въ дѣвкахъ.

— Это сыновнія?—спрашивала она про дѣтей.

— Нѣтъ, дочуркины, дочурка натаскала,—отвѣчалъ хозяинъ, попивая чай съ прикуской.

— Развѣ она у тебя живетъ, а не въ мужниной семьѣ?—продолжала любознательная на семейныя отношенія Арина Степановна.

— Нѣтъ—какой мужняя! это незамужней: вотъ эта дѣвка натаскала,—отвѣтилъ онъ спокойно добродушнымъ тономъ, указывая на дочь, которая принесла углей въ самоваръ.—Она у меня молодецъ: все парней носитъ,— прибавилъ онъ, самодовольно поглядя на дочь.

Бѣдная Арина Степановна вся покраснѣла, какъ обожженная, и смолкла.

Дочь слышала предметъ разговора; всѣ, за исключеніемъ потупившейся Арины Степановны, съ любопытствомъ взглянули на нее, но у ней и бровь не шевельнулась. Сдѣлала она свое дѣло, наложила углей и сурово и молча вышла.

Хозяинъ замѣтилъ смущеніе старой дѣвы.

— Да вы, матушка, что думаете? это у насъ вѣдь ничего! продолжалъ онъ успокоительно.—У насъ заведенье такое: коль дѣтей у дѣвки нѣтъ, такъ ее пожалуй и замужъ никто не возьметъ,—сказалъ старикъ,—для того, что мужу нада жена плодящая,—а то что въ ней, неплодящей?.. да пусть ихъ и погуляютъ, пока на дѣвичей-то волѣ, лучше: перебѣсятся, замужемъ лучше живутъ.

И хозяинъ, увѣренный, что онъ вполнѣ успокоилъ нравственное чувство Арины Степановны, спокойно продолжалъ пить чай.

— Однакожъ, я думаю, вашъ-то священникъ не очень одобряетъ это,—рѣшилась замѣтить Арина Степановна нѣсколько обиженно.

Какъ предметъ разговора ни скандализировалъ ее, но она не могла не заявить своего протеста.

— Да какіе у насъ священники-то, матушка,—продолжалъ усмѣхнувшись старикъ. — Нѣтъ ихъ у насъ, священниковъ-то. Вѣдь мы вашихъ-то не признаемъ, не подобаетъ ихъ, по нашей вѣрѣ, чтить; а свой когда еще зайдетъ, да и то тайкомъ.

— Такъ какъ же у васъ, значитъ, и брака нѣтъ?— спросилъ Благомысловъ.

— Нѣтъ, есть, какъ не быть браку. Только онъ у насъ по родительскому благословенію совершается.

— И прочно блюдется? разводовъ нѣтъ? — продолжалъ спрашивать Благомысловъ, котораго это видимо интересовало.

— Прочно... какъ не прочно! и никакого разводу нѣтъ, ибо сказано: „Господь соединяетъ, человѣкъ да не разлучаетъ“.

— Арина Степановна, вотъ, коль мы съ вами оженимся, такъ родительскимъ благословеніемъ, — сказалъ Еремѣевъ.

— Полноте вздоръ-то городить,—отвѣчала недовольная Арина Степановна. Этотъ разговоръ, нечаянно самой же ею поднятый, сильно возмущалъ ее. Пускаться въ споръ съ раскольникомъ хозяиномъ она не хотѣла, да можетъ и боялась: онъ забросалъ бы ее текстами, въ которыхъ она была совсѣмъ не сильна, а слушать равнодушно она не могла. Поэтому, съ женской хитростью, она начала заминать разговоръ, спрашивая, не хочетъ ли кто чаю, да заводя рѣчь о томъ, что вода у нихъ мягка, и гдѣ берутъ, и какая рѣка и пр.

— Душно здѣсь,—замѣтила Анюта.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте на завалинку курить. Арина Степановна, вы намъ туда дадите по стаканчику?—спросилъ Еремѣевъ.

Разумѣется, отказа не было, всѣ вышли; хозяинъ, перевернувъ чашку верхъ дномъ и положивъ на него обгрызки сахара, поблагодарилъ и вышелъ, отвѣтивъ на предложеніе Арины Степановны „еще чашечку:“—много довольны, и безъ того шибко потъ прошибъ...

Тогда Арина Степановна попросила его прислать хозяйку и дочь.

Хозяйка явилась, а дочь нѣтъ, и Арина Степановна начала угощать ее, распрашивая про хозяйство.

Былъ тихій, розовый вешній вечеръ, съ влажнымъ и пропитаннымъ испареніями воздухомъ. Мягко рисовались въ немъ избы, клѣтушки, бродячій на улицѣ людъ и домашняя скотина. Молодой мѣсяцъ блѣднымъ серпомъ стоялъ въ чисто голубомъ небѣ. День и трудовая рабочая жизнь готовились заснуть вмѣстѣ. Только молодежь, пользуясь весеннимъ правомъ, бойко шныряла по улицѣ и вдоль заборовъ, и собиралась гдѣ-то на концѣ въ хороводъ. Наши проѣзжающіе усѣлись на завалинѣ. Арина Степановна подала въ окно чай; мужчины стали курить.

Черезъ нѣсколько времени хозяинъ, который о чемъ-то таинственно переговаривалъ съ двумя крестьянами, отдѣлился отъ нихъ и подошелъ къ Еремѣеву.

— А что,—спросилъ онъ Еремѣева!—это Дмитрій Петровичъ будетъ?—онъ указалъ головою на Камышлинцева, который сидѣлъ тутъ же рядомъ.

— Дмитрій Петровичъ, — отвѣчалъ утвердительно Еремѣевъ.

— Тотъ самый, что въ крестьянскомъ присутствіи царскій выборный?—продолжалъ распрашивать хозяинъ, поглядывая на Камышлинцева, какъ будто онъ былъ деревянный.

— Тотъ самый, — отвѣчалъ Еремѣевъ.

— Тэкъ! — протянулъ хозяинъ.

— А что тебѣ?—спросилъ Камышлинцевъ, слушая переговоры. — Дѣльце развѣ есть?

— Нѣтъ, такъ, — отвѣчалъ хозяинъ. — Много мы слышали о вашей милости. Много за васъ народъ Бога молитъ, — выразительно сказалъ онъ.

— Очень радъ, — сказалъ Камышлинцевъ, чтобы сказать что-нибудь.

Они помолчали.

Хозяинъ прокашлялся, какъ будто у него засѣло что въ горлѣ.

— А что, — рѣшился спросить онъ наконецъ Камышлинцева, тихо и таинственно, — можно вамъ слова два сказать?

— Сколько хочешь, любезный!... да говори смѣло: здѣсь все свои.

— Это точно, оно такъ. А все какъ-бы это до васъ однихъ касается, — замѣтилъ хозяинъ.

Камышлинцевъ всталъ и пошелъ за хозяиномъ, который повелъ его къ стоявшимъ поодаль мужикамъ. Хозяинъ безцеремонно кивнулъ головой Еремѣеву, чтобы и онъ тоже шелъ за ними.

— Да что у тебя за секреты? говори прямо,—сказалъ Еремѣевъ.

— Да вотъ темрюковскіе пришли, — сказалъ хозяинъ.—Узнали они это Митрій Петровича, такъ съ нимъ покалякать хотѣли. Неладно у нихъ,—таинственно прибавилъ онъ.

Они подошли къ крестьянамъ.

— Что вамъ ребята?—спросилъ Камышлинцевъ.

Тѣ хотѣли поклониться въ ноги, но увидѣвъ, что много зрителей, остановились.

— До милости вашей, — сказали они.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Ребятъ нашихъ въ острогъ везутъ,—сказали они.

— За что?

— Да пріѣзжалъ вчера генералъ съ командой къ смиренію насъ приводить. Такъ по его приказу.

— Что же я могу сдѣлать?—печально пожавъ плечами, сказалъ Камышлинцевъ.

— Да узнали они случаемъ, что вы здѣсь, такъ просили слезно: не придетъ ли, говорятъ, къ намъ Митрій Петровичъ на нашу бѣдность взглянуть. Ума, говорятъ, мы рѣшились. А они васъ знаютъ, бывали у васъ.

— А гдѣ они? — спросилъ Камышлинцевъ.

— Здѣсь, Митрій Петровичъ, лошадей мѣняютъ. Ну да мы позадерживаемъ ихъ и ужиномъ пока провожатыхъ кормимъ.

— А много ихъ?

— На пяти парахъ веземъ съ солдатами, и самъ становой провожаетъ. Его-то мы въ избѣ угощаемъ.

Камышлинцевъ зналъ свое полное безсиліе помочь чѣмъ-нибудь, зналъ, что его вмѣшательство будетъ узнано и можетъ быть перетолковано, пожалуй сплетутъ цѣлую исторію; но ему хотѣлось узнать истину, и если не помочь, то по крайней мѣрѣ исполнить желаніе арестантовъ и дать имъ дѣльный совѣтъ. Онъ не колебался ни минуты, хотя и не желалъ, чтобы его вмѣшательству было придано какое-нибудь оффиціальное значеніе, на которое онъ не имѣлъ никакого права.

А мужики смотрѣли на него безмолвно просящимъ и тревожнымъ взглядомъ.

— Хорошо, — сказалъ Камышлинцевъ, — ступайте. Мы придемъ. Хозяинъ проводитъ насъ. Ты знаешь? — спросилъ онъ его.

— Знаю,—отвѣчалъ онъ таинственно.

Крестьяне быстро отправились впередъ вдоль заборовъ, а Камышлинцевъ и Еремѣевъ, сопровождаемые хозяиномъ, пошли улицей.

— Утрось это у нихъ погромъ, говорятъ, былъ,— сказалъ хозяинъ.—Вышло изъ того, что провіанта требовали, а контора не даетъ. Что народу, баютъ пересѣкли — бѣда! А десятерыхъ въ острогъ взяли, „въ Сибирь—говоритъ—сошлю“. Ну, между ними, конечно, человѣка три и горлопаи есть, а остальныхъ жалко: всѣ что ни на есть самый радѣльный къ міру народъ. Особливо одново—Онуфрія Семенова жалко.

— Какъ, Онуфрія Семенова взяли?—спросилъ Еремѣевъ.

— Ево самово,—вздохнувъ, выразительно подтвердилъ хозяинъ.

— Да чего онъ надѣлалъ? Самый смирный и разсудительный мужикъ, — сказалъ Еремѣевъ.

— Ну поди-ты! — говорилъ хозяинъ.

Между тѣмъ они повернули въ другую улицу и въ концѣ ея увидали нѣсколько телѣгъ и собравшуюся около нихъ толпу народа.

— Вотъ они, — указалъ хозяинъ.

Они подошли къ толпѣ и увидали печальное зрѣлище. Въ полусвѣтѣ начинающихся сумерекъ, на нѣсколькихъ телѣгахъ, сидѣли и лежали по двое крестьянъ съ связанными назади локтями. Ихъ помятыя блѣдныя лица носили слѣды тупаго горя, а у иныхъ мрачнаго озлобленія. Нѣсколько женщинъ стояло около нихъ: это были ихъ жены и матери, поѣхавшія вслѣдъ за ними; иныя плакали, другія стояли молча, пригорюнясь, съ безмолвной и безпредѣльной скорбью въ лицѣ. Одна изъ нихъ

голосила и причитала—точно обрядъ какой совершала; но, увидавъ подходящихъ господъ, кто-то изъ крестьянъ дернулъ ее за рукавъ, и она перестала. Стояло еще нѣсколько подводчиковъ и односельцевъ, пріѣхавшихъ проводить арестантовъ и переговорить съ ними, да толпа тутошныхъ крестьянъ, хотя и состоящихъ на другомъ положеніи, но принадлежащихъ тому же владѣльцу, родная имъ и сочувствующая и тоже по своему недовольная.

Вдали, составивъ ружья въ козлы, конвойные солдаты отдыхали на землѣ и ужинали хлѣбомъ.

Народъ почтительно и съ любовью разступился передъ пришедшими: видно было, что въ нихъ онъ видѣлъ своихъ и готовъ былъ внимать имъ, какъ оракуламъ.

Наши пріѣзжіе подошли къ телѣгѣ, около которой было больше всего народу. Стоявшая около нея, подперевъ рукой голову, пожилая женщина поклонилась и молча отодвинулась; по лицу у нея бѣжали слезы и она ихъ по временамъ отирала концомъ повязаннаго на головѣ платка. Въ телѣгѣ сидѣлъ высокій темноволосый пожилой мужикъ съ умнымъ, добрымъ и спокойно-грустнымъ лицомъ.

— Онуфрій Семеновъ! ты какъ попался? — сказалъ Еремѣевъ, подходя къ нему.

— Какъ видите, Илья Игнатьичъ. Господь видно наказуетъ,—сказалъ онъ.

— Да за что?—спросилъ Еремѣевъ.

— За то, что міру служилъ,—отвѣчалъ крестьянинъ.

Камышлинцевъ вглядѣлся въ него и лицо его показалось ему знакомымъ.

— Ты, кажется, бывалъ у меня? — спросилъ онъ у него.

— Точно такъ, Митрій Петровичъ, былъ у васъ съ народомъ; и въ присутствіи были съ управляющимъ.

— Да за что же теперь-то попался?

— Контора на насъ указала. Они, говоритъ, народъ бунтуютъ. А мы дѣйствительно вездѣ за народъ стояли и по начальству просили для того! насъ міръ выбралъ: какой же такой бунтъ? А что народъ недоволенъ и провіанту требовалъ, что же намъ дѣлать! Сами знаете, намъ жить нельзя—ѣсть нечего. — Камышлинцеву было глубоко жаль крестьянъ. Онъ хорошо зналъ Темрюковское дѣло. Это было одно изъ многихъ заводскихъ дѣлъ, гдѣ примѣненіе общаго закона встрѣтило наибольшія трудности. Заводское правленіе было юридически право: оно сдѣлало все, что требовалось отъ него закономъ; а крестьяне были правы фактически: они просто не могли питаться при настоящемъ порядкѣ... Дѣло въ томъ, что крестьяне, заселенные барской волей въ лѣса и горы, пропитывались только скуднымъ пайкомъ, выдаваемымъ владѣльцемъ, и ничтожной задѣльной платой. Съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній, плата была повышена, но заводъ уменьшилъ производство и, вмѣстѣ съ введеніемъ уставной грамоты, пересталъ выдавать паекъ на нерабочихъ и дѣтей. Вслѣдствіе этого много рукъ оставалось безъ дѣла, питаться ничего неродящей землей было не возможно, а уйти крестьяне не имѣли права. Губернское присутствіе ходатайствовало у правительства о льготахъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе отказа въ уступкахъ и нѣкоторыхъ неловкихъ мѣръ заводоуправленія, между нимъ и крестьянами возникла непримиримая вражда'

и рядъ безпрерывныхъ столкновеній. Неповиновеніе называлось бунтомъ, а затѣмъ являлось усмиреніе и непремѣнное отъисканіе зачинщиковъ и возмутителей между крестьянствомъ, тогда какъ причины были въ самомъ положеніи вещей. Разумѣется, контора указывала на главныхъ ходатаевъ и за нихъ принимались прежде всего.

Когда производятся реформы, глубоко переработывающія общественный строй, примѣненіе ихъ въ частныхъ случаяхъ не можетъ не встрѣтить неудобствъ. А между тѣмъ машина идетъ и должна идти своимъ мѣрнымъ строгимъ ходомъ. Тогда нѣсколько болѣе смѣлыхъ и честныхъ людей выходятъ впередъ и на свой страхъ пытаются остановить то колесо, которое нажимаетъ семью ихъ собратовъ. Иногда ихъ голосъ и бываетъ услышанъ, колесо отодвигается или передѣлывается, но часто этотъ голосъ, иногда грубый и неловкій, принимается за голосъ темнаго и тупаго сопротивленія, машина двигается— и они падаютъ мучительной жертвой и живымъ указаніемъ непримѣнимости закона...

И вотъ Камышлинцевъ стоялъ въ кругу тѣхъ радѣльниковъ, которые хлопотали за міръ, выясняли его нужды, ходили и кланялись по начальству, но вмѣстѣ съ тѣмъ были стойки и, можетъ быть, рѣзки съ своимъ заводоначальствомъ. И вотъ они—эти темные, но лучшіе и излюбленные люди въ міру были связаны и какъ преступники препровождались въ острогъ. Ихъ ждали мѣсяцы, а можетъ и годы тюрьмы, потомъ держащійся строго буквы и формальности судъ и затѣмъ Сибирь, изъ которой для нихъ, бѣдныхъ мужиковъ, нѣтъ возврата. Жены шли за ними, пока острожная дверь не отдѣляла ихъ, и маленькій міръ, на бѣдствіе котораго

они обращали вниманіе начальства цѣной собственной свободы, безмолвно глядѣлъ на нихъ...

Камышлинцева за сердце хватало, а между тѣмъ онъ не могъ ничего сдѣлать для нихъ. Таково должно быть положеніе врача у постели больнаго, который и знаетъ вѣрное лекарство, да не можетъ его дать: нѣтъ у него этого лекарства и не въ силахъ онъ достать его.

— Постараюсь за васъ, братцы, сколько смогу, — сказалъ онъ,—но тутъ я могу только просить за васъ. Эхъ, вамъ бы не шумѣть, а просить слѣдовало,—сказалъ онъ, сознавая всю праздность своихъ замѣчаній.

— Да мы развѣ мало просили! самъ я знаю, что горломъ не возьмешь,—сказалъ Онуфрій.—Да развѣ съ голоднымъ-то народомъ совладаешь: нужда кричитъ, а мы отвѣтчики.

— Да ну, Богъ дастъ, перемелется, мука выйдетъ,— сказалъ Еремѣевъ.—Посидите немного на казенной порціи, а на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: похлопочутъ и выпустятъ; да что ты сидишь сиднемъ-то,—прибавилъ онъ: — еще успѣешь насидѣться!

— Совѣстно встать-то, Илья Игнатьичъ, — тихо отвѣчалъ Онуфрій: — видите, въ чемъ. — Онъ показалъ ноги: на нихъ вмѣсто кандаловъ были лошадиные путы.

Еремѣевъ только прокашлялся, словно въ горлѣ что засѣло.

— Съ твоей лошади что ли сняли? — съ угрюмой усмѣшкой спросилъ онъ.

— Ужъ и не помню,—отвѣтилъ Онуфрій, мотнувъ головой.

Они замолчали и весь окружный людъ стоялъ молча, слушалъ и ожидалъ.

— Вотъ что, Митрій Петровичъ, ужъ тамъ съ нами что хочешь дѣлай, а намъ жить не при чемъ у этой земли. Пусть дадутъ намъ землю да спрашиваютъ, какіе хотятъ тамъ оброки: мы не супротивники. Мы не прочь платить. Да вѣдь у земли-то этой кормиться нечѣмъ, не кормитъ она, сказалъ Онуфрій.

Обо всемъ этомъ было представляемо, но на это ходатайство отъ начальства, не имѣвшаго въ виду факта уменьшенія работъ и желавшаго, въ видахъ развитія заводскаго дѣла, чтобы рабочіе не уходили съ заводовъ, былъ полученъ отвѣтъ, что такъ какъ крестьянами не выкуплены ихъ усадьбы и владѣльцемъ оныя имъ не подарены, то переходъ ихъ въ другія общества, по силѣ положенія, невозможенъ, а надѣленіе казенною землею подало бы поводъ и другимъ къ подобнымъ ходатайствамъ *).

— Знаю, знаю. И представлялось обо всемъ этомъ,— сказалъ Камышлинцевъ, — да вѣдь вы знаете отвѣтъ?

- Знаемъ,—отвѣчалъ мрачно Онуфрій,—объявляли его. Да чѣмъ мы усадьбу-то выкупимъ, коль ѣсть нечего? Куда пойдешь на заработки-то? А нашъ управляющій-то говоритъ: „выпишу мастеровыхъ со стороны, вдвое имъ дамъ, а васъ не возьму, съ голоду будете околѣвать, за пять копѣекъ въ день придете, говоритъ, проситься ко мнѣ“. Изъ этого вся и заварюха вышла. Теперь не знаешь, что и дѣлать! просто сущая бѣда! ума рѣшились! Провьянтъ перестали давать: „вольные, говоритъ, вы теперь“. Приставать — бунтуемъ, гово-

---

*) Заводскимъ крестьянамъ даны были впослѣдствіи правительствомъ разныя льготы, которыя много облегчили ихъ положеніе.

рятъ. Научите вы насъ, дайте намъ ума! — просилъ онъ, — ужь мы совсѣмъ безъ головы.

— Да что дѣлать-то? просить да ждать,—сказалъ Камышлинцевъ, грустно пожавъ плечами. — А я даю вамъ слово еще разъ поднять объ этомъ рѣчь. Все сдѣлаю, что могу, — прибавилъ онъ, — а тамъ, что Богъ дастъ.

— Да мы знаемъ, что вы-то за насъ, да другіе насъ не слышатъ; напишите вы имъ, что голодъ нудитъ, ѣсть нечего: вѣдь брюхо-то не ждетъ.

— Все напишу, даю вамъ слово; а теперь, чѣмъ можно пособить, пособимъ, и о васъ похлопочу, сколько могу, — сказалъ Камышлинцевъ; — а пока что дѣлать, терпите.

Камышлинцевъ видѣлъ всю ничтожность утѣшенія, ему тяжело было оставаться зрителемъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ словъ и обѣщаній онъ не могъ ничего имъ дать.

Поднявъ фуражку, „ну, прощайте“, — сказалъ Камышлинцевъ, и, поклонившись, хотѣлъ идти; но женщины, сначала одна, потомъ другая, какъ по сигналу, бросились ему въ ноги.

— Батюшка! за нашихъ-то заступись! Кормилецъ! вѣдь сгніютъ они въ острогѣ-то, угонютъ ихъ отъ насъ, кормильцевъ нашихъ! на кого сироты-то покинутся?..

— Заступись, Митрій Петровичъ!—загудѣла толпа, кланяясь; нѣсколько темрюковцевъ встали на колѣни, и вдругъ вся толпа, какъ подкошенная, повалилась за ними.

—Полноте, встаньте,—говорилъ Камышлинцевъ.— Все, все, что могу, друзья мои, все, что въ силахъ

моихъ, слово даю! — говорилъ онъ и, блѣдный и смущенный, спѣшилъ вырваться изъ толпы: судороги точно крѣпкая рука сдавила ему горло, онъ стиснулъ зубы, что есть мочи, и готовъ былъ заплакать отъ жалости, злобы и безсилія.

Быстро вышелъ онъ изъ круга и, почти не узнавъ, прошелъ мимо Анюты Барсуковой, которая стояла съ Благомысловымъ и, вся потрясенная, смотрѣла на эту сцену.

— Постойте, куда вы бѣжите?—сказалъ Еремѣевъ, догоняя Камышлинцева.

— Видѣть я этого не могу, — сказалъ съ озлобленіемъ Камышлинцевъ,—а ничѣмъ не въ состояніи помочь.

Они молча и быстро пошли дальше.

— Что?.. что такое? что тамъ такое? — раздался голосъ около нихъ.

Они оглянулись и увидѣли высунувшееся изъ окна взъѣзжей избы раскраснѣвшееся и испуганное лицо становаго пристава.

— Что это такое? — кричалъ онъ.

Въ поднявшейся на ноги толпѣ пробѣжалъ неясный гулъ... и точно рычаніе льва послышалось въ немъ. Камышлинцевъ воротился.

— Ничего, народъ узналъ меня, ну и, вы знаете, сейчасъ просить,—сказалъ онъ.

— Ахъ-съ, Дмитрій Петровичъ! извините-съ. И вы изволили пріѣхать!—говорилъ становой, застегивая сюртукъ.

— Нѣтъ, я мимоѣздомъ изъ имѣнія,—сказалъ Камышлинцевъ. — Послушайте,—прибавилъ онъ тихо,—не можете ли вы ихъ развязать?

— Не смѣю-съ!.. Его превосходительство приказали!

— Ну, генералъ, вѣроятно, сказалъ это сгоряча, или для острастки,—замѣтилъ Камышлинцевъ;—а впрочемъ, я не смѣю настаивать, какъ знаете.

— Народъ-то бѣдовый здѣсь, Дмитрій Петровичъ! Оно, впрочемъ, конечно, можно! Эй, Ефремовъ.

Изъ избы выскочилъ, разжевывая кусокъ отставной унтеръ-офицеръ, служащій разсыльнымъ, вытянулся и глядѣлъ въ глаза становаго съ такой выдрессированной готовностью, словно хотѣлъ ему вскочить въ ротъ.

— Развяжи имъ руки-то, а то ѣсть имъ нельзя!— сказалъ становой.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!—сказалъ Ефремовъ, и бросился исполнять приказаніе.

Камышлинцевъ пожалъ руку становому и ушелъ.

IV.

Когда хозяинъ отозвалъ Камышлинцева съ Еремѣевымъ и они ушли къ крестьянамъ, Анюта Барсукова осталась одна съ Благомысловымъ.

— Куда же они? — спросила она.

— Вѣрно что-нибудь по крестьянскому дѣлу,—отвѣчалъ Благомысловъ.

Благомысловъ былъ неразговорчивъ.

— Пройдемтесь-ка! — сказала Анюта. Вечеръ былъ отличный. Они встали и, по чувству скромности, отправились въ противоположную ушедшимъ сторону.

Анюта разговаривала съ Благомысловымъ о разныхъ вещахъ, но онъ отвѣчалъ коротко и неохотно. Она за-

мѣчала, что въ немъ работаетъ какая-то мысль; по прежнимъ къ нему отношеніямъ она догадывалась о предметѣ этой мысли, и пыталась свести разговоръ на иныя колеи, но, когда увидѣла, что ея усилія плохо успѣвали, она оставила ихъ, и гуляющіе шли молча.

— Слышали вы, — спросилъ онъ наконецъ, — что говорилъ хозяинъ?

— Слышала, — отвѣчала Анюта.

— Вѣдь вотъ живутъ же люди, и русскіе люди.— У насъ на глазахъ дѣвушка отдается тому, кого любитъ, не дожидаясь брака, и женятся по родительскому благословенію.

— Что же изъ этого?—спросила Анюта.—Мало-ли вѣрованій и обычаевъ на бѣломъ свѣтѣ!

— Да отчего же это не дѣлается у насъ? — спролилъ Благомысловъ.

— А вѣроятно оттого, что не находятъ этого согласнымъ съ своими понятіями о нравственности,—отвѣчала Анюта.

— Понятія о нравственности! — усмѣхнувшись, сказалъ Благомысловъ. — Да вѣдь это все условно! вѣдь это хорошо для толпы! но люди мыслящіе не должны стѣсняться пеленками, а дѣлать, какъ находятъ удобнѣе и полезнѣе...

— Я думаю, что и понятія о нравственности выработались вездѣ стремленіемъ къ удобству, къ пользѣ,— замѣтила Анюта.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Благомысловъ, — но условія, при которыхъ они выработались, давно измѣнились, а толпа все валитъ по старой колеѣ... Ну пусть толпа, а людямъ-то поумнѣе можно бы и своей дорогой идти.

— Я думаю, они и идутъ,—сказала Анюта.—Вотъ вамъ хоть бы отношенія Камышлинцева къ Мытищевымъ.

— Ну, что жъ?.. полумѣры! маскарадъ! характера и смѣлости не достаетъ идти прямо: все поближе къ старой дорожкѣ!—отвѣчалъ Благомысловъ.

— Почемъ вы знаете, что они это дѣлаютъ по безхарактерности, а не по другимъ побужденіямъ?—возразила Анюта. — Наконецъ, какъ же это теперь, когда почти все молодое поколѣніе, къ которому принадлежатъ Камышлинцевъ съ Мытищевой, хочетъ новой дорожкой идти, и вы укоряете ихъ въ рутинѣ?

Благомысловъ нѣсколько смѣшался.

— Идутъ, да плохо!—сказалъ онъ.—Только мы, молодежь, и то больше мужчины, и пробиваемъ новую дорогу.

— Есть и женщины,—сказала Анюта:—я въ Петербургѣ видала.

— Однако на васъ, кажется, примѣръ не подѣйствовалъ? Вообще, я замѣчаю, вы во многомъ измѣнили свои взгляды,—сказалъ Благомысловъ, смотря на Анюту.

— Вы сами же упрекаете тѣхъ, кто по колеѣ идетъ, а хотите, чтобы я дѣйствовала по примѣру другихъ, а не по своему соображенію? — сказала Анюта. — Вотъ именно мнѣ въ Петербургѣ-то и показалось, что тамъ молодежь идетъ по колеѣ, только не по старой колеѣ, а по новой, которая помоднѣе: та же мода и рутина, а не свое убѣжденіе, только другая крайность.

— Крайности! вы, кажется, это поете съ голоса Камышлинцева?—сказалъ съ нѣкоторой горечью Благомысловъ:—онъ середины придерживается, старое съ новымъ

примирить хочетъ. Это общее желаніе слабохарактерной посредственности.

Лицо Анюты вспыхнуло.

— Это вы изъ крестьянскаго дѣла замѣтили, что у Камышлинцева характера нѣтъ?—спросила она.

— Что же? и въ крестьянскомъ дѣлѣ! Конечно, онъ человѣкъ развитый и не безчестный, а все дѣйствуетъ не радикально. Подобные люди, по моему, даже вредны, оттягиваютъ развязку, тогда какъ нужно напротивъ подготовлять и ускорять ее.

Анюта въ свою очередь пристально посмотрѣла на Благомыслова.

— У васъ у всѣхъ, кажется, все, что не по васъ, такъ либо подлецъ, либо дрянь: вы не убѣдить хотите, а навязать ваши мнѣнія. А я желаю, чтобы у васъ было столько же характера и стойкости, какъ у Камышлинцева. Мало ему достаётся отъ старыхъ — надо, чтобы доставалось и отъ молодыхъ?

— Это общій удѣлъ тѣхъ, которые не пристаютъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ,—сказалъ Благомысловъ.— Однако вы горячо защищаете его?—замѣтилъ онъ, улыбнувшись подозрительной и недоброй улыбкой.

— Защищаю, потому что не люблю, когда грязью бросаютъ въ хорошаго человѣка, да еще тѣ, которые болѣе другихъ толкуютъ о хорошихъ людяхъ да о меньшей братіи. Еслибы каждый изъ васъ дѣлалъ столько же для меньшей братіи, какъ онъ, такъ этого было бы достаточно съ нихъ!

Благомысловъ опять усмѣхнулся съ снисходительнымъ превосходствомъ.

— Не много будетъ толку, если всѣ меньшую-то братью только по губамъ будутъ мазать!—сказалъ онъ.

— Ну, я думаю, онъ многимъ кое-что и побольше сдѣлалъ,—замѣтила Анюта.

Они прошли нѣсколько времени молча. Благомысловъ въ душѣ сердился; сердился и на себя, и на Анюту, и на Камышлинцева, за то, что разговоръ противъ его желанія какъ-то вышелъ совсѣмъ не на ту дорогу, на которую онъ хотѣлъ его вывести, и нѣкоторымъ образомъ заставилъ Анюту стать на сторону Камышлинцева. Не умѣя владѣть собою и нисколько не обладая ловкостью лавированія, или даже просто мягкостью обращенія,—да Благомысловъ и не желалъ этихъ свойствъ, а напротивъ, считалъ ихъ вредными и затемняющими дѣло,—Благомысловъ вдругъ круто повернулъ разговоръ.

— А ну его, Камышлинцева, и его образъ дѣйствій!—сказалъ онъ. —Меня вовсе не то занимаетъ и не о томъ хотѣлъ я съ вами говорить. Мнѣ досадна примиримость и нерѣшительность, съ которой вы начинаете смотрѣть на вещи. Вотъ, передъ вами въ глазахъ люди живутъ раціонально. Любятъ, какъ любится, женятся безъ всякихъ обрядовъ, а впрочемъ и то еще глупы,—замѣтилъ онъ,—не знаю, зачѣмъ и женятся! Ну да какъ бы то ни было, все-таки гораздо раціональнѣе нашего, такъ-называемаго свѣта и вообще массы! Вѣдь выработали же они себѣ такое положеніе. Вѣдь, чтобы дойти до него, сколько дѣвокъ было избито до полусмерти, сколько у нихъ косъ обрѣзано, сколько въ хомутахъ по улицамъ вожено! А мы смотримъ на это равнодушно, намъ палецъ объ палецъ лѣнь ударить, чтобы измѣнить наши порядки. Если у насъ какой-ни-

будь Мытищевъ, чтобы жену не оконфузить, принялъ на себя роль рогоносца, такъ мы его чуть не въ герои ставимъ. А я бы за такую пустую бабенку, какъ эта Мытищева, кусочкомъ ногтя отъ мизинца не пожертвовалъ... да и выборъ вашего-то героя!—сказалъ съ усмѣшкой Благомысловъ. — И всѣ-то у насъ таковы, и все это намъ не противно! Давно сказано, а правда, что

«И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви»...

Анютѣ стало досадно на него.

— Ну, нѣтъ!—сказала Анюта—мы видимъ, что и жертвуютъ...

— Какъ же! особенно въ любовныхъ-то отношеніяхъ! У насъ коль кто изъ вашей братьи и полюбитъ, такъ и тогда признанье-то зубами надо вытащить. А ужъ если коими судьбами иная отдается, да не женятся на ней, такъ послѣ всю жизнь на весь свѣтъ реветъ, что ее обманули, какъ малаго ребенка.

Анюта промолчала.

— Даже и въ лучшихъ-то изъ васъ нѣтъ свободнаго и прямаго отношенія къ своему чувству,—продолжалъ онъ. — Все-то вы, какъ подкупленная крѣпость, ждете нападенія, чтобы капитулировать и сдаться на выгодныхъ условіяхъ, хотя сами денно и нощно только и думаете, только и возносите не то что теплыя, а самыя горячія мольбы, чтобы на васъ нападатель явился. А ни у одной не хватитъ смѣлости, коль полюбитъ, такъ придти да и сказать прямо: я люблю тебя.

Благомысловъ говорилъ горячо и искренно, но у него, неловкаго и застѣнчиваго, не могло сойти съ языка то

слово, которое такъ и вертѣло его, и вся эта тирада была напускной храбростью ребенка, который кричитъ, чтобы не сознаться въ трусости. Не замѣчалъ онъ, что и до стиховъ договорился и что вся его злоба на жен щинъ была болѣе всего злобой на себя.

— Коль полюбишь, такъ безъ словъ скажется,—задумчиво отвѣчала Анюта.—А распахнуть вдругъ глубь душевную развѣ легко? И у мужчинъ развѣ всѣ слова легко говорятся? — спросила она, и такъ посмотрѣла на Благомыслова, что ему стало стыдно.

— Глупая же привычка, привитая съ дѣтства,— сквозь зубы проговорилъ онъ и вдругъ, какъ будто съ отчаянія, собравъ всю свою храбрость, сказалъ:—вотъ я напримѣръ? Говорите вы... безъ словъ скажется: видно я безъ словъ говорить не умѣю!

Онъ замолчалъ. Анюта не отвѣчала. Такъ прошли они нѣсколько шаговъ.

— Что же, вы не видите, или не хотите видѣть, что я люблю васъ? — хрипло проговорилъ онъ, глядя въ землю.

Анюта и ждала, и предчувствовала, что разговоръ придетъ къ этому концу; но все-таки покраснѣла, смутилась и молчала.

— Такъ что же! — спросилъ Благомысловъ, — да, или нѣтъ?...

— Нѣтъ! — тихо сказала Анюта и потупилась въ землю.

Благомысловъ поблѣднѣлъ.

— То есть, не суйся съ неумытымъ рыломъ да въ калачный рядъ! — сказалъ онъ съ напускной развязностью, и постарался улыбнуться, а голосъ у него под-

рывался, и духъ захватывало отъ волненія, и сознавалъ онъ всю неловкость своего положенія, и не зналъ, какъ выйти изъ него, и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, дѣлалъ еще болѣе промаховъ.

Анюту покоробило отъ этой грубой шутки, но она промолчала.

— Дѣйствительно,—началъ опять, идя на проломъ съ горькой усмѣшкой, Благомысловъ:—вѣдь нашъ братъ изъ кутейниковъ и грубъ, и не ловокъ, и одѣтъ-то такъ, что лакей у иного франта за поясъ заткнетъ, такъ за что же насъ и любить!.. ну а все-таки, хоть вы теперь и другихъ идей придерживаетесь,—онъ иронически улыбнулся,—а все-же мы толковали и, такъ сказать, старались о развитіи!

Онъ пріостановился отъ волненія, и къ оскорбленному самолюбію прибавилось новое чувство: ревность.

— Ну, такъ въ память старой дружбы, можно бы хоть довѣренности удостоить и сказать напримѣръ... вѣдь не можетъ же быть, чтобъ въ ваши года да вы не любили кого-нибудь!.. — что есть, молъ, другой?

Анюта, выслушавшая это молча, вдругъ прервала его...

— Постойте! — сказала она — не говорите: это не хорошо! Я вамъ много обязана и уважаю васъ, какъ честнаго молодаго человѣка, ну такъ будьте же тверды и не роняйте себя... Насильно милъ не будешь!—прибавила она тихо.—Я избѣгала объясненія потому, что не хотѣла огорчать васъ, но теперь, когда слово высказано, не напускайте на себя роли, которая вамъ не идетъ: уважайте и себя, и меня!.. Останемся друзьями,—сказала она, и протянула Благомыслову руку. Онъ, молча и не поднимая головы, пожалъ ее. Онъ былъ смущенъ.

Анюта, высказавъ твердо все, что хотѣла, замолчала. Такъ прошли они нѣсколько времени, и Анютѣ стало жаль Благомыслова. Женщина никогда не остается равнодушной къ первому признанію и для человѣка, сдѣлавшаго его, у нея всегда найдется немного любви и много сожалѣнія.

— Вы еще молоды!—сказала Анюта,—у васъ еще впереди много и дѣла, и любви. Вамъ есть чѣмъ, да и надо заняться серьезнѣе, а тогда все скоро пройдетъ.

— Довольно объ этомъ! — сказалъ Благомысловъ, взявшись за лобъ и какъ-бы стирая съ него всѣ старыя мысли.—Я теперь знаю свое дѣло. Лучше не отвлекусь отъ него... Ну, и баста!

Анюта не поднимала разговора. Она шла молча. Благомысловъ пристально глядѣлъ впередъ, нѣсколько прищурясь: онъ хотѣлъ скрыть навертывающіяся у него слезы. Анюта старалась не глядѣть на Благомыслова, но не смотря на то, замѣтила эти слезы.

Между тѣмъ, занятые разговоромъ, они раза два повернули изъ улицы въ улицу и вдругъ, не вдалекѣ передъ собою, увидѣли толпу съ стоящими посреди ея телѣгами арестантовъ.

— Что это такое?—спросила Анюта.—Посмотримъ! Я думаю, можно?

— Разумѣется можно! — сказалъ Благомысловъ.

Они оба были рады, что нашелся предметъ, которымъ можно было заняться или сдѣлать видъ, что занимаешься. Они подошли къ толпѣ, и были зрителями и слушателями сцены, которую мы разсказали.

Когда Камышлинцевъ, переговоривъ съ становымъ, присоединился къ остальнымъ, всѣ пошли молча и подъ

разными впечатлѣніями. Камышлинцевъ былъ смущенъ и глубоко взволнованъ, Еремѣевъ угрюмъ и золъ; Анюта была тоже взволнована, но вниманіе ея дѣлилось между положеніемъ крестьянъ и положеніемъ, которое занималъ Камышлинцевъ. Благомысловъ былъ въ возбужденномъ состояніи; глаза его блистали, и въ немъ виднѣлась какая-то горькая иронія.

— Ужасное положеніе!—сказалъ Камышлинцевъ.—При прежнемъ губернаторѣ нужды не такъ еще выяснились, но мы представляли и хлопотали, а этотъ на букву закона смотритъ и требуетъ одного ея выполненія... Будемъ съ Мытищевымъ воевать и ссориться, да что подѣлаешь! большинство всегда на сторонѣ губернатора.

— Однакоже, славный вы рецептъ-то дали отъ голоду: терпѣть, пока вы будете ссориться да представлять, а можетъ быть и не представите еще!

Анюта встрепенулась и глядѣла на Камышлинцева съ ожиданіемъ. Она и сочувствовала ему, и зла была на него за недостойную, какъ ей казалось, любовь къ Мытищевой, про которую ей напомнилъ Благомысловъ. Притомъ она довольна была, что упрекъ Благомыслова, прямо обращенный къ Камышлинцеву, вызоветъ оправданіе его самого и лучше ей выяснитъ, чей образъ мыслей справедливѣе.

Камышлинцевъ нахмурился. Ему и безъ того было горько и досадно за свое малосиліе, а тутъ еще упрекаютъ въ немъ.

— Каждый дѣлаетъ и долженъ дѣлать, что можетъ,—сказалъ онъ.—А вы на моемъ мѣстѣ какой бы рецептъ прописали?

— А я бы имъ посовѣтовалъ требовать, пока дадутъ, — угрюмо сказалъ Благомысловъ: — потому что факты говорятъ гораздо краснорѣчивѣе бумаги, и, конечно, настоящее происшествіе поможетъ этимъ людямъ гораздо болѣе, нежели всѣ ваши представленія.

— Да,—сказалъ Камышлинцевъ.—Это сильное доказательство. Только надо, чтобы начальству выяснены были коренныя причины происшествія, а если оно будетъ представлено, какъ одно неповиновеніе его волѣ, такъ толку будетъ мало.

— Ну еще, вы выясните, либо нѣтъ, а настойчивость выяснитъ гораздо лучше и яснѣе,—сказалъ Бл а гомысловъ.

— Можетъ быть, только по вашей-то методѣ это пожалуй случится въ то время, какъ всѣ будутъ разорены, да половина сослана, — сказалъ Камышлинцевъ.—Я вотъ думаю попробовать, не довольно ли и этихъ фактовъ, что вотъ теперь въ телѣгахъ везутъ. А вы полагаете надбавлять ихъ, пока переписка идетъ?

— Я думаю, что если нужна операція, такъ пусть и будетъ операція, а всѣ эти переписки и посредничества—палліативы, замазыванія, отъ которыхъ только усиливается болѣзнь. А жертвъ жалѣть нечего: одна во-время спасаетъ тысячи послѣдующихъ.

— Ну, а по моему и этихъ слишкомъ достаточно.— Вы, какъ видно, вѣрите въ одну хирургію, а я кромѣ того и въ терапію, да ею и занимаюсь,—сказалъ раздраженно Камышлинцевъ.—Такъ я и совѣтую, что могу и во что вѣрю. А когда они спросятъ вашего совѣта, такъ вы имъ дайте свой.

— И дамъ!—сказалъ угрюмо Благомысловъ.

Еремѣевъ искоса посмотрѣлъ на Благомыслова.

— Однако просто вы лечите!—сказалъ онъ ему.— Около насъ полковой лекарь есть: тотъ вотъ такъ же, какъ вы...

Благомысловъ не отвѣчалъ и всѣ возвратились сумрачные и молчаливые.

Они нашли Арину Степановну уже безпокоившуюся ихъ отсутствіемъ: она всегда безпокоилась объ отсутствующихъ если они отлучились даже не далѣе огорода. Подумала она и на счетъ ужина, но всѣ отказались отъ него и разошлись спать, мужчины въ отведенную имъ свѣтелку, а женщины въ большую избу. На другой день всѣ поднялись и выѣхали рано, сдѣлали еще одинъ перегонъ, выбрались на большую дорогу и разстались.

Еремѣевъ поѣхалъ къ себѣ на лѣсную дачу. Камышлинцевъ, вспомнивъ, что въ этотъ же день будетъ засѣданіе губернскаго присутствія, на которомъ, можетъ быть, пойдетъ рѣчь о темрюковцахъ, оставилъ своихъ лошадей и взялъ почтовыхъ, а Барсуковы и Еремѣевъ простились съ нимъ и, выкормивъ лошадей, поѣхали не торопясь вслѣдъ за Камышлинцевымъ въ Велико-Ѳедорскъ.

V.

Какъ ни горячо спорилъ Камышлинцевъ и отстаивалъ свой взглядъ на Темрюковское дѣло, но онъ успѣлъ только въ томъ, что по немъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, пока не пріѣхалъ Мытищевъ. Съ поддержкой его и при самомъ энергичес-

комъ протестѣ, имъ удалось убѣдить Нобелькнебеля, что буквальное исполненіе положенія не отвратитъ печальнаго положенія темрюковцевъ и что дѣло это требуетъ обстоятельнаго разъясненія, предъ высшими учрежденіями, тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлены названные крестьяне уменьшеніемъ заводскаго производства и невозможностью имѣть заработокъ на сторонѣ. Пробовалъ было Камышлинцевъ замолвить слово и за арестованныхъ, но встрѣтилъ непреклонный отпоръ.

— Ну ужь, извините! — отвѣчалъ ему Нобелькнебель,—я бунтовщикамъ потакать не намѣренъ.

Напрасно Камышлинцевъ доказывалъ, что они вовсе не бунтовщики, что они, какъ ходатаи, избирали самый законный путь для заявленія своихъ нуждъ, что это— лучшіе излюбленные и самые толковые люди завода и что гораздо выгоднѣе дѣйствовать на народъ черезъ нихъ, а не репрессивными мѣрами. Нобелькнебель оставался при своемъ.

— Нѣтъ-съ,—говорилъ онъ,—тутъ нужна энергія, а не мягкія мѣры; мягкія мѣры довели уже до безпорядковъ! Когда у бунтовщиковъ отнимутъ голову, то тѣло будетъ парализовано.

— Да вы лучше желудокъ отнимите у нихъ, это будетъ раціональнѣе!—не выдержавъ, сказалъ Камышлинцевъ.

Нобелькнебель отвѣтилъ ему съ тонкой вѣжливостью, что каждый дѣйствуетъ въ своей сферѣ по своему усмотрѣнію и что за дѣло объ арестованіи отвѣчаетъ онъ, и разсмотрѣніе этихъ дѣлъ не подлежитъ членамъ губернскаго присутствія. Послѣ чего Камышлинцевъ, за-

мѣтивъ, что онъ и говорилъ въ этомъ случаѣ, какъ частный человѣкъ, разумѣется, долженъ былъ замолчать.

— Ты, почитатель Англіи, — сказалъ бывшій при этомъ Мытищевъ, — не придерживаешься видно идей Борка. Онъ говоритъ, что не понимаетъ тѣхъ, которые хотятъ только тишины и возстаютъ противъ всякихъ нарушителей спокойствія, а напротивъ, желалъ бы, чтобы былъ вездѣ крикъ, гдѣ только есть злоупотребленіе.

— Тутъ нѣтъ злоупотребленія — возразилъ Нобелькнебель, — а есть только строгое исполненіе владѣльцемъ своихъ обязанностей. И притомъ мы не въ Англіи-съ! — прибавилъ онъ, выразительно кивнувъ головой.

Чутьемъ истинно ловкаго человѣка онъ уже понималъ, что въ воздухѣ носятся презрѣніе къ Англіи и всѣмъ западнымъ тонкостямъ и предпочтеніе взглядовъ, выросшихъ на родной почвѣ, что въ непродолжительномъ времени и обнаружилось въ общественномъ мнѣніи.

Но наединѣ съ сестрой Нобелькнебель былъ откровеннѣе.

— Пристаютъ они все съ Темрюковскимъ дѣломъ, — сказалъ онъ, повѣряя ей свои заботы, — а не знаютъ того, что изъ-за этого дѣла, можетъ быть, слетѣлъ мой предмѣстникъ. Тутъ надо дѣйствовать осторожнѣе!

— Что ихъ слушать! — рѣшила Ольга: — вѣдь извѣстно, что они фантазеры; дѣлай, какъ самъ знаешь, да посовѣтуйся лучше съ графомъ Гогенфельдомъ.

Графъ Гогенфельдъ, хотя и находилъ владѣльца совершенно правымъ, а крестьянъ бунтовщиками, но нашелъ, что и крестьяне отчасти правы и нужно сдѣлать

нѣчто и для нихъ. Вслѣдствіе всего этого Нобелькнебель, хотя въ самыхъ нѣжнѣйшихъ формахъ, рѣшился высказаться о безвыходномъ положеніи крестьянъ. Впрочемъ, рѣзкія и вполнѣ обрисовывающія положеніе крестьянъ заявленія Камышлинцева и согласившагося съ нимъ Мытищева были помѣщены въ журналахъ присутствія и потому дошли до свѣдѣнія и высшихъ учрежденій.

VI.

Чтобы привести въ исполненіе свою мысль — оставить домъ Мытищевыхъ и вмѣстѣ избавиться отъ городской пыли, Камышлинцевъ придумалъ нанять домикъ гдѣ-нибудь около города. Онъ нашелъ его въ одномъ имѣніи, принадлежащемъ двумъ братьямъ Вахрамѣевымъ, изъ которыхъ одинъ холостой уѣзжалъ года на два за границу. Узнавъ желаніе Камышлинцева, тотъ предложилъ ему свой домъ. Они сошлись въ условіяхъ и переѣздъ былъ рѣшенъ.

Дня черезъ два послѣ пріѣзда, Камышлинцевъ получилъ письма изъ Петербурга, привезенныя Барсуковой, которая была сама у Ольги и оставила ихъ. Новости, которыя онъ узналъ изъ писемъ, были гораздо хуже, нежели онъ ожидалъ; ему описывались петербургскія волненія и между прочимъ говорили, что нѣкоторые изъ его пріятелей компрометированы въ нихъ. Онъ былъ очень огорченъ этимъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ всю ложность пути, на который они вступили, а между тѣмъ любилъ ихъ и жалѣлъ не только, какъ людей ему близкихъ, но какъ людей честныхъ и желающихъ пользы,

которую при другихъ, болѣе правильныхъ взглядахъ они бы безъ сомнѣнія и принесли. Намекалось и о томъ, что эти пріятели недовольны образомъ дѣйствій Камышлинцева и считаютъ ихъ слишкомъ мелкими.

Камышлинцевъ хотѣлъ распросить нѣкоторыя подробности у Барсуковой и вскорѣ собрался къ ней.

— Не знаете ли вы, гдѣ устроивается Барсукова?— спросилъ онъ у Ольги,—мнѣ нужно побывать у нея.

Ольга разсказала ему.

— Кстати,—прибавила она,—мнѣ тоже хочется съ ней кое о чемъ потолковать; зовите ее къ намъ завтра обѣдать.

Камышлинцевъ отправился.

Онъ нашелъ Анюту въ хлопотахъ за устройствомъ своего помѣщенія и раскладкой полученныхъ товаровъ.

— Не помѣшалъ я вамъ? — спросилъ Камышлинцевъ.

— О, нѣтъ,—отвѣтила Анюта.—Напротивъ вы мнѣ поможете совѣтомъ: ваша репутація, какъ человѣка со вкусомъ, сдѣлана.

Не знаю, сказала ли это она безъ скрытной мысли, или хотѣла намекнуть на его склонность къ Мытищевой. Но вообще Анюта была въ духѣ и оживлена: приходъ Камышлинцева, кажется, доставилъ ей удовольствіе.

— Особенно въ дѣлѣ модъ! — смѣясь, прибавилъ Камышлинцевъ.—Ну, а какъ вы устроиваетесь? пріобрѣли мастерицъ и сотрудницъ?

— Пріобрѣла, — отвѣчала Анюта,—и вообразите, самымъ обыденнымъ образомъ: просто наняла! Въ сотрудничество никто нейдетъ; говорила имъ о долѣ изъ барыша: „это, говорятъ, какъ вамъ будетъ угодно сдѣ-

лать намъ награду или нѣтъ, а мы условимся въ жалованьи"; такъ и сдѣлала,—вотъ вамъ и кооперативное предпріятіе!

Они потолковали о петербургскихъ новостяхъ.

Камышлинцевъ сталъ прощаться.

— Я вамъ забылъ передать приглашеніе Ольги Θедоровны, — сказалъ Камышлинцевъ: она васъ проситъ обѣдать завтра.

— Не знаю,—сказала нерѣшительно Анюта.—Дѣла много; если освобожусь, то съ удовольствіемъ.

— Мнѣ очень жаль будетъ, если вы не придете,— сказалъ Камышлинцевъ: потому что теперь рѣдко буду имѣть удовольствіе видѣть васъ... Я переѣзжаю на лѣто въ деревню Вахрамѣева: я нанялъ домъ у старшаго брата.

— Какъ, совсѣмъ переѣзжаете?—спросила Анюта.

— Да, совсѣмъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— А теперешняя квартира?

— Будетъ свободна! Не хотите ли осмотрѣть ее?— сказалъ Камышлинцевъ, улыбаясь; онъ повторялъ слова, сказанныя Анютой въ маскарадѣ.

Анюта, вѣроятно, вспомнила ихъ и вся вспыхнула.

— Ну, это только до осени, вѣроятно?—замѣтила она, насмѣшливо улыбаясь.

— Напротивъ,—положительно отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Семейство Ольги Θедоровны, вѣроятно, скоро увеличится и мое сожительство стѣснитъ ихъ. Да и меня тоже,—прибавилъ онъ.

Анюта посмотрѣла на него большими неудомѣвающими глазами, какъ-бы ожидая разъясненія. Но Камышлинцевъ любезно улыбнулся, пожалъ ей руку и ушелъ.

Анюта осталась, вся радостно возбужденная.

Вещь, на которую намекнулъ Камышлинцевъ, была совершенно неожиданна. Анюта не была еще увѣрена въ разрывѣ Камышлинцева съ Ольгой; но имѣла полную надежду предполагать его. И потомъ, съ какою цѣлью Камышлинцевъ напомнилъ ей ея слова въ маскарадѣ? Все это подѣйствовало на нее неопредѣленно, радостно и отрадно, точно праздникъ какой сталъ у нея на душѣ.

Самъ Камышлинцевъ словно нарочно ронялъ преграды, которыя стояли между ними, и какъ будто звалъ ее къ себѣ.

Она не была влюблена въ Камышлинцева, по крайней мѣрѣ не допускала въ себѣ этой любви, но сердце ея весело трепетало и рвалось куда-то.

На другой день, въ обычный часъ обѣда, Анюта была у Мытищевыхъ, и я полагаю, много надо было сломить препятствій, чтобы помѣшать ей придти къ нимъ. Кромѣ своей семьи и Камышлинцева, обѣдалъ еще графъ Гогенфельдъ. За обѣдомъ Мытищевъ былъ молчаливъ и печаленъ, недавняя смерть брата много прибавила грусти къ его обыкновенно невеселому настроенію; графъ Гогенфельдъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ на заводъ.

— Я не знаю, какъ вы толкуете съ крестьянами,— сказалъ онъ, обращаясь къ Мытищеву и Камышлинцеву;—но меня они ставили въ презатруднительное положеніе. Напримѣръ, на другой день послѣ усмиренія, я остался еще въ заводѣ и поутру вздумалъ съ ними поболтать. Разумѣется, они смотрѣли еще какъ волки. Только одинъ беретъ меня вдругъ за аксельбантъ...—

я, знаете, нарочно съ ними запросто, amicalement...— беретъ за аксельбантъ и спрашиваетъ: „Это тебѣ за что царь далъ?“—Я говорю, за службу.—„А это за что? Тоже за службу?“—показываетъ на ордена.—За службу!.. „И это тоже?“—вензель на эполетахъ.—И это. Я думалъ, что все это онъ такъ, изъ любопытства спрашиваетъ. „А много, говоритъ, ты лѣтъ ему служишь?“ — Я отвѣчаю: лѣтъ 10. „Ну, а вотъ не только мы, говоритъ, а и отцы, и предки наши сотни лѣтъ служили помѣщику, что же, говоритъ, мы у него выслужили?“ Представьте же себѣ, что я могъ имъ отвѣтить! А?

— Опять, жалуются они на свое положеніе. Я имъ объясняю, что царь сдѣлалъ все, что могъ: освободилъ ихъ, предоставилъ имъ выкупать землю и даетъ на это средства; но что сама казна выкупить не можетъ, потому что нѣтъ на это денегъ. Что же они? „Какъ, говорятъ, у батюшки-царя да деньгамъ не быть? ну, велитъ напечатать, и только! Вѣдь она, говорятъ, бумага-то чай полушку стоитъ, а ходитъ за десятки и сотни рублей!“ Я было имъ сталъ объяснять паденіе бумажныхъ цѣнностей отъ чрезмѣрнаго выпуска, а они мнѣ: „какъ, говорятъ, упадутъ? да велѣли бы принимать за сколько хотятъ, и баста!“ Вотъ извольте имъ тутъ объяснять, почему нельзя велѣть,—каково мое-то положеніе?

Камышлинцеву и Мытищеву сотни разъ приходилось толковать подобныя вещи, и эти разговоры были для нихъ не новость; они только посмѣялись надъ смущеніемъ, въ которое былъ поставленъ графъ Гогенфельдъ.

— Или опять... сказалъ было Гогенфельдъ, но хозяйка перебила его.

— Нѣтъ, графъ, это ужъ черезчуръ,—строго сказала Ольга. — Вы точно такъ же портитесь, какъ и эти господа. Не говорите о крестьянахъ, если не хотите мнѣ надоѣсть! Что это за заразительное дѣло,— воскликнула она съ искреннимъ недоумѣніемъ,—къ которому никто не можетъ прикоснуться, чтобы не толковать о немъ съ утра до вечера и не забыть о существованіи другихъ вещей на свѣтѣ!?

Вслѣдствіе этого энергическаго протеста, разговоръ перемѣнился. Стали толковать о переѣздѣ Камышлинцева.

— Послушайте, Камышлинцевъ!—сказала Ольга;— знаете, что, вотъ бы вамъ жениться на Вахрамѣевой. Она — миленькая и состояніе порядочное.

Анюта съ любопытствомъ посмотрѣла на Камышлинцева, но онъ только улыбнулся.

— А что же, мудренаго нѣтъ, что этимъ и кончится, — замѣтилъ Гогенфельдъ. — Деревенское знакомство, ежедневныя встрѣчи, прогулки, — а бѣсъ силенъ!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — къ этой штукѣ я вообще влеченія не имѣю. Да я еще и хочу поработать обществу, а женившись, человѣкъ связанъ и дѣлается уклончивѣе, и притомъ... — прибавилъ онъ съ комической серьезностью.

«Кому завистливой судьбою
Въ сей жизни бури суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены!»

Никто не придалъ этимъ стихамъ особаго значенія, кромѣ Мытищева.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ печально и нѣсколько торжественно,—еслибы авторъ этихъ стиховъ *) прожилъ подолѣе и раздѣлилъ участь большинства его соучастниковъ, онъ не сказалъ бы этого. Онъ увидѣлъ бы, какое великое утѣшеніе во время грозы могутъ подать иныя жены.

И онъ сталъ еще печальнѣе.

Слова и, главное, тонъ ихъ навели на слушателей нѣкоторое почтительное безмолвіе: такъ бываетъ, когда дотронутся до чьего-нибудь горькаго воспоминанія.

— Ну, я совсѣмъ не принадлежу къ подобнымъ женамъ, — сказала Ольга, но сказала вполголоса и какъ-бы толко сидящимъ около нея.—Я ужасно боюсь грозы; да и вообще неспособна переносить никакихъ грозъ.

Мытищевъ печально улыбнулся.

— Вы вообще растеніе тепличное,—сказалъ съ пріятностью графъ Гогенфельдъ, — растеніе, которое любитъ ухаживанье за собой.

— Графъ,—сказала Ольга,—что это вы говорите? Какъ ухаживанье? Уходъ!.. Вы, надѣюсь, не хотѣли острить на мой счетъ!

— Виноватъ! — сказалъ онъ, нѣсколько смѣшавшись,—я совсѣмъ не хотѣлъ сказать того! Я хотѣлъ сказать: une plante qni aime à être soignée.

— Любитъ ухаживанье! слышите!—сказала Ольга:— это было бы очень мило!

Графъ извинялся и оправдывался непривычкой говорить въ обществѣ по-русски. Всѣ смѣялись и разговоръ

*) Рылѣевъ.

пошелъ весело и игриво, какъ это было почти всегда, когда руководила имъ Ольга Ѳедоровна.

Анюта пробыла до вечера, когда Камышлинцевъ по обыкновенію ушелъ въ клубъ. Она воротилась веселая; ей какъ-то было необъяснимо легко. Ничего повидимому не измѣнилось въ обращеніи Мытищевой и Камышлинцева, но Анюта чуяла своимъ женскимъ чутьемъ, что уже что-то не то. Даже въ самомъ предложеніи о женитьбѣ, не смотря на его шутливость, показалось ей гораздо болѣе искренности и правды, чѣмъ бы это могло быть при другихъ отношеніяхъ. И Анюта еще больше убѣдилась въ разрывѣ между Камышлинцевымъ и Ольгой.

Арина Степановна сидѣла и что-то шила, когда воротилась Анюта; окно въ садикъ было открыто и оттуда вносился теплый и душистый отъ цвѣтущей сирени воздухъ.

Анюта сбросила шляпку, но не сѣла. Ей не сидѣлось. Она прошла еще нѣсколько разъ по комнатѣ, что-то весело напѣвая, и вдругъ подошла къ теткѣ и весело ее поцѣловала.

Арина Степановна почему-то смутилась и покраснѣла отъ этого поцѣлуя, и подозрительно посмотрѣла на Анюту.

— Что съ тобой? — спросила она.

— Ничего, тетя! Вечеръ славный, такъ хорошо дышется!.. весело какъ-то!

VII.

Камышлинцевъ переѣхалъ въ деревню и устроился очень хорошо. У него былъ небольшой, но совершенно отдѣльный и комфортный домикъ. Прислугу Вахрамѣевъ всю распустилъ: и въ домѣ, и въ комнаткѣ на верху оставалась только его пожилая ключница, которую Камышлинцевъ пригласилъ у себя хозяйничать. За домомъ начинался огромный, запущенный за недостаткомъ прислуги садъ, и этимъ садомъ домикъ Камышлинцева отдѣлялся отъ другаго барскаго дома, принадлежавшаго брату Вахрамѣева.

Но, не смотря на удобность устройства, не спокойно жилось Камышлинцеву. Началось памятное лѣто 1862 года. Подъ вліяніемъ духа жизни, который коснулся Россіи, подъ вліяніемъ всеобщаго пробужденія и стремленія къ дѣятельности, кровь быстрѣе двигалась въ жилахъ; молодыя силы, жаждущія участія въ политическомъ развитіи страны, не находя выхода, ничѣмъ не регулированныя, приняли печальное направленіе; начались извѣстныя волненія между молодежью, появились прокламаціи.

Дошли нѣкоторые изъ этихъ листовъ и до Велико-Ѳедорска и произвели въ немъ величайшій переполохъ. Общественное мнѣніе, темное, не руководимое печатью, даже не извѣщаемое ею объ истинномъ ходѣ происшествій, было смущено и запугано. Люди такъ называемыхъ старыхъ дрожжей, недовольные либеральной реформой правительства, на которую роптать не смѣли, подняли теперь голову.

„А, что, мы говорили?.. а? до чего дожили?“ —кричали они, и безголовая масса начала на нихъ поглядывать какъ на удачныхъ пророковъ, а мелкіе либералы поджали хвостъ, воображая, что они повинны въ этомъ явленіи, что они, какъ крыловскія мухи, невѣдомо для себя пахали это запретное поле.

Положеніе Камышлинцева было вдвойнѣ не радостно. Онъ былъ глубоко опечаленъ этимъ явленіемъ, потому что, вслѣдствіе извѣстнаго склада своихъ убѣжденій, видѣлъ въ немъ только задержку правильному развитію политической жизни, орудіе, дающееся въ руки людямъ, враждебнымъ этому развитію; а между тѣмъ всѣ старыя дрожжи, въ числѣ которыхъ, увы! находилось и много молодыхъ еще силъ, смотрѣли на Камышлинцева, какъ на участника, какъ на проводника крайнихъ идей, распространителя прокламацій.

— Не угодно ли полюбоваться? — говорилъ одинъ изъ нихъ, показывая Камышлинцеву запретный листокъ.—Полюбуйтесь-ка! Позвольте узнать, что бы вы думали сдѣлать съ этими молодцами?

— А я бы напечаталъ ихъ произведеніе во всѣхъ газетахъ! —сказалъ Камышлинцевъ.

— Гм!.. — съ злобной усмѣшкой сказалъ господинъ.—Отъ васъ бы это сталось. А я бы, милостивый государь,—сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ и входя въ азартъ,—я бы всѣхъ ихъ и имъ подобныхъ—повѣсилъ, повѣсилъ бы всѣхъ до одного, да еще за ноги!

— Мѣра радикальная!—сказалъ Камышлинцевъ, усмѣхнувшись. — Къ счастью, управляете-то нами грѣшными не вы!

— Да, къ счастію!—сказалъ тотъ, энергически кивнувъ головой.

Но Камышлинцевъ и безъ этого былъ увѣренъ, что для него, болѣе чѣмъ для другихъ, управленіе подобныхъ собесѣднику господъ было бы весьма невыгодно.

Но были у Камышлинцева и другаго рода споры, споры съ молодежью, которая часто стала навѣщать его. Являлась она къ нему возбужденною и чего-то какъ-бы ожидала отъ Камышлинцева, а уходила въ раздумьи.

Разъ пришелъ къ Камышлинцеву Благомысловъ. Онъ былъ особенно мраченъ и возбужденъ. Въ этотъ день почта принесла извѣстіе о пожарѣ толкучаго рынка и намеки газетъ на участіе въ немъ студентовъ.

— Читали?—спросилъ Благомысловъ.

Камышлинцевъ молча указалъ ему на разбросанныя газеты. Онъ былъ возмущенъ до глубины души.

— Среди груды деревянныхъ и холщевыхъ балагановъ, всякаго тряпья, сора и рухляди, жгутъ на открытомъ воздухѣ свѣчи, когда нѣтъ никого кромѣ пьяныхъ сторожей,—и недоумѣваютъ о причинѣ пожара!—говорилъ Благомысловъ, ходя по комнатѣ.—Въ пожарахъ нашихъ деревянныхъ и соломенныхъ деревень, которыя горятъ огуломъ, въ городахъ, въ какой-нибудь Казани или Самарѣ, съ періодическими пожарами, съ нашимъ разсердившимся мужикомъ или бабой, или воромъ и мошенниками, которые разумѣется прибѣгаютъ къ самой сподручной мести, или наконецъ съ ребячьей пироманіей,—они ищутъ политическихъ поджоговъ да винятъ студентовъ! Эта самая-то просвѣщенная и либеральная молодежь, по ихнему, пойдетъ поджигать избу мужика,

разорять народъ, за который она готова бы сама въ огонь идти!

— Конечно, масса глупа, —продолжалъ онъ. — Гораздо легче думать, что лекаря отравляютъ народъ и студенты поджигаютъ избы, чѣмъ смотрѣть за собой и принимать предосторожности, —а газеты-то, эти руководители общественнаго мнѣнія, поддерживаютъ ее въ этомъ.

— И замѣтьте, —сказалъ Камышлинцевъ, —что это черта нынѣшняго времени: прежняя литература не такъ говорила.

— Всѣ хороши! — сказалъ Благомысловъ, не задумываясь подвести всѣхъ подъ одну рубрику.

Онъ долго ходилъ, потомъ сѣлъ, посмотрѣлъ на Камышлинцева какъ-то пытливо и вдругъ спросилъ:

— А что же мы-то?

— А мы будемъ дѣлать каждый свое обыденное дѣло, —отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Да постараемся не доставлять легкихъ средствъ къ отличію господину Милашкину.

Благомысловъ еще посмотрѣлъ на Камышлинцева, потомъ всталъ и холодно сказалъ ему:

— Ну, такъ прощайте!

— Куда же вы?—спросилъ удивленный Камышлинцевъ, подавая руку.

— Да дѣлать свое дѣло, — сказалъ онъ. — Вѣдь ваше дѣло не мое? вы знаете, всякій лечитъ по своему; ну вы здѣсь и оставайтесь, а я пойду.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ.

Камышлинцевъ догналъ его въ слѣдующей комнатѣ.

— Послушайте, Благомысловъ! —сказалъ онъ. —По-

думайте прежде, чѣмъ рѣшаться на что-нибудь, и не играйте легко ни собой, ни другими: довольно безполезныхъ жертвъ.

Благомысловъ выслушавъ Камышлинцева холодно и не глядя ему въ глаза.

— Довольно думано! — сказалъ онъ глухо. — Да и не для кого мнѣ очень себя беречь. А теперь не то время, чтобы за перепиской бумагъ сидѣть.

Онъ рѣшительно кивнулъ головой, какъ-бы желая сказать: „довольно объ этомъ!“ и вышелъ.

Камышлинцеву было жаль Благомыслова, а между тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что его совѣты и настоянія, еслибы онъ и повторилъ ихъ, ни къ чему не поведутъ.

Не смотря на несогласіе воззрѣній, горячіе, до враждебности доходящіе споры, Камышлинцевъ любилъ Благомыслова. „Все это молодо, не выработано, самоувѣренно, — думалъ, онъ, — но въ немъ есть стойкость, жажда честнаго труда; его сочувствіе къ бѣдному—не исполненіе долга: онъ самъ бѣднякъ, онъ не нашъ братъ бѣлоручка и способенъ на суровую работу, а остальное можетъ придти современемъ...“ — и ему хотѣлось употребить всѣ силы, чтобы остановить Благомыслова. Думалъ онъ, какъ бы это сдѣлать, и нашелъ, что всего лучше обратиться къ Анютѣ Барсуковой, которая, какъ ему казалось, одна имѣетъ на него вліяніе: женщина, которая нравится, убѣждаетъ средствами ей одной доступными: логикой, взглядомъ, улыбкой, звукомъ словъ, а что говорится этими словами, то дѣло неважное, ибо мужчина можетъ говорить въ десять разъ послѣдовательнѣе и убѣдительнѣе, а все-таки безуспѣшнѣе, чѣмъ лю-

бимая женщина. Камышлинцевъ велѣлъ заложить лошадь и поѣхалъ къ Анютѣ.

Жаркій ясный день начиналъ вечерѣть и въ воздухѣ почуялась отрадная душистая свѣжесть. Камышлинцевъ дорогой не обогналъ Благомыслова: тотъ вѣроятно пошелъ прямо пѣшеходной тропой, которая была гораздо короче, или пріѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на лошадкѣ хозяина, который часто снабжалъ ею Благомыслова.

Камышлинцевъ засталъ Анюту въ магазинѣ, но она позвала его въ свою комнату.

Дѣла Анюты шли весьма хорошо. Барыни, какъ мухи на медъ, накинулись на свѣжіе и со вкусомъ выбранные петербургскіе товары. Притомъ закройщица, которую Барсукова привезла съ собой, оказалась мастерицей своего дѣла и сразу затмила мѣстныхъ швей. Швейная машина, также привезенная на пробу, работала скоро и отчетливо.

Въ магазинъ являлись и мужчины, покровители женскаго труда вообще и хорошенькихъ трудящихся въ особенности. И Анюта, не смотря на лѣтнюю пору, была завалена работой. Въ провинціи этотъ успѣхъ бываетъ сначала: тамъ вообще и люди, и клопы съ жадностью нападаютъ на свѣжаго человѣка.

Комната, въ которую Камышлинцевъ зашелъ съ Анютой, была и контора ея, и ея гостиная. Налѣво отъ входа, у окна на улицу былъ столъ со счетными книгами и бумагами, направо у стѣны широкій диванъ, а противъ него, у оконъ, выходящихъ въ садикъ, стояли покойное кресло и маленькій рабочій столикъ. На окнахъ зелень, по стѣнкамъ полки съ книгами и нѣсколько фотографическихъ портретовъ. А спальная и комната

тетки были въ другой сторонѣ магазина. Арина Степановна постоянно сидѣла у себя. Съ начала открытія магазина, заслышавъ мужской голосъ, она пробовала было выходить въ магазинъ, считая все-таки неприличнымъ оставлять Анюту безъ своего покровительства, но когда нѣкоторые покупщики стали обращаться съ ней довольно безцеремонно, спрашивая, чтобы она показала тѣ или другія вещи, она обидѣлась и покинула Анюту на свои силы; и Анюта была очень довольна: она терпѣть не могла надзора.

— Я васъ не спросила,—сказала Анюта, вводя Камышлинцева:—вы ко мнѣ, можетъ быть, покупщикомъ, и не хотите быть гостемъ?

— Я къ вамъ просителемъ, — вы ихъ гдѣ принимаете?

— Такихъ, какъ вы, здѣсь,—отвѣчала она, садясь къ садовому окну и указывая ему мѣсто напротивъ.

Она ему предложила курить, и Камышлинцевъ закурилъ папироску.

Онъ разсказалъ Анютѣ, въ чемъ дѣло.

— Вы на него имѣете вліяніе, — сказалъ Камышлинцевъ,—уговорите его не дѣлать глупостей и остаться.

— Къ сожалѣнію, вліянія-то я не имѣю никакого— зарумянясь, сказала Анюта: — если и было оно, такъ утрачено.

— Да? — спросилъ Камышлинцевъ, посмотрѣвъ на нее.—Вы, можетъ быть, говорите это изъ скромности?

— О, нѣтъ,—сказала она.—Тетушка находитъ напротивъ, что я совсѣмъ не скромна. Но я боюсь даже, что если Благомысловъ зайдетъ ко мнѣ то мое вмѣшательство испортитъ дѣло.

Камышлинцевъ посмотрѣлъ на Анюту, улыбаясь.

— Я не думаю, чтобы вы были не скромны,—сказалъ онъ; — но что вы не умѣете быть скрытной, это замѣтно! — Значитъ, онъ вамъ признался и былъ дурно принятъ, — прибавилъ онъ. — За что же вы были жестоки?

Анюта вся вспыхнула. Ей было досадно, что Камышлинцевъ такъ хладнокровно и свободно игралъ ею и какъ будто смотрѣлъ на нее свысока.

— Хорошо. Если вы дѣлаете подобный вопросъ и высказываете такую проницательность, — сказала она, — то я вамъ отвѣчу, но съ тѣмъ, чтобы и вы мнѣ сказали: вы были жестоки къ Мытищевой, или она къ вамъ?

Очередь нѣсколько смутиться была теперь за Камышлинцевымъ.

— Вы насъ обвиняете напрасно! — сказалъ онъ: — ни она, ни я этимъ порокомъ, кажется не страдаемъ. — Онъ постарался произнести эти слова сколь возможно просто, но довольство удовлетвореннаго самолюбія невольно проглянуло въ нихъ.

Можетъ быть, намекъ на снисходительность Ольги вышелъ у Камышлинцева невольно, но онъ имъ не былъ недоволенъ. Всякій мужчина, когда рѣчь коснется о его любовныхъ побѣдахъ, становится нѣсколько самохваломъ, и это самохвальство, надо замѣтить, никогда не вредитъ ему въ глазахъ женщины.

— Если не страдали сначала, такъ можетъ быть въ концѣ, — сказала Анюта. — Изъ чего-нибудь вѣдь разрывъ вышелъ? — Она увлеклась желаньемъ не остаться въ долгу у Камышлинцева, а между тѣмъ невольно, какъ

къ больному мѣсту, наводила разговоръ на отношенія Камышлинцева къ Мытищевой.

— А вамъ очень хочется знать?—спросилъ Камышлинцевъ.

— Я нескромнаго вопроса не сдѣлала бы, еслибы вы не подали примѣра,—сказала Анюта.

— Очень хорошо! такъ я вамъ подамъ примѣръ откровенности: видите ли, если при любви нѣтъ согласія во взглядахъ, нѣтъ общаго стремленія, то она сгоритъ, какъ свѣтильня безъ масла.

— Ну, а когда нѣтъ огня, —отвѣтила краснѣя и скороговоркой Анюта, намекая на свои отношенія къ Благомыслову, —такъ она вовсе не загорится, это просто.

— Значитъ, если нѣтъ умѣнья зажечь?—началъ снова Камышлинцевъ.

Но въ это самое время въ двери магазина зазвенѣлъ колокольчикъ и раздался голосъ Благомыслова.

— Анна Ивановна?

— Она въ конторѣ,—отвѣтила дѣвушка:—я доложу.

Но Благомысловъ, не дожидаясь ея, подошелъ къ полуотворенной двери.

— Можно?—спросилъ онъ, и прежде нежели Анюта успѣла отвѣтить: „разумѣется, можно", онъ уже вошелъ.

Увидѣвъ Камышлинцева, Благомысловъ остановился, и все выраженіе его лица вдругъ перемѣнилось, какъ перевернутая декорація. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить Камышлинцева. И по разнымъ причинамъ Камышлинцевъ и Анюта тоже были смущены, точно они врасплохъ были пойманы.

— Извините,—сказалъ Благомысловъ,—я не зналъ, что вы не однѣ!—Онъ хотѣлъ насмѣшливо улыбнуться,

но въ его смущенномъ лицѣ это вышло какъ-то странно, и самъ онъ чувствовалъ, что вышло совсѣмъ не то.

— Это все равно,—отвѣчала Анюта.—У насъ съ Дмитріемъ Петровичемъ секретовъ нѣтъ. Садитесь,—и она указала ему стулъ возлѣ себя.

— Да и къ тому же я долженъ оставить Анну Ивановну,—сказалъ Камышлинцевъ, вставая.—Онъ желалъ дать ей случай переговорить наединѣ съ Благомысловымъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, — сказалъ Благомысловъ,—я не помѣшаю. Я на минутку только—проститься. Прощайте!—сказалъ онъ, протягивая руку Анютѣ.

Въ смущенномъ и опущенномъ взглядѣ, въ краскѣ и выраженіи лица, болѣе чѣмъ въ словахъ видны были чувства, волновавшія Благомыслова. Онъ ревновалъ Анюту и подозрѣвалъ прерванное свиданіе. И Анюта, и Камышлинцевъ оба ясно поняли это.

— Я заѣзжалъ къ Аннѣ Ивановнѣ,—сказалъ Камышлинцевъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ оскорбленной невинности, снисходящей до оправданія (она обыкновенно заключается въ басовыхъ и горловыхъ звукахъ голоса),—чтобъ сказать ей о вашихъ намѣреніяхъ. Я надѣюсь, что вы болѣе послушаетесь ея, чѣмъ меня. — Высказавъ это, Камышлинцевъ, не спѣшилъ уйти, такъ какъ секретъ былъ уже открытъ.

— Что за заботы! — съ усмѣшкой сказалъ Благомысловъ.—Не все ли равно, уйду я, или нѣтъ, и что со мной станется! Кому и для чего я здѣсь нуженъ?—прибавилъ онъ, пожавъ плечами.

— Что же вы думаете, что намъ все равно, что бы съ вами ни сталось?—горячо спросила Анюта, глядя ему въ глаза.—Вы это по себѣ, что ли судите?

— Я полагаю, — хмуро, хотя нѣсколько осѣвшись, сказалъ Благомысловъ, — что надо дѣло дѣлать, а о себѣ думать нечего, особенно такимъ счастливымъ господамъ, какъ я,—добавилъ онъ.

— Да въ томъ-то и вопросъ,—сказалъ Камышлинцевъ,—такъ ли вы дѣло-то понимаете? Будетъ ли прокъ въ этомъ дѣлѣ? Можно не думать о себѣ, когда увѣренъ, что несомнѣнно принесешь пользу, что по вѣрной дорогѣ идешь.

— Ну, я въ этомъ не сомнѣваюсь, — твердо сказалъ Благомысловъ. — Конечно, пріятнѣе и безопаснѣе здѣсь заниматься протестами противъ Кнебелей да бесѣдовать съ такими прекрасными дѣвицами, — онъ съ усмѣшкой взглянулъ на Анюту,—но это не наше дѣло; да меня, слава Богу, ничего и не держитъ здѣсь, прощайте! — онъ протянулъ руку Анютѣ и крѣпко пожалъ ее.

— Да постойте, — сказала она, — переговоримъ по крайней мѣрѣ.

— Все переговорено,—сказалъ онъ угрюмо, повернулся и быстро вышелъ. Анютѣ показалось, что она вновь услыхала въ его словѣ тѣ подавленныя слезы, которыя она слышала при памятномъ объясненіи.

Анюта и Камышлинцевъ остались, молчаливые, другъ противъ друга.

— Жаль его,—сказалъ Камышлинцевъ,—да не воротите. Въ его лѣта безъ дѣла и безъ любви бросишься въ омутъ, чтобы уйти отъ скуки, а гдѣ жъ усидѣть въ такое горячее время. Молодыя силы рвутся, а средствъ къ выходу мало, и вотъ какъ онѣ гибнутъ!

Анюта слушала молча и печально. Вообще эта сцена навѣяла на нихъ грусть.

— До свиданія,—сказалъ Камышлинцевъ,—подавая руку Анютѣ.

— Какъ, вы уходите?—сказала она.—Боже мой, какая тоска, душно, пыльно,—выйти некуда, хоть бы гроза прошла!..—И она сама готова была заплакать. А дѣло въ томъ, что въ ней самой собиралась и чуялась ей гроза, что въ ней кипѣла молодая кровь, скоплялись, какъ электричество въ воздухѣ, тѣ томящія и волнующія силы, которыя гнетутъ, какъ лѣтній зной, и вся она, замирая, ждала, когда блеснетъ огненная искра, и по всей по ней, потрясенной и счастливой, пронесется благодѣтельная или гибельная буря.

Камышлинцевъ, оставшись съ Анютой, по уходѣ Благомыслова, самъ почувствовалъ, что остается съ ней въ какихъ-то иныхъ отношеніяхъ. Бываютъ такія минуты, что человѣкъ, съ которымъ видишься годы, вдругъ, казалось бы, отъ совершенно посторонняго обстоятельства, дѣлается для васъ совершенно другимъ. Какъ будто подозрѣнія Благомыслова пали на нихъ тѣмъ лучемъ, подъ которымъ дремлющее въ землѣ зерно пробуждается къ жизни, какъ будто уходомъ своимъ Благомысловъ оставилъ Анюту на рукахъ и попеченіи Камышлинцева. Случай, доселѣ, сталкивавшій его съ Анютой, какъ посторонняго, теперь дѣлалъ ихъ близкими; и Камышлинцевъ почувствовалъ и желаніе, и обязанность придти на помощь этой скучающей, молодой и красивой дѣвушкѣ.

— Знаете, что?—сказалъ онъ.—Поѣдемте въ Вахрамѣевку. Тамъ отличный пустой садъ въ моемъ рас-

поряженіи, дорога славная, и нагуляетесь тамъ досыта, и воздухъ, какъ медъ, хоть ней его. Липа цвѣтетъ теперь. Да мы, кромѣ воздуха, и чаю напьемся.

Анюта вспыхнула отъ радости.

— Отлично,—сказала она,—только... поѣдетъ ли тетка? или безъ нея? — спросила она, посмотрѣвъ съ улыбкой на Камышлинцева. — Нѣтъ, на первый разъ нельзя,—рѣшила она сама, нѣсколько покраснѣвъ.

— Ну, зовите тетю! поднимайте ее!—сказалъ Камышлинцевъ.

— Сейчасъ,—отвѣтила Анюта, и скрылась.

Камышлинцевъ, оставшись одинъ, смотрѣлъ въ маленькій, находящійся подъ окнами садикъ, а самъ чувствовалъ что-то пріятное, точно онъ дѣло покончилъ трудное, или пріобрѣлъ вещь, которую ему давно хотѣлось имѣть.

— Ѣдемъ! — вбѣжавъ, сказала Анюта. — Я Росинанта велѣла заложить.

Росинантъ была одна изъ пары почтенныхъ и пожилыхъ лошадей, которыхъ ей прислалъ отецъ изъ деревни: Анюта для разъѣздовъ должна была завести свой экипажъ, да въ провинціи кто же и не держитъ его!

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Арина Степановна, румяная, пріодѣтая. Она радушно, но не безъ церемоніи обращалась съ Камышлинцевымъ и благодарила его за приглашеніе. Впрочемъ, Камышлинцевъ ей нравился. „Учтивый и прекраснѣйшій молодой человѣкъ“, говорила она про него. Образа мыслей его она не знала, но она судила по наружности.

Черезъ четверть часа они выѣхали. Садъ имъ понравился. Это былъ, какъ мы сказали, большой, за недостаткомъ ухода запущенный барскій садъ. Его перекрещивали подъ прямымъ угломъ четыре главныя аллеи, шириною — хоть катайся четверней, съ старыми высокими и вѣтвистыми деревьями, и множествомъ аллей побочныхъ, густо заросшихъ и почти закрытыхъ листомъ, аллей, по которымъ двое въ рядъ едва могли проходить межъ разросшихся вѣтвей. Были въ немъ и бесѣдки, и бельведеры съ поломанными ступенями, съ потертыми надписями на стѣнахъ: стихи — мечты и мысли людей, можетъ быть сгнившихъ уже или разваливающихся, какъ и ступени бесѣдокъ! Съ одного бельведера былъ видъ на деревню, поля и перелѣски, — небольшой русскій видъ, и мягкій, и грустный. Но хорошо было въ эту пору гулять подъ широкимъ навѣсомъ этихъ высокихъ деревьевъ, смотрѣть, какъ косые лучи заходящаго солнца золотыми стрѣлами пронизывали, а разгорѣвшійся закатъ обливалъ горячимъ малиновымъ свѣтомъ — стволы, зелень и тихо трепетавшіе какъ отъ нѣги листья! Хорошо было дышать этимъ пахучимъ, сладкимъ и освѣжающимъ воздухомъ, который, словно засыпая, не шелохнувшись стоялъ между деревьями и сбирался уже прилечь на ночь къ землѣ влажной и освѣжительной росой.

Пока хозяинъ и гостьи гуляли, на широкомъ округленномъ перекресткѣ главныхъ аллей, что въ старину называлось rond-pant и было необходимой принадлежностью всякаго порядочнаго сада, — собранъ былъ столъ съ самоваромъ; Арину Степановну заставили хозяйничать и всѣ втроемъ весело принялись за чай. Т. е. весели-

лись и смѣялись Камышлинцевъ и Анюта, но Арина Степановна со свойственной ей церемонностью позволяла себѣ только благодушно улыбаться.

По правдѣ сказать, присутствіе этой милой и благодушной дѣвы было, по мнѣнію молодыхъ людей, совершенно лишнее и стѣсняло отчасти ихъ разговоры, хотя и сами они не знали, что бы имъ хотѣлось сказать и услышать другъ отъ друга. Но и эта сдержанность при безцѣльности и неопредѣленности желаній имѣла свою прелесть — прелесть легкаго раздражающаго препятствія, которое гораздо лучше сближаетъ, чѣмъ разъединяетъ, и дѣлаетъ молодежь соучастниками общаго заговора, какъ обойти и обмануть скучнаго стража.

Но, сидя мирно за столомъ, Камышлинцевъ иногда нападалъ на мысль: „вотъ такъ бы онъ сидѣлъ съ молодой женою, еслибы...“; но онъ не доканчивалъ, онъ зналъ, что за этой пріятной декораціей семейной жизни валяются картонныя бутафорныя принадлежности, снуютъ грязные ламповщики и ссорятся герои, жрецы и весталки.

Однако пріятная бесѣда была прервана маленькимъ эпизодомъ. Во время чаепитія и веселаго разговора, Анюта, сидѣвшая лицомъ къ длинной аллеѣ, вдругъ смолкла.

— Кто это? — спросила она.

Камышлинцевъ оглянулся и увидалъ два женскія молоденькія существа въ одинаковыхъ, весьма кокетливыхъ для деревни платьяхъ, — которыя приближались къ нимъ.

— А, это мои сосѣдки, Вахрамѣевы, — сказалъ онъ,—онѣ иногда ходятъ сюда.

— Что онѣ, каковы? — спросила Анюта.

— Да вѣдь вы ихъ знаете?

— Такъ мимоходомъ, только по наружности,—замѣтила Анюта.

— Ничего! такъ себѣ—знаете, русское тѣсто, которымъ любятъ хвастаться маменьки, говоря, что умный мужъ можетъ изъ него сдѣлать, что хочетъ; а въ сущности не правда: ужь тѣсто заквашено, только не извѣстно еще, что при печеньи выйдетъ, эфирная булка, калачъ или лепешка.

Но русское тѣсто уже было близко и разговоръ долженъ былъ прекратиться.

— Здравствуйте, m-r Камышлинцевъ! — сказала старшая, здороваясь съ Камышлинцевымъ, который всталъ имъ на встрѣчу; она въ то же время успѣла вонзить взоръ въ гостей. — Извините, что мы безъ позволенія приходимъ въ ваши владѣнія.

— Ахъ, это вы!—сказала она, узнавъ Анюту Барсукову и подавая ей кончики пальцевъ.

Въ этомъ восклицаніи и самомъ рукопожатіи было все выражено, вершокъ въ вершокъ было вымѣрено то разстояніе, на которомъ должна бы стоять небогатая дворянка и на которое должна отодвинуться модистка. Благовоспитанныя барышни въ провинціи не хуже столичныхъ,—въ совершенствѣ умѣютъ разсчитать это разстояніе.

— Да, мы съ тетей заѣхали подышать сюда, — отвѣчала Анюта.

И на поклонъ тети было какъ слѣдъ отвѣчено преувеличенно-вѣжливымъ поклономъ. А меньшая въ унисонъ слѣдовала за старшей, точно онѣ были вымуштрованы, какъ танцовщицы въ кордебалетѣ.

Онѣ бы, можетъ, и не подали совсѣмъ руки Анютѣ, еслибы въ самой ихъ крови не жила уже та русская наклонность подлаживаться, которая заставляетъ иногда большаго чиновника заигрывать и фамильярничать съ столоначальникомъ другаго вѣдомства, у котораго производится дѣло по его тяжбѣ.

„Все-же она лучшая здѣсь модистка“ —думали смѣтливыя барышни.

— Что это вамъ вздумалось извиняться, — сказалъ Камышлинцевъ на ихъ слова,—тогда какъ вы ходите сюда каждое утро?

Дѣвицы нѣсколько смутились.

— Да! но мы не знали, что у васъ гости, — сказала старшая.

Это была очень миленькая и стройная блондинка, лѣтъ осьмнадцати, съ круглымъ бѣленькимъ и розовенькимъ лицомъ, мягкими и неопредѣленными, но пріятными чертами и глазами безцвѣтнаго русскаго неба, но хорошенькими; только свѣтлые волосы были жидковаты и какого-то полинялаго и затрапезнаго оттѣнка, точно платья, въ которыхъ ходятъ по страстнымъ пятницамъ, когда гости не пріѣзжаютъ и пыль и уборка идетъ по всему дому; но за то эти волоса были взбиты, какъ сливки на пирожное. Меньшая была тоже не дурна, но еще жиденькая и не совсѣмъ сложившаяся дѣвочка.

— Не хотите ли чаю? — спросилъ Камышлинцевъ, подвигая старшей свой стулъ, но другаго не было и онъ хотѣлъ пойти за нимъ.

— Нѣтъ, merci, не безпокойтесь, мы пили. — А самой ужасно хотѣлось присѣсть и сдѣлать свои наблюденія. — Я хотѣла васъ спросить: нѣтъ ли у васъ

„Revue Etrangère“ за прошедшій годъ? тамъ есть одна повѣсть, которую бы мнѣ хотѣлось прочесть.

— Нѣтъ, я подобныхъ журналовъ не выписываю— сказалъ онъ.—А вотъ изъ русскихъ, если хотите.

— Нѣтъ! Русскіе maman не позволяетъ намъ читать. Они, говорятъ... ils sont sales — и она сдѣлала гримаску, какъ будто увидала таракана въ чаю.

— Ну, а я только сальные-то и читаю, — сказалъ смѣясь, Камышлинцевъ.

— До свиданья, — сказала старшая и опять тѣмъ же порядкомъ простилась.

— Vous viendrez demain nous voir!—сказала она Камышлинцеву нарочно по французски, какъ любятъ поговорить даже и скверно говорящіе на немъ русскіе бары гдѣ-нибудь на гуляньи между писарями и маленькими чиновниками. Барышни знали, что Анюта или не говоритъ, или плохо владѣетъ симъ языкомъ салоновъ.

— Не знаю, можетъ быть, — отвѣчалъ Камышлинцевъ по-русски.

— Venez,—сказала меньшая, обертываясь и кивая ему головой.

— Можетъ быть, барышни. Можетъ быть!—повторялъ вслѣдъ имъ Камышлинцевъ, зная, что онѣ ужасно оскорбляются, когда ихъ называютъ барышнями.

— А старшее-то тѣсто не дурно,—замѣтила Анюта. — Часто онѣ васъ навѣщаютъ? — И у ней скользнула насмѣшливая и ревнивая улыбка.

— По утрамъ иногда встрѣчаемся въ саду, а вечеромъ онѣ пришли вѣроятно узнавъ, что есть посѣтительницы. Вы знаете, дѣло женское! — прибавилъ Камышлинцевъ.

Послѣ чаю они еще прошлись. Стало совсѣмъ поздно, но не было еще темно, когда Анюта съ теткой садились въ экипажъ и прощались съ Камышлинцевымъ: съ одной стороны догорала заря, съ другой поднимался мѣсяцъ, становилась свѣтлая теплая ночь: такъ-бы и не ушелъ до утра съ воздуха.

— Отлично у васъ здѣсь! — сказала Анюта, прощаясь.

— Пріѣзжайте чаще, кто же вамъ мѣшаетъ! отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Садъ всегда къ вашимъ услугамъ; а коли дадите знать, такъ и я явлюсь.

— Хорошо,—сказала Анюта.—Смотрите, я поймаю васъ на словѣ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—заключилъ Камышлинцевъ.

— Постараемся при случаѣ, — сочла обязанностью добавить съ своей стороны добрѣйшая Арина Степановна, о которой если и думала молодежь, то какъ о лишнемъ грузѣ. Но она своей сдержанностью и церемонностью нашла нужнымъ умѣрить излишнюю, какъ ей казалось, короткость обращенія Анюты.

Росинантъ двинулся—они уѣхали, а Камышлинцевъ ушелъ къ себѣ. Онъ свѣжѣе и бодрѣе принялся за работу.

VIII.

Прошло нѣсколько дней; такая же духота и жара стояли на дворѣ, такъ же тянуло Анюту подышать свѣжимъ воздухомъ Вахрамѣевскаго сада, но еще сильнѣе другое

разгоравшееся чувство влекло ее къ Камышлинцеву: она не выдержала и собралась къ нему.

— Куда ты? — спросила тетка.

— Прокатиться,—отвѣчала Анюта,—да за работой заѣду.

Еслибы Анюта и не прибавила послѣдняго обстоятельства (она дѣйствительно по пути заѣзжала къ кому-то за работой), то и безъ того Арина Степановна не двинулась бы съ мѣста; она принадлежала къ тѣмъ домовитымъ русскимъ женщинамъ, которыя потребность подышать свѣжимъ воздухомъ считаютъ праздной забавой и довольствуются движеніемъ по хозяйству въ четырехъ стѣнахъ двухъ-саженной комнаты.

Анюта не безъ смущенія сказала кучеру „въ Вахрамѣевку“ и съ біющимся сердцемъ вошла въ садъ.

Надобно замѣтить впрочемъ, что садъ этотъ былъ почти публичнымъ. Холостой помѣщикъ рѣдко жилъ въ этой деревнѣ, а когда и жилъ, то не мѣшалъ городскимъ посѣтителямъ иногда пріѣзжать въ его садъ, хотя за отдаленностью и вообще сидячестью нашего славянскаго племени этимъ дозволеніемъ пользовались довольно рѣдко. Поэтому пріѣздъ Анюты не заключалъ въ себѣ, ничего особеннаго, непривычнаго.

— Что, можно въ садъ?—спросила она больше для обрядности, чѣмъ изъ нужды, проходившую въ это время по двору ключницу и ласково ей поклонилась.

— Можно, сударыня, милости просимъ! отвѣчала та съ вѣжливостью старинной прислуги хорошаго барскаго дома.

— А Дмитрій Петровичъ дома? — нерѣшительно проговорила она.

— Дома; доложить прикажете?

— Нѣтъ,—не безпокойтесь,—я такъ только...

Но Дмитрій Петровичъ и видѣлъ проѣхавшій мимо экипажъ, и слышалъ разговоръ: въ деревнѣ все видится и слышится. Не прошло минуты, какъ Анюта заслышала за собой шаги и, оглянувшись, увидала стройную и красивую фигуру Камышлинцева.

Опять была долгая и веселая прогулка (отъ чаю Анюта отказалась), опять какъ зарево разгорался закатъ, когда она простилась съ Камышлинцевымъ, хотя мѣсяцъ еще не вставалъ и вообще было еще не поздно. Анюта опять обѣщала Камышлинцеву пріѣхать и на вопросъ его: „скоро навѣстите?“ назначила „дня черезъ два;“ но въ этотъ разъ она уѣзжала не столь довольная, не съ тѣми сладкими ожиданіями въ будущемъ. Что-то тревожное, что-то словно задѣвающее и раздражающее прибавилось къ ея чувству: она не совсѣмъ была довольна Камышлинцевымъ и начинала не совсѣмъ понимать его.

А разгадка была въ томъ, что Камышлинцевъ велъ живой, игривый, порой дѣятельный разговоръ съ Анютой, но не позволялъ себѣ перейти грань обыкновеннаго знакомства и былъ вообще сдержаннѣе. Онъ уже былъ не мальчикъ и не знающій, что дѣлать съ своею особою, молодой дармоѣдъ. Онъ видѣлъ, что ему дается легкая и пріятная побѣда. Анюта ему самому очень нравилась, нравился ему ея стройный станъ, красивое и оживленное лицо съ черными блистающими глазами, нравился ему и живой, дѣятельный и рѣшительный складъ ея ума; но... по его ясному уму не могъ не явиться вопросъ: „что же изъ этого выйдетъ“, или

лучше сказать, „что сдѣлать изъ этого“, потому что онъ зналъ, что отъ него зависитъ это „что сдѣлать“.

Камышлинцевъ не хотѣлъ лгать передъ собою, не отворачивался отъ этого вопроса и не затемнялъ его себѣ. Страсть не мѣшала ему пока вполнѣ владѣть собою и отдавать ясный отчетъ въ поступкахъ. Раздумывая часто о взаимныхъ отношеніяхъ половъ, Камышлинцевъ не былъ противъ брака, какъ основы семьи; хотя и желалъ для него большой свободы въ разрывѣ, но въ дѣлѣ любви (любовь и бракъ были для него двѣ вещи разныя), въ принципѣ, стоялъ вполнѣ за свободный союзъ любящихся: только уже примѣненіе этого принципа, по его мнѣнію, требовало много условій и не всѣ изъ нихъ удовлетворялись въ настоящемъ случаѣ. Независимый и самостоятельный характеръ Анюты какъ разъ подходилъ къ его требованіямъ: она имѣла свое дѣло, дающее ей хлѣбъ и ее занимающее; у нея достало бы вѣроятно смѣлости и силъ нести свое положеніе въ свѣтѣ, но отецъ, семья, тетка, всѣ любимые, для которыхъ острымъ ножомъ станутъ отношенія Анюты къ Камышлинцеву, что съ ними подѣлаешь? Можетъ быть, Анюта въ молодомъ порывѣ, въ горячкѣ страсти и рѣшилась бы нанести имъ этотъ тяжелый ударъ. Конечно, Камышлинцевъ могъ сказать: „какое мнѣ дѣло до ихъ понятій и до страданій, которыя они сами себѣ устраиваютъ“. Но — было ли то несовершенное отреченіе отъ старыхъ, издѣтства усвоенныхъ понятій, или просто то была сердечная доброта — только Камышлинцевъ чувствовалъ совѣстливость и нерѣшительность нанести этотъ ударъ старикамъ. Ему жаль было также поставить и Анюту въ положеніе, въ разрѣзъ идущее съ общепринятыми понятіями, въ ту

непрестанную борьбу, которая могла бы быть легка въ массѣ, тогда какъ въ-одиночку, при малѣйшей слабости, легко быть втоптанной въ грязь. Добросовѣстность подсказывала Камышлинцеву еще и другое сомнѣніе: не скрывается ли здѣсь подъ его инстинктивною совѣстливостью, кромѣ уваженія къ старымъ преданіямъ, какая-нибудь неоткрытая имъ ложь его соображенія? Онъ вѣрилъ въ какую-то врожденную правоту этого безотчетнаго чувства, которое мы называемъ совѣстливостью, вѣрилъ въ чутье ея, которое не разъ вѣрнѣе разсудка угадывало заблужденіе и останавливало его. Онъ вообще осторожно и съ строгой повѣркой относился къ тѣмъ общественнымъ привычкамъ и обычаямъ, которые часто кажутся безосновательными предразсудками. Онъ помнилъ мѣткое замѣчаніе поэта-мыслителя: „предразсудокъ—онъ обломокъ старой правды". И теперь, къ этой разборчивости прибавилось еще сомнѣніе, — правъ ли будетъ онъ, попирая въ силу своего принципа убѣжденія стариковъ. Та боль, которой поразитъ онъ ихъ, этотъ стонъ, который у нихъ вырвется, не будутъ ли вызваны дѣйствительной опасностью, которую они видятъ для своей любимой дочери, а не только страхомъ общественнаго укора, страхомъ передъ грязью и камнями, которыми будетъ кидать въ нее полное прикрытой грязи общество.

Какъ бы то ни было, но Камышлинцевъ не поддался пріятному влеченію и его сдержанность породила сомнѣніе на счетъ его чувствъ въ Анютѣ.

„Можетъ, онъ меня не любитъ?—думалось ей,—или нѣтъ ли тутъ сближенія съ Вахрамѣевой: они видятся вѣроятно каждый день!.." Припоминались ей и слова

Благомыслова: „А крѣпость только и ждетъ, когда сдѣлаютъ на нее нападеніе“. Черезъ два дни Анюта повторила посѣщеніе и опять выходилъ къ ней Камышлинцевъ: они гуляли и пили чай — только не Анюта его дѣлала, а приносили его изъ дома. Камышлинцевъ былъ съ ней проще, какъ будто короче, — иногда пристальный взглядъ его останавливался на ней и вся ея непослушная кровь кидалась ей въ голову, — но вообще опять та же сдержанность. Попробовала она заговорить о „русскомъ тѣстѣ“, какъ называла Вахрамѣевыхъ, и ничего не открыла. Камышлинцевъ отзывался такъ же непринужденно и равнодушно. И опять Анюта уѣхала съ тѣми же чувствами, и крѣпость еще нетерпѣливѣе ждала нападенія... И нападеніе послѣдовало, но совсѣмъ не съ той стороны, съ которой она ожидала его.

Тетки не было дома, когда возвратилась Анюта. Арина Степановна имѣла своихъ знакомыхъ и обзавелась новыми; большею частью это были пожилыя чиновницы, вдовицы, купчихи, живущія по близости: въ знать и въ даль Арина Степановна пускаться не любила. По вечерамъ хаживали они другъ къ другу, подчивались чаемъ и вели разговоры „по душѣ“; было въ нихъ и о божественности, и житейскаго зацѣпляли.

Анюта переодѣлась, надѣла блузу и высунулась въ окошко, выходящее въ садикъ. На дворѣ спускалась темная душная ночь. Напрасно Анюта выставляла открытую шею и обнаженныя по локоть руки: неподвижный воздухъ не освѣжалъ ихъ, а ей было душно, кровь била въ голову, мысли, какъ бредъ, неясно, но порывисто бродили въ разгоряченной головѣ, тѣло горѣло и по

временамъ пробѣгала по немъ нервная дрожь. То ей хотѣлось плакать, то безотчетная досада и зло брало ее.

Она очнулась только тогда, когда услыхала за собой голосъ Арины Степановны.

— Засидѣлась я у Анфисы Михайловны, — сказала Арина Степановна, — зажигая свѣчу; — ужь меня сынокъ ея проводилъ: старецъ у нихъ одинъ остановился и все разсказывалъ про Іерусалимъ да гробъ Господень. Заслушалась! Ну, а ты гдѣ была?

— Гуляла, — отвѣчала Анюта.

— Гдѣ, на бульварѣ, что ли?

Анютѣ было противно лгать.

— Нѣтъ, — въ Вахрамѣевку ѣздила, отвѣчала она.

— Одна? — спросила тетка.

— Одна, — отвѣчала Анюта: — вѣдь тамъ разбойниковъ нѣтъ! — Ей были досадны эти распросы тетки, да и все не по ней было сегодня.

Тетка помолчала.

— Дмитрія Петровича видѣла? — спросила тетка нѣсколько минутъ спустя, роясь въ комодѣ и не глядя на Анюту.

— Видѣла, — отвѣчала та отрывисто, по прежнему глядя въ окно.

— А Вахрамѣевыхъ не встрѣчала? И никого не было?

— Нѣтъ, не было ихъ тутъ и никого не было.

Разговоръ опять прервался.

Нечего и говорить, какъ не нравилась теткѣ свобода, которою завладѣла Анюта, и беззастѣнчивость, съ которой она пользовалась ею. Скрѣпя сердце, смотрѣла она на все это и, любя Анюту, оправдывала иногда ее

тѣмъ же, чѣмъ и отецъ: „видно время ныньче такое“, вздыхая, говорила она себѣ. Иногда ей приходило на мысль, что не было ли какого таинственнаго и правдиваго смысла въ словахъ мистика-станціоннаго смотрителя? не прошли ли въ самомъ дѣлѣ года, и не наступили ли времена? Она не догадывалась, что для нея, почти не жившей и уже отжившей, дѣйствительно прошли года съ ихъ перемѣнами, счетомъ, надеждами, ожиданіями и наступаетъ одно безразличное время...

Арина Степановна была и недовольна, что Анюта оставалась наединѣ съ „молодымъ человѣкомъ“, и довольна, что ее никто не встрѣтилъ съ нимъ. Наружность и говоръ были для нея главное. Тревожило ее и то, что Анюта начала учащать посѣщеніе Вахрамѣевскаго сада, потому что ей кухарка, какъ-бы ненарокомъ, по отъѣздѣ Анюты и на вопросъ ея, куда она уѣхала отвѣчала: „можетъ, въ Вахрамѣевку; она и этто тамъ, слышно, была“. Арину Степановну еще глубже огорчало не то собственно обстоятельство, что Анюта туда стала ѣздить, но что объ этомъ ей уже сказали другіе, „что всѣ добрые люди значитъ замѣчаютъ и говорятъ,“ — разумѣя въ этихъ словахъ подъ добрыми людьми всѣхъ, кому только вздумается на чужой счетъ языкъ точить.

И потомъ, былъ еще у ней замыселъ, который она въ заботахъ своихъ объ Анютѣ начала лелѣять. Разумѣется, первой мечтой и самой священной, хотя и тайкой, заботой ея съ самаго пріѣзда было—„пристроить“ Анюточку. Самой ей хотя и не было „судьбы“, но все-таки она считала назначеніемъ каждой дѣвушки, не посвящавшей себя Богу, соединиться въ бракѣ съ хорошимъ человѣкомъ. Вотъ этого-то хорошаго человѣка съ самаго

пріѣзда и начала разъискивать Арина Степановна. На уловленіе его она, какъ предусмотрительный паукъ, и начала немедленно по возвращеніи раскидывать паутину. Одной изъ самыхъ надежныхъ нитей этой паутины оказалась нѣкая Перепетуя. Перепетуя эта была сваха, бродячая проживалка, торговка и все, что угодно. Полюбилась она Аринѣ Степановнѣ тѣмъ, что дѣйствовала и разсуждала обстоятельно, умно, не безъ хитрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ набожно и богобоязненно, хотя эта богобоязненность не мѣшала ей при случаѣ и молодымъ людямъ услужить. Молодежь Перепетуя любила и вообще гуманно относилась къ житейскимъ слабостямъ. Вотъ эта-то Перепетуя и сообщила ей, что „объявился“ хорошій человѣкъ, который бы не прочь былъ жениться на Анютѣ.

Объявившійся человѣкъ, надворный совѣтникъ Кондаковъ, былъ дѣйствительно человѣкъ не дурной. Это былъ обстоятельный среднихъ лѣтъ чиновникъ, изъ породы тѣхъ благоразумныхъ Ѳедей, которыхъ выставляютъ въ примѣръ въ дѣтскихъ повѣстяхъ. Рано остался онъ полусиротой съ вдовой матерью, хорошо учился въ гимназіи, но въ университетъ не пошелъ, потому что средствъ не было да и крайности въ томъ не видѣлъ; поступилъ на службу и былъ исправнымъ и ловкимъ чиновникомъ, жениться же онъ по благоразумію не спѣшилъ. „Надо, маменька, сначала гнѣздо устроить“, говорилъ онъ приставашей къ нему матери, и когда гнѣздо въ видѣ мѣста совѣтника было дано ему за усердіе, услужливость и почтительность, то онъ сталъ подумывать и о женитьбѣ. И тутъ онъ выказалъ себя человѣкомъ хорошимъ и благоразумнымъ. На купчихъ съ приданымъ онъ не за-

рился: „была бы хорошая да приличная дѣвушка:— говорилъ онъ,—а съ голоду не умремъ". И вотъ, когда Анюта переѣхала въ городъ и онъ увидалъ ее, она ему понравилась. Понравилась и лицомъ, и развитостью, и дѣятельностью. Какъ смѣтливый человѣкъ, онъ замѣчалъ, что вѣтеръ не въ ту сторону дуетъ, чтобы чиновницы только о свѣтскихъ приличіяхъ думали и въ аристократію лѣзли (по провинціальнымъ понятіямъ, къ аристократіи принадлежали всѣ предсѣдатели присутственныхъ мѣстъ и выше), а что запросъ усиливается на женщинъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ, и онъ остановилъ свой выборъ на Анютѣ.

Вотъ объ этомъ-то объявившемся человѣкѣ и лелѣяла сокровенную мечту Арина Степановна, хотя она знала, какой отпоръ встрѣтитъ въ своей „характерной племянницѣ".

Она уже не разъ слегка и какъ-бы шутками заводила рѣчь, и намекала, что вѣдь вотъ женихъ хорошій, а потомъ объявила, что и сватается; но получила рѣшительный короткій отказъ.

Объ этомъ же предметѣ, но уже болѣе серьезно, рѣшилась, въ виду опасности отъ Вахрамѣевскаго сада, переговорить теперь Арина Степановна.

— А ко мнѣ Перепетуя Ивановна сегодня заходила послѣ обѣда,—сказала она, кончая ужинъ, который ей собрала кухарка Арина Степановна, не поужинавъ, не ложилась: у ней сна не было безъ ужина.

— Ну, что жъ она вамъ наговорила?—спросила Анюта.

— Что наговорила?.. она женщина не вѣтреная, по пустякамъ не любитъ болтать! — возразила, нѣсколько обидѣвшись, Арина Степановна.

Анюта промолчала.

— Опять она объ этомъ человѣкѣ, о Кондаковѣ рѣчь заводила,—сказала немного погодя Арина Степановна.

Анюта снова не отвѣчала.

— Отвѣта, говоритъ, онъ рѣшительнаго ожидаетъ.

— Какой же ему еще отвѣтъ? — спросила Анюта холодно. — Я, кажется, довольно опредѣленно сказала, что не думаю замужъ выходить!

— Да какой же это отвѣтъ, Анюта:—вытирая ротъ салфеткой и складывая ее, сказала Арина Степановна.— Вѣдь въ такомъ дѣлѣ надо обстоятельно говорить. Вѣдь хорошіе женихи на улицѣ не валяются. Какъ же отказывать человѣку, не зная его?

— Да поэтому и отказываю, что не знаю его,—отвѣчала Анюта.

— Ну, посмотри, коли не знаешь, ознакомься. И Перепетуя Ивановна справедливо говоритъ: какъ же браковать человѣка, почти не видавши его! какой же, говоритъ, она въ немъ недостатокъ видитъ? нельзя же, говоритъ, такую мараль на человѣка безъ причины класть?

— Ахъ, тетя! да никакой марали я на него класть не хочу! — сказала Анюта съ лѣнивымъ упрекомъ.— Сказали бы вы ей просто, что не хочу я за него замужъ выходить и знакомиться съ нимъ не хочу, потому что пойду за того только, кого полюблю, а его я не люблю и не полюблю никогда.

Арина Степановна вмѣсто отвѣта прокашлялась.

— Аксинья, убери ужинъ, — сказала она, какъ-бы приготовляясь къ чему-то важному. Бѣдная Арина Степановна и не замѣтила, что не съѣла половины своего обычнаго ужина.

Пока кухарка убирала со стола, тетка молчала.

Отпустивъ и давъ ей время удалиться, Арина Степановна снова начала:

— Ты думаешь, я не умѣла передать ей твоихъ словъ?—сказала она, нѣсколько обидѣвшись.—Говорила всѣ твои резоны. А знаешь, — прибавила она таинственно,—что мнѣ отвѣтила Перепетуя Ивановна? „Что же, — говоритъ, — значитъ она любитъ кого-нибудь? значитъ уже есть у нея человѣкъ на примѣтѣ, коль она моего такъ, не видавъ, бракуетъ и напередъ говоритъ, что не полюбитъ!“ Она меня такъ и срѣзала,—прибавила Арина Степановна, и такимъ убитымъ голосомъ, что легко было повѣрить, что она дѣйствительно срѣзана.

— Чѣмъ же это она васъ срѣзала, тетя? — спросила Анюта, оставляя окно и обратившись къ теткѣ.— А вы бы ей и сказали: „Да, молъ, можетъ, и любитъ!.. Камышлинцева, Дмитрія Петровича, кажется, любитъ!“

Этотъ отвѣтъ Анюты срѣзалъ Арину Степановну еще больше, чѣмъ замѣчаніе Перепетуи, и тѣмъ сильнѣе, что не знала она, явился ли тутъ Камышлинцевъ для примѣра, или въ самомъ дѣлѣ племянница любитъ его? Подозрѣнія объ этомъ уже шевелились въ головѣ Арины Степановны.

— Что ты, Анюта? въ своемъ ли умѣ? — спросила она съ ужасомъ. — Какъ же это я-то, я, твоя тетка, что на рукахъ своихъ тебя вынянчила, да такія вещи про тебя разсказывать буду?.. Господь съ тобой!.. что ты это говоришь?.. Что же послѣ этого о насъ подумаютъ!

— Да какое же мнѣ дѣло до того, что эта шленда обо мнѣ подумаетъ? — сказала Анюта горячо. — Ну, пусть она будетъ говорить, что я люблю: какое и мнѣ, и вамъ горе отъ этого? Какое намъ горе оттого, что какая-нибудь Перепетуя будетъ думать, что я влюблена?

— Ахъ, Анюточка, да вѣдь ей языкъ не завяжешь! Она вездѣ слоняется и вездѣ будетъ разсказывать.

— Ну, и пускай будетъ разсказывать!

— Да вѣдь ей повѣрятъ!

— Ну, и пусть повѣрятъ! что же тутъ страшнаго? Вѣдь это вы сами себѣ, тетя, пугало-то устроиваете! — Арина Степановна была совершенно поражена подобной логикой.

— Какъ, что же, Анюточка?.. Господь съ тобой! Да развѣ хорошо, когда про дѣвушку будутъ говорить, что она влюблена?.. Да кто же послѣ этого за нее присватается? Неужто въ дѣвкахъ сидѣть, пока любимый-то не возьметъ за себя. Будто безъ любви нельзя вѣкъ прожить? Не любовь нужна для семейнаго счастія, а миръ и согласіе.

— Хорошо, тетя, — сказала Анюта, — выйду и отдамся я безъ любви, ну и проживу, да чѣмъ же я жизнь-то вспомяну? Вѣдь это значитъ продать себя!.. Развѣ это хорошо? честно? Да и изъ-за чего мнѣ себя-то продавать? вѣдь кусокъ хлѣба есть у меня, слава Богу!

Но Арину Степановну не сбили эти возгласы. У нея самой былъ сильный аргументъ, къ которому не охотно, но рѣшилась она прибѣгнуть.

— Эхъ, Анюточка! не знаешь ты, что значитъ въ дѣвкахъ вѣкъ скоротать, — сказала она, вздохнувъ. — Развѣ у меня искушенья-то не было? Вѣдь и я была

молода и такъ же, какъ ты, думала! Изъ себя въ свое время тоже была не дурна! и около меня женихи ухаживали и присватывались, да тотъ не милъ, другой не хорошъ; а тятенька любили меня и не неволили. Я все и не выходила, ждала милаго да хорошаго, вотъ какъ ты, ну, и дождалась!

Голосъ задрожалъ при этомъ у Арины Степановны, и она пріостановилась, а Анюта сквозь тѣнь полусвѣта замѣтила, какъ легкая краска облила и безъ того румяное и круглое лицо тетки.

— Ну, что жъ, тетя?—приподнявъ голову, спросила Анюта.

Въ Аринѣ Степановнѣ совершалась, кажется, какая-то борьба. Она встала, потолкалась по комнатѣ, попоправила лежавшія совершенно у мѣста вещи и потомъ сѣла къ другому открытому окну, какъ будто для свѣжаго воздуха, предварительно такъ пареставивъ свѣчу, что вся оставалась въ тѣни.

— Ну, ужъ видно приходится разсказать тебѣ, Анюточка, въ чемъ я отроду никому не сознавалась, да и теперь совѣстно какъ-то разсказывать, — точно грудь постороннему человѣку открывать! Никому я не жаловалась на свое житье, кромѣ царицы небесной, и никто про него не знаетъ, а тебѣ теперь въ назиданье разсказать должна.

Арина Степановна высморкалась и, вынувъ маленькую табакерочку, понюхала табаку: она начала пристращаться къ нему, хотя еще скрывала отъ постороннихъ сію послѣднюю отраду и признакъ старыхъ дѣвъ.

— Тятенька жилъ тогда въ управляющихъ у генерала одного,—начала Арина Степановна,—а возлѣ насъ

жилъ графъ, и жилъ какъ царекъ; пышностью-то говорятъ, онъ гордость свою хотѣлъ удовлетворить, потому что жилъ при дворѣ въ большомъ званіи, а потомъ въ опалу попалъ. Сынъ у него былъ, учился гдѣ-то за границей и въ Петербургѣ по иностранной части служить опредѣлился. Старикъ-то и умеръ. Молодой графъ пріѣхалъ, сталъ дѣла въ порядокъ приводить, и видитъ, что просто чуть не разоренъ. Онъ тятеньку и пригласилъ въ управляющіе, такъ какъ они въ славѣ были, что хорошо управляютъ. Выгодныя условія предложилъ, а генералъ что-то зазнался. Тятенька и поступили къ графу и самъ онъ остался въ имѣніи: „Надо говоритъ, съ годъ поэкономничатъ да отдохнуть“. Вотъ живемъ мы въ одномъ дворѣ, ну и стали встрѣчаться то въ саду, то гдѣ... Скучно графу-то стало, вотъ онъ катанья завелъ да прогулки, всегда насъ зоветъ, вмѣстѣ мы да вмѣстѣ... и понравился онъ мнѣ! Да и какъ было не понравиться, не только мнѣ, деревенской дѣвочкѣ, а хоть кому: изъ себя красивый, брюнетъ этакой былъ и ловкій, усики маленькіе, чуть пробивались, одѣтъ всегда, какъ на картинкѣ, и какъ я себя ни останавливала, какъ ни разувѣряла, что не пара онъ мнѣ, а не сладила таки съ сердцемъ! Ну, тоже молодость, кровь-то играла тоже!.. — Арина Степановна вздохнула и нѣсколько смутилась.

— Скрывала я свою любовь, сколько могла, — продолжала она, — виду старалась не подать, только замѣчаю, что и я графу начинаю нравиться... Дальше да дальше... повелъ онъ меня разъ въ оранжерею, — чудесныя были такія оранжереи, — да и объяснился. Весна начиналась и левкои тогда тамъ цвѣли, — и до сихъ

поръ я ихъ запаха равнодушно слышать не могу!.. прибавила она и замолчала.

— Ну, тетя?—сказала Анюта.

— Ну, что!—вздохнувъ, снова продолжала Арина Степановна;—какъ изъяснился онъ мнѣ, такъ у меня сердце за сердце зашло! Однако оправилась я и говорю ему: „Какая же, говорю, я, графъ, вамъ пара? Я ли вамъ чета?“ —Ну ужъ, объ этомъ мнѣ разсуждать,—говоритъ.—Я гляжу на него и ушамъ своимъ не вѣрю, и точно свѣтъ мнѣ какой новый открывается. Только, говоритъ, я теперь разумѣется не могу жениться, потому что мнѣ еще, говоритъ, въ посольство съѣздить надо, да говоритъ, времени еще много у насъ впереди: и я, и вы еще молоды.—Я это выслушала. Только и сталъ онъ меня къ любви склонять.—Арина Степановна выговорила это потупясь, хрипло и потомъ прокашлялась.—Однако, какъ я ни любила графа, а въ такихъ строгихъ правилахъ была воспитана, что и думать о томъ не смѣла, и какъ онъ ко мнѣ не приставалъ, однако я себя соблюла. И длилось это вплоть до осени.—„Мучительница, говоритъ, Ирина, ты моя!“ Онъ меня Ириной звалъ. Да такъ и слѣдуетъ правильно!—замѣтила она какъ-то обиженно:—ужь это мы у мужиковъ переняли Ариной-то звать!

— Зоветъ онъ меня мучительницей,—продолжала Арина Степановна,—а самъ не знаетъ, чего стоила мнѣ жестокость моя. Иной разъ убѣжишь отъ него, да и не знаешь: въ воду ли броситься, къ нему ли воротиться! а ночью—вотъ тоже грѣхъ!—схватишь себя за голову, да и думаешь:—Господи, что же это я дѣлаю: спасаю, или гублю себя. Вотъ до какихъ мыслей

доводила любовь-то, а онъ же попрекаетъ! И этакъ-то мѣсяца три мучилась я!.. И вотъ она, жизнь-то безсемейная, безрадостная, что это время мученій-то моихъ было мое самое лучшее время, и я... до сихъ поръ... вспомнить его не могу...

Голосъ у Арины Степановны перервался, она вдругъ смолкла и стала пристально глядѣть въ садъ. Анюта встала, тихо подошла къ теткѣ и молча обняла ее.

Когда та обернулась, Анюта увидала, что все ея лицо было въ слезахъ.

— Глупость какая! — сказала Арина Степановна, засмѣясь и отирая слезы.—А оттого все, что никогда я не говорила никому этого!

Когда она оправилась, Анюта припала къ ея плечу, какъ въ дѣтствѣ привыкла она припадать, когда слушала, какъ тетя разсказывала сказки или пѣла тихія пѣсенки (Арина Степановна очень любила пѣсни, и теперь, сидя одна за работой, пѣвала ихъ), и, заглядывая ей въ лицо, сказала:

— Ну, тетя?

— Да что, голубчикъ! — печально продолжала тетка.—Прошло лѣто, собрался мой графъ и уѣхалъ: „Ну, говоритъ, Ирина, Богъ съ тобой!“ недоволенъ онъ мною остался. Такъ уѣхалъ, да съ тѣхъ поръ какъ въ воду и канулъ! Тятенька купили здѣсь имѣньице и переѣхали сюда, а съ графомъ и сношенія всѣ прекратилъ. Слышала я послѣ, что женился онъ на какой-то танцоркѣ! — съ горечью прибавила Арина Степановна.

— Вотъ и началось для меня тяжелое дѣвичье житье,— помолчавъ, продолжала она. — Сперва-то и навертывались женихи, да у меня все графъ еще изъ ума не вы-

ходилъ (ну скоро ли послѣ него чиновникъ какой или дворянчикъ мелкій понравится!), а потомъ, какъ угаръ-то прошелъ, и жениховъ-то нѣтъ! Развѣ много охотниковъ найдется на безприданную-то нашу братью, а тятенька кромѣ носильнаго ничего не давалъ, да и не могъ дать; у него насъ-то было пятеро! Я-то старшая, года-то уходили, коль и навернется кто, все около молоденькихъ. Вотъ тутъ-то, голубчикъ, — вздохнувъ и понизивъ голосъ, продолжала Арина Степановна,—тутъ-то глупость-то нашу дѣвичью и узнала я. Жили мы безбѣдно и послѣ смерти батюшки; братецъ и жена его, твоя покойница мать.... вспышка была, какъ ты же, а меня любила.... ну и вторая его жена, какъ ты видишь, тоже—всѣ, дай Богъ имъ здоровья, а твоей матушкѣ царствія небеснаго! (Арина Степановна перекрестилась), всѣ успокоивали меня, а все жизнь не въ жизнь! Ни у меня впереди, ни у меня позади: день-то тянется, тянется, ночью-то ворочаешься, ворочаешься, да мысли это разныя; ну, ужъ теперь разумѣется отжила я мою-то молодость, а тогда—ахъ тяжело было! И этакъ-то недѣли да мѣсяцы, да годы, и все ждешь чего-то, ждешь— и все нѣтъ ничего да нѣтъ, и не приведи Богъ! И не вѣрь ты, Анюточка, коль тебѣ какая-нибудь изъ нашей братьи будетъ говорить, что ей все равно, что де безъ мужа-то покойнѣе: покой-то этотъ, голубчикъ, хуже смерти! Ну, развѣ тамъ какая болѣзненная или Богомъ пришибенная — такъ можетъ и точно покойнѣе, а здоровой-то все думается, все думается, что же де это, жила я на бѣломъ свѣтѣ и жизни не вѣдала, божескій законъ не исполнила, не знаю, что значитъ милаго приласкать, что значитъ дѣтей возростить!—Вотъ до чего

дурь-то доходитъ, голубчикъ!—замѣтила Арина Степановна, перемѣнивъ тонъ:—что, лѣтъ восемь назадъ, ты чай помнишь, ужь мнѣ подъ сорокъ было, становой за меня присватался: старый, рябой, бочка бочкой, а ужъ пьяница—не носи ты, мать сыра земля! Такъ я за него было пошла! Да; ужъ и братецъ меня отговаривалъ, такъ нѣтъ, совсѣмъ было рѣшилась! — Подлинно ужь говорятъ: крѣпилась кума, да рехнулась ума! — прибавила подсмѣиваясь Арина Степановна. — Да на мое счастье опился, спасибо. Такъ вотъ, голубчикъ, дѣвичье-то житье да разборчивость, да какъ не на свою-то ровню заглядишься!—Арина Степановна вздохнула и смолкла.

Анюта по прежнему лежала головой на ея плечѣ.

— Тетя, — сказала она, немного погодя, тихо и мягко,—а не жалѣете ли вы иногда, что были... жестоки къ графу?—и она ласково и пытливо заглянула въ глаза тетки.

Арина Степановна быстро отстеронила ея голову и встала, словно она боялась пытливаго взгляда племянницы.

— Что это ты говоришь, Анюточка, Богъ съ тобой, какъ же это можно!—сказала она нѣсколько обиженно.— Конечно, иной разъ чего въ голову не взбредетъ, но все-же грѣшно допускать въ себѣ такіе помыслы!

Анюта помолчала.

— Ну, что же, тетя, выходитъ изъ всего этого?— сказала она, тоже вставая. — За нелюбимаго выдти— себя продать, выдти потому только, что нестерпимо въ дѣвкахъ оставаться, еще хуже, а любимый-то иногда не хочетъ жениться... что же дѣлать-то?

Арина Степановна обернулась къ Анютѣ, посмотрѣла на нее, какъ-бы что-то соображая, и вдругъ, догадав-

шись, что она своей исповѣдью, которая такъ ей дорого стоила, ничего не доказала или доказала совсѣмъ не то, что хотѣла, съ досадой сказала:

— Что это, Анюта, на все у тебя распросы да затрудненія? И все у тебя выходитъ не такъ да не по людски! все умнѣе людей хочешь быть! А надо дѣлать такъ, какъ на свѣтѣ дѣлается. Коль дѣвка въ порѣ да сватается за нее хорошій человѣкъ, такъ и выходить за него.

— Ну, хорошо, тетя, не сердись!—сказала Анюта, улыбаясь; поцаловала еще хмурящуюся тетку и пошла въ свою комнату.

— Анюта! Анюточка!—сказала Арина Степановна, подходя къ ея двери и вкрадчиво понизивъ голосъ.— А что ты давича мнѣ о Дмитріи-то Петровичѣ, такъ что ли это, для примѣра упомянула, или ужъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ли у васъ чего?..

Анюта обернулась къ теткѣ головой.

— Нѣтъ, тетя, успокойся, нѣтъ ничего у насъ!— сказала она; и Аринѣ Степановнѣ показалось, что въ этомъ отвѣтѣ было больше жалобы на то, что ничего нѣтъ, чѣмъ успокоенія.

— То-то, мой другъ, то-то, — сказала тетка ласково.—Слова нѣтъ, прекрасный онъ человѣкъ, Дмитрій Петровичъ, да не женихъ тебѣ, Анюточка, не женится вѣдь онъ! А дѣвичье-то сердце вѣдь какъ порохъ... Ну, Господь съ тобой, спи! Я это такъ только...—прибавила она въ видѣ извиненія, замѣтивъ, что Анюта, не оборачиваясь, начала раздѣваться и была какъ будто недовольна ея предостереженіями. Она знала, что Анюта до нихъ не охотница. — Охъ молодость! моло-

дость!—притворяя двери, вздохнувъ проговорила Арина Степановна.

И задумчивая, безпокойная, опустила она окно, обернулась къ образу и усерднѣе обыкновеннаго начала свою молитву на сонъ грядущихъ.

IX

У Мытищевой родился сынъ. Это обстоятельство сблизило на время—если не любовью, то чувствомъ дружбы и общей связи—Камышлинцева съ Ольгой. Онъ почти цѣлые дни проводилъ у выздоравливающей и Анюта не видала его. А между тѣмъ Велико-Өедорскъ не былъ обойденъ эпидеміей пожаровъ. Въ городѣ было два пожара, одинъ вскорѣ послѣ другаго; распространился слухъ о поджогахъ и были подкидываемы безграмотныя письма съ угрозами. Въ назначенный ими день, дѣйствительно нашли тлѣющія тряпки, позади одного каретника; тогда мѣстная общественная дѣятельность встрепенулась, начались совѣщанія, приняты были мѣры осторожности, заведены обходы и строгіе караулы. Проницательные умы связали эти пожары съ политическимъ броженіемъ, и въ средѣ русскаго, такъ называемаго просвѣщеннаго класса, преимущественно у здоровенныхъ и подвизавшихся дотолѣ въ клубахъ и трактирахъ тридцатилѣтнихъ дѣятелей съ неудержимой силой — началъ проявляться тотъ сортъ извѣстнаго намъ патріотизма, который въ благородномъ порывѣ любитъ заушить какого-нибудь пришибеннаго судьбой жида, а иногда и беззащитную женщину, вывести изъ собранія особу не-

дворянскаго званія, отправить въ полицію гуляющую безъ кринолина дѣвицу или наусьмать толпу на поляка, студента или вообще на какую угодно не понравившуюся личность.

Дремавшее озлобленіе противъ Камышлинцева, въ помѣщичьемъ классѣ, огорченномъ равнодушіемъ начальства къ его жалобамъ, почерпнуло въ настоящихъ обстоятельствахъ новую пищу. Про Камышлинцева стали ходить намеки, что онъ глава мѣстной шайки политическихъ злоумышленниковъ и, какъ неопровержимое тому доказательство, приводили переѣздъ его въ уединенное и безопасное отъ наблюденія и городскихъ пожаровъ мѣсто; были въ ходу и другія подобныя доказательства. Хотя ни купечество, ни мѣщанство, знавшіе Камышлинцева, подобнымъ вещамъ не вѣрило, да и само начальство, въ лицѣ начальника губерніи, было увѣрено, что все это вздоръ, но какъ нѣтъ такой клеветы, отъ которой бы не осталось какихъ-либо послѣдствій, то, отвергая съ благороднымъ негодованіемъ возможность участія Камышлинцева въ такихъ преступленіяхъ, какъ поджоги, Нобелькнебель, зная мнѣнія и петербургскія знакомства Камышлинцева,—подумывалъ, что, можетъ, онъ и не безъ грѣха въ политическомъ отношеніи, и что, во всякомъ случаѣ, пользуется опасною популярностью между молодежью и вообще человѣкъ не совсѣмъ благонадежный. Ему было не извѣстно, что нѣкоторые изъ этой молодежи считали Камышлинцева отсталымъ и устарѣвшимъ.

Около этого времени оффиціальный міръ города Велико-Ѳедорска, кромѣ своихъ обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, по тому времени, заботъ, былъ нѣсколько

взволнованъ пріѣздомъ въ городъ значительнаго сановника Темрюкова.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ многочисленныхъ орденовъ, Темрюковъ принадлежалъ къ тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, о великихъ заслугахъ и даже существованіи которыхъ удивленное отечество узнаетъ впервые изъ некролога. Темрюковъ занималъ весьма почетное и съ большимъ жалованьемъ мѣсто (наши аристократы, оставаясь вѣрными наслѣдственнымъ преданіямъ, не прочь отъ хлѣбныхъ или съ большимъ жалованьемъ мѣстъ). Онъ обладалъ огромнымъ и сильно разстроеннымъ состояніемъ и хотя тонулъ въ массѣ петербургскихъ сановниковъ (въ Москвѣ онъ былъ бы непремѣнно звѣздой первой величины, и къ нему по праздникамъ независимые люди считали бы обязанностью пріѣзжать съ поздравленіями), но все-таки, благодаря связямъ, имени и состоянію, имѣлъ, если не въ дѣлахъ, то между собратіями, своего рода значеніе. Таковъ былъ сановникъ, своимъ появленіемъ всколыхавшій чиновничью и—какъ богатый аристократъ—дворянскую волну.

Извѣстно, что правительство, озабоченное волненіями, почти повсемѣстно возникшими съ введеніемъ преобразованій въ заводскомъ населеніи, приглашало въ это время владѣльцевъ самихъ побывать на своихъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ими заводахъ. Мѣра эта оказалась весьма полезной, потому что многіе заводовладѣльцы, увидавъ истинное положеніе вещей, сдѣлали для своихъ крестьянъ уступки, на которыя не имѣли права, а иногда и охоты ихъ управляющіе.

Вслѣдствіе этого же приглашенія и запутанности заводскихъ дѣлъ посѣтилъ свои имѣнія и Темрюковъ.

*

Онъ возращался недовольный и разстроенный. Сказать по правдѣ, и было отъ чего. Положеніе нашихъ заводовъ могло бы возбудить въ обыкновенное время желчь даже и въ постороннихъ, а въ ту пору, и особенно у самихъ владѣльцевъ, оно могло расшевелить ее весьма основательно. Управляющій Темрюкова, изъ его же бывшихъ крѣпостныхъ, ловкій и уклончивый съ помѣщикомъ и деспотъ съ крестьянами, протоканалья, какихъ только въ состояніи воспитать одно основанное на шпіонствѣ и доносахъ канцелярское управленіе заводовъ, былъ великій мастеръ, если не въ управительскомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ интригахъ и угодничествѣ. Разумѣется, онъ всѣ безпорядки свалилъ на реформу, на истолкованіе и примѣненіе ея губернскимъ присутствіемъ, на буйство и неблагодарность крестьянъ.

Темрюковъ охотно раздѣлялъ симпатіи и антипатіи управляющаго, и потому повѣрилъ даже и неблагодарности нищенствующихъ крестьянъ, однако, все-таки, для острастки напудрилъ управляющаго во всю барскую и генеральскую мочь, и — нашелъ нужнымъ сдѣлалъ крестьянамъ нѣкоторыя уступки. Сдѣлалъ онъ ихъ, по своей сановнической привычкѣ, нехотя, не полно, и потому только, что для своихъ же выгодъ нельзя было ихъ не сдѣлать, а дѣла тѣмъ поправилъ мало. Однако уѣхалъ недовольный, считая себя либераломъ и благодѣтелемъ крестьянъ, а ихъ неблагодарными негодяями.

Въ такомъ расположеніи духа, отчасти проѣздомъ, отчасти для того, чтобы лучше лично устроить нѣкоторыя дѣла, пріѣхалъ Темрюковъ въ Велико-Ѳедорскъ.

чины явились ему; держась пословицы „честь лучше безчестья“, сочли нужнымъ представиться и члены губернскаго присутствія отъ дворянъ.

Темрюковъ оказался не высокаго роста, полненькимъ, кругленькимъ старичкомъ, весьма щепетильнымъ, приглаженнымъ и приличнымъ. Сановникъ въ немъ выказывался въ нижней губѣ, которая весьма выпячивалась впередъ; когда онъ слушалъ чиновника, то накладывалъ эту губу на верхнюю, что придавало ему очень глубокомысленный и таинственный видъ.

— А гдѣ у васъ тутъ есть господинъ Камышлинцевъ, покровитель крестьянъ и гонитель нашего брата, бѣднаго помѣщика?—спросилъ Темрюковъ по окончаніи представленій.

Нобелькнобель нѣсколько смѣшался и сказалъ, что зять его, Мытищевъ, боленъ (онъ дѣйствительно былъ боленъ), а Камышлинцевъ вѣроятно не зналъ о пріѣздѣ его высокопревосходительства, а то бы конечно представился ему.

— Зачѣмъ же! Помилуйте! они развѣ господа служащіе, или представители дворянства?—сказалъ Темрюковъ, указывая на присутствующихъ;—они вѣдь на особомъ положеніи: чиновъ не получаютъ, да кажется и не признаютъ,—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

Нобелькнебель пригласилъ Темрюкова откушать, и сказалъ, что если ему угодно, то онъ у себя представитъ его высокопревосходительству Камышлинцева.

— Весьма будетъ пріятно познакомиться,—отвѣчалъ съ ироніей Темрюковъ.

Камышлинцевъ получилъ пригласительную записку отъ Нобелькнебеля и отправился на обѣдъ. Тамъ уже узналъ

онъ о бывшемъ на представленіи разговорѣ, и пожалѣлъ, что не зналъ этого ранѣе: онъ бы вѣроятно лишилъ себя удовольствія новаго знакомства...

Впрочемъ, Темрюковъ былъ очень любезенъ съ Камышлинцевымъ, котораго представилъ ему губернаторъ.

— Очень пріятно познакомиться, — сказалъ, пожимая ему руку, Темрюковъ. — Но не знаю, пріятно ли господину Камышлинцеву это знакомство? вы, говорятъ, не очень любите нашу братью, помѣщиковъ? — и онъ пріятно улыбнулся.

— До васъ дошли невѣрные слухи,—отвѣчалъ Камышлинцевъ, въ свою очередь пріятно улыбаясь: — я самъ имѣю удовольствіе принадлежать къ помѣщикамъ и очень этимъ доволенъ; слѣдовательно не любить этотъ классъ не могу.

— Ну, теперь трудно быть довольнымъ нашимъ положеніемъ,—замѣтилъ Темрюковъ, и сталъ жаловаться. Всѣ выразили глубокое сочувствіе горькому положенію его высокопревосходительства, и каждый, чтобы подтвердить справедливость словъ сановника, поспѣшилъ тоже съ своей стороны пожалобиться; при чемъ директоръ гимназіи, не имѣя въ своемъ владѣніи никакого имѣнія, кромѣ гимназіи, пожалобился на то, что не выходятъ новые штаты.

Обѣдъ прошелъ очень пріятно, и сановникъ очаровалъ всѣхъ любезностью своего обращенія, но чаще, нежели къ другимъ, обращался, заигрывая разговоромъ, къ Камышлинцеву.

„Совсѣмъ какъ простой человѣкъ!“ — говорили про него очарованные собесѣдники другъ другу, — „и не видать, что сановникъ“.

Можетъ быть такъ бы и случилось, что очарованные почти вовсе бы не увидали сановника, соблаговолившаго спрятаться въ скорлупу простаго смертнаго, если бы не случилось небольшаго казуса.

Послѣ обѣда всѣ вышли на террасу и болѣе смѣлые, по примѣру именитаго гостя и приглашенію хозяина, даже закурили. Извѣстно, что послѣ хорошаго обѣда человѣкъ дѣлается добрѣе и мягче. Въ этомъ пріятномъ настроеніи находился и Темрюковъ и счелъ нужнымъ поблагодушествовать. Во второй разъ упомянувъ объ уступкахъ, которыя сдѣлалъ заводскимъ рабочимъ, онъ снизошолъ даже до того, что началъ описывать, какъ въ самомъ дѣлѣ стало тяжело положеніе бѣднаго заводскаго крестьянина послѣ освобожденія, и подтвердилъ это примѣромъ собственныхъ крестьянъ, которые благоденствовали, когда принадлежали ему, а на волѣ чуть не стали умирать съ голоду.

— Я очень радъ, что вы въ этомъ убѣдились, — сказалъ Камышлинцевъ. — Это мнѣ позволяетъ надѣяться, что вы не откажете въ ходатайствѣ и заступничествѣ за тѣхъ изъ вашихъ крестьянъ, которые сидятъ теперь въ острогѣ: они уже и такъ наказаны двухмѣсячнымъ заключеніемъ.

Лицо Темрюкова потеряло благодушное выраженіе, но осталось пріятнымъ.

— Прошу извинить!—сказалъ онъ вѣжливо;—при всемъ желаніи я помочь имъ не могу. Не въ моихъ правилахъ заступаться за бунтовщиковъ.

— Какіе же они бунтовщики,—возразилъ Камышлинцевъ,—когда вы сами находите, что положеніе ихъ было невыносимо и они добивались насущнаго хлѣба!

— Проси, а не добивайся!—внушительно замѣтилъ Темрюковъ.

— Да они и просили,—отвѣтилъ Камышлинцевъ;— что же имъ дѣлать, если отказали?

— Такъ вы находите, что когда просьбы не уважаютъ, то надо бунтовать?—съ пріятной и нѣсколько ядовитой улыбкой спросилъ Темрюковъ.—Весьма интересно видѣть агента правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ, который держится такого мнѣнія! — прибавилъ онъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ вчужѣ смутились, иные, улыбаясь, посматривали на Камышлинцева, какъ бы говоря: „Что, братъ, попался!“

Камышлинцевъ чувствовалъ, что онъ нѣсколько покраснѣлъ.

— Я до сихъ поръ полагалъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ, — что съ точки зрѣнія правительства, особенно въ нынѣшнемъ его направленіи, голодные, которые просятъ ѣсть, называются голодными, а не бунтовщиками.

— А я полагаю и, надѣюсь, мнѣ это нѣсколько ближе извѣстно, что при прежнемъ правительствѣ, и нынѣ еще, слава Богу, бунтовщики называются бунтовщиками! — отвѣтилъ уже безъ пріятной улыбки Темрюковъ.—И потомъ, вы все говорите: голодные... Да кто жъ, позвольте узнать, ихъ сдѣлалъ голодными, какъ не правительство? Когда они были мои, такъ были сыты. Ну, а за то—воля дана! Хороша воля, коль ѣсть нечего...

— Если въ такомъ огромномъ дѣлѣ и есть упущенія, то они, конечно, будутъ исправлены,—сказалъ Ка-

мышлинцевъ.—Но во всякомъ случаѣ весьма интересно видѣть одного изъ высшихъ правительственныхъ лицъ, которое такого мнѣнія объ одной изъ его величайшихъ реформъ! — сказалъ Камышлинцевъ съ пріятной улыбкой.— „На же тебѣ назадъ, старая крыса!“—думалъ Камышлинцевъ, глядя въ лицо Темрюкова.

Лицо Темрюкова нѣсколько вытянулось, пріятные глаза вдругъ сдѣлались оловянными и нижняя губа зловѣще накрыла верхнюю:

— Насъ не спрашивали при обсужденіи этой мѣры,—сказалъ Темрюковъ:—тамъ сидѣло много господъ одинаковаго, кажется, съ вами мнѣнія; отъ этого оно и вышло такимъ, какъ есть. Я это говорю вездѣ, не стѣсняясь, и повторю по возвращеніи въ Петербургъ, и надѣюсь, что меня услышатъ, — добавилъ онъ внушительно, — когда ходъ вещей доказываетъ, что мы правы.—Что у васъ, я слышалъ, пожары?—спросилъ онъ, отворотясь отъ Камышлинцева и обращаясь къ Нобелькнебелю.

Нобелькнебель поспѣшилъ доложить, что хотя и были признаки, но благодаря принятымъ энергическимъ мѣрамъ... при горячемъ общественномъ участіи,—прибавилъ онъ, указывая на гостей,—все, слава Богу, утихло.

Камышлинцевъ, пользуясь перемѣной разговора, всталъ и вышелъ.

— Заносчивый молодой человѣкъ,—замѣтилъ сановникъ.—Слишкомъ они нынче голову подымаютъ,—продолжалъ онъ недовольно.—Ну, да еще, можетъ, опустятъ!

Послѣдовало нѣкоторое почтительное молчаніе.

— Такъ, такъ-то! Вы безъ жены поживаете, чай скучненько?—началъ Темрюковъ, обратясь къ Нобель-

кнебелю, снявъ нижнюю губу съ верхней и становясь опять пріятнѣйшимъ человѣкомъ. — Какъ же это вы такъ?

„Левъ спряталъ когти, — подумалъ любящій высокія сравненія директоръ гимназіи, — и становится...“, но чѣмъ становится левъ, онъ никакого приличнаго звѣря назвать не могъ.

Разговоръ, пользуясь отсутствіемъ дамъ и развиваясь по наклону, который далъ ему именитый гость, принялъ легкое направленіе. Старичекъ сталъ развеселятьея, и тучи, которыя омрачили былю удовольствіе общества, разлились дождемъ маленькихъ скандалезныхъ анекдотовъ.

Въ заключеніе, чтобы совсѣмъ развеселить сановника, Нобелькнебель попросилъ позволенія пригласить одного изъ присутствующихъ разсказать сказку объ испорченной. Старецъ высказалъ готовность. Гость, къ которому обратились, былъ только и замѣчателенъ тѣмъ, что хорошо расказывалъ эту сказку: другихъ талантовъ никакихъ за нимъ не водилось, но въ провинціальномъ кругу не много нужно для того, чтобы выдвинуться изъ толпы, и этой сказкой онъ пріобрѣлъ себѣ популярность. За эту сказку его вездѣ приглашали и старались показать каждому пріѣзжему, какъ мѣстную примѣчательность, какъ Сумбекину башню въ Казани.

Сказка была забавна, и гость дѣйствительно разсказывалъ ее хорошо. Старецъ былъ очень доволенъ. Туча окончательно разсѣялась, и всѣ разстались довольные сами собой и другъ другомъ.

На другой день Темрюковъ выѣхалъ въ Петербургъ.

X.

Новорожденнаго Мытищева окрестили. Воспріемникомъ былъ молодой Нобелькнебель съ матерью. Мытищевъ по этому поводу имѣлъ удовольствіе выслушать отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ нѣсколько милыхъ шуточекъ на счетъ своей бодрости и надежду на дальнѣйшую прогенитуру. Затѣмъ все пошло обычнымъ чередомъ.

Наступила вторая половина лѣта съ ея несносными, томящими жарами. Въ городѣ, по прежнему, все еще было безпокойно. Изъ Петербурга доносились слухи объ энергическихъ мѣрахъ къ подавленію пропаганды, изъ Польши слышались вѣсти о волненіяхъ; вообще время было тревожное, и въ провинціи патріотизмъ заушенія и подозрѣній развивался.

Камышлинцевъ по прежнему испытывалъ множество маленькихъ уколовъ, клеветъ, и къ нимъ прибавились неудачи по дѣламъ губернскаго присутствія: мнѣнія его и Мытищева оставались съ нѣкотораго времени, по большей части, одинокими. Нобелькнебель видимо перемѣнилъ образъ воззрѣній и, разумѣется, увлекалъ за собой большинство. Подъ этимъ непрерывнымъ, другой годъ длившимся рядомъ борьбы, интригъ и разнаго рода непріятностей, Камышлинцевъ становился болѣе желчнымъ, раздражительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ обращеніи сталъ суше, жестче, упрямѣе. Разрывъ съ Мытищевой также отозвался на немъ. Уходило время, а съ нимъ вмѣстѣ и склонность къ ухаживанію, охота къ разъискиванію и пріобрѣтенію новыхъ привязанностей,

а между тѣмъ потребность въ нихъ чувствовалась. Кромѣ того, что Камышлинцевъ былъ еще молодъ и полонъ силъ, чувствовалъ онъ, что ему недоставало того примиряющаго и освѣжающаго элемента, который вноситъ въ жизнь привязанность женщины; и, не смотря на несогласіе во взглядахъ съ Ольгой, сознавалъ Камышлинцевъ, что съ разрывомъ онъ лишился многихъ пріятныхъ часовъ.

Но онъ жалѣлъ о чувствѣ, а не объ Ольгѣ, и чаще подумывалъ о Барсуковой, и сильнѣе влекло его къ ней.

Разъ, послѣ жаркаго, истомляющаго дня, къ вечеру стали собираться тучи. Солнце то пряталось за нихъ, то выглядывало, дробясь лучами, и горячо, и картинно освѣщая края прорывающейся груды облаковъ. Жара поубавилась, но раздражающая духота стояла въ воздухѣ. Въ крови чувствовалось какое-то безпокойство; ходить было лѣнь и тяжело, а на мѣстѣ не сидѣлось и стѣсненная грудь напрасно искала освѣжающей и здоровой струи. Подобное чувство испытывается въ южной Италіи, при приближеніи сирокко.

Камышлинцевъ ходилъ по пустымъ аллеямъ своего сада; запахъ листьевъ, сильнѣе издаваемый деревьями, по мѣрѣ приближенія осени, стоялъ и раздражительнѣе слышался подъ недвижнымъ навѣсомъ деревьевъ. Изрѣдка набѣгающій вѣтеръ шелестилъ ихъ верхушки, едва заходя въ зеленую чащу. На Камышлинцева нашла какая-то горькая полоса мыслей: онъ начиналъ убѣждаться, что не только не сбываются, но отдаляются мечты, цѣль, въ которую онъ вѣрилъ и къ которой стремился. Его служеніе крестьянскому дѣлу было служеніе одной части великаго цѣлаго, проявленію котораго онъ радовался

всюду, и чѣмъ болѣе ему радовался, тѣмъ болѣе желалъ его для Россіи. Но крестьянская реформа, теряя свой живой характеръ, болѣе и болѣе переходила въ хроническій, исполненный казенныхъ и другихъ канцелярскихъ формальностей порядокъ. Впереди онъ не видѣлъ ничего желаемаго, а происшествія въ Петербургѣ заставляли думать, что и другія, повидимому уже близкія реформы будутъ отложены. Камышлинцевъ испытывалъ тѣ скверныя минуты, въ которыя женщины плачутъ, а мужчины злятся...

Повернувъ изъ одной узкой и темной аллеи въ большую, Камышлинцевъ увидѣлъ впереди знакомую, высокую и стройную фигуру Анюты, и пріятно обрадовался... Онъ долго не видалъ Барсуковой, а къ тому-же, когда человѣкъ взволнованъ и сердится, онъ всегда бываетъ радъ другому сочувствующему человѣку, передъ кѣмъ можно высказать все, что никипѣло на душѣ: сердится одному—вещь безполезная и неблагодарная.

Анюта была въ юбкѣ сиреневаго цвѣта и бѣлой гарибальдійкѣ, перехваченной кожанымъ поясомъ, которая оставляетъ свободнымъ весь станъ и такъ идетъ къ молодымъ и стройпымъ фигурамъ. Подстриженные волосы были завиты и придавали ея смѣлой и вмѣстѣ рѣшительной и красивой головкѣ нѣсколько мальчишечій, задорный видъ, который къ ней чрезвычайно шелъ.

— Наконецъ-то,—сказалъ Камышлинцевъ, протягивая ей обѣ руки и пожимая руки Анюты. — Что это васъ не видать было?

У Анюты слегка заигралъ румянецъ отъ удовольствія, вызваннаго этимъ восклицаніемъ, хотя она теперь казалась не въ духѣ.

— Да что! была я здѣсь раза два, да васъ не заставала: вы все съ Мытищевыми возились; тетя ворчитъ и охаетъ, такъ что надоѣла. Я хотѣла уже перестать сюда и ѣздить, да сегодня усидѣть не могла съ этой духотой! Ну, а вы что?

— А тоже скверно,—отвѣчалъ Камышлинцевъ и коротко разсказалъ ей свой разговоръ съ Темрюковымъ.— Надежды, которыя этотъ разговоръ возбудилъ въ его благопріятеляхъ, неудачи по крестьянскому дѣлу и разныя мелкія сплетни—порознь взятое—все это мелочи, а все вмѣстѣ такъ надоѣдаетъ, такъ озлобляетъ меня,— заключилъ онъ,—что... хоть жениться на Вахрамѣевой!

— Ужь развѣ хуже ничего нельзя придумать? — спросила, улыбаясь, Анюта.

— Да трудно! — отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Вы знаете мое расположеніе къ браку вообще, а еслибъ въ жены попалось еще такое миленькое тѣсто, съ которымъ нужно няньчиться, то прелесть неразрывныхъ узъ еще болѣе увеличилась бы.

— Да, я понимаю вашу любовь къ независимости:— это гордое и хорошее стремленіе, но какъ же вы согласите это съ вашимъ идеаломъ? Вѣдь любовь связываетъ.

— Съ какимъ идеаломъ?—спросилъ Камышлинцевъ.

— А помните, вы говорили разъ въ саду у Мытищевыхъ, когда вы изъ-за границы воротились: „дѣло, которому я могъ бы весь отдаться, и женщина, которая бы мнѣ вся отдалась!“—И Анюта нѣсколько закраснѣлась.

„Какъ это помнитъ она?“ подумалъ Камышлинцевъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Камышлинцевъ,—я сказалъ, вѣроятно, „свободно“ отдалась, т. е. отдалась безъ жеманства, ухаживанья; чтобы она не была подкуплена разсчетами и не бросилась бы въ чаду страсти, какъ отуманенная! Вы знаете, я противъ страсти: я думаю, что страсть къ женщинѣ ли, къ вину ли—всегда дикое и глупое чувство и противъ нея надо бороться, какъ противъ болѣзни.

— Да,—сказала Анюта,—влюбленные постороннимъ всегда кажутся глуповатыми.

— И потомъ страсть поглощаетъ всего человѣка,—продолжалъ Камышлинцевъ.—Это хорошо воспѣвать ее и ей удивляться въ то время, когда еще въ потемкахъ бродишь, когда одно животное чувство дѣйствуетъ, а не выяснилось до мысли. По моему, ни мужчина, ни женщина не должны отдаваться цѣликомъ, совсѣмъ,—это не любовь, а рабство. Конечно, очень лестно быть идоломъ, которому обожатель приноситъ все въ жертву, да вѣдь вдолгѣ и это непріятно должно быть: это связываетъ и надоѣдаетъ. Съ этой жертвой надо тоже возиться, какъ съ пустой женой: ѳиміамъ, который курится непрерывно, долженъ, наконецъ, завертѣть въ носу, а пожалуй отуманить и голову.

— Такъ ваша любовь—любовь разумная, разсчетливая?

— Нѣтъ, зачѣмъ разсчетливая!.. Чувство не разсчитываетъ и не разсуждаетъ. Но чтобы оно головы-то совсѣмъ не перевѣшивало: чтобы ее ни съ чѣмъ не смѣшивали и смотрѣли на любовь, какъ на любовь, а не на дѣло всей жизни, и не какъ на средство устроиться.—Женщина, по моему, не должна отдаваться

мужчинѣ какъ моголу и, отдавшись, не считать себя жертвой или его вещью и не ходить за нимъ какъ привязанная. Надо, чтобы вы больше дорожили собой... Современемъ это и будетъ; женщина, которая полюбитъ, будетъ и въ любви относиться къ мужчинѣ какъ равная къ равному, — сознавать, что она ему принадлежитъ, столько же, сколько онъ ей.

— Да, — сказала Анюта, — но я думаю, что женщина безъ отчаянной борьбы и безъ совершеннаго смущенія не придетъ, и не должна придти къ мужчинѣ и сказать ему, что она его любитъ. Я думаю, что если-бы она это сдѣлала, то потеряла бы все въ глазахъ мужчины, она была бы женщина безъ стыдливости...

— О, милѣйшая Анна Ивановна! да развѣ любовь бываетъ безъ стыдливости?.. безъ стыдливости нѣтъ любви, а есть холодный развратъ; она — ея свойство, ея прелесть и украшеніе! Неужели вы думаете, что и мужчина, дѣйствительно влюбленный въ женщину, а не играющій ею, открываетъ ей свои чувства безъ борьбы, безъ стыдливости, которая прячется только въ другія формы, и потомъ неужели...

Но въ это время рѣчь Камышлинцева была неожиданно прервана раскатомъ грома, который точно упалъ и покатился чуть не надъ головой; тотчасъ, вслѣдъ за нимъ, крупныя капли приближающагося ливня начали тяжело шлепать по листьямъ, и передовой вѣтеръ пронесся вихремъ, крутя пыль.

Анюта остановилась и стала осматриваться.

— Ну, теперь надо спасаться, — сказалъ Камышлинцевъ. — Вернемтесь назадъ! идемте!

— Куда?.. — спросила Анюта, повернувшись за нимъ.

— Я думаю, лучше всего въ домъ, ко мнѣ.

— А бесѣдки развѣ нѣтъ гдѣ-нибудь тутъ?

— Есть, да все это гниль, и не защищаетъ ни отъ пыли, ни отъ дождя.

— Идемте,—сказала Анюта.—Но идти было мало. Дождь ежеминутно усиливался, громъ гремѣлъ сильнѣе и вѣтеръ слѣпилъ глаза.

— Бѣжимъ!—сказалъ Камышлинцевъ.

Анюта поддержала руками юбки и они, смѣясь, какъ дѣти, пустились бѣжать во всю мочь.

Они прибѣжали прямо къ заднему крыльцу, которое было ближе къ саду, и не останавливаясь вбѣжали въ домъ.

Анюта сначала очутилась въ небольшой комнатѣ съ простымъ деревяннымъ столомъ и множествомъ мухъ: встарину тутъ было нѣчто въ родѣ дѣвичьей, гдѣ мыли посуду; и теперь здѣсь стояла не мытая посуда.

Анюта хотѣла остановиться, но Камышлинцевъ сказалъ ей: „нѣтъ, не здѣсь!“ и быстро провелъ ее чрезъ свою спальню, сказавъ только: „извините!“

Анюта мелькомъ увидала покрытую бѣлымъ одѣяломъ желѣзную кровать, халатъ на креслѣ и столъ съ туалетными принадлежностями, и они вошли въ кабинетъ.

— Ну, вотъ мы и у пристани,—сказалъ Камышлинцевъ.—Это у меня самая жилая и уютная комната.

Анюта остановилась, запыхавшись и зарумянившись отъ бѣга, и осмотрѣлась. Это была, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошая, большая и свѣтлая комната, заставленная мягкой сафьянной мебелью, съ большимъ письменнымъ столомъ въ безпорядкѣ и книгами на полкахъ, на столѣ и на диванѣ.

Камышлинцевъ прежде всего бросился запирать отворенныя окна, въ которыя лился дождь; потомъ началъ кое-что приводить въ порядокъ, не для порядка, а чтобы что-нибудь дѣлать. Онъ былъ затрудненъ нѣсколько своей особой, какъ бываетъ всегда съ холостякомъ, къ которому въ первый разъ зайдутъ знакомыя дамы.

Анюта между тѣмъ встряхнула платье, оправилась и оглядывалась. „Такъ вотъ какъ онъ живетъ!"—подумала она.—Ее затѣмъ поразила безлюдность и тишина дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что она одна съ человѣкомъ, котораго любитъ, ярко мелькнула въ ея головѣ. Отъ этой мысли Анюта почувствовала, какъ кровь прилила ей къ головѣ и уши горѣли.

— Однако васъ порядкомъ помочило,—сказалъ Камышлинцевъ, глядя на Анюту: — не могу ли я вамъ предложить чего-нибудь? (Онъ и самъ не зналъ, чего можно предложить.) Пледъ не надо ли?

— Нѣтъ—сказала Анюта, съ своей безпечной улыбкой.—Это вздоръ: дождь вымочитъ, солнце высушитъ.

Оглядывая, въ какой степени Анюта пострадала отъ дождя, Камышлинцевъ невольно заглядѣлся на ея разгорѣвшееся отъ бѣга лицо, на высоко и быстро дышащую грудь и не могъ отвести взгляда. Анюта замѣтила этотъ взглядъ, смутилась, повернула голову къ окну и стала пристально смотрѣть въ него.

— Экъ льетъ! — сказала она, но въ тоже время сверкнула молнія и почти вслѣдъ за нею, звеня, разразился сильный ударъ.

Анюта невольно отшатнулась.

— Отойдите отъ окна,—сказалъ Камышлинцевъ.— Будемъ осторожны съ безсмысленной силой. Сядемъ вотъ

сюда, въ уголъ: тутъ нѣтъ движенья воздуха.—Анюта послушалась, и они сѣли на диванъ, стоявшій въ углу.

Во время грозы или бури вообще не говорится: какъ бы люди ни были повидимому равнодушны къ тому, что творится въ небѣ,—самый шумъ отвлекаетъ и не даетъ ни на чемъ сосредоточиться.

Анюта и Камышлинцевъ молча сидѣли рядомъ. Ничто въ иныя минуты не говоритъ такъ сильно, какъ молчаніе вдвоемъ. Въ безмолвіи живѣе работаетъ мысль и воображеніе, и въ нашей молодой парѣ поднималась иная буря...

Камышлинцевъ пристально смотрѣлъ, казалось, на дождь, бившій струей въ окна, но не замѣчалъ ни дождя, ни бури. Анютѣ было и жутко, и хорошо. Какія-то мысли, которымъ она не давала выясниться, какія-то новыя ощущенія толпились въ ней; она, смутно сознавая ихъ опасность не давала имъ воли, но и не гнала отъ себя.

— Такъ вы здѣсь совсѣмъ одни живете?—спросила она наконецъ, повинуясь тому чувству, которое заставляетъ боящихся дѣтей говорить въ потьмахъ, чтобы слышать свой голосъ.

— Я?..—спросилъ разсѣянно Камышлинцевъ.—Да, какъ видите; на верху, въ мезонинѣ экономка живетъ, да и она ушла сегодня въ городъ, а здѣсь я да мой слуга, и тотъ больше въ кухнѣ пребываетъ.

— И вамъ не скучно?—спросила Анюта.

— Иногда — да. Въ иныя минуты хотѣлось бы имѣть возлѣ себя кого-нибудь, къ чьей груди можно бы было, какъ говорятъ поэты, голову приклонить... Разу-

мѣется — подругу; подруги лучше... умѣютъ сочувствовать, нежели друзья, — но...

Онъ остановился.

— Но нѣтъ ея! — сказала смѣясь Анюта, думая о Мытищевой: — знать, „что имѣемъ, не хранимъ, потерявши, плачемъ".

— Нѣтъ, есть, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

У Анюты мурашки пробѣжали по спинѣ.

— Значитъ, и горевать не о чемъ, — сказала она и постаралась улыбнуться, но все, вдругъ перемѣнившее выраженіе и поблѣднѣвшее, лицо измѣнило ей.

Камышлинцевъ смотрѣлъ на нее смущенно и грустно улыбаясь.

— Не то, — сказалъ онъ, — есть одна, которой любовью я бы дорожилъ; но, глупое препятствіе: она свободна...

Краска начала играть въ лицѣ Анюты.

— Что за странное препятствіе! — сказала она.

— Да, — сказалъ Камышлинцевъ, — а между тѣмъ оно есть дѣйствительно. Наши нравы его выработали. Замужняя женщина, которая завѣдомо обманываетъ мужа, принята всюду, а дѣвушка, которая полюбитъ и отдастся другому, возстановляетъ всѣхъ противъ себя. Я не знаю, честно ли предложить подобную борьбу и положеніе? Можетъ она и согласится на него, понадѣясь на свои силы, но чего ей будетъ это стоить? Наконецъ, любя ее, жаль ее подвергнуть всѣмъ этимъ мелкимъ уколамъ, — вольностямъ мужчинъ, презрѣнію женщинъ. А между тѣмъ я все больше и больше сознаю, что люблю ее, — грустно сказалъ Камышлинцевъ.

— Но не настолько, чтобы на ней жениться?—лукаво усмѣхнувшись, спросила Анюта.

— Да, слава Богу, еще не настолько, чтобы связать и ее, и себя навсегда, и измѣнить своимъ убѣжденіямъ,—сказалъ онъ серьёзно.

— Голова еще не совсѣмъ закружилась?—спросила она, снова и лукаво улыбаясь.

Камышлинцевъ поднялъ на нее глаза на мгновеніе, пристально посмотрѣлъ на нее, и подъ этимъ взглядомъ Анюта вся вспыхнула и стыдливо опустила голову.

Камышлинцевъ весь и смутился, и просіялъ.

— Нѣтъ еще, — сказалъ онъ, съ любовью смотря на Анюту, — не закружилась, но чувствую, что кружится... Спасите меня!—и онъ какъ утопающій протянулъ къ Анютѣ руки.

Она не сказала ни слова, но, вся стыдливая, смущенная и счастливая, подала ему руки и склонилась къ нему.

XI.

Анюта почти каждый день стала бывать у Камышлинцева. Въ провинціальномъ городѣ, гдѣ все узнается, объ этомъ обстоятельствѣ тотчасъ разнеслось, и всѣ, кто встрѣчалъ Анюту, ѣдущую вечеромъ за городъ, говорили или думали: „вотъ Барсукова къ Камышлинцеву ѣдетъ!“ Стали доходить эти слухи и до Арины Степановны, стала она замѣчать, что отношенія между молодыми людьми утрачиваютъ совершенно идиллическій характеръ, и рѣшилась строго переговорить объ этомъ

съ Анютой, хотя эта рѣшимость ей дорого стоила: она и любила Анюту, и побаивалась ея.

Однакоже, молчать было опасно, и вотъ, разъ передъ вечеромъ, когда Анюта хотѣла, по обыкновенію, ѣхать къ Камышлинцеву, Арина Степановна собралась съ духомъ и сказала ей.

— Ты куда это, Анюта, зачастила?

— Къ Камышлинцеву! отвѣтила Анюта рѣшительно, но слегка покраснѣвъ.

У Арины Степановны, какъ выражалась она, сердце за сердце зашло. Она даже похолодѣла.

— Да ты съ ума сошла? — сказала она, приходя въ себя.—Что ты это дѣлаешь изъ себя?

Анюта подошла къ теткѣ, взяла ее за руку и нѣжно посмотрѣла на нее.

— Тетя, — сказала она, — не мѣшайте мнѣ жить, милая, и не портите моей жизни, какъ вы испортили свою!

Негодованіе, которое какъ пѣна накипѣло въ груди тетки, начало смѣняться другимъ чувствомъ.

— Помилуй, другъ мой, да ты губишь себя...—со слезами говорила Арина Степановна.

— Не бойтесь, тетя... не погублю!—сказала Анюта, и, поцѣловавъ тетку въ голову, хотѣла идти.

— Да нѣтъ, я тебя не пущу!—сказала Арина Степановна, вдругъ набравшись рѣшимости и схвативъ Анюту за платье.—Я не пущу тебя позорить себя и насъ.

Анюта вся вспыхнула.

— Тетя! — сказала она твердо: — если вы будете мѣшать мнѣ, такъ лучше разстанемся.

— Что же это ты, выгоняешь меня? — воскликнула Арина Степановна, вся поблѣднѣвъ. — Да ты мнѣ отцомъ довѣрена, какъ же ты меня ослушаешься?... Я отца призову!

— Тогда я совсѣмъ уйду и, можетъ, дѣйствительно погибну, — сказала Анюта.

Арина Степановна была совсѣмъ поражена рѣшимостью Анюты и не знала, что отвѣчать и дѣлать. Анюта этимъ воспользовалась, освободила платье и спокойно вышла.

Бѣдная Арина Степановна, глубоко огорченная, осталась одна, какъ курица, которая вывела утятъ и видитъ, что они бросаются въ воду. Сначала она горько плакала, потомъ начала бояться: „что, если Анюта въ самомъ дѣлѣ не воротится? — подумала она: — отъ нея это станется; тогда еще хуже будетъ!“

И она съ трепетомъ ждала возвращенія Анюты. Анюта дѣйствительно возвратилась въ обычное время и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за свое дѣло.

Съ тѣхъ поръ Арина Степановна ни слова не говорила племянницѣ, но сама опустилась, притихла и была печальной. Ей казалось, что любовь Анюты къ Камышлинцеву позоромъ лежитъ и на ней, ея теткѣ и воспитательницѣ. Она глубоко раскаявалась въ своей исповѣди передъ Анютой; она видѣла, что изъ разсказа вышло для Анюты совсѣмъ другое нравоученіе.

Перестала Арина Степановна и въ гости ходить, а съ пріятельницами, которыя навѣщали ее, стала сдержаннѣе, церемоннѣе. Когда же онѣ, по участію и дружбѣ, пробовали запускать язычки въ живое мѣсто, Арина Степановна отклоняла разговоръ выраженіями въ

родѣ такихъ: „у всякаго свой царь въ головѣ“, или „всякая птичка по своему поетъ“.

Разъ Перепетуя, оскорбленная отказомъ ея жениху, начала было выговаривать Аринѣ Степановнѣ, что „вотъ-де, матушка, дали волю дѣвкѣ,—не сносила головки“—и, считая себя обиженной, хотѣла было, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, вдоволь напѣть пришибенной судьбой Аринѣ Степановнѣ, но та, противъ ожиданія, дала ей такой отпоръ, какого она и не чаяла.

— Прошу васъ, Перепетуя Ивановна, если вы дорожите моимъ знакомствомъ, до нашихъ семейныхъ дѣлъ не касаться; тамъ за плечами, что угодно, говорите: на чужой ротокъ не навяжешь платокъ, а у меня мою племянницу я ужъ прошу не осуждать. Вѣдь племянница моя своихъ дѣловъ вамъ не повѣряла. Человѣкъ на человѣка не приходится, матушка, что у нихъ дѣлается, мы не знаемъ!... А тамъ ужь ее Богъ разсудитъ.

Тогда Перепетуя, увидѣвъ отпоръ и не будучи сама строга къ молодости, отложила нравственность въ сторону и отвѣтила:—И то, матка, молодость-то разъ въ жизни бываетъ. А вѣдь и то случается: въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, а замужъ отдано — вдвое прибыло!—Господь съ ними!

И тѣмъ разговоръ окончился.

Но, защищая честь своей семьи, какъ преданный старый слуга, который изъ послѣднихъ силъ старается прикрыть прорѣхи промотавшагося и ни о чемъ не думающаго господина, Арина Степановна чувствовала неодолимую потребность передъ кѣмъ-нибудь высказаться,— и съ одной купчихой, добрѣйшей и толстѣйшей женщи-

ной и лучшимъ другомъ своимъ, рѣшилась говорить откровенно о своей племянницѣ. И много передъ этимъ другомъ было выплакано горькихъ слезъ, и много облегчила такая откровенность бѣдную тетку, хотя въ отвѣтъ на эту глубокую исповѣдь, подруга, всегда изнемогающая отъ жары и лѣтомъ спасающаяся отъ нея въ ледникѣ, только стенала и пила нещадно квасъ.

Отношенія къ обществу Анюты не измѣнились.

Въ свѣтѣ все условно. Есть такія положенія, въ которыхъ имѣть любовника не только не кажется неприличнымъ, но напротивъ, не имѣть его считается неприличнымъ: какъ будто любовникъ тутъ по штату положенъ. Таково, напримѣръ, по мнѣнію многихъ, положеніе танцовщицы, актрисы, въ томъ числѣ и модистки. Поэтому тѣ, которыя имѣли нужду въ Анютѣ, барыни и барышни, были по прежнему любезны и по прежнему обращались къ ней съ заказами; отъ знакомства же съ обществомъ Анюта и прежде отстранялась. Были у Анюты двѣ-три пріятельницы, добрыя, небогатыя дѣвушки, большею частью сироты, изъ мелкихъ помѣщицъ, или чиновницы, отцы которыхъ ничего не нажили. Эти дѣвушки, почти ничему не выученныя, читавшія урывками и кое-что, тоже чувствовали ненормальность своего положенія, искали выхода и бродили ощупью. Тѣхъ изъ нихъ, которыя пробиваются собственнымъ трудомъ и не живутъ въ приживалкахъ и на посылкахъ изъ милости у какой-нибудь благодѣтельницы, въ провинціи нынѣ любятъ называть нигилистками. Онѣ сочувствовали дѣятельности Анюты, завидовали ей и тоже искали занятія, гдѣ могли. Эти бѣдныя безпріютныя, которыхъ не мало ищетъ по свѣту мѣста и дѣла, испытали на себѣ

достаточно невзгодъ, чтобы не бросать камнемъ въ другаго; онѣ не измѣнились къ Анютѣ и были съ ней по прежнему дружны. Одну изъ нихъ, имѣя въ виду отличный ходъ дѣла, пригласила Анюта къ себѣ въ помощницы и та переѣхала къ ней.

Такъ шло время вообще, а для Анюты и Камышлинцева шло весьма быстро и пріятно, пока не случилось одного происшествія.

Разъ Камышлинцевъ получилъ петербургскую почту и между прочими письмами увидалъ одно незнакомое. Онъ распечаталъ его, прочиталъ, нѣсколько измѣнился въ лицѣ и горько усмѣхнулся. Письмо было отъ одного господина, довольно высоко поставленнаго въ дѣлахъ по крестьянству. Камышлинцевъ былъ съ нимъ знакомъ очень мало, но по дѣламъ иногда переписывался. Господинъ этотъ осторожно и сколь возможно мягко, съ величайшимъ сожалѣніемъ, считалъ нужнымъ частно сообщить Камышлинцеву, что дѣятельность его, къ несчастію, возстановляетъ противъ себя общественное мнѣніе и подаетъ поводъ къ слухамъ, которые, хотя имъ и не даютъ вѣры, тѣмъ не менѣе считаются неприличными для члена отъ правительства, и что все это не удовлетворяетъ ожиданіямъ и цѣлямъ правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ; но что еслибы Камышлинцевъ пожелалъ другаго рода службы, то нѣтъ сомнѣнія, что съ его отличными способностями, энергіей и высокою честностью, Камышлинцевъ вполнѣ можетъ разсчитывать на прекрасное мѣсто и что онъ, его знакомый, предлагаетъ для этого все свое содѣйствіе и полную готовность къ ходатайству.

— А!..—сказалъ Камышлинцевъ, горько усмѣхнувшись:—уже!—Онъ тотчасъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ оффиціальное письмо къ губернатору объ отказѣ отъ должности и отвѣтъ знакомому, въ которомъ благодарилъ его за участіе, въ немъ принимаемое, и увѣдомлялъ какъ о своемъ выходѣ изъ губернскаго присутствія, такъ и нежеланіи вступить на службу.

Кончивъ письма, Камышлинцевъ отправился въ городъ, чтобы отдать ихъ на почту, и прежде всего зашелъ къ Мытищеву.

— Вы ничего не получили изъ Петергбурга?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Мытищевъ.

— А я получилъ; по Темрюковскому дѣлу, должно быть, — сказалъ онъ, насмѣшливо улыбаясь и подавая полученное письмо.

Мытищевъ прочиталъ его, медленно свернулъ и спросилъ:

— Ну, что же?

— А вотъ и отвѣты,—сказалъ Камышлинцевъ, показавъ письма и объяснивъ ихъ содержаніе.

— А мнѣ достаточно одного — къ губернатору! — сказалъ Мытищевъ.

— Да вамъ-то зачѣмъ? Вѣдь на васъ общественное мнѣніе не возстаетъ? — спросилъ Камышлинцевъ, съ усмѣшкой упирая на слово: „общественное мнѣніе“. — Оставайтесь для дѣла. Конечно, однимъ голосомъ будетъ меньше, но останется хоть другой.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Мытищевъ, — одинъ въ полѣ не воинъ: что я сдѣлаю? и съ вами-то мы нынче ча-

сто оставались въ меньшинствѣ и ограничивались особыми мнѣніями, а безъ васъ и подавно.

— Все-таки останется протестующій голосъ, — сказалъ Камышлинцевъ. — Личное положеніе ваше будетъ конечно еще тяжелѣе, но вы не перестанете приносить пользу дѣлу.

Мытищевъ усмѣхнулся.

— И не достигну ничего, кромѣ разлитія желчи, — сказалъ Мытищевъ. — Но зачѣмъ усиливаться напрасно! Это что значитъ? — сказалъ онъ, указывая на письма. — Значитъ, что наше время прошло и находятъ нужными другихъ дѣятелей. Мы съ вами, можетъ, дѣйствительно ошибались; уступимъ мѣсто тѣмъ, которыхъ считаютъ полезнѣе.

И онъ, не слушая возраженій, тоже написалъ отказъ отъ должности.

Нобельknебель, узнавъ объ отказѣ Камышлинцева и о причинахъ, его вызвавшихъ, нѣсколько смутился, но затѣмъ съ отмѣнной вѣжливостью высказалъ свои сожалѣнія и принялъ письмо. Но съ Мытищевымъ спорилъ и, оставшись наединѣ, увѣрялъ, что вредъ идетъ не отъ него, а отъ Камышлинцева.

— Ну, коли онъ былъ вреденъ, такъ и я тоже, — отвѣчалъ старикъ: — потому что я одного съ нимъ мнѣнія былъ и остаюсь.

И онъ настоялъ на своемъ отказѣ.

Вѣсть объ отказѣ отъ должности Камышлинцева и Мытищева съ быстротою молніи разнеслась по городу. По этому случаю въ Велико-Ѳедорскѣ сдѣлалось даже необыкновенное движеніе по улицамъ. Извѣстіе о перемѣнѣ всѣхъ министровъ разомъ не произвело бы такого

волненія. Помѣщичья партія ликовала, а двое самыхъ ярыхъ изъ старыхъ дрожжей, въ знакъ радости, зажгли въ этотъ вечеръ свѣчи на окнахъ, какъ въ день торжественной иллюминаціи. Выходка эта произвела фуроръ, и на другой день многіе скакали нарочно изъ дому въ домъ, чтобы разсказать о ней. Лица, ее сдѣлавшія, стали героями дня и вдвойнѣ торжествовали, но недолго. Произошло это отъ того, что нѣкоторые изъ тонкихъ и осторожныхъ людей, узнавъ о ней, таинственно замѣтили, что вѣдь иллюминація-то полагается только въ царскіе и торжественные дни и по приказанію начальства, такъ пожалуй, за подобную штуку могутъ и того! Тогда зачинщики перетрусились, отреклись отъ подвига и съ мѣсяцъ были въ большомъ безпокойствѣ и объясняли всѣмъ, что свѣчи были зажжены случайно и что глупо называть это иллюминаціей. Демонстрація эта однако же считается въ Велико-Ѳедорскѣ и до сихъ поръ необыкновенно смѣлой, но о ней говорятъ только по знакомству и не иначе, какъ въ полголоса. Впрочемъ, послѣдствій за нее никакихъ не было и страхъ былъ напрасенъ.

Въ то время, когда общественное мнѣніе въ дворянской средѣ проявило себя въ такихъ демонстраціяхъ, въ крестьянскомъ сословіи оно никакихъ ясныхъ знаковъ не явило, ибо наше крестьянство, пріученное опытомъ къ молчанію въ теченіе столѣтій, не привыкло дѣлать никакихъ заявленій, если на это не получитъ внушеній отъ начальствующихъ. Правда, на нѣкоторыхъ сходкахъ потолковали, что хорошо бы выдать выбывающимъ „одобрительныя свидѣтельства“, но и на эту мѣру не рѣшились; что же касается до сочувствующихъ

мировыхъ посредниковъ, которые готовы были и желали разъяснить крестьянамъ заслуги выбывающихъ, то ихъ Камышлинцевъ и Мытищевъ положительно просили ничего не затѣвать, ибо проку отъ этого для дѣла никакого не предвидѣлось, а между тѣмъ это могло бы навлечь большія непріятности самимъ заявителямъ. Тѣмъ не менѣе, когда нѣкоторые изъ мірскихъ радѣльниковъ пришли къ Камышлинцеву за совѣтомъ и узнали о его выходѣ, то во многихъ избахъ крякнулъ и глубоко потужилъ сѣрый людъ.

На мѣсто выбывшихъ Нобелькнебелемъ были представлены и утверждены Зензивѣевъ и благородный господинъ съ перевернутой головой.

Прямо отъ губернатора Камышлинцевъ заѣхалъ къ Анютѣ и разсказалъ ей о случившемся. Анюта приняла это извѣстіе не такъ молчаливо, какъ Камышлинцевъ.

Кромѣ общаго значенія, оно имѣло для нея еще и частное,—измѣняло причины, по которымъ Камышлинцевъ жилъ доселѣ въ Велико-Ѳедорскѣ. Касательно этого обстоятельства Камышлинцевъ еще и самъ ничего не рѣшилъ, и они вмѣстѣ съ Анютой отложили потолковать объ этомъ впослѣдствіи, такъ какъ во всякомъ случаѣ Камышлинцевъ долженъ былъ остаться еще на нѣкоторое время въ городѣ.

Дня черезъ два послѣ этого, Камышлинцевъ, читая у себя въ послѣобѣденное время книгу, увидалъ проѣхавшій экипажъ Анюты. Это было ранѣе ея обыкновеннаго посѣщенія (Камышлинцевъ не любилъ бывать самъ у Анюты, избѣгая встрѣчи съ Ариной Степановной); тѣмъ болѣе обрадовался ей Камышлинцевъ. Устройство ихъ будущихъ отношеній затрогивало его и

онъ былъ радъ посовѣтоваться съ Анютой. Онъ вышелъ ей на встрѣчу, широко растворилъ дверь и со словами: „ну, вотъ спасибо!“ —хотѣлъ обнять ее, какъ вдругъ, вмѣсто Анюты, едва не очутилась въ его объятіяхъ Арина Степановна. Камышлинцевъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и крайне пожалѣлъ, что дубовый полъ въ залѣ очень крѣпокъ и не имѣетъ опускныхъ траповъ, на подобіе театральныхъ.

Арина Степановна, и безъ того смущенная, еще болѣе смутилась отъ этой встрѣчи, но вошла, собравъ всю свою храбрость. Бѣдная и добрѣйшая тетка терпѣливо сносила всю неловкость положенія племянницы, пока та была счастлива, но перемѣна съ Камышлинцевымъ угрожала разлукой едва начавшемуся союзу, и Анюта сильно призадумалась. „Вѣдь этакъ онъ пожалуй и броситъ ее!“ — подумала Арина Степановна,— „отъ этихъ козловъ—мужчинъ все станется: изъ-за чего же дѣвка собой-то пожертвовала?“ И возмущенная, и встревоженная, Арина Степановна рѣшилась па великій шагъ вмѣшательства.

Камышлинцевъ попросилъ Арину Степановну въ гостиную; она вошла, сѣла на предложенное ей мѣсто на диванѣ и, еще не приступая къ цѣли, нашлась уже вынужденной отереть платкомъ глаза.

Камышлинцевъ поморщился, но покорился своей участи и сѣлъ наискось въ креслѣ.

Арпна Степановна во всю дорогу до Вахрамѣевки думала, какъ и что будетъ она говорить Камышлинцеву. „Я скажу ему то-то, и то-то“ —думала она, „я скажу ему: я молъ вѣдь тетка, я отвѣтъ въ племянницѣ моей должна дать Богу и отцу“, — подзадоривала она себя

но когда пришлось говорить, когда вмѣсто злодѣя она увидѣла очень хорошаго и вѣжливаго человѣка, да еще вдобавокъ любимаго ея Анютой, она почувствовала, что въ ея головѣ вдругъ образовалась пустота; не то чтобы путаница мыслей, а просто совершенное ихъ отсутствіе: казалось, самаго мозга и мыслительныхъ способностей не бывало въ головѣ: „какъ боченокъ пустой!" говорила она потомъ.

— Дмитрій Петровичъ, — наконецъ рѣшилась она начать (она только рѣшилась говорить, просто слова произносить, а тамъ ужь самъ Господь, какой хочетъ смыслъ, изъ нихъ устроитъ),—извините меня,—я пріѣхала на счетъ Анюты...—Она заплакала.

— Арина Степановна, — сказалъ Камышлинцевъ; онъ чувствовалъ, что у него въ горлѣ что-то сидитъ,— вы вѣроятно отъ себя пріѣхали переговорить со мной, а не по порученію Анны Ивановны?

— Отъ себя!—тихо и плаксиво сказала она.

— Мы съ Анной Ивановной,—продолжалъ Камышлинцевъ,—любимъ другъ друга, обдумали и обдумываемъ впередъ наше положеніе. Я понимаю ваши заботы... и... огорченія... но предоставьте намъ самимъ устройство нашихъ отношеній... будьте увѣрены, что я безъ согласія Анны Ивановны ни на что не рѣшусь и что мнѣ ея счастіе дорого такъ же, какъ и вамъ.

— Дмитрій Петровичъ,—начала Арина Степановна, нѣсколько оправляясь,—да, вѣдь я тетка! Какъ же я передъ отцомъ-то? что же я скажу ему-то? Вѣдь намъ въ люди показаться нельзя! Да если онъ это узнаетъ, то его просто сразитъ... не вынесетъ онъ этого...

Камышлинцевъ нахмурился.

— Что же мнѣ на это сказать вамъ, Арина Степановна, — отвѣчалъ пасмурно Камышлинцевъ. — Вы знаете, что и мой, и Анны Ивановны взглядъ на эти вещи совсѣмъ не сходится съ вашимъ. Это очень печально, но что же дѣлать? Всякое поколѣніе живетъ по своему и пусть живетъ: лишь бы было счастливо.

— Да, вѣдь, Дмитрій Петровичъ! развѣ молодая дѣвушка думаетъ о будущности? Теперь вы уѣхать, можетъ, должны, что же будетъ съ ней? Когда же и счастлива-то она была?.. И за это весь вѣкъ, можетъ, страдать должна...

— Ну, этого не будетъ, Арина Степановна, — за это я вамъ ручаюсь: мы не шутимъ любовью и привязанностью, зря не даемъ и зря не будемъ разрывать ихъ,—твердо сказалъ Камышлинцевъ.

Арина Степановна призадумалась.

— Да, вѣдь, Дмитрій Петровичъ,—начала она опять и рѣшилась взглянуть на него, хотя носикъ ея весь зловѣще краснѣлъ и изъ глазъ еще катились слезы,— вѣдь людскія-то чувства не прочны: сегодня милъ, а завтра постылъ! Ужь если дорога вамъ Анюточка, такъ что бы вамъ... упрочить...

Камышлинцевъ затруднился, что ей отвѣчать.

„Изволь ей толковать о неудобствахъ неразрывныхъ узъ!“ —думалъ онъ.

— Арина Степановна,—сказалъ онъ наконецъ,—и Анна Ивановна, и я, мы боимся брака и не рѣшаемся на него именно потому, что, какъ вы сказали, сегодня милъ, а завтра постылъ! а вы знаате: плохой попъ повѣнчаетъ, а хорошій не развѣнчаетъ. Притомъ, развѣ несчастныхъ браковъ мало?

— Такъ-то такъ, Дмитрій Петровичъ, да и гдѣ мнѣ противъ васъ сговорить, только какъ же безъ закону-то, родной? Стыдъ-то этотъ, говоръ... отецъ-то!.. — и Арина Степановна снова заплакала.

— Понимаю я, все понимаю, добрѣйшая Арина Степановна,—сказалъ Камышлинцевъ, взявъ ее за руку, — да не думайте вы о насъ, бросьте насъ, предоставьте насъ намъ самимъ! Мнѣ искренно жаль васъ: вы выросли въ другихъ понятіяхъ и, конечно, страдаете; но за Анну Ивановну я ни минуты не безпокоюсь, и будьте увѣрены, что мнѣ ея счастіе дорого.

— Голубчикъ мой! вѣрю вамъ... Да стыдъ-то... люди-то... — говорила Арина Степановна, просительно глядя на Камышлинцева,—и чего вы-то стыдитесь?— робко рѣшилась она замѣтить:—вѣдь Анюточка-то тоже дворянка столбовая и ничѣмъ себя не уронитъ... Вотъ только что магазинъ этотъ развѣ? да вѣдь его передать можно бы сейчасъ, — и она робко поглядѣла на Камышлинцева.

— Да не стыжусь я, Арина Степановна: совсѣмъ не то!—сказалъ Камышлинцевъ, невольно улыбаясь!

— Ну, боитесь что ли, чего?..—съ недоумѣвающей и какой-то скорбной и заискивающей полу-улыбкой сказала Арина Степановна. — Простите меня, я что-то понять этого не могу,—прибавила она стыдливо, какъ бы сознаваясь въ глубокомъ невѣжествѣ.

— Да вотъ именно того и боимся, что если разлюбимъ другъ друга, то... — Камышлинцевъ вдругъ остановился, точно какая-то новая мысль внезапно прошла въ его головѣ, оборвала его доказательства, и онъ не зналъ еще, какъ сладить съ ней.—Мы переговоримъ

съ Анютой, — продолжалъ онъ разсѣянно, —обо всемъ переговоримъ... Я обѣщаю вамъ, добрѣйшая Арина Степановна, что все, что она захочетъ и что можно будетъ сдѣлать для ея счастья, я сдѣлаю.

Камышлинцевъ готовъ былъ, кажется, все обѣщать, чтобы покончить этотъ тяжелый разговоръ.

— То-то, голубчикъ Дмитрій Петровичъ, не оставьте вы ее!... Вѣдь она только жизнь увидала, а сама-то еще вѣтеръ... Рѣзва она очень... не думаетъ ни о чемъ... Какъ же можно безъ закона-то?... опять же стыдъ!... Мужнюю жену хоть и бросятъ, все она мужняя!... — говорила Арина Степановна, вставая съ дивана и не рѣшаясь еще уходить.

— Вѣрьте, все, что могу и что придумаемъ, —сказалъ онъ, провожая Арину Степановну, —все будетъ сдѣлано.

— Да вы сами, сами, голубчикъ Дмитрій Петровичъ, придумайте, —говорила она, прощаясь и съ трепетной надеждой посматривая на Камышлинцева. — Вѣдь вы человѣкъ умный, хорошій. А то что она?... молодость!... вѣтеръ!

Видимо было, что Арина Степановна болѣе надѣялась на Камышлинцева, чѣмъ на свою племянницу.

— Хорошо, хорошо!... — говорилъ Камышлинцевъ, провожая ее: — будьте покойны... ужь мы придумаемъ!

— Голубчикъ, не оставьте вы насъ! — повторила еще Арина Степановна тихо, увидѣвъ слугу, и поспѣшила выдти.

Когда за ней затворилась дверь, Камышлинцевъ вздохнулъ, какъ будто свалилъ гору съ груди.

Арина Степановна возвращалась, питая нѣкоторую надежду и вознося горячія мольбы къ Владычицѣ.

*

„Дмитрій Петровичъ человѣкъ добрый и мягкій, думала она (его всѣ считали мягкимъ, кто ни сталкивался съ нимъ по серьезнымъ дѣламъ), — онъ Анюточку любитъ: еслибы она только захотѣла, онъ женился бы на ней. Да вѣдь горда она больно!... надо попробовать однако“.

Съ этимъ замысломъ Арина Степановна воротилась домой.

— Гдѣ ты была, тетя?—спросила ее Анюта.

— Такъ, у знакомыхъ! — отвѣчала Арина Степановна, отвернувшись, чтобы племянница не замѣтила, что она солгала. Однакоже, помявшись немного и переложивъ съ мѣста на мѣсто разныя вещи, она наконецъ рѣшилась высказаться.

— Анюта! — робко сказала она,—видѣла я Дмитрія Петровича...

— Вы у него были?—вспыхнувъ, спросила Анюта.

— Нѣтъ... да ты послушай, что я тебѣ скажу,— начала она.

Но Анюта ее прервала.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, были вы у него?—настойчиво спрашивала Анюта.

Арина Степановна не знала, что сказать.

— Была ли, нѣтъ ли,—какъ-то скороговоркой проговорила Арина Степановна,—да это все равно!—продолжала она.

— Тетя, — сказала Анюта, и брови ея сумрачно сдвинулись,—я просила васъ не вмѣшиваться, вы все-таки вмѣшались: ну, значитъ намъ не жить вмѣстѣ!

— Анюта! Анюточка!... другъ мой! ты только послушай! — говорила ей вслѣдъ Арина Степановна; но

Анюта не слушала: она накинула бурнусъ, взяла шляпку и поспѣшно вышла.

— Боже мой! Господи!...—воскликнула Арина Степановна, вся испуганная и въ слезахъ, — вѣдь только бы выслушала да послушалась: мимо счастья своего, можетъ, прошла; а теперь, что она надѣлаетъ сгоряча? все перепортитъ, да и меня хочетъ бросить! За старанія-то и страданія мои?

И бѣдная Арина Степановна горько заплакала.

Камышлинцевъ ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. На лицѣ его часто пробѣгала улыбка и ему, казалось, стоило труда не говорить вслухъ съ самимъ собою. Дѣлать онъ ничего не могъ, какъ человѣкъ сильно занятый одной мыслью, и часто поглядывалъ на окна. Однакожь прошло долгое время и нѣсколько разъ онъ брался за книгу и бросалъ ее, прежде нежели зазвенѣла извозчичья пролетка и онъ увидѣлъ Анюту.

На этотъ разъ, не смотря на свое нетерпѣніе, онъ встрѣтилъ ее какъ-то сдержанно.

— Здравствуйте, Анна Ивановна,—сказалъ онъ ей съ улыбкой, подавая руку.

Анюта быстро вошла въ комнату. По нахмуреннымъ бровямъ и взволнованному лицу ея видно было, что гнѣвъ ея дорогой не унялся.

— Тетка была у тебя?—спросила она быстро.

— Была,—отвѣтилъ Камышлинцевъ, весело поглядывая на нее.

— Ну, значитъ, я съ ней не живу больше!—сказала, сбрасывая шляпку и бурнусъ, Анюта.—Надо съ этимъ порѣшить!

— Успокойся, Анюта,—сказалъ мягко и убѣдительно Камышлинцевъ:—вѣдь она изъ любви къ тебѣ же... ты не видѣла, какой борьбы это ей стоило.

— Да изъ любви ко мнѣ они жить мнѣ не дадутъ, они всю жизнь мнѣ отравятъ изъ своей любви!— горячо говорила, бросившись на кресло, Анюта.—Вѣдь эта любовь — то же тиранство! Шагу они не дадутъ мнѣ сдѣлать изъ-за нея.

— Н... ну!... всякая любовь не безъ жертвъ, — сказалъ Камышлинцевъ. — Конечно, объясненіе съ теткой не доставило мнѣ особенныхъ пріятностей, однакоже, знаешь ли, что она, Арина Степановна, поставила меня въ тупикъ?

— Какъ это тетка можетъ въ тупикъ поставить?— сказала Анюта, пожавъ плечами.—Это тебя плохо рекомендуетъ.

— Да, а между тѣмъ поставила, и какъ бы ты думала,—какимъ простымъ замѣчаніемъ?

Анюта не отвѣчала ему, все еще оставаясь не въ духѣ; но посмотрѣла на него вопросительно.

— Она мнѣ сказала, что не можетъ понять, почему мы не женимся. Сначала пришла ей нелѣпая мысль, что я считаю тебя не парой себѣ, но когда я ей объяснилъ, что это вовсе не то, тогда она стала въ недоумѣніе, и спросила, чего же мы боимся?

— Ну, и чего же?—спросила Анюта.

— Ну, я и самъ не нашелъ, чего мы боимся! — сказалъ съ улыбкой, разводя руками, Камышлинцевъ.

Анюта посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Положимъ, съ теткой объ этомъ толковать не легко; да достаточно было ей сказать, что мы просто

не хотимъ привязывать себя другъ къ другу, что намъ свобода дорога.

— Да вотъ этого-то я по совѣсти и не могъ сказать,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

— Еслибы дѣло шло о дѣвицѣ Вахрамѣевой, такъ оно понятно: съ ней пожалуй не развяжешься всю жизнь, но намъ съ тобой чего же бояться другъ друга?—спросилъ онъ, поглядывая на Анюту.

— Да того же самаго! — отвѣчала Анюта. — Ну, если мы не уживемся, или разлюбимъ другъ друга?

— Ну, что жъ?—спросилъ Камышлинцевъ.—Вѣдь я тебя черезъ полицію требовать къ себѣ не буду.

— Положимъ!—отвѣчала улыбаясь Анюта.

— Ты сама меня за полу держать тоже не будешь.

— Ну, можетъ, нѣсколько и придержу, но вѣшаться насильно не стану.

— Жалѣть, что нельзя вступить въ другой бракъ съ другимъ кѣмъ-нибудь, я думаю, мы тоже не будемъ, коль мы и въ первый-то, какъ въ крещенскую прорубь, боимся броситься.

— Надѣюсь,—сказала Анюта.

— Изподтишка обманывать другъ друга мы и безъ того не будемъ, дѣтей обезпечить также должны: такъ въ чемъ же наша независимость будетъ связана?—спросилъ Камышлинцевъ.

Анюта затруднялась отвѣтомъ.

— А между тѣмъ, — продожалъ Камышлинцевъ,— ненужная борьба, огорченіе близкихъ, безправность дѣтей и пропасть крупныхъ и мелкихъ непріятностей — все это устраняется; да и дѣла-то нѣтъ, которое бы поглощало всего...

— Ну,—сказала Анюта,—какъ бы то ни было, а я своей независимости терять не хочу: довольно мнѣ опекуновъ-то.

— Да ты мнѣ докажи, чѣмъ ты будешь стѣснена. Иначе это будетъ упрямство. Впрочемъ, если ты боишься, что во мнѣ опекуна найдешь,—обидясь, сказалъ Камышлинцевъ,—тогда другое дѣло.

— Ну, да дѣлай, какъ хочешь, несносный человѣкъ, и не боюсь я тебя нисколько!—сказала Анюта, вскакивая и сердито цалуя Камышлинцева.—Только знай, что если я не найду другаго занятія, то я магазинъ свой не брошу: я не хочу зависѣть отъ тебя.

— А, это особая статья,—сказалъ Камышлинцевъ,— и въ этомъ ты совершенно права!

— Пока тебя опять не разъубѣдитъ Арина Степановна,—замѣтила Анюта и они оба расхохотались.

—

На другой день передъ обѣдомъ Камышлинцевъ былъ въ городѣ и заѣхалъ къ Анютѣ: ему уже нечего было бояться и избѣгать Арины Степановны. Анюты онъ не засталъ.

— А Арина Степановна дома?—спросилъ онъ чередовавшую въ магазинѣ дѣвушку.

— Она дома!—отвѣчала та, нѣсколько удивленная, потому что ей было извѣстно, къ кому пріѣзжаетъ Камышлинцевъ и что напротивъ, Арины Степановны онъ избѣгаетъ; но на этотъ разъ Камышлинцевъ измѣнилъ обыкновенію и вошелъ къ теткѣ.

Онъ нашелъ хозяйку разстроенной, съ заплаканными глазами и покраснѣвшимъ, вѣроятно отъ слезъ, носи-

комъ. Видъ она имѣла жалкій, какъ будто загнанный. Приходъ Камышлинцева еще болѣе смутилъ ее.

— Что съ вами, Арина Степановна?—спросилъ Камышлинцевъ.—Здоровы ли вы?

— Ничего, благодарю васъ, слава Богу. Садиться милости просимъ, — смиренно отвѣчала она, а у самой слезы закапали.

— Какъ ничего? Вы сильно разстроены! Не случилось ли чего съ Анной Ивановной?—спросилъ Камышлинцевъ, безпокоясь.—Гдѣ она?

— А не знаю! — отвѣчала покорно Арина Степановна.—Она со вчерашняго дня и не говоритъ со мной... уѣхала куда-то!—А слезы закапали еще пуще. Бѣдная тетка даже и не жаловалась.

— Такъ это она все сердится за вчерашнее, и ничего не сказала вамъ? — спросилъ Камышлинцевъ. — Знаете, что мы рѣшились жениться?

Арина Степановна не вдругъ, казалось, поняла извѣстіе, но лицо ея начало преображаться.

— Да!—подтвердилъ Камышлинцевъ:—мы нашли, что бояться дѣйствительно нечего и жениться будетъ удобнѣе. Вы согласіе дадите?—спросилъ, улыбаясь, Камышлинцевъ.

Арина Степановна совсѣмъ преобразилась, просіяла.

— Что это вы, Дмитрій Петровичъ! да я...—она посмотрѣла на рядъ образовъ, стоящихъ въ кіотѣ,—я не знаю которому угоднику и молиться! Позвольте васъ обнять по родственному,—сказала она, застыдясь, Камышлинцеву.

— Съ удовольствіемъ, Арина Степановна!—отвѣтилъ улыбаясь Камышлинцевъ и трижды облобызался съ нею.

— Тѣмъ болѣе — продолжалъ онъ, — что мы вамъ этимъ обязаны.

Арина Степановна не вѣрила, однакоже скромно потупилась.—Ну гдѣ ужь мнѣ,—замѣтила она.

— Нѣтъ, дѣйствительно вы навели меня на разныя мысли и мы, благодаря вамъ, приняли это намѣреніе.

— Нѣтъ, ужь это не я, Дмитрій Петровичъ, а Владычица,—она указала на образъ,—которой я молилась, вразумила васъ,—замѣтила съ полной вѣрою Арина Степановна и перекрестилась, глядя на образъ Владычицы.

Камышлинцевъ промолчалъ.

— Да и помилуйте, чего бояться? Господь съ вами!—продолжала оправившаяся Арина Степановна успокоительно.

— Какъ чего?.. Вонъ она у васъ, племянница-то ваша, какая сердитая! — смѣясь, замѣтилъ Камышлинцевъ.

Арина степановна смутилась.—Нѣтъ, это она такъ! она вѣдь отходчива, — спѣшила разувѣрить тетка. — Разсердилась ужь очень вчера, что я васъ обезпокоила. За васъ же это она,—продолжала она успокоивать.— А ужь я-то цѣлую ночь плакала... плакала... — И у Арины Степановны опять показались слезы, но ужь слезы радости.

— Ну, да я ужь рѣшился, — сказалъ Камышлинцевъ.—А вы лучше, Арина Степановна, ее убѣждайте: она вотъ меня боится, и когда я ей предложилъ, то не рѣшалась выдти за меня.

Арина Степановна посмотрѣла недоумѣвая на Камышлинцева и потомъ вдругъ воскликнула съ отчаяніемъ:—

Станется отъ нея, станется!. Ну ужь, вы меня извините, Дмитрій Петровичъ,—горячо начала она потомъ, глубоко обидясь и разводя руками:—либо мы отъ старости совсѣмъ оглупѣли, либо ужь нынѣ молодые стали больно умны, только я тутъ ровнехонько ничего не понимаю! Дѣвка влюбилась безъ памяти и цѣлые мѣсяцы—развѣ я не вижу?—какъ не своя ходитъ, наконецъ—и вымолвить страшно!—сама вамъ на шею вѣшается и честью своей не дорожитъ; а когда предлагаютъ ей въ законный бракъ вступить, она не рѣшается. Не пойму, батюшка, не пойму-съ! Въ голову мою глупую помѣстить этого не могу!—говорила она горячась. Въ это время раздался стукъ подъѣзжающаго экипажа и вдругъ гнѣвъ Арины Степановны мгновенно исчезъ.

— Она это должно быть! — шепотомъ сказала тетка. Дмитрій Петровичъ,—продолжала она торопясь,—я къ вамъ еще съ просьбой великой. Ужь вы сдѣлайте одолженіе, коль желаете законъ соблюсти, то напишите и братцу Ивану Степановичу, сдѣлайте ему честь и спросите его согласія. Все-же вѣдь отецъ... Ужь я на васъ только надѣюсь, а та безумная-то пожалуй...

Но въ это время послышались шаги, взошла Анюта и Арина Степановна вдругъ умолкла.

— Ба, ты здѣсь! — сказала Анюта, подавая руку Камышлинцеву.

— А ты что, злая, мучила тетку и ничего не говорила ей цѣлый день? спросилъ онъ.

Арина Степановна хотѣла прикинуться огорченной, но не выдержала: она смотрѣла на Анюту, а у самой глазки такъ и прыгали.

— А затѣмъ, — сказала Анюта, — чтобы она впередъ поменьше любила меня. — И она весело обняла замирающую отъ счастья тетку.

Не все однако выполнялось такъ, какъ желала добрая Арина Степановна. Во первыхъ, племянница запретила ей кому-либо говорить о свадьбѣ. — Терпѣть не могу этихъ поздравленій да улыбочекъ, — сказала она и тетка послѣ испытанной передряги боялась и во снѣ проговориться объ этомъ. „Еще пожалуй разсердится да откажетъ", подумала она. Вообще она считала племянницу не то помѣшанной нѣсколько, не то ужь больно умной, — что не мѣшало ей и бояться, и обожать ее.

Она дозволила себѣ только одно: перебывала у всѣхъ своихъ пріятельницъ и при этомъ была такъ торжественна, говорила такъ загадочно и таинственно, что тѣ непремѣнно рѣшили, что у Барсуковыхъ необыкновенное что нибудь да есть! Пробовали закидывать онѣ вопросы „а что ваша Анна Ивановна и какъ поживаетъ?" но получали отвѣты, что „слава Богу! а что впрочемъ дѣвка не маленькая, своимъ умомъ живетъ и, благодаря Господа, взаймы его ни у кого не попроситъ" и пр.

Во вторыхъ, отцу Анюты Камышлинцевъ дѣйствительно написалъ и отъ него получено было благословеніе. Старикъ спрашивалъ, когда свадьба, и хотѣлъ съ женой пріѣхать на нее, но свадьба вышла какъ-то негаданно. „Зашелъ разъ Дмитрій Петровичъ послѣ обѣда за Анютой, пошли гулять, и платье-то на ней было завсегдашнее — разсказывала Арина Степановна, — и потомъ воротились съ двумя молодыми людьми, ве-

лѣли подать шампанскаго, да и говорятъ, что они обвѣнчались!“ Даже усумнилась Арина Степановна, но, наведя справки, удостовѣрилась, что дѣйствительно свадьба была и ее случайно видѣли даже посторонніе. А затѣмъ въ тотъ же день молодые собрались, „точно кто гонитъ ихъ!“ — говорила она, — да и уѣхали въ Камышлиновку, оставя магазинъ на рукахъ своей пріятельницы и тетки.

— Все это у насъ не по людски дѣлается, — ворчала Арина Степановна, но такъ тихо, что сама боялась услышать, и прибавляла: — ну, да слава Богу! все-таки ужь крѣпко и честно, — и совершенно была счастлива. За то поздравляющимъ пріятельницамъ она съ скромностью великодушнаго побѣдителя говорила, что „все это у нихъ давно было слажено, но такъ какъ ее просили не говорить, такъ она молчала, предоставляя злымъ языкамъ сплетничать, сколько угодно. „Къ чистому не пристанетъ, матушка, думала я, а собаки лаютъ, вѣтеръ носитъ!“ А „лаявшія собаки“ подтверждали: „извѣстно, матушка! извѣстно!“

Но что повѣдала Арина Степановна наединѣ истинному своему другу, толстой купчихѣ, это осталось до сихъ поръ не разоблаченной тайной.

Пробывъ съ мѣсяцъ въ Камышлиновкѣ, молодые воротились въ Велико-Ѳедорскъ. Анютѣ нужно было воротиться къ занятіямъ по магазину, а Камышлинцеву давно надоѣло жить въ деревнѣ, стоящей въ сторонѣ отъ большой дороги и города, куда почта доходила два раза въ недѣлю. Онъ роздалъ землю въ наемъ крестьянамъ, а самъ купилъ у Вахрамѣева знакомую намъ подгородную усадьбу съ небольшимъ кускомъ зем-

ли и поселился въ ней съ молодой женой, хотя она на цѣлые дни уѣзжала отъ него въ магазинъ.

—

Весну 1866 года мнѣ пришлось провести на Соденскихъ водахъ. Соденъ лежитъ въ получасѣ ѣзды отъ Франкфурта на Майнѣ. •Мѣстечко это небольшое, воды на немъ скверненскія и серьезныя, игры нѣтъ, слѣдовательно, съѣздъ на нихъ небольшой. Желѣзная дорожка верстъ въ двѣнадцать примыкаетъ на нервой отъ Франкфурта станціи Гехстъ къ большой Таунской дорогѣ и соединяетъ Соденъ съ бѣлымъ свѣтомъ; лѣтомъ по ней ходятъ маленькіе поѣзды въ одинъ, два вагона, а зимой вовсе не ходятъ и только въ праздничные дни ватага небогатыхъ и не играющихъ франкфуртцевъ наѣзжаетъ въ Соденъ провести день im Grünen; богатые же и играющіе валятъ въ Гомбургъ, Висбаденъ и прочія громкія мѣста. Впрочемъ, для строгаго леченія мѣстечко это очень хорошо. Группа домовъ, которые почти всѣ съ садиками и всѣ безъ исключенія съ квартирами для пріѣзжающихъ, чистенькіе, удобные—стоитъ у подножья горы по обѣ стороны шоссе, которое ведетъ во Франкфуртъ и поднимается прямой линіей въ гору. Минеральные источники разбросаны по всему мѣстечку, но около кургауза, въ которомъ, впрочемъ, никакихъ водъ не пьютъ,—играетъ скромный оркестръ и разбитъ порядочный паркъ съ прелестной каштановой аллеей и душистымъ жасминомъ и акаціей; весной, когда они цвѣтутъ, въ аллеяхъ почти нельзя ходить отъ силы ихъ сладкаго запаха. Въ этомъ паркѣ собираются къ вечеру всѣ болящіе и здоровые.

Съѣздъ въ этомъ году былъ небольшой; нѣмцамъ было не до того: грозная туча войны собиралась и нависла надъ страной. Но, не смотря на незначительность водъ и съѣзда, не смотря на сбирающуюся войну, не смотря, наконецъ, на то, что русскія бумажныя деньги падали съ быстротой твердыхъ тѣлъ, пущенныхъ сверху внизъ, и франкъ и гульденъ стали для насъ въ полтора раза дороже, — русскихъ все-таки набралось больше всѣхъ иностранцевъ, и русскимъ духомъ пахло-таки порядочно.

Былъ тутъ изъ нашихъ одинъ капитанъ въ злой чахоткѣ, который все жаловался, но не на чахотку, а на то, что онъ седьмой годъ капитаномъ и его не производятъ въ слѣдующій чинъ: онъ умеръ черезъ три недѣли. Былъ тутъ штабсъ-капитанъ въ такой же степени больной, который все хотѣлъ познакомиться съ этимъ капитаномъ, потому что тотъ служитъ въ штабѣ и можетъ оказать протекцію. Была одна петербургская дѣвица, эта—совсѣмъ здоровая (она пріѣзжала съ больной матерью), которая ихъ вполнѣ понимала, ужасно сочувствовала капитану въ томъ, что его не производятъ, и ужасно хлопотала, чтобы доставить штабсъ-капитану протекцію. Были и другіе болѣе пріятные соотечественники и соотечественницы. Между ними я познакомился съ однимъ,—называли его Иванъ Иванычъ. Иванъ Иванычъ былъ нашъ братъ помѣщикъ средней руки, очень добродушный, очень податливый. Во времена предшествовавшаго царствованія служилъ онъ въ военной службѣ, предавался волокитству и разнымъ эстетическимъ и не эстетическимъ наслажденіямъ; передъ Крымской войной почилъ на лонѣ деревни, но

при звукѣ трубы немедля вступилъ въ ополченіе; явилась манія на акціонерныя предпріятія,—онъ пустился въ акціонерныя общества и на нихъ нѣсколько потерпѣлъ; во время крестьянскаго дѣла былъ умѣреннымъ либераломъ и мировымъ посредникомъ; при пожарахъ вѣрилъ въ поджигателей; въ польскій бунтъ возненавидѣлъ поляковъ, потомъ презиралъ нигилистовъ, статьями которыхъ нѣкогда упивался, и затѣмъ сдѣлался истымъ патріотомъ, успокоился на мысли, что Россія вступаетъ на свой истинный путь, и по возвращеніи съ водъ хотѣлъ отправиться покупать имѣнье въ западныхъ губерніяхъ. Иванъ Иванычъ служилъ съ Камышлинцевымъ по крестьянскому дѣлу, очень любилъ его и разсказалъ мнѣ о немъ большую часть всего мною переданнаго.

Разъ въ одинъ хорошій весенній и свободный отъ ванны день, мы съ Иванъ Иванычемъ собрались съѣздить въ Висбаденъ. Позавтракавъ, мы отправились съ полуденнымъ поѣздомъ въ Гехстъ: подождали нѣсколько минутъ франкфуртскаго поѣзда и, пересѣвъ въ него, часа черезъ два были въ столицѣ Нассаусскаго Герцога. Пріѣхать съ маленькихъ водъ на большія игорныя все равно, что попасть изъ деревни въ столицу: шумная толпа гуляющихъ, блескъ туалетовъ, великолѣпный курь гаузъ съ игрой на шести столахъ, суета и бѣготня прислуги въ ресторанѣ — все возбуждаетъ, встряхиваетъ распущенность и патріархальность жителя не очень взыскательныхъ маленькихъ водъ. Мы потолкались между столиками и нарядной и чинной толпой, которая собиралась подъ тѣнь ресторана къ обычному часу прогулки. Я встрѣтилъ по обыкновенію нѣсколько знакомыхъ со-

отечественниковъ, съ которыми судьба имѣетъ привычку сталкивать меня разъ въ десять лѣтъ, очень обрадовались другъ другу и черезъ пять минутъ разстались— опять, можетъ, на нѣсколько лѣтъ или навсегда. Пообѣдавъ съ Иванъ Иванычемъ въ ресторанѣ, содержимомъ знаменитымъ парижскимъ рестораторомъ, котораго имя я забылъ, я прошелся по заламъ, гдѣ шла игра въ рулетку, и, добравшись до газетной, по скверной привычкѣ, тутъ и застрялъ. Иванъ Иванычъ застрялъ комнатой ближе попытать счастья въ рулетку. Въ Соденъ переѣзжаетъ на сезонъ маленькая библіотека съ десяткомъ газетъ изъ Франкфурта, но въ то время она еще не устроилась и я едва промыслилъ себѣ изъ нея двѣ французскія газеты: По этому любитель чтенія пойметъ, съ какой лихорадочной нетерпѣливостью я копался въ сотнѣ газетъ всѣхъ странъ, разложенныхъ на нѣсколькихъ столахъ.

Я отрылъ между ними двѣ русскія, спросилъ у библіотекаря нечитанные мною нумера — недѣли за двѣ. Пробѣжалъ оффиціальныя новости (слухи и новости, еще не опубликованные правительствомъ и о которыхъ наши бѣдныя газеты говорить не имѣютъ права, я прочелъ изъ иностранныхъ) и даже остановился на разсужденіяхъ передовыхъ статей, напоминающихъ своею развязностью диспуты семинаристовъ о всемогуществѣ Творца передъ лицомъ отца ректора и своими учителями. И, не смотря на то, скрытная русская жизнь, со всѣми ея сонными движеніями, сквозила мнѣ между скованныхъ строчекъ, — и мнѣ было отрадно и... досадно.

Дважды приходилъ ко мнѣ Иванъ Иванычъ, и, проигравъ всѣ свои деньги (онъ нарочно взялъ съ собой

не болѣе ста франковъ), бралъ у меня по золотому „на счастье“ и опять ихъ проигрывалъ. Наконецъ я усталъ и успѣлъ еще съ часъ побродить передъ прудомъ, встрѣтиться еще съ пріятелями, которыхъ не видалъ года, и послушать военный оркестръ австрійцевъ, пріѣхавшій въ одномъ съ нами поѣздѣ изъ Франкфурта. Человѣкъ сто музыкантовъ въ бѣлыхъ мундирахъ играли передъ публикой и каждую ихъ піесу покрывали шумныя рукоплесканія.—Они играли и не чувствовали, что, можетъ, въ послѣдній разъ потѣшали слухъ публики на этихъ водахъ, что черезъ недѣлю или двѣ имъ придется покинуть вольный городъ Франкфуртъ и — вещь не бывалая для австрійцевъ—унести съ собой свободу, не принеся ея впрочемъ на родину. Часу въ 5-мъ, не осмотрѣвъ парка и не нагулявшись даже порядкомъ, мы отправились съ Иваномъ Иванычемъ домой, потому что это былъ послѣдній поѣздъ, съ которымъ мы могли возвратиться къ ночи въ Соденъ: на маленькой соденской дорожкѣ часу въ 8-мъ вечера движеніе прекращается до утра. По обычаю ничего не дѣлающихъ русскихъ людей, мы ужасно торопились и чуть не опоздали къ отходу.

Отъѣзжающихъ было не много. Мнѣ удалось занять отдѣленіе, гдѣ еще никого не сидѣло, Иванъ Иванычъ хотѣлъ войти за мною, но оглянулся и вдругъ бросился къ кому-то изъ пассажировъ и трижды облобызалъ его. Произвести эту операцію ему было тѣмъ удобнѣе, что у бѣднаго пассажира обѣ руки были заняты вещами и онъ представлялся такимъ образомъ совершенно незащищеннымъ. Потомъ Иванъ Иванычъ обратился къ его

дамѣ, пожалъ ей руку, поюлилъ немного и бросился показывать имъ мѣсто.

По однимъ этимъ лобзаніямъ, совершаемымъ только русскими, я бы узналъ, что дѣло идетъ о встрѣчѣ съ соотечественникомъ, еслибы даже не услыхалъ русской рѣчи.

— Садитесь сюда, здѣсь совсѣмъ свободно! вотъ только одинъ нашъ землякъ,—говорилъ Иванъ Иванычъ, указывая на меня, — и уже готовился меня представить, но, вѣроятно вспомнивъ мою рѣшительную просьбу разъ навсегда—меня ни съ кѣмъ не знакомить, остановился.

Затѣмъ въ вагонъ вошла молоденькая дама, ея спутникъ и Иванъ Иванычъ: послѣдній захлопнулъ дверку и такъ свирѣпо посмотрѣлъ на одного нѣмца, хотѣвшаго было сѣсть, и такъ повелительно закричалъ ему „кейнъ-пляцъ“, что тотъ немедленно отошелъ.

Вскорѣ поѣздъ тихо двинулся, и мы отправились. Дама, на которую я прежде всего, разумѣется, обратилъ вниманіе, была высокая брюнетка, съ большими ясными и живыми глазами и умнымъ красивымъ лицомъ. Ея спутникъ былъ блондинъ, лѣтъ тридцати, съ небольшой мягкой бородой и усами, съ темносѣрыми задумчивыми, не то уставшими, не то скучающими глазами; лицо пріятное, не блѣдное, но безрумяное, какъ у большей части русскихъ, съ чертами мягкими, которымъ едва уловимая игра складокъ около рта и глазъ придавала множество тонкихъ измѣненій.

Вообще казалось, это былъ человѣкъ нервный, можетъ быть, съ раздраженной желчью, порой негодующій и ненавидящій, но, какъ человѣкъ русскій, рѣшительно лишенный того, что нынѣ называютъ „спасительной

злобой“ и на что появился запросъ съ совершенно различныхъ сторонъ. Можно было бы думать также, что это человѣкъ мягкій, но только горяченькій: но лобъ у него былъ хорошо развитый, умный и серьезный и въ глазахъ, не смотря на ихъ нѣсколько апатичное и усталое—можетъ, вслѣдствіе дороги — выраженіе, просвѣчивала твердость и увѣренность.

Я былъ очень доволенъ встрѣчей, потому что вообще люблю наблюдать моихъ земляковъ за границей. Нигдѣ такъ хорошо не видны наши особенности и тонкіе оттѣнки характера, какъ среди совершенно чуждыхъ лицъ и склада жизни. На этотъ разъ я былъ еще довольнѣе тѣмъ, что встрѣченные принадлежали къ тому разряду людей, которые даются не сразу и наблюдать которыхъ заманчиво, а общее впечатлѣніе для нихъ выгодно. Мужчина мнѣ показался, противъ обыкновенія, болѣе утонченъ въ обращеніи и болѣе нервенъ, нежели его красивая и живая спутница. Эта утонченность встрѣчается иногда у англичанъ, но еще болѣе у южно-американцевъ, и далась намъ, кажется, какъ наслѣдіе крѣпостнаго права: это не просто благовоспитанность, но благовоспитанность, выросшая среди приниженнаго класса.

— Такъ-то, мой любезнѣйшій Дмитрій Петровичъ (читатель вѣроятно также, какъ и я, вскорѣ узналъ Камышлинцевыхъ), вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! Давно ли вы изъ нашихъ благословенныхъ странъ?

— Только-что выбрался, — отвѣчалъ Камышлинцевъ; — ѣду пока въ Швейцарію, да вотъ заѣхалъ воды посмотрѣть и дня два здѣсь прожилъ. Какъ я васъ утромъ не встрѣтилъ?

— Да глупость: въ рулетку игралъ! — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, и поспѣшилъ замять рѣчь. — Такъ вы на долго въ Швейцарію?

— Нѣтъ, только вотъ ей показать озера хочется, а тамъ во Францію и Бельгію нужно.

— Значитъ, вы не просто катаетесь, а предположенія у васъ есть? — продолжалъ спрашивать Иванъ Ивановичъ.

— Да, мы собственно за дѣломъ. Она въ Парижъ чтобы запастись товаромъ, да швейныхъ машинъ выбрать, а я ѣду къ суконному производству присмотрѣться. Вы знаете, я въ Вахрамѣевкѣ съ купцомъ Дудкинымъ фабрику суконную завелъ, т. е. завелъ болѣе Дудкинъ, потому что капиталъ-то его, да сразу у насъ споръ вышелъ. Я хотѣлъ, чтобы фабрика была, какъ фабрика, т. е. снабжена всякими усовершенствованіями,—а онъ мнѣ доказываетъ, что это не выгодно у насъ: „зачѣмъ, говоритъ, намъ тратиться, коль плохенькая-то больше денегъ дастъ!“

— Вотъ вздоръ! Ну, разумѣется, надобно ввести всѣ усовершенствованія и лучшія машины, — сказалъ съ увѣренностью Иванъ Ивановичъ.

— То-то, кажется, что не вздоръ, и онъ правъ,— отвѣтилъ Камышлинцевъ:— „намъ, говоритъ, не образцовую фабрику заводить, а чтобъ выгодна была“; а я все-таки хочу самъ къ дѣлу присмотрѣться.

— А вы не оставили вашего занятія? — обратился съ любезной улыбкой Иванъ Иванычъ къ дамѣ.

— Напротивъ, расширила,—отвѣчала она.—У меня теперь при магазинѣ женская рукодѣльная школа.

— Ну, и разумѣется школа грамотности и прочаго? — подсказалъ Иванъ Иванычъ.

— Вотъ прочаго-то и нѣтъ, — улыбаясь, сказала Анюта; — да и грамотность-то между дѣломъ: учатся только читать, писать, да считать. Много хлопотъ съ открытіемъ школы-то грамотности.

Иванъ Иванычъ былъ идилликъ и во всемъ любилъ, чтобы было, какъ въ книжкахъ пишутъ. Я по его лицу видѣлъ, что отступленія отъ этихъ книжныхъ правилъ ему не понравились; но на радости встрѣчи онъ этого не высказывалъ.

— Ну, а что у насъ подѣлывается? Какъ живется? Я вѣдь два года, какъ изъ матушки-то уѣхалъ, да по нѣмцамъ таскаюсь.

— Ничего, все, слава Богу, въ колею входитъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ. — Помните Берендѣева, который взятки перестал было брать, говорилъ — „несовременно“? Нынче при мнѣ Самокатовъ, знаете, съ своей безцеремонностью, его спрашиваетъ: „что — гововоритъ — Берендѣй, разрѣшилъ?“ и рукой показалъ этакъ; тотъ на него такъ и налетѣлъ. — „Да-съ, говоритъ, беру! беру, сударь! кричитъ во все горло; — это подлецы нигилисты выдумали не брать; а я, говоритъ, беру. Меня теперь въ неблагонамѣренности никто не заподозритъ!..“ И кажется, ужасно ему досадно, что года три даромъ потерялъ.

Иванъ Иванычъ разсмѣялся, но нехотя.

— Кстати о нигилистахъ! — Ну, а что этотъ, помните... какъ его? Благомысловъ что ли, что у васъ былъ. Что съ нимъ за исторія была?

— Просьбы онъ крестьянамъ писалъ, ходатаемъ былъ у нихъ и заподозрѣнъ въ возбужденіи недовольства. Увезли его въ Петербургъ, а далѣе не знаю, что съ нимъ.

— Мытищевъ какъ поживаетъ, Иванъ Сергѣевичъ, съ Ольгой Ѳедоровной?—продолжалъ распрашивать мой спутникъ.

— Онъ въ деревнѣ живетъ, а она въ Петербургъ ѣздила, а теперь, кажется, за границей.

— Гм! Такъ они не вмѣстѣ? А графъ Гогенфельдъ?—лукаво улыбаясь, спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Его тоже давно нѣтъ у насъ, а гдѣ онъ, не умѣю вамъ сказать, — отвѣчалъ спокойно Камышлинцевъ.

У жены его по губамъ пробѣжала улыбка, и она отвернулась и стала смотрѣть въ окно.

Иванъ Иванычъ еще распрашивалъ неумолчно про другихъ знакомыхъ. Мы остановились въ Кастелѣ, у извѣстнаго майнцскаго tête de pont, и засмотрѣлись на Рейнъ, на плашкоутный мостъ въ полверсты, который тянулся по немъ къ Майнцу. Когда мы отъѣхали, разговоръ опять возобновился; но какъ знакомые Ивана Иваныча, кажется, всѣ были перебраны, то онъ перешелъ на общіе вопросы.

— А посредниковъ мало осталось прежнихъ отъ нашего времени?—спросилъ Иванъ Иванычъ.—А хорошій былъ народъ! Духъ, духъ былъ прекрасный,—говорилъ онъ, поддаваясь привычкѣ похвалить свое время и поблагодушествовать.

— Нынче измѣнился много образъ ихъ занятій,—замѣтилъ Камышлинцевъ;—и мнѣ случилось слышать

ихъ сожалѣнія, отчего эта служба не считается службой коронной и за нее не идутъ чины.

— Ну нѣтъ,—возразилъ горячо Иванъ Иванычъ, — въ наше время этого не было: мы о чинахъ не думали.

— И, можетъ быть, дурно дѣлали,—замѣтилъ Камышлинцевъ.

Иванъ Иванычъ посмотрѣлъ на Камышлинцева съ недоумѣніемъ: онъ не зналъ, подсмѣивается ли онъ, или говоритъ не шутя.

— А знаете, Дмитрій Петровичъ?—сказалъ онъ,— вы на мой взглядъ постарѣли и какъ будто не здоровы: видъ у васъ не хорошъ.

При этихъ словахъ Анюта обернулась и посмотрѣла на мужа: безпокойство мелькнуло въ ея глазахъ.

— Вы, Иванъ Ивановичъ,—какъ моя старуха кормилица, — улыбаясь, отвѣчалъ Камышлинцевъ: — та, только меня увидитъ, какъ и начнетъ: „ахъ, какъ ты, родной, постарѣлъ, да какъ ты подурнѣлъ“. — Разумѣется, постарѣлъ!—прибавилъ онъ,—четыре года лишнихъ: отъ нихъ не помолодѣешь.

— Нѣтъ, все-таки,—продолжалъ настаивать Иванъ Иванычъ. — Вѣдь тогда у васъ было пропасть дѣла, заботъ, непріятностей, а все-таки вы были живѣе, молодцоватѣе. Нѣтъ, вамъ бы посовѣтоваться надо съ докторами да и полечиться, водъ какихъ-нибудь попить.

— Я здоровъ,—отвѣчалъ Камышлинцевъ.—А можетъ, оттого казался я вамъ бодрымъ, что тогда дѣятельность была... Вотъ и теперь примазываюсь къ фабрикѣ, да все еще не втянулся.

— Ну, чтожъ дѣятельность! Развѣ ея мало? Положимъ, хозяйство васъ не занимаетъ: ступайте на служ-

бу, ну въ земство, мало ли что можно придумать! государство сплотняется, преобразуется, намъ нужны люди и люди, дѣла полонъ ротъ, а вы говорите: дѣла нѣтъ!

Камышлинцевъ улыбнулся.

— Вы за границей, кажется, другой годъ и много изъѣздили Европы: что нашихъ, довольно по ней шатается?—спросилъ онъ.

— Чего довольно! помилуйте—полки! кучи! Деньги таютъ просто видимо: вотъ въ вашей рукѣ таютъ! хозяйство разваливается, а наши какъ изъ избы тараканы валятъ, когда ихъ морозить начнутъ!

— Ну, а какъ вы думаете, поѣхали ли бы они всѣ, еслибы дома было дѣло, которое бы ихъ занимало и привязывало? А вѣдь это только люди съ порядочными средствами, а сколько этакихъ дома-то у насъ безъ средствъ осталось? Вѣдь это все нигилисты, настоящіе и самые опасные,—нигилисты, если ничего не отвергающіе, то за то и ничего не дѣлающіе! Знаете ли, что это наша самая могучая оппозиція!

— Чтожъ прикажете дѣлать, если это у насъ въ характерѣ!—возразилъ Иванъ Иванычъ,—если мы родились этакими увальнями и лежебоками! Кажется уже, правительство, на которое мы любимъ все сваливать,—грѣшно нынѣ винить! Реформа идетъ за реформой, все переправляется, чинится, передѣлывается; промышленность, торговлю — все стараются возбудить и поощрить, а мы — общество, народъ, земля — мы лежимъ да черезъ пень колоду валимъ! Кто же виноватъ? Чего же намъ недостаетъ?

Камышлинцевъ промолчалъ.

— Да нѣтъ, вы скажите,—приставалъ Иванъ Иванычъ,—ну, чего по вашему?

— Да видно, — духа жизни, коль мы все дремлемъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ съ своей небольшой улыбкой.

Иванъ Иванычъ былъ нѣсколько озадаченъ, кажется, этимъ отвѣтомъ и вдумывался, что это за штука „духъ жизни“. Онъ вѣроятно не замедлилъ бы обратиться за поясненіями, но въ это время передъ нами мелькнули зданія, тормоза заскрипѣли, поѣздъ остановился и кондукторы прокричали: „Гехстъ! Соденъ!“ Я отворилъ дверцу и поспѣшилъ пересѣсть въ Соденскій поѣздъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Иванъ Иванычъ отъискалъ меня и сѣлъ. Онъ былъ не совсѣмъ въ духѣ и нѣкоторое время молчалъ. Мы двинулись.

— Ну, видѣли Камышлинцева? — спросилъ онъ, — какъ вы его нашли?

— Не совсѣмъ такимъ, какъ воображалъ, — отвѣчалъ я; — вообще, кажется, это характеръ сложный и не сразу дающійся; да цѣльный на его мѣстѣ и появиться еще не могъ. Тутъ и нервность, и бѣлоручныя привычки, и почти вся обстановка недавняго времени — и новыя требованія и стремленія: задатки силы, и хорошіе задатки, — на старой, да вдобавокъ еще и не оттаявшей почвѣ. У насъ недавно только начали появляться спеціалисты съ сознательной любовью къ своему дѣлу, начало открываться и поле для нихъ; а для людей, какъ Камышлинцевъ, выбивающихся изъ служилыхъ въ земскіе и не сдѣлавшихся изъ помѣщиковъ землевладѣльцами — поле-то еще не очистилось и они остаются какими-то диллетантами труда; работаютъ они

урывками, гдѣ случится; старыя дрожжи ихъ ненавидятъ, молодые спеціалисты смотрятъ на нихъ съ легкимъ презрѣніемъ, — чиновный людъ подозрѣваетъ и ревнуетъ. А вообще это, какъ говорится, продуктъ, хоть отнюдь не герой, своего времени, и положеніе его весьма не завидно: припомните, сколько совершенно разнородныхъ условій и теченій вліяло на развитіе этихъ людей и въ какой обстановкѣ приходится имъ дѣйствовать.

— Э, полноте! просто, между нами сказать, безпокойный человѣкъ, — недовольно возразилъ Иванъ Иванычъ; — прекрасный, образованный и добросовѣстный человѣкъ, да безпокойный: барченокъ избалованный. Кажется, все есть: молодъ, здоровъ, порядочное состояніе и хорошенькая жена — и все недоволенъ! Дѣла, видите, нѣтъ для него! Такой ужь безпокойный характеръ: отъ этого нигдѣ и не дослужилъ.

Но я немного утомился и мнѣ лѣнь было возражать, да на Соденской дорогѣ много и не наговоришь. Черезъ пять минутъ мелькнула бесѣдка моего садика, мы остановились и разстались съ Иваномъ Иванычемъ.

Тутъ мы и съ тобой разстанемся, читатель.

1866—1867.
Ницца.—Буруновка.

ОПЕЧАТКИ, ИЗМѢНЯЮЩІЯ СМЫСЛЪ:

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДОВАЛО
15	17	діаконъ	священникъ
20	27	діаконъ	священникъ
21	2	діаконъ	священникъ
24	19	останемся	останешся
106	13	само	именно
116	4	Лешаковымъ	Лошаковымъ
120	19	смекаетъ	смекалъ
127	1	разъ	раз-
147	3	есть:	есть
151	7	примѣнясь	примѣняясь
159	2	одна; ть	одна ты
174	1	паректически	практически
—	14	тогда!	тогда
243	24	сановникъ	сангвиникъ
269	18	это объяснилось	тѣ объяснили все
299	19	ихъ	ее
318	20	посмѣивается	подсмѣивается
332	14	заскрипѣла	захрипѣла
365	5	смирно	мирно
367	18	высказать	выказать
371	6	и	но
418	26	сущая	сухая
420	2	судороги	судорога
447	27	логикой, взглядомъ	логикой взглядовъ
456	28	rond-pant	rond-point
463	21	дѣятельный	дѣльный
—	24	не знающій	не незнающій